

ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.,
Архипова Е.В., Курилла И.И., Назарова М.П.

ДЕТСТВО И ВОЙНА:

**КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ,
МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ И ПРАКТИКИ
ВЫЖИВАНИЯ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

(на материалах Сталинградской битвы)

Волгоград 2015

УДК 94(47).084.8-053.2
ББК 63.3(2Рос-4Вог)622,12-284.1
Д 38

Издание осуществлено в рамках проекта РГНФ № 14-31-1203-а (ц)
«Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации,
стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны»

Рецензенты:

Е.С. Сенявская доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;
М. Н. Потемкина доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей
истории Магнитогорского государственного технического университета им. Носова

**Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В.,
Курилла И.И., Назарова М.П.**

Д 38 Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практи-
ки выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материа-
лах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина
[и др.]; Южный научный центр Российской академии наук. — Волгоград:
Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. — 336 с.

ISBN 978-5-7786-0585-5

Монография посвящена историко-антропологическому исследованию
проблемы военного детства, которая рассматривается на материалах Ста-
линградской битвы. Основную часть этих материалов составили интервью,
собранные в 2014-2015 гг. в г. Волгограде (всего было опрошено 264 челове-
ка), дополненные ранее опубликованными воспоминаниями и архивными
материалами.

Авторский коллектив сосредоточил свое внимание на таких проблемах,
как критерии определения военного детства, особенности детского воспри-
ятия войны, детские стратегии и практики выживания и преодоления воен-
ного насилия, формирование памяти о войне, культура детской
повседневности в условиях Сталинградской битвы.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, ас-
пирантов, студентов и всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47).084.8-053.2
ББК 63.3(2Рос-4Вог)622,12-284.1

ISBN 978-5-7786-0585-5

© Коллектив авторов, 2015
© Волгоградский филиал
ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015
© Южный научный центр РАН, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕТСТВА.....	7
1.1. Историография военного детства: основные подходы и направления	7
1.2. Сталинградское детство в исторических источниках.....	19
1.3. Методика проведения опроса детей Сталинграда и его результаты.....	31
Глава 2. СТАЛИНГРАД КАК МЕСТО «ДЕТСКОЙ ПАМЯТИ»	43
2.1. Сталинград как место памяти о Великой Отечественной войне: события и символы	43
2.2. Образ города в детских воспоминаниях.....	59
2.3. Хранители памяти: музеи и общественные организации «детей войны»	70
Глава 3. ДЕТСТВО И ВОЙНА В СТАЛИНГРАДЕ	84
3.1. Сталинградское военное детство: границы, особенности, возрастные группы	84
3.2. Особенности детского восприятия войны	96
Глава 4. ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ВОЕННОГО НАСИЛИЯ	106
4.1. Усилия взрослых по спасению и сохранению детей.....	106
4.2. Детские практики выживания и преодоления войны	122
Глава 5. МИР ВЕЩЕЙ И КУЛЬТУРА ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.....	146
5.1. Повседневность и мир вещей в условиях военной экстремальности	146
5.2. Дом: жилье и убежище	156
5.3. Еда и пищевые практики	171
5.4. Одежда	189
Глава 6. ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ.....	205
6.1. В «ближнем кругу»: семья и соседи	205
6.2. Школа и школьная жизнь	220
6.3. Образы врага в детских воспоминаниях	242
Глава 7. В ЭВАКУАЦИИ, ЛАГЕРЯХ И СКИТАНИЯХ	254
7.1. Пути ухода из города	254
7.2. В эвакуации	268
7.3. Белая Калитва	272
ПОСЛЕСЛОВИЕ	294
БИБЛИОГРАФИЯ.....	297
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	330

Предисловие

«Дети и война», пожалуй, одна из наиболее эмоционально окрашенных и с трудом поддающихся беспристрастному анализу тем в изучении истории Великой Отечественной войны. И дело не только в возрасте ее невольных участников, силой обстоятельств ввергнутых в водоворот не по-детски страшной трагедии. На протяжении длительного времени военное детство с трудом вписывалось в героический нарратив «большой войны», а опыт ее переживания детьми и подростками так и не стал частью культурной памяти российского общества. Несмотря на солидные, казалось бы, историографические заделы и публикации детских воспоминаний, в исследовательском отношении военное детство все еще остается во многом слабо освоенной территорией. Между тем негероическая жизнь и обыденность существования человека в условиях военного времени все чаще оказываются в поле зрения современного историка. Именно с ними он связывает разработку дальнейших исследовательских траекторий и маршрутов освоения пространства Великой Отечественной войны. Пространства, в котором все его участники и свидетели, вне зависимости от возраста и степени сопричастности к войне, становятся равноправными творцами знания о событиях того далекого времени. Знания, складывающегося на пересечении извилистых троп современной историографической практики, коллективной и индивидуальной памяти, в том числе и тех, кто встретил и пережил войну в детском возрасте.

Необходимость разработки этой темы, ее актуальность напрямую связаны также и с непрекращающимися военными конфликтами, жертвой которых становится мирное население, в первую очередь дети и женщины. Современные вооруженные конфликты в Африке и на Ближнем Востоке, помимо этого, породили проблему вербовки детей и использования их в качестве военной силы. А последние события на Украине сделали жертвами артобстрелов женщин и детей — граждан этой страны.

В последнее время в изучении исторических проблем все большее распространение в зарубежных и отечественных исследованиях получает антропологический подход. Ученые все чаще пишут о положительном опыте антропологизации истории войн, указывая на то, что методы этнологии, исторической и культурной антропологии, эволюционной биологии, с одной стороны, позволяют изучать вневременные явления — антропологические константы в отношении человека к войне, а с другой стороны, выводы и обобщения в рамках этих дисциплин делаются с учетом исторического развития¹. Опыт изучения антропологических констант (например, поведенческих стереотипов) оказывается важным применительно к таким стабильным факторам общественной и политической жизни, как война, так как в определенном смысле она формирует и самого человека, и общество, оказывает масштабное влияние на состояние общественного сознания и формы жизнедеятельности отдельных людей на десятилетия вперед.

¹ Лангевитше Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 9.

В рамках антропологического подхода война определяется как «систематическое коллективное убийство членов своего вида»¹, при этом, как особо акцентирует Д. Лангевише, война предстает «не как генетически предустановленное, а как возможное по генетическим основаниям культурное действие, служащее достижению определенных целей, которые, в свою очередь, имеют культурные корни»². Именно на изучение этих культурных корней, а также культурно обоснованных поведенческих стереотипов участников и жертв военных действий направлен антропологический подход к изучению войн.

Историки обычно рассматривали войны как межгосударственные акты коллективного насилия. Этот государствоцентричный подход к истории войн стал преодолеваться в последние десятилетия, но особенно ярко это проявлено именно в антропологических исследованиях, направленных на изучение положения на войне и отношения к войне различных возрастных, социальных, национальных, религиозных и других групп, которые рассматриваются не только как объекты государственной военной политики, но и как активные ее участники (*ср.* другое определение войны, данное Е. Оривалом: «Война является когнитивно-эмоционально мотивированным и структурно организованным действием агрессии или самозащиты одной организованной группы против другой»³).

Предлагаемый нами взгляд на проблему «дети и война» фокусируется на стыке следующих направлений: антропология экстремальных ситуаций (войны, катастрофы) и антропология возраста (детства). Многолетние исследования этнологов, культурологов, психологов и социологов показали, что детство представляет собой изменяемый во времени и пространстве социокультурный конструкт, в механизме формирования которого принимают активное участие и сами дети, и взрослые; он непосредственно зависит от исторических условий, в которых происходит это конструирование, но в основе конструкта под названием «детство», безусловно, лежат и некие вневременные культурные константы, собственно и определяющие различия между взрослым и детским мирами.

В период войн и в других кризисных условиях мир детей и вся система взаимоотношений «взрослые-дети» претерпевают серьезные трансформации. И в период тяжелейших испытаний периода Великой Отечественной войны в обществе формировались новые отношения к детям, требования к ним, ожидания от них, связанные с экстремальностью ситуации. Представляется важным выяснить, как реагировал сам мир детства на чрезвычайные условия, какие включал механизмы самосохранения и выживания, какие элементы этого механизма были переменными величинами, а какие сохранялись в качестве временных констант; выявить особенности детского восприятия войны; исследовать детскую военную повседневность. Эти и другие вопросы определяют проблематику «детской территории» в условиях войны и шире — антропологии военного детства, рамки которого до настоящего времени окончательно еще не очерчены, а сама тема нуждается в основательной проработке.

¹ Orywal E. Krieg als Konfliktaustragungsstrategie — Zur Plausibilität von Kriegsursachentheorien aus kognitions-theoretischer Sicht // Zeitschrift für Ethnologie. 1996. No. 121. P. 1–48.

² Лангевише Д. Указ. соч. С. 11.

³ Orywal E. Krieg als Konfliktaustragungsstrategie. S. 4.

В основу этой книги положены воспоминания тех, кто пережил в детстве одно из самых кровопролитных сражений — Сталинградскую битву. Интервью с ними позволили проанализировать не только тот пласт событий, к которому редко прежде обращались историки (положение мирного населения в условиях военной катастрофы, детская военная повседневность и пр.), но и действие механизмов социокультурной и психологической адаптации детей к чрезвычайным условиям войны и разрухи; выявить особенности формирования памяти о войне у детей и подростков и исследовать процесс трансформации детских воспоминаний о войне в условиях советской и постсоветской действительности. Временная перспектива опросов была ограничена периодом войны и первого послевоенного десятилетия, позволяя, тем самым, выявить механизмы и основополагающие факторы витальности того поколения, которому предстояло жить в послевоенном мире и стать основным транслятором памяти о войне. Наряду с этим, широко привлекались к анализу ранее опубликованные воспоминания, архивные документы и другие материалы.

Авторы книги выражают огромную благодарность всем, кто согласился принять участие в интервьюировании и, отдельно, тем, кто помогал в организации и проведении этого процесса: Т.В. Суховеровой, Ю.В. Горда, П.Ф. Ерошенко-ву, Х.Н. Латту, Г.Ф. Иларьевой. Мы благодарны всем, кто осуществлял интервьюирование и дешифровку собранных материалов: А.В. Аксеновой, Д.Ф. Ахадовой, Ю.О. Байгазовой, Д.Я. Верховых, Е.Ю. Губенко, А.Э. Гребневой, Я.В. Гейворонской, А.Д. Ильиной, А.К. Коноваловой, А.А. Колесниковой, А.В. Когитиной, В.Е. Мирошниковой, А.Ю. Косовой, Н.В. Калачевой, А.Е. Новиковой, Е.А. Лисовой, Е.А. Марусиной, Е.А. Михеевой, Е.В. Мишановой, Т.В. Нелину, М. Пономаревой, Е.Ф. Парубочей, Е.А. Попковой, А.В. Полтарецкой, А.П. Пивоваровой, А. Рыбалкиной, Л.М. Решетниковой, Е.И. Самигулиной, Д.А. Сорокиной, Ю.В. Степанченко, Ю.В. Смирновой, О.С. Терентьевой, В.В. Ткачевой, Я.Ф. Чижовой, К.К. Шутовой, Н.А. Шавловской, А.Д. Шестаковой, Л.А. Фалалеевой (Ильиной).

Особую признательность выражаем методисту Волгоградской станции детского и юношеского туризма и экскурсий, руководителю музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда» Л.А. Бондаренко, начальнику отдела использования и социально-правовой информации Центра документации новейшей истории Волгоградской области Н.А. Насоновой и заместителю директора Государственного архива Волгоградской области В.М. Кадашовой.

Авторами разделов являются:

ПРЕДИСЛОВИЕ — М.А. Рыблова

ГЛАВА 1: 1.1. — Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, М.А. Рыблова; 1.2. — Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, И.И. Курилла; 1.3. — Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, И.И. Курилла, М.А. Рыблова, Е.В. Архипова.

ГЛАВА 2: 2.1. — Е.Ф. Кринко; 2.2. — М.П. Назарова; 2.3. — Е.Ф. Кринко.

ГЛАВА 3: 3.1. — М.А. Рыблова; 3.2. — М.А. Рыблова.

ГЛАВА 4: 4.1. — М.А. Рыблова; 4.2. — М.А. Рыблова, М.П. Назарова.

ГЛАВА 5: 5.1. — М.А. Рыблова; 5.2. — Е.Ф. Кринко, М.П. Назарова; 5.3. — М.А. Рыблова;

5.4 — М.А. Рыблова.

ГЛАВА 6: 6.1. — Е.Ф. Кринко; 6.2. — Е.В. Архипова; 6.3. — И.И. Курилла.

ГЛАВА 7: 7.1. — Е.В. Архипова; 7.2. — Е.В. Архипова; 7.3. — Е.В. Архипова.

ПОСЛЕСЛОВИЕ — Е.Ф. Кринко, М.А. Рыблова.

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

1.1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННОГО ДЕТСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

История изучения военного детства насчитывает не одно десятилетие и не один десяток наименований работ, но только в последние годы эта проблема превратилась в широко разрабатываемое самостоятельное исследовательское направление, о чем свидетельствует появление первых специальных историографических обзоров¹. Анализ сложившейся в отечественной историографии проблемы позволяет выделить два этапа в ее развитии — советский и постсоветский, существенно различающиеся не только по своей длительности, но и по содержанию. Первый насчитывает почти пять десятилетий — с момента начала войны и до распада СССР — сопровождается значительными изменениями в исторической и архивной политике, снятием цензурных ограничений и рассекречиванием документов (1941 г. — нач. 1990-х гг.). Он характеризуется определенной общностью оценок и подходов, значительным воздействием на них идеологии, сказывавшейся на выборе исследовательских приоритетов, источников и используемой терминологии. Второй этап в два раза короче по своей длительности (с нач. 1990-х гг. по настоящее время), но отличается большим разнообразием исследовательских методов и подходов, интерпретаций и оценок.

Первые публикации, рассказывающие о детях военного времени, появились непосредственно в годы Великой Отечественной войны и в большинстве своем представляли газетные и журнальные заметки, очерки и статьи. Во многих из них рассказывалось о героизме детей и подростков на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. В послевоенные годы эта тема получила дальнейшее отра-

¹ См.: *Кринко Е.Ф.* Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31; *Его же.* Дети и война (1941–1945 гг.): отечественная историография // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сб. статей. Ростов н/Д., 2014. С. 77–88; *Кринко Е.Ф., Курилла И.И., Рыблова М.А., Хлынина Т.П.* Детство Великой Отечественной: историография, память, проблемы поля // Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014. С. 6–17 и др.

жение в специальных работах, в основном популярного характера¹. В них подчеркивалось, что несовершеннолетние граждане СССР активно участвовали в борьбе с врагом — становились воспитанниками боевых частей и соединений, связными, разведчиками, подпольщиками и партизанами, юнгами на кораблях. Мотивами участия в войне считались исключительно патриотические чувства, при этом недооценивались особенности подростковой психологии и роль неблагоприятных социальных факторов.

К середине 1960-х гг. в СССР в основном сформировался общесоюзный пантеон пионеров-героев, образы которых использовались в воспитательной работе как примеры высокой нравственности и патриотизма. При этом массово тиражировались описания подвигов нескольких подростков, получивших наиболее широкую известность. Как правило, они носили мифологизированный характер: юные герои наделялись несуществовавшими биографическими деталями, порой им приписывалось членство в комсомольской или пионерской организации, где они не состояли, появились и вымышленные персонажи. Некоторые участники войны получили региональную известность. В ряде публикаций рассказывалось и о подвигах несовершеннолетних жителей Сталинградской области — о разведчике Саше Филиппове², о ребятах из города Калача и хутора Вербовки Калачевского района, казненных оккупантами, и о других юных участниках войны³. В то же время имена многих детей и подростков, принимавших участие в Великой Отечественной войне, и их фронтовые судьбы оставались за пределами внимания не только широкой общественности, но и специалистов.

Во многих работах приводились факты работы детей и подростков в годы войны на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, на строительстве оборонительных сооружений. Отмечалось их участие в сборе средств в фонд обороны и на строительство боевой техники, в отправке посылок и теплых вещей фронтовикам, проявлении заботы о раненых советских военнослужащих в госпиталях и других формах помощи фронту. Указанные сведения приводились в фундаментальных трудах по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, советского общества и КПСС⁴, обобщающих трудах по истории пионерской

¹ Юность мужала в боях. М., 1966; Молодые герои Великой Отечественной войны. М., 1970; Орлята. Воронеж, 1970; Пионеры — герои. 3-е изд. Минск, 1972; *Агафонов А.Ф.* Повесть о Вите Черевичкине. Ростов н/Д., 1974; Герои в красных галстуках. Воронеж, 1974; Медаль за бой, медаль за труд. М., 1975; Сашина высота. Рассказы о пионерах-героях Дона. Ростов н/Д., 1975; *Агафонов А.Ф.* Боец ополчения. Повесть о Саше Чебанове. Ростов н/Д., 1978; Орлята Великой Отечественной. М., 1980; *Агафонов А.Ф.* Я вернусь с победой, мама. Повесть об Эдике Жмайлове. Ростов н/Д., 1981; *Шахов С.* Школа юнг ВМФ на Соловецких островах. Архангельск, 1981; Дети-герои. 2-е изд. Киев, 1985; *Котляр Э.С.* Войной опаленная смена. М., 1985; *Ленкова А.М.* Это было на Ульяновской. Документальная повесть. Ростов н/Д., 1985; Стояли со взрослыми рядом. Л., 1985; Дети военной поры. 2-е изд. М., 1988 и др.

² Прописаны в Волгограде навечно. Волгоград, 1975; *Толстиков А.* Ее звали Мария. М., 1990 и др.

³ *Гуммер И., Харин Ю.* Это было в Калаче. Волгоград, 1969; *Дроботов В.* Босоногий гарнизон. Волгоград, 1968; *Алексин А., Воронков К.* Человек с красным галстуком. М., 1972; *Очкин А.Я.* Иван — я, Федоровы — мы. М., 1973 и др.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. М., 1961–1965; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. V. Кн. 1; История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. М., 1973–1982; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10 и др.

и комсомольской организаций¹, а также отдельных советских республик, краев и областей в 1941–1945 гг. При этом не ставились и не рассматривались вопросы о специфике детства, дети фактически приравнивались к другим категориям населения, участвовавшим в войне.

В начале 1990-х гг. в связи с переоценкой ценностей в советском обществе стало меньше внимания уделяться теме детского героизма на фронте и в тылу. Тем менее за последние два десятилетия вышли новые работы, рассказывающие о судьбах прежде неизвестных юных участников войны, или дополняющие сведения о ранее известных, биографии которых насчитывали немало «белых пятен»². Методологические позиции их авторов, обычно руководствующихся стремлением воссоздать исторические события «как это в действительности было», опираясь на документы и отказываясь от каких-либо общетеоретических концепций, можно охарактеризовать как возвращение к позитивизму (или неопозитивизм). При этом приверженность коммунистической идеологии в объяснении мотивов ухода на фронт заменяет государственный патриотизм. Отдельные исследователи на основе рассекреченных документов и собственных расследований оспаривают факты официальных биографий пионеров-героев и само существование некоторых из них³. Другие анализируют текстологические особенности данных биографий, подчеркивая шаблонность в их описаниях и указывая среди источников пионерского героического нарратива опыт древнерусских житий святых⁴.

Широко освещались уже в годы войны вопросы, связанные с заботой советского государства о детях⁵. Но публикации военных лет носили преимущественно прикладной характер, имея целью обобщение практического опыта решения социальных проблем. Позже данным вопросам были посвящены специальные исследования. Их авторы охарактеризовали решения, направленные на улучшение детского питания, создание новых детдомов, суворовских и ремесленных училищ,

¹ Николаев В.И. Пионерская организация в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; Лебединский В.В. Подвиг юных. Пионерия в годы Великой Отечественной войны. М., 1975; Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. 2-е изд. М., 1978 и др.

² Барышев Г.Я. Орлята курской земли. Льгов, 1996; Мовзалеvский В.Я. Маленькие солдаты Отечественной. 1941–1945 гг. Ставрополь, 1995; Дети Отечества. Ставрополь, 2001; Лопаткин М.В. Соловецкая школа юнг Военно-Морского флота. Архангельск, 2002; Бугров Ю.А. Юные герои Великой Отечественной // Сеймские берега. Курск, 2004. Вып. 10. С. 9–15; Детство, опаленное войной. В 3 т. Курск, 2005; Холтобина Л.С. Юные защитники Родины // Книга Памяти. Т. 16. Курск, 2009. С. 190–194; Артамонов А.А. Саша Филиппов. Малоизвестные факты // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. Волгоград, 2015. С. 7–13 и др.

³ Никитенко Н.В. Две фотографии, или правда и вымысел о Лене Голикове // Научно-практический историко-краеведческий журнал. Псков, 2013. № 38. С. 89–100 и др.

⁴ Леонтьева С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. С. 14.

⁵ Гринберг М.М. Охрана здоровья школьников в условиях военного времени // Начальная школа. — 1941. № 9. С. 11–14; Куфаев В.И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 8–9; Верзилин Н.М. Воспитание в детских домах во время войны // Советская педагогика. 1943. № 11–12; Свердлов Г.М. Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент, 1943 и др.

шефство над детскими учреждениями, устройство и усыновление сирот, борьбу с беспризорностью и безнадзорностью детей и другие мероприятия¹. В тесной связи с вопросами социального обеспечения детей рассматривались и проблемы их медицинского обслуживания в годы Великой Отечественной войны, лечебно-профилактическая и противоэпидемическая работа органов здравоохранения, направленная на снижение детской смертности и заболеваемости². Особо следует отметить книгу волгоградской журналистки Л. Сорокиной, посвященную судьбе воспитанников Дубовского детского дома, написанную на основе их собственных рассказов, стихов и рисунков³.

Современные исследования приводят новые сведения о советской социальной политике в отношении детей, не столь высоко, как прежде, оценивая степень ее эффективности⁴. Подчеркивая значительный размах помощи детям со стороны советского государства, историки указывают, что детским учреждениям во время войны крайне не хватало питания, обуви, одежды, инвентаря, а многие из них фактически находились на грани выживания⁵. В последнее время исследуются проблемы положения детей-сирот в военное и послевоенное время. Но главный акцент, как и прежде, делается не на самих детях, а на государственной политике помощи им⁶.

¹ Гольдин А.М. Комсомол — детям в дни Великой Отечественной войны // Народное образование. 1968. № 10; Симицын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 20–29; Заднепровская Л.Д. Забота партии и правительства о детях в годы Великой Отечественной войны // Вместе с армией и народом. Волгоград, 1970. С. 64–80; Александрова Г.И. Коммунистическая партия — организатор всенародной заботы о детях, оставшихся без родителей в годы Великой Отечественной войны: на материалах Калининской, Костромской и Ярославской областей: дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 1976; Черник С.А. Борьба за жизнь и здоровье детей в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1979. № 5 и др.

² Чучелин Г.А. Деятельность Коммунистической партии по охране здоровья советского народа в годы Великой Отечественной войны. На материалах Российской Федерации. Л., 1975; Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1985.

³ Сорокина Л. Дети Сталинграда: документальная повесть. Волгоград, 1972.

⁴ Карамышева Н.Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; Горбулина И.В. Социальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Банзаракцаева Е.В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Бурят-Монгольской АССР: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005; Юрчук И.В. Политика местных властей Кубани по защите детства и ее практическая реализация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008 и др.

⁵ Кричко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 35–59 и др.

⁶ Зезина М.Р. Без семьи: сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 82–87; Меркурьева В.С. Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области в сер. 1940-х — сер. 1950-х гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2008. № 5. С. 137–140; Ее же. Социальная защита детства в Сталинградской области (середина 1940-х — середина 1950-х годов) // История России: на перекрестке мнений. Материалы III межрегиональных исторических чтений, посвященных памяти профессора Б.С. Абалихина. Волгоград, 2007. С. 217–221 и др.

Опыт развития советской школы в период Великой Отечественной войны обобщался в целом ряде диссертационных и монографических исследований¹. Авторы указывали, что главной задачей школы в условиях войны являлась реализация всеобщего обучения детей, характеризовали помощь школьников фронту и тылу, показывали изменения в структуре системы образования, ее содержании и формах, отметив ухудшение материального положения учебных заведений. В специальных работах раскрывался ущерб, нанесенный общеобразовательной школе в период оккупации части регионов СССР, сложности ее восстановления после освобождения².

Гораздо меньше внимания советские историки уделяли изучению работы образовательных учреждений, расположенных непосредственно на оккупированной территории СССР. В советской историографии сложились упрощенные представления по данному вопросу. Считалось, что стремление захватчиков подчинить школу влиянию нацистской пропаганды вызывало отторжение советских школьников, в массовом порядке прекративших посещение занятий. Современные исследователи, опираясь на рассекреченные документы, предложили более полную картину состояния школьного образования на оккупированной территории. В работах, посвященных нацистской оккупации советской территории, раскрываются основные направления политики захватчиков в сфере образования, подчеркивается ее связь с дореволюционной традицией. Сохранение школ на оккупированных территориях связывается со стремлением немецкого командования не только предотвратить развитие детской и подростковой преступности, но и привлечь на свою сторону часть населения³.

Долгое время в историографии фактически замалчивалась трагедия детей Сталинграда и Сталинградской области, оказавшихся в условиях прифронтовой территории и нацистской оккупации. Впервые эта проблема была поднята

¹ *Яркина Т.Ф.* Школы РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. пед. наук. М., 1954; *Черник С.А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984; *Зенкова Л.В.* Деятельность Коммунистической партии по охране и воспитанию детей в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийных организаций Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Нелаева С.Ф.* Партийное руководство всеобщим обязательным обучением детей в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987; *Потанова М.* Раздельное обучение мальчиков и девочек в советской школе (1943–1954) // Гендерное устройство: социальные институты и практики: сб. статей. СПб., 2005. С. 100–130; *Агеева В.А.* Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Таганрог, 2007 и др.

² *Кондакова Н.И.* Восстановление системы народного образования в освобожденных районах РСФСР // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 213–222; *Цымбал Л.М.* Восстановление учебно-производственной базы общеобразовательных школ в освобожденных районах СССР в годы Великой Отечественной войны // Культурное строительство в прифронтовых и освобожденных районах СССР в 1941–1945 гг.: сб. статей. М., 1985. С. 44–59; *Ярушина Л.В.* Восстановление общеобразовательных школ на освобожденной территории // Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1986. С. 137–147 и др.

³ *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000; *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003; *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011; *Кринко Е.Ф.* Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 40–50 и др.

В.В. Павловым, акцентировавшим внимание на срыве эвакуации гражданского населения Сталинграда, но опиравшимся при этом на ограниченный круг источников¹. Наиболее полно эту тему раскрыла на широком фактическом материале, с использованием источников как официального, так и личного происхождения, в своей монографии и кандидатской диссертации Т.А. Павлова². Указанные работы содержат немало ценных сведений о жизни детей Сталинграда в 1942–1943 гг., хотя и не выделяют ее в качестве самостоятельного исследовательского сюжета. В то же время специальная статья о детях Сталинграда приведена в фундаментальной энциклопедии «Сталинградская битва», впрочем, не слишком информативная по содержанию в силу небольшого объема³. Тем не менее это является еще одним подтверждением того, что рассматриваемый вопрос постепенно приобретает статус самостоятельной исследовательской проблемы.

Вплоть до последнего времени практически не изучалась проблема противоправного поведения детей и подростков в военные годы. Между тем во время Великой Отечественной войны произошел значительный рост детской преступности. Современные исследователи связывают его причины, прежде всего, с тяжелым материальным положением детей и подростков⁴. Появились первые работы, рассказывающие о борьбе с беспризорностью и безнадзорностью органов внутренних дел, функционировании детских закрытых учреждений системы НКВД⁵. Внимание обращается на ужесточение уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в годы войны. Невзирая на возраст, с подростков по всей строгости законов военного времени спрашивали за невыполнение производственных планов и нормы трудовой, несоблюдение трудовой дисциплины⁶. Таким образом, героический («викторианский») взгляд на проблему военного детства стал дополняться, а то и заменяться, трагическим («мартирологическим»).

В современных публикациях находят свое отражение общность и различия в судьбах детей, переживших войну и имевших разное социальное происхождение — выходцев из семей партийно-государственной номенклатуры и спецпосе-

¹ Павлов В.В. Сталинград: мифы и реальность. М., 2003.

² Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005; *Ее же*. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. — февраль 1943 г. СПб., 2007.

³ Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2012. С. 220.

⁴ Кузьмин О.В., Поцелуев Е.Л. К вопросу о преступности учащихся средних специальных учебных заведений РСФСР в 1941–1945 гг. // Социально-политические проблемы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кострома, 1992. С. 133–134; Гусак В.А. Деятельность милиции Челябинской области по борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Право. 2006. Вып. 7; Емелин С.М. Борьба с несовершеннолетней преступностью в годы Великой Отечественной войны // Вопросы ювенальной юстиции. 2010; Галлямова А.Г., Кабинова А.Ш. Война как фактор роста детской преступности // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. С. 34–40 и др.

⁵ Смирнова Н.В. Деятельность органов НКВД — МВД в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.) (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997; Бубличенко В.Н. Детские закрытые учреждения НКВД — МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007 и др.

⁶ Krinko E.F., Yurchuk I.V. «...For our happy childhood»: juvenile criminal liability in soviet legislation of 1920–1940 // European researcher. 2010. No 2. P. 138–143 и др.

ленцев, рабочих и крестьян, столичной и провинциальной интеллигенции, представителей других социальных слоев и этнических общностей. В частности, исследователями отмечается негативное влияние получившего преобладание в условиях депортации женского воспитания детей, способствовавшего нарушению преемственности в передаче традиций, росту численности «физически ослабленных, закомплексованных молодых людей»¹. Вышли специальные работы, посвященные жизни советских детей в условиях эвакуации², их принудительному труду в Третьем рейхе³. Ставится вопрос о признании заслуг бывших юных минеров — участников разминирования освобожденной советской территории, многие из которых были «вынуждены доказывать, что в военное лихолетье они занимались отнюдь не баловством»⁴. Но практически неразработанными сюжетами, за редким исключением, остаются судьбы подростков, входивших в состав вооруженных формирований, воевавших на стороне Третьего рейха, а также детей коллаборационистов⁵. В то же время выходят публикации, рассказывающие об использовании опыта мемориализации военного детства в системе патриотического воспитания, создании и основных направлениях деятельности музеев юных защитников Отечества⁶.

Наряду с новыми в содержательном отношении публикациями, опирающимися на традиционную для отечественной историографии методологию, появились и исследования, использующие новые методологические принципы, подходы и методы изучения. В первую очередь необходимо отметить историко-антропологический подход, позволяющий осмыслить сам феномен военного детства. При этом проблема «дети и война» находится на пересечении двух исследовательских направлений, развивающихся в рамках указанного подхода:

¹ *Боташева З.Б.* О влиянии депортации на развитие карачаевской культуры и искусства // Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции. Карачаевск, 1994. С. 170–171.

² *Юсупова Л.Н.* Повседневная жизнь в эвакуации в годы Великой Отечественной войны глазами переживших ее детей // Человек и война: Материалы научной конференции преподавателей и студентов КГПУ, посвященной 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21–23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 16–20; *Потемкина М.* «Умереть так, чтобы Родина гордилась!» Военное детство в контексте эвакуации // Bulletin. Deutsches Historisches Institut Moskau. № 3. Kinder des Krieges. Materialien zum Workshop in Voronez. 11–13. März 2008. М., 2009. С. 90–108 и др.

³ *Кринко Е.Ф.* Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. науч. статей. Краснодар, 2009. С. 42–60 и др.

⁴ *Молькова Е.А.* Правовые аспекты реализации и защиты прав юных участников разминирования территории Курской области // Война и дети: им память — высшая награда. Курск, 2005. С. 13–15; *Ласочко Л.С.* Трофейные роты и команды минеров по разминированию территории Курской области в 1943–1945 гг. // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века. Т. 1. Курск, 2008. С. 116–120; *Холтобина Л.С.* К вопросу о признании заслуг бывших юных минеров — участников разминирования Курской области 1943–1945 гг. и защите их прав на льготы // Там же. С. 72–77.

⁵ *Юрчук И.В.* Несовершеннолетние коллаборационисты: дети и подростки в составе казачьих формирований вермахта, полиции и СС // Российское казачество: проблемы истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2006. С. 290–292 и др.

⁶ *Факел памяти народной.* Курск, 2001; *Холтобина Л.С.* Опыт организации патриотического воспитания юной молодежи в СССР — России: 1960–2005 гг. (на примере деятельности музеев юных защитников Родины). Курск, 2007; *Ее же.* Региональные музеи юных защитников Родины в СССР — России в 1970–2008 гг. // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века. Т. 1. С. 33–39 и др.

антропологии детства и антропологии экстремальных групп и ситуаций. Опыт антропологического исследования экстремальных групп в отечественной науке был впервые предпринят Л.С. Клейном, а некоторые его результаты представлены в опубликованной им под псевдонимом статье «Этнография лагеря»¹. Вслед за этим последовали труды отечественных этнографов и культурологов, в которых исследовалось положение разных социальных, возрастных и гендерных групп в условиях экстремального существования².

Разработку проблемы поведения человека в годы Великой Отечественной войны на основе историко-антропологического подхода первой в современной российской историографии начала Е.С. Сенявская³. Она же заявила о становлении военно-исторической антропологии как новой комплексной междисциплинарной отрасли исторической науки на стыке психологии, социологии, культурологи и некоторых других дисциплин, обосновав ее границы и их содержательную наполняемость. В первую очередь в рамках военно-исторической антропологии рассматриваются такие категории, как влияние войны на психологию социума и армии, взаимовлияние идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе механизмы формирования героических символов, диалектика соотношения образа войны в массовом сознании и сознании ее участников, особенности самоощущения человека в боевой обстановке и другие вопросы⁴. По инициативе Е.С. Сенявской состоялся ряд круглых столов, призванных способствовать институционализации данного направления. Изданные по итогам их работы материалы стали важнейшими историографическими фактами в изучении военной истории в рамках антропологического подхода⁵. Психологические и культурологические проблемы войн, вопросы военной повседневности и военной психологии находят свое отражение и в работах других российских историков⁶.

Параллельно с исследованиями антропологии войны развивалась антропология детства. В качестве родоначальников данного направления следует отметить Б. Малиновского, Р. Бенедикт, М. Мид и других авторов, изучавших в первую

¹ *Самойлов Л.* Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.

² *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001; *Банников К.Л.* Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы российской армии. М., 2002; *Ефимова Е.* Современная тюрьма: быт, традиции, фольклор. М., 2004; *До и после тюрьмы. Женские истории.* СПб., 2012 и др.

³ *Сенявская Е.С.* 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Ее же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Ее же.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999 и др.

⁴ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 13–14.

⁵ Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; Военно-историческая антропология. Актуальные проблемы изучения. Ежегодник. 2005/2006. М., 2006.

⁶ *Кринко Е.Ф.* Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1942–1943 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 1999; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011; *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941–1945 гг. М., 2015 и др.

очередь детство в традиционных восточных обществах¹. Применительно к западным обществам вопрос о наличии кардинальных отличий детства от зрелости, а также об исторических изменениях «территории детства» впервые поставил французский исследователь Ф. Арьес. Он считал, что на Западе в эпоху Средневековья детство не признавалось обществом в качестве особой стадии человеческого развития и не имело собственных характеристик, потребностей и ограничений². Л. Поллок попыталась оспорить концепцию Арьеса, показав, что в течение четырех столетий (с 1500 по 1900 гг.) детство признавалось западным обществом в качестве особой стадии человеческого развития и обладало четкими границами и культурными характеристиками³. Выводы Ф. Арьеса были опровергнуты и многочисленными последующими исследованиями. На конкретных примерах различных народов антропологи и этнологи доказали наличие детства как особого социокультурного явления, показав, что разные культуры имеют свое понимание природы, границ и продолжительности детства, в их рамках формируются различные представления о количестве возрастных групп, их границах, символике, атрибутах, социальных функциях и ролях детей. Более того, одно и то же общество в разные периоды своего развития по-разному относится к детству, вырабатывая определенные представления о детях и ожидания от них⁴.

Большую роль в выработке представлений о феномене детства сыграли работы П. Бергера и Т. Лукмана, А. Шюца, Ю. Хабермаса⁵. В результате детство стало пониматься как изменяемый во времени и пространстве социокультурный конструкт, в механизме формирования которого принимают активное участие и сами дети, и взрослые (семья, общество, различные официальные структуры), использующие как рациональные, так и иррациональные приемы с воплощением отдельных элементов в вербальных и визуальных формах и образах, в практиках повседневной жизни. Исследователи стали выделять различные формы конструктов детства, сложившихся в СССР в эпоху сталинизма и воплотившихся в образе «ребенка-активиста» 1920-х гг. (его развитием в 1930-е гг. стал Павлик Морозов) и образе ребенка, «благодарно пользующегося благодеяниями госу-

¹ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988 и др.

² Aries Ph. Centuries of Childhood. A Social History of Family Life. N.Y., 1962; Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.

³ Pollok L. Forgotten Children: Parent-Child Relations from 1590 to 1900. Cambridge, 1983.

⁴ Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М., 1988; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX в. Л., 1988; Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988; Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. В 3 т. М., 1995; Рождение ребенка в обычаях и обрядах: страны зарубежной Европы. М., 1997; Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999; Виноградов Г.С. «Страна детей»: избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999; Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2000; Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М., 2009 и др.

⁵ Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. Пер. с англ. М., 1995; Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., С. 401–455 и др.

дарства» в эпоху позднего сталинизма¹. Однако образ ребенка военного времени не нашел в этой классификации своего места, хотя война кардинально повлияла на формирование мировоззрения целого поколения, получившего впоследствии название «шестидесятников» и оказавшего, в свою очередь, большое влияние на все советское общество той поры². Особенности советского детства стали уделять внимание и современные российские историки, отказываясь от прежде устоявшихся стереотипов³.

С 1990-х гг. в Германии начались исследования положения детей в условиях Третьего рейха и Второй мировой войны⁴. Немецкие ученые обычно представляли детей в качестве безвинных жертв войны в целом и советской оккупации Германии, в частности⁵. К исследованию влияния войны на психику детей (в том числе уже ставших взрослыми) обратились немецкие психологи⁶. Появились и публикации, посвященные детям нацистских преступников⁷. Нередко такой дискурс вызывал возмущение или, по крайней мере, непонимание со стороны жертв нацизма. Но большинство немецких историков сошлось на том, что обращение к проблеме лишений германского общества во время войны представляется важным, в первую очередь, как дополнительная возможность освобождения от психологической травмы, нанесенной ему самим нацизмом. В 2000-х гг. в немецкой историографии наметился выход за узкие рамки изучения вызванных войной детских психопатологий. Стали исследоваться различные формы осознания войны детьми и преодоления военного насилия собственно детскими способами. Так, начатые Г. Айзенем исследования детских игр в связи с Холокостом⁸ были продолжены Ф. Маубах⁹. Н. Штаргардт в фундаментальном труде, посвященном детям Второй мировой войны, рассмотрел опыт восприятия и преодоления войны немецкими и еврейскими детьми: как фанатичными членами Гитлерюгенда,

¹ Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 218.

² См.: Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007; Ребенок в истории и культуре: сб. статей. Вып. 4. М., 2010 и др.

³ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливые детство» // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 159–202; Исаев В.И. Молодежь Сибири в условиях формирования сталинской модели социализма (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 2000; Салова Ю.Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. Ярославль, 2001; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. Краснодар, 2002 и др.

⁴ Mann E. Zehn Millionen Kinder: Die Ersichung der Jugend im Dritten Reich. Reinbek, 1997; Knonn G. Дети Гитлера. М., 2004 и др.

⁵ Werner E. Unschuldige Zeugen. Der Zweite Weltkrieg in den Augen von Kindern. Hamburg/Wien, 2001; Lorenz H. Kriegskinder. Das Schicksal einer Generation. München, 2003 и др.

⁶ Radebold H. Abwesende Väter. Folgen der Kriegskindheit in Psychoanalysen. Göttingen, 2000; Bohleber W. Die Entwicklung der Traumatheorie in der Psychoanalyse. Psyche-Zeitschrift für Psychoanalyse und ihre // Anwendungen. 2000. № 9 (10). S. 797–839.

⁷ Сухровски П. Рожденные виновными. Исповеди детей нацистских преступников. Пер. с нем. М., 1997.

⁸ Eisen G. Spielen im Schatten des Todes. Kinder in Holocaust / George Eisen. — München-Zürich: Piper, 1993. — 221 s.

⁹ Маубах Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1935–1945) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. статей. Краснодар, 2010. С. 147–177.

так и теми, кто был бесправен и подвергался насилию¹. В целом зарубежные исследователи в последнее время активно выходят за пределы темы детей как пассивных жертв войны. В частности, П. Ричардс считает, что подвергавшиеся насилию дети были в то же время активными участниками событий и вырабатывали собственные стратегии и тактики выживания «в поле предписаний, диктуемых войной»². Эти выводы представляют определенный интерес в рамках рассматриваемой проблемы, хотя и выполнены на основе других источников и предмета изучения.

С 2000-х гг. историко-антропологический подход стал активно использоваться в изучении военного детства в нашей стране, придав новый ракурс исследованиям проблемы. Это особенно очевидно именно при обращении к проблеме детской памяти о Великой Отечественной войне, которая стала связываться исследователями с пластичным конструированием образов прошлого³. Возрастающий исследовательский интерес к проблеме выразился и в том, что военное детство стало темой ряда специальных научных конференций различного уровня. Так, в течение нескольких лет международные конференции по данной теме проходили в Курске по инициативе военно-исторического музея «Юные защитники Родины»⁴. В октябре 2014 г. в Волгограде состоялась международная научно-практическая конференция «Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества». Немало ее участников рассматривали вопросы отражения войны в детской памяти. Стратегии выживания детей в Великой Отечественной войне⁵, способы их

¹ *Stargart N.* «Maikäfer flieg!» Hitlers Krieg und die Kinder. München, 2006.

² Цит. по: *Жазекиль Ж.-Э.* Дети-солдаты в Африке: единичное явление? Необходимость исторического взгляда. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0605-jezequel-RU-2.pdf> (дата обращения: 14.09.2014).

³ *Безрогов В.Г.* Память о военном детстве (свидетельства детей 40-х гг.) // Вестник Университета РАО. 2005. № 2 (28). С. 66–79; *Езо же.* Воспоминания как источник по истории детства // Педагогическая антропология и история детства. М., 2001. С. 65–78; *Сальникова А.А.* «Детский текст» и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в 20 столетии: сб. статей. Челябинск, 2004, С. 413–430; *Юсупова Л.Н.* Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 345–351; Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования. М., 2006; Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. статей. Краснодар, 2010; *Буряк И.И., Реброва И.В.* В концлагерях, во время блокады и оккупации: военное детство современных кубанцев в их воспоминаниях // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сб. науч. статей. Краснодар, 2011. С. 36–57; *Хлынина Т.П.* «Кадры из военного детства: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сб. статей. Ростов н/Д, 2014. С. 178–190; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Проблемы изучения детской памяти о Великой Отечественной войне // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. С. 78–85 и др.

⁴ Война и дети: им память высшая награда. Материалы Международной научно-практической конференции 16 апреля 2005 г. в Курске. Курск, 2005; Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века; *Кринко Е.Ф.* Российско-германский круглый стол «Дети войны» // Вестник Южного научного центра. 2008. Т. 4. № 2. С. 113 и др.

⁵ *Рыблова М.А.* Стратегии и практики выживания детей в условиях Сталинградской битвы // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны; г. Волгоград, 26–27 сентября 2014 г. Волгоград, 2014. С. 465–474; *Стрекалова Е.Н.* Стратегии выживания детей 1941–1945 гг. по устным воспоминаниям ставропольчан // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. С. 202–211.

адаптации к военному насилию¹ и другие аспекты проблемы находят свое отражение во многих публикациях отечественных исследователей².

По инициативе университетов Зальцбурга и Вульвергемптона в 2000-х годах проходила серия конференций, посвященных теме «Детство во Второй мировой войне»³. На них обсуждались такие проблемы, как травма и забывание, межпоколенческое взаимодействие, индивидуальная и коллективная память, вопросы образования, репрезентации событий, литературные подходы, память и памятники, вопросы теории и методологии и др. В ноябре 2015 г. в Германии прошла международная конференция «Детство во второй мировой войне – сравнительная перспектива», организованная институтом Ханны Арендт по исследованию тоталитаризма в Дрезденском университете совместно с кафедрой исторической дидактики на историческом семинаре в университете Лейпцига. Главные задачи конференции: интернационализация истории детей, переживших Вторую мировую войну (которая до сих пор рассказывалась с точки зрения перспективы каждой отдельно взятой страны) и сравнение опытов переживания и преодоления войны детьми разных стран.

Проведенный анализ позволяет считать, что любая война вторгается в мир детства и вызывает изменения его границ, стереотипов поведения, включающих особые стратегии и практики выживания, трансформации повседневного быта и пр. Однако особенности мира детей в условиях войны еще только начали исследоваться. Сам феномен военного детства еще не изучен в полном объеме, остаются неопределенными его границы и специфические черты (антропологические константы, которые отличают поведенческие стереотипы детей от поведения взрослых в экстремальных условиях войн), не выявлены способы его социокультурного конструирования, особенности детской военной повседневности.

¹ Назарова М.П., Рыблова М.А. Игры военного детства: новые формы и функции // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. Волгоград: Изд-во «Альфа», 2015. С. 100–134; Рыблова М.А., Назарова М.П. «Играют мальчики в войну»: война как способ освоения детьми пространства Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 81–91 и др.

² Юсупова Л.Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: Страницы военной истории России: сб. науч. статей. Петрозаводск, 2005. С. 24–33; Курилла И.И. Образы врага в памяти детей войны // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Волгоград, 2014. С. 85–92; Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 81–91; Фалалеева Л.А. «Они не виноваты», их послали, а если бы не пошли, их бы расстреляли...». Образы военнопленных в воспоминаниях детей военного Сталинграда // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Волгоград, 2014. С. 214–219 и др.

³ Первая из них состоялась в 2010 году, вторая — в 2013 и третья запланирована на июль 2016 года.

1.2. СТАЛИНГРАДСКОЕ ДЕТСТВО В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Перспективы изучения военного детства в значительной степени определяются возможностями имеющихся в распоряжении исследователей источников. Сохранилось значительное количество документальных свидетельств, раскрывающих различные аспекты рассматриваемой проблемы, в том числе посвященных непосредственно детям Сталинграда. Многие из них хранятся в фондах центральных и региональных архивов и музеев. Среди федеральных архивов в первую очередь необходимо отметить Российский государственный архив социально-политической истории (*далее* – РГАСПИ), включающий фонды бывшего Центрального архива ВЛКСМ (*далее* – ЦА ВЛКСМ), и Государственный архив Российской Федерации (*далее* – ГАРФ), в котором хранятся документы высших и центральных государственных учреждений, в том числе союзных и республиканских наркоматов здравоохранения и просвещения. Сведения о положении детей в Сталинградской области в 1941–1945 гг. не выделяются в самостоятельные документальные комплексы, а представлены в разных архивных фондах и коллекциях.

Наиболее крупные специальные комплексы архивных документов по рассматриваемой проблеме отложились в Государственном архиве Волгоградской области (*далее* – ГАВО) – свыше трех тысяч различных фондов и коллекций, в которых содержатся сведения о Сталинградской области в 1941–1945 гг., и Центре документации новейшей истории Волгоградской области (*далее* – ЦДНИВО), где хранятся фонды областных партийных и комсомольских организаций периода Великой Отечественной войны. Документы различных архивохранилищ позволяют дополнить картину отдельных событий военного времени.

Так, в РГАСПИ заслуживают внимания исследователей по данной теме документы ряда отделов ЦК ВЛКСМ: школьной молодежи, пропаганды и агитации, спортивной и оборонно-массовой работы, по работе среди комсомольцев и молодежи во временно оккупированных районах и партизанских отрядах и т.д.¹ В частности, в документах отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ хранятся материалы антифашистского митинга в защиту детей в Сталинграде, состоявшегося после освобождения города в 1943 году. Показателен текст выступления пионерки Маши Носыревой, в котором она рассказала о том, как ей «пришлось пережить черные дни на занятой врагом земле», как жестоко вели себя оккупанты:

«Вы все знаете, что эти голодные шакалы рыскали по нашим ямам, в каких мы ютились, и отнимали последние крохи питания. Все это сопровождалось побоями и смертью для многих мирных жителей – детей, женщин и стариков»².

В подтверждение девочка привела конкретные примеры насилия захватчиков по отношению к членам ее семьи:

«Однажды к нам зашел фашист. Посмотрев вокруг, он направился к двери, и моя сестра поспешила закрыть за ним дверь. Минуты через две он появился с эссовцем для того, чтобы расправиться с сестрой. Сестра ловко упала в сторону

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 7, 32, 47, 53 и др.

² Там же. Оп. 32. Д. 100. Л. 33.

и пули, предназначенные ей, летели мимо. Слезы выступают на глазах, когда вспоминаешь этих зверей-немцев»¹.

Совершенно иначе описывается Красная армия: «сияющие звездочки» на советском самолете характеризуются как «близкие, родные»².

Документ хорошо вписан в идеологический контекст военного времени и конкретной ситуации его создания. Содержащиеся в нем эмоциональные оценки соответствуют стереотипным представлениям о нацистской оккупации, воссоздавая негативное отношение советских детей к врагам. Обращение к драматичному опыту собственной семьи и личные впечатления: «Мой отец не отдавал немцам последние крохи хлеба, которые он хранил для маленьких детей. И за это немцы избили его до бессознания, выбили ему зубы»³, — придают выступлению Насыревой искренний характер. В тексте отсутствуют обязательные для публичных выступлений взрослых здравницы в адрес Красной армии, коммунистической партии и лично И.В. Сталина.

Гораздо более выверенным в идеологическом отношении текстом является итоговое письмо участников митинга, хранящееся в ЦДНИВО. В силу своего характера и содержания документ заслуживает специального анализа. Карандашная помета «Правлено. 30.04.43 г.» с неразборчивой подписью не только сообщает дату подготовки документа, но и служит свидетельством того, что именно местные партийные инстанции завершали над ним работу, стремясь не допустить никаких политических ошибок и оплошностей, за которые потом им бы пришлось нести ответственность.

Письмо начинается обращением к «дорогому и любимому Иосифу Виссарионовичу»:

«Мы, дети Сталинграда, собравшиеся вместе с матерями и представителями общественных организаций и Красной армии на антифашистский митинг в защиту детей от гитлеровских палачей, первое наше слово, слово благодарности, любви и горячего привета обращаем Вам, наш родной отец, друг и учитель»⁴.

Перечисление собравшихся позволяет выяснить, что в митинге участвовали не только сами дети и их родители, но и другие взрослые, присутствие которых и придавало ему определенное политическое значение. Патерналистская триада «отец, друг и учитель», наделяющая И.В. Сталина статусом близкого и родного авторам письма человека, старшего по возрасту и социальному положению, чем они, рефреном прозвучит еще дважды в документе, при этом в последнем случае «отца» заменил полуофициальный «вождь».

Далее следовала характеристика негативных последствий немецкой оккупации, которые пришлось ощутить и взрослым, и детям Сталинграда:

«Немецкие изверги разрушили заводы, фабрики и жилые дома нашего города, сожгли школы, где мы учились, превратили в руины дворцы, театры и парки, где мы отдыхали»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 100. Л. 33.

² Там же.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 100. Л. 33.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 123. Л. 1.

⁵ Там же.

Ущерб детских учреждений выступает составной частью общих сильных разрушений в городе:

«Они уничтожили все, что годами создавалось руками наших отцов и матерей, что мы так могли чем гордиться. В грудях пепла и развалин наш Сталинград — любимый город, так стойко и мужественно отстаивавший и отстаивавший честь и независимость нашей родины»¹.

За разрушение Сталинграда для завоевателей последовала неизбежная расплата:

«Но фашистские мерзавцы, посягнувшие на него, жестоко расплатились за это сотнями тысяч жизней своих солдат и офицеров, потерей огромного количества военной техники и снаряжения»².

Заслуга в разгроме врага принадлежала Красной армии, роль которой требовалось обязательно отметить, как и начало возрождения мирной жизни, проходившего крайне непросто из-за высокого масштаба разрушений:

«Красная армия за сотни километров отогнала немцев от стен города. В городе работают школы, для детей открыты столовые, детские дома, садики, площадки. Правда, все это пока среди развалин, в подвалах, но недалеко тот день, когда перед нами вновь откроются двери больших детских библиотек»³.

Главную роль в достижении Победы сыграли общие усилия всего народа под руководством И.В. Сталина:

«Так будет потому, что наш народ, наши отцы и матери, мы сами наполнены духом справедливой священной ненависти к гитлеровским детоубийцам. Так будет потому, что во главе Красной армии, во главе всего советского народа в эти тяжелые для родины дни стоите Вы (здесь и далее шрифтовые выделения приводятся согласно тексту. — Прим. авт.), наш лучший отец, любимый вождь советского народа»⁴.

В заключение авторы письма заверяли И.В. Сталина в том, что они отдадут «все свои молодые силы на быстрейшее возрождение Сталинграда, его первоклассной промышленности и культуры», а также окружают «заботой и вниманием всех детей, пострадавших от немецких извергов». Заканчивалось письмо пожеланием проклятий и смерти оккупантам и здравицами в адрес советских детей «Сталинской эпохи», «Великой и непобедимой Родины», «героической Красной армии» и, конечно, самому И.В. Сталину: «Да здравствует наш вождь, отец и учитель, наш любимый ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ С Т А Л И Н!!!»⁵.

Немало свидетельств патриотического настроения советских детей содержат и материалы подготовленной во время войны специальной выставки «Комсомол в Великой Отечественной войне», созданной в июле 1942 г. После ликвидации выставки ее материалы были переданы в архив, составив в ЦА ВЛКСМ специальный

¹ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 123. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 2.

фонд. Среди них, например, фотокопия заявления ученика 6-го класса Березовской средней школы Сталинградской области Г. Межевалова с просьбой послать его на фронт, датированного 10 ноября 1942 г.¹

Вопросы материально-бытового положения детей Сталинграда в 1941–1945 гг. характеризуют документы отделов социального обеспечения, государственных и партийных органов, курировавших данные вопросы, а также детских домов и других детских учреждений в ГАВО и ЦДНИВО. Влияние войны на состояние здоровья детей отражают документы союзного и республиканского наркоматов здравоохранения в ГАРФ, отдела здравоохранения областного исполкома, отдельных медицинских учреждений в ГАВО. Работу школ Сталинграда в военные годы раскрывают документы фондов республиканского наркомата просвещения в ГАРФ, областного отдела образования, техникумов, училищ и школ в ГАВО, а также документы обкома ВКП(б) в ЦДНИВО².

Количество пострадавших (погибших, подвергшихся насилию, вывезенных на работу в Германию и другие страны) детей и материальный ущерб, понесенный системой детских учреждений вследствие боевых действий и нацистской оккупации в 1942–1943 гг., характеризуют документы двух основных фондов. Прежде всего, это фонд Сталинградской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области, содержащийся в ГАВО³. Протоколы и отчетные документы о работе комиссии, содержащие итоговые данные о потерях и материальном ущербе, хранятся также в фонде Сталинградского обкома ВКП(б) в ЦДНИВО⁴. Данные об ущербе, нанесенном различным учреждениям, содержат также фонды областных отделов здравоохранения и образования. Документы, характеризующие положение детей в Сталинграде в годы войны, есть и во многих других архивных фондах. В частности, в фонде областного управления статистики в ГАВО выявлены таблицы учета движения населения в Сталинграде в 1943–1945 гг., фиксирующие изменения в численности детей в освобожденном городе⁵.

Содержащиеся в архивах документы позволяют охарактеризовать обстоятельства выработки и реализации советской государственной политики по отношению к детям, ее различные направления: меры социальной помощи и поддержки, уровень медицинского обслуживания, особенности организации учебно-воспитательной работы, структуру и деятельность сети детских учреждений Сталинграда и другие вопросы. Как и любые источники, данные документы требуют критического отношения к себе. Исследователи отмечают, например, что «в отчетах местных органов здравоохранения порой содержались искаженные данные, приукрашивающие действительность»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 87. Фото 1299.

² ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 260 и др.

³ ГАВО. Ф. Р-6088.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 11, 13 и др.

⁵ ГАВО. Ф. Р-686. Оп. 5. Д. 126 и др.

⁶ *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994. Вып. 2. С. 42.

Но самое главное заключается в том, что архивные документы, относящиеся в основном к источникам официального происхождения, практически не раскрывают внутреннего мира детей, их взглядов, эмоций и представлений в годы войны. Во многом это объясняется спецификой советских архивов, которые всегда формировались как хранилища исторических свидетельств о государстве и его институтах, но не о человеке во всем многообразии его жизненных проявлений.

В последние годы во многих архивах стали создаваться фонды и коллекции личных документов. В 1997 г. была начата работа по созданию коллекции личных документов граждан под названием «Народный архив» в ГАВО. Она включает письма, фотографии, дневники, рукописные и машинописные материалы мемуарного, творческого и научного характера, записные книжки, рисунки, чертежи, стихотворения, принадлежащие жителям Волгоградской области¹. Самую большую группу материалов составляют документы о Великой Отечественной войне, включая и воспоминания о военном детстве².

Очевидно, что осмысление феномена детства как исследовательской проблемы невозможно без обращения к источникам личного происхождения, которым уделялось значительно меньше внимания в советской историографии, чем официальным документам, в силу присущей им, как считалось, субъективности и недостоверности. Напротив, в современной науке, тяготеющей к изображению истории «с человеческим лицом», их значимость все более возрастает.

Первые детские рассказы о войне были записаны непосредственно в военные годы, в основном с пропагандистскими целями — разжигать ненависть к врагу, крепить боевой дух советских солдат и веру в победу. В 1942 г. по инициативе Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ был составлен сборник воспоминаний детей о немецкой оккупации «Слушай нас, Родина!»³. Сбор материалов проводился в недавно освобожденных от противника частях Московской, Калининской (в настоящее время — Тверской), Тульской и Смоленской областях. Несовершеннолетние авторы описывали ужасы немецкой оккупации: казни, пытки и грабежи, которым подвергались советские граждане, перенесенные физические и моральные страдания, голод и холод. По неизвестным причинам в годы войны книга так и не была опубликована.

В конце 1942 г. — начале 1943 г. во время и сразу по окончании Сталинградской битвы в городе работала группа советских историков, членов Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Они записали 215 свидетельств разных участников и очевидцев сражения — от генералов до рядовых, а также гражданских лиц. По словам подготовившего к публикации часть свидетельств Й. Хелльбека: «Эти беседы в большей степени, чем какой бы то ни было другой известный источник, позволяют <...> приблизиться к событиям Сталинградской битвы», представляя «более объемную и рельефную картину поступков, мыслей и чувств

¹ ГАВО. Ф. Р-5509.

² См.: *Истюфеева С.В.* Коллекция документов «Народный архив» как мемуарный источник по истории Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны // Сталинградская битва в судьбах народов. С. 449–450.

³ РГАСПИ. Ф. М.-1. Оп. 32. Д. 95.

советских людей — участников войны»¹. Однако, хотя отдельные респонденты и касаются в своих рассказах положения детей, самих детей среди них нет.

После Великой Отечественной войны сбор воспоминаний фактически прекратился, а возобновился уже в период «оттепели». В 1961 г. редакция «Комсомольской правды» обратилась к читателям с предложением прислать свои воспоминания о «самом памятном» дне войны, обещая опубликовать самые интересные рассказы на страницах газеты. Но при публикациях, как правило, предпочтение отдавалось уже известным авторам и героям, проверенным сведениям. Остальные получали стандартный ответ, в котором, наряду со словами благодарности за предоставленные материалы, сообщалось, что напечатать их не представлялось возможным. Это вызывало вполне объяснимое непонимание, а то и обиду у авторов писем².

В последующие десятилетия сбор фронтовых писем и воспоминаний участников войны периодически осуществляли газеты и журналы, комсомольские и пионерские организации, музеи, школы, поисковые отряды и отдельные краеведы в различных регионах. Собранные материалы обычно передавались в школьные, ведомственные и краеведческие музеи, которые не всегда могли создать необходимые условия для их сохранения. В 1990-х гг. часть созданных трудом энтузиастов коллекций была безвозвратно утрачена. Более благоприятная судьба ожидала источники, переданные в государственные архивы. В настоящее время одна из самых крупных коллекций фронтовых писем и воспоминаний участников войны хранится в РГАСПИ. Ее основу составили материалы, собранные в ходе специальной акции «Память» в 1980 г. ЦК ВЛКСМ совместно с редакцией журнала «Юность», переданные редакцией журнала «Огонек» в 1981 г. и поступившие непосредственно от бывших фронтовиков и их родственников. Но лишь крайне немногочисленную ее часть относительно общего количества документов коллекции составляют материалы, принадлежащие детям военного времени³. Подобная ситуация характерна и для других федеральных и региональных архивов: практически везде детские воспоминания составляют крайне незначительную часть даже тех фондов и коллекций, которые содержат источники личного происхождения о войне.

Мотивы записи своих воспоминаний участниками и очевидцами военных событий различались. Некоторые объясняли это обстоятельствами практического характера («если я уж не заслужил награды, то дайте мне пенсию заслуженную»⁴). Для фронтовиков немаловажную роль играло стремление найти своих однополчан:

«В который раз я собираюсь писать вам, и каждый раз меня берет сомнение. Однако решаюсь еще раз попытать счастья, возможно, не говоря уже о встрече, но хоть узнать, что кто-то еще есть из тех фронтовиков, с которыми я, будучи сыном полка двенадцати лет, шел нога в ногу по фронтовым дорогам от Днепрпетровска до самой Германии»⁵.

¹ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. Пер. с нем. М., 2015. С. 12.

² Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. М., 2011. С. 21.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 681, 714, 796, 1041а, 1348, 1356, 1381 и др.

⁴ Там же. Д. 1041а. Л. 8.

⁵ Там же. Д. 676а. Л. 5.

Для большинства же это было продиктовано стремлением запечатлеть «уходящее» прошлое, ведь в конце 1970-х гг. последние поколения «молодых» ветеранов войны вступили в пенсионный возраст: «Отход от активной производственной деятельности многих из них сопровождался потребностью “сказать, наконец, правду о войне” в своих воспоминаниях, которые они направляли в издательства газет и журналов»¹.

Свою роль в записи и публикации воспоминаний играли многочисленные ветеранские организации, ставшие своеобразными коммеморативными сообществами, определявшими содержание и направленность рассказов о войне. В условиях их многократного публичного повторения стандартизировался набор вспоминаемых сюжетов, событий, интерпретаций их значений, порождая впечатление, что все участники войны «пережили одно и то же». Наряду с цензурой, свою роль в этом играла и самоцензура. В итоге картину событий войны характеризовали многочисленные табу и фигуры «умолчания». Вписанные в официальный нарратив, истории индивидуальной жизни выстраивались в соответствии со стереотипами «одобренной» памяти.

Детские воспоминания также подвергались определенному воздействию пропаганды через средства массовой информации, искусство и литературу. И все же постепенно формировалось осознание общности трагической судьбы поколения, оставшейся за пределами общественного внимания, в отличие от поколения участников войны:

«Мы дети войны. Радость жизни омрачена горем и печалью. Непреходящий голод, разруха, одеты в рванье. У каждого из нас в семье есть погибшие. Отец или брат»².

Принципиальные перемены в отношении к детским воспоминаниям периода Великой Отечественной войны произошли в последние десятилетия. Растет востребованность рассказов «детей войны», постепенно их стали принимать на хранение в местные архивы и музеи. По материалам РГАСПИ издан специальный сборник, включающий воспоминания детей, записанные в 1941–1942 гг., а также письма, поступившие в редакцию «Комсомольской правды» в 1961–1965 гг. и другие материалы³. Издан и ряд других воспоминаний «детей войны», как правило, стремящихся представить свою биографию как отражение судьбы всего поколения, подчеркнуть перенесенные тяжести и страдания⁴. Характерен подзаголовок одной из таких публикаций: «Воспоминание, выстраданное мной и поколением 1941–1945 гг.»⁵.

¹ Ильина З.Д. Государственная политика России и культурно-историческое наследие региона: к вопросу изучения жизненного подвига поколения победителей // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века. Т. 1. С. 24.

² РГАСПИ. Ф. М.-33. Оп. 1. Д. 1378. Л. 1а.

³ Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. М., 2011.

⁴ Война глазами детей: сб. документов. Калуга, 1993; Гура Г.С. Опаленное детство: воспоминания. Сочи, 2005; Детство, опаленное войной. В 3 кн. Кн. 1. Курск, 2005; Детство, опаленное войной 1941–1945 гг.: сб. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск, 2006; Орлов А.Ф. Военное детство (Это было в станице Апшеронской). Художественно-документальная повесть. Майкоп, 2010; Крут Я. Повесть о подаренной жизни. 2-е изд., доп. и перераб. Тель-Авив, 2012; Цимбалистова Н.Д. Память сердца. Документальная повесть. Ростов н/Д., 2012; Подростки в военное лихолетье. Архангельск, 1941–1945 гг. Архангельск, 2015 и др.

⁵ Лагунова К.Г. За победу! Правда о войне 1941–1945 гг. (на вахту стали дети). Краснодар, 2007.

Специальный сборник посвящен несовершеннолетним участникам Сталинградской битвы, численность которых, по мнению его составителей, составила более 2500 человек¹. Авторы воспоминаний описывают особенности фронтовой повседневности представителей разных родов войск, тяжести пережитого военного опыта:

«Я же был в пехоте, а пехота — это ужас. Ты как ишак, все на тебе: и гранаты запасные, и лопата, и патроны, и НЗ... Конечно, в пехоте было очень трудно. Везде трудно, везде смерть, но в пехоте без конца рой, окапывайся до полного роста»²; «Запомнилось больше всего из Сталинградской битвы, как я мерзла, и как у меня по локоть были руки в крови, и колени были в крови всегда. Это были такие страшные, серые дни. Подвигов я не совершала, я только перевязывала, садилась с ранеными в катер, когда их переправляли на тот берег, а оттуда брали нормальных бойцов, не раненых, перевозили сюда, это была такая повседневная, трудная работа»³.

Эти воспоминания несовершеннолетних участников Сталинградской битвы мало чем отличаются от мемуаров их старших товарищей, в них практически нет ничего специфически «детского».

Действительно, на войне несовершеннолетние военнослужащие в большинстве своем стремились подражать взрослой модели поведения (как сказал А.М. Гуревич, боевой путь которого начался в одиннадцатилетнем возрасте в конце 1942 г. в Сталинграде, а завершился в начале 1945 г. под Будапештом, «война сделала меня из пацана мужиком»⁴). По окончании же войны они следовали сложившимся практикам коммеморации. Воспитанники военных частей, юные партизаны и подпольщики доказывали, что не зря оказались на фронте и бились «до последней капли крови» за Родину, внося свой вклад в победу над жестоким врагом: «О смерти не думал совершенно. Знаете, у нас было желание воевать, чтобы не быть лишним...»⁵. Немногие признаются в том, что вели себя как-то иначе, например, при получении радостного известия о переходе советских войск в контрнаступление под Сталинградом:

«Мы, семнадцатилетние мальчишки и девчонки, пели, плясали, дурачились, прыгали, радуясь гулу орудий. Наконец-то наши пошли вперед. Взрослые радовались по-своему, выпивали за победу»⁶.

В то же время рассказы несовершеннолетних участников войны более эмоциональны в описаниях событий:

«Сказать, что было не страшно — это глупо. Да, было страшно. Когда бомбили, мне казалось, что эта бомба именно мне в спину, моя она, такое было ощущение»

¹ Несовершеннолетние солдаты Сталинграда: сб. М., 2007. С. 84.

² Там же. С. 158–159.

³ Там же. С. 212–213.

⁴ Интервью с Гуревичем А.М. 1931 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁵ Несовершеннолетние солдаты Сталинграда. С. 176.

⁶ Там же. С. 279.

ние. Она воеет так душераздирающе, ан нет, упала не на тебя, а где-то еще. Потом к этому начинаешь привыкать»¹.

Ю.И. Самохин отмечает, что в настоящее время некоторые ветераны рисуют радужную картину. Однако в его памяти осталось другое. Он без всякого пафоса пишет:

«Мне дали большую винтовку, она почти до земли доставала прикладом, штык выше меня, двести патронов, три гранаты и одну противотанковую гранату. В вещмешке был НЗ – сухари»².

С расстояния в несколько десятилетий он скромно оценивает свои возможности: «Я был мальчишка. Все стреляли, и я стрелял. Все наступали, и я наступал»³.

Многим воевавшим подросткам надолго врезались в память и первый убитый солдат вермахта, и перенесенные физические страдания, материальные лишения, и другие трудности и невзгоды военного времени. С этим нелегким грузом воспоминаний в течение длительного времени приходилось жить и справляться самостоятельно, никаких реабилитационных мер для бывших фронтовиков, как взрослых, так и детей, не предусматривалось.

В 2004 г. по инициативе Общества по развитию партнерских отношений между городами Кёльн и Волгоград было осуществлено издание воспоминаний о военном детстве сталинградцев, проживавших в городе к началу битвы⁴. Одни из них были угнаны на принудительные работы в Германию, другие находились в самом Сталинграде или на оккупированной территории, третьи жили за Волгой, в советском тылу. В 2010 г. был издан сборник «Воспоминания детей военного Сталинграда», в который вошли рассказы тех, кто, пережив в детстве Сталинградскую битву, в настоящее время входит в региональную общественную организацию «Дети военного Сталинграда в Москве»⁵. Отдельными сборниками выходили воспоминания детей-узников фашистских лагерей⁶ и детей-сирот⁷. За последние два с лишним десятилетия издано немало других сборников и отдельных воспоминаний бывших сталинградских детей⁸.

¹ Несовершеннолетние солдаты Сталинграда. С. 176.

² Там же. С. 337.

³ Там же.

⁴ «... и горела Волга». Оставшиеся в живых сталинградцы вспоминают. Волгоград, 2004.

⁵ Воспоминания детей военного Сталинграда. М., 2010.

⁶ Дети, пережившие ад. Воспоминания узников фашистских лагерей. Стихи из концлагеря. Повести. Волгоград, 2004.

⁷ Книга жизни в памяти живой. Воспоминания бывших воспитанников Арчединского специального детского дома. Волгоград, 2008.

⁸ *Нефедова В.И.* Пепел и прах Сталинграда: 125 дней фронтового детства. Волгоград, 1995; Дети Сталинграда: Воспоминания. Волгоград, 1998; О детях военной поры. Волгоград, 2000; Дети военного Сталинграда на берегах Невы. СПб., 2002; *Рудыкина-Жорова Е.* Подарок: статьи и интервью, рассказы, воспоминания. Волгоград, 2002; Мы родом из войны. Дети военного Сталинграда вспоминают... Волгоград, 2004; *Панченко Ю.* 163 дня на улицах Сталинграда. Волгоград, 2006; Несовершеннолетние солдаты Сталинграда. М., 2007; Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы. Волгоград, 2008; *Иванов В.* Мое сталинградское детство: воспоминания. Волгоград, 2010; Детство, унесенное войной. Камышин, 2011; Мы — сталинградцы: воспоминания, очерки, рассказы участников и очевидцев Сталинградской битвы. Волгоград, 2012; *Стрижаков Л.П.* До и после 23 августа 1942 г. М., 2012; *Сурдутович А.* Как это было. Волгоград, 2012; Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... Волгоград, 2013; *Хлынина Л.* В огне пылал мой город детства. Воспоминания детей военного Сталинграда. Камышин, 2015 и др.

Обращает на себя внимание то, что возможности и значение разных видов источников личного происхождения могут различаться при обращении к тем или иным историческим сюжетам. Например, при изучении повседневной жизни на фронте и в тылу, семейных и гендерных отношений, для понимания психологии человека в годы Великой Отечественной войны одним из главных источников считаются письма¹. В значительной степени это объясняется хорошей сохранностью эпистолярного наследия военного времени в архивах, музеях и частных собраниях, что превращает их в массовый исторический источник. В то же время дневники, которые в военное время вели не так часто, встречаются гораздо реже. Значителен по своему объему и разнообразен по содержанию пласт воспоминаний участников Великой Отечественной войны.

Специфика возраста обусловила то, что количество сохранившихся детских писем и дневников военного времени невелико. В архивах и музеях отложились единичные экземпляры дневников, которые вели дети. К таким уникальным источникам относится и дневник 16-летней сталинградской девушки Ани Арацкой, хранящийся в музее-панораме «Сталинградская битва». С сентября 1942 г. по февраль 1943 г. она описывала происходившие события с ней и ее семьей, находясь фактически на самой передовой². Значение данного исторического документа трудно переоценить, ведь в нем отражались оценки непосредственно переживаемых автором событий. В то же время очевидно, что наиболее репрезентативными источниками для изучения детства военного времени вследствие их массовости могут выступать в настоящее время только воспоминания.

В 2012 г. молодежь Волгограда и участники Сталинградской битвы приняли участие в общероссийской акции «Наша победа». В ходе этой акции в Волгограде было опрошено около тысячи человек. В число опрошенных вошло немало детей Сталинграда, хотя основной упор организаторы акции делали на опросе тех, кто в годы войны воевал или работал в тылу. Эти интервью не публиковались на бумажных носителях, но их видеозаписи выложены в Интернете. Имеются записи воспоминаний о военном Сталинграде и в архиве музея-панорамы «Сталинградская битва» (г. Волгоград). Однако в целом запись воспоминаний детей Сталинграда по-прежнему остается делом разрозненных энтузиастов, в большинстве случаев они фиксируются бессистемно, по разным методикам, что снижает возможности их источниковедческого анализа. К тому же главный интерес организаторов таких опросов, как правило, представляет война, а не детство в условиях военного времени.

Историки, сталкивающиеся со сбором устных рассказов о войне людей, переживших ее в детском возрасте, отмечают их незначительное сюжетное разнообразие, замкнутость «на семье, соседях, улице», редко выходящее за пределы повседневного быта. Самими респондентами интерес исследователя к этой неге-

¹ См.: Булыгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530–540; Кричко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Письма военного времени в Архивном фонде Российской Федерации // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 87–96; *Их же*. Проверенные цензурой: письма военного времени как источник по истории советской повседневности // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сб. науч. статей. Краснодар, 2011. С. 131–153 и др.

² Дневник Ани Арацкой // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М., 2015. С. 351–370.

роической странице их жизни воспринимается с определенной долей скепсиса. Настроившись на серьезный разговор о войне, не предполагавший «каких-то сантиментов», они нередко искренне недоумевают, зачем так подробно их расспрашивают о семье, жилье, друзьях.

Вместе с тем в детских воспоминаниях присутствует и отчетливо выраженное понимание исторической значимости наиболее важных, с точки зрения самих респондентов, событий военного времени, очевидцами которого они оказались. В этой связи нельзя не согласиться и с довольно часто встречающимся в современной исследовательской практике суждением о том, что именно война стала для военного поколения экзистенциально важной частью жизни, задающей не только ее последующий масштаб, но и обеспечивающей сопричастность к большой истории:

«Вот, прошло 70 лет, а она, как говорится, незаживающая рана, боль. Поколение уже фактически вымерло, мне уже самому в этом году 80 лет исполнится, и моих ровесников поумирало уже очень много. Это, понимаете, наша героическая страница нашей истории. И я уже чувствую, что сопричастен этой истории, я уже как бы носитель какой-то этой истории. Раньше, 20–30 лет назад, Вы бы мною совершенно не заинтересовались, потому что были участники, герои, которые шли в атаку, ранения получали, гибли там, убивали немцев, защищали Родину. А о таких, как я, Господи, что о них писать? Ну, прятались там где-то по подвалам, выглядывали, что-то видели, что-то помнили. Ну, и кому это надо?»¹.

В поисках «аутентичных» свидетельств о военном детстве историки обратились и к другим источникам, в том числе школьным сочинениям. После освобождения советских территорий во многих регионах страны школьники писали сочинения на тему «Мои переживания во время оккупации». В 1993 г. были впервые опубликованы фрагменты из сочинений краснодарских школьников², а в 2015 г. — достаточно полная подборка сочинений школьников Ростова-на-Дону «о зверствах фашистов в период оккупации»³. Эти источники чрезвычайно насыщены эмоционально, но сама специфика их жанра обуславливала высокую степень влияния на них официальной пропаганды. Исследователи стремятся с их помощью «реконструировать некоторые черты коллективного образа поколения “детей войны”, а также понять, какие культурные модели, “эмоциональные режимы” и “эмоциональные коды” существовали и одновременно конструировались молодыми людьми в ту эпоху»⁴.

¹ Интервью с Агарковым А.К., 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Запись 14 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Екатеринодар — Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях: Материалы к летописи. Краснодар, 1993.

³ Школьные годы, войной опаленные: сб. док-в и материалов. Ростов на/Д., 2015.

⁴ Рожков А.Ю. Прологомены к анализу школьных сочинений 1945 года как источников детских воспоминаний о войне // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. статей. Краснодар, 2009; *Его же*. «Вместо сияющего будущего — участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников (1945 год) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». С. 264–316; *Его же*. Оккупированное детство в сочинениях школьников: историковедческий аспект // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. С. 189–200.

Еще одним новым для отечественной историографии видом источников являются рисунки детей военного времени. Так, в собрании фонда советской и современной живописи и графики Государственного музея истории Санкт-Петербурга находится коллекция рисунков, созданных детьми дошкольного и младшего школьного возраста во время блокады Ленинграда в 1941–1944 годах. Она насчитывает около 700 произведений и является, вероятно, самой крупной коллекцией подобных источников¹. Отдельные рисунки отложились в уже рассматривавшемся фонде выставки «Комсомол в Великой Отечественной войне». Нередко они направлялись на фронт в качестве поздравлений бойцам и командирам РККА². В 1990-е гг. коллекции детских рисунков Жени Рудькиной (Е.П. Жоровой), Нади Митюковой, Валентины Кальниченко появилась и в музее-панораме «Сталинградская битва»³. Все они являются ценными историческими источниками, отражающими психологическое состояние детей военного времени, однако их количество и возможности превращают их еще и в уникальные источники.

Представляют интерес и опросные листы несовершеннолетних «восточных рабочих», находившихся на принудительных работах в Германии и других странах. Опрос репатриантов осуществляла Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (*далее* — ЧГК) с целью «поименного учета немецких рабовладельцев, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан, для привлечения их к суду, а также для предъявления немецким захватчикам иска на возмещение затрат, произведенных на лечение и выплату пенсий советским гражданам в связи с утратой ими трудоспособности в немецкой неволе»⁴. В настоящее время опросные листы «восточных рабочих» хранятся в фонде ЧГК в ГАРФ и сгруппированы в отдельные дела в соответствии с административно-территориальным делением. Несмотря на выход первых исследований, указанные источники еще недостаточно введены в научный оборот.

Таким образом, имеющаяся в распоряжении исследователей источниковая база представляет немало возможностей для изучения детской памяти о Великой Отечественной войне. В то же время она свидетельствует о том, что воспоминания детей военного времени в значительной степени противоречивы и содержат разные описания, что позволяет говорить о различных моделях восприятия истории войны.

¹ Ловягина В.Е. Рисунки детей блокадного Ленинграда. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. С. 93–102.

² РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3545, 3367, 5720.

³ Аргасцева С.А. Коллекция рисунков сталинградских детей // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. С. 4–6.

⁴ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 167. Л. 21.

1.3. МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА ДЕТЕЙ СТАЛИНГРАДА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассказы несовершеннолетних участников и очевидцев военных событий в последние десятилетия фиксировали многие исследователи, собиратели и специальные структуры. Среди них центры устной истории Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», Европейского университета в Санкт-Петербурге, Воронежского педагогического, Петрозаводского, Ставропольского (в настоящее время – Северо-Кавказского федерального), Южно-Уральского государственных университетов, другие исследовательские и образовательные учреждения. Записываются рассказы различных категорий детей – участников войны, несовершеннолетних узников нацистских концлагерей, очевидцев событий оккупации, эвакуации, блокады Ленинграда. Создаваемые виртуальные архивы, базы и банки данных становятся важнейшей основой для изучения многих аспектов военного детства. Многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, печатных и электронных СМИ.

Следует подчеркнуть, что проблематика социальной памяти вышла на первый план исследований относительно недавно. Появление интереса к этой теме было связано с опытом переживания обществом последствий травм, нанесенных ему в XX в.: мировыми войнами, Холокостом в Европе, геноцидом в других регионах мира, бесчеловечными практиками тоталитарных режимов. Бурно развивающиеся исследования памяти лишь частично пересекаются с традиционной историографией, однако активно наступают на ее «поле», переопределяя прошлое и методы обращения с ним. Вместе с тем именно эти исследования подталкивают историков к уточнению методологии, переопределению задач своей работы и своего места в диалоге современности с прошлым. Уместно привести рассуждение известного французского историка П. Нора: «Память и история совсем не синонимы, они находятся сегодня в фундаментальной оппозиции. Память – это жизнь, создаваемая живыми обществами, основанными во имя нее. Она постоянно эволюционирует, открыта для диалектики воспоминания и забвения, не сознает свое постоянное искажение, подвержена манипуляции и присвоению, способна долго оставаться в спящем состоянии и периодически оживать. История, с другой стороны, – это реконструкция, всегда проблематичная и неполная, того, чего больше нет. Память – это постоянно актуальный феномен, связывающий нас с вечным настоящим; история – репрезентация прошлого»¹. Если обратиться с этой точки зрения к взаимодействию исторического нарратива Сталинградской битвы с памятью свидетелей данного события, то мы обнаружим много важного, оставшегося доселе вне поля зрения исследователей.

Детские воспоминания о войне оказывают воздействие на историческую науку в нескольких основных направлениях. Во-первых, они способствуют расширению конкретно-исторических знаний о войне. Рассказы детей являются но-

¹ *Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations, No 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. 1989. Spring. P. 8.*

вым источником, позволяющим дополнить наши представления о событиях и проблемах военного времени. Такое расширение источников с помощью методов устной истории началось с обширных проектов опроса участников движения Сопротивления, предпринятых во Франции полвека назад. Ценность таких источников очевидна, как очевидно и кратко время, на протяжении которого их можно получить. За прошедшие десятилетия разработаны базовые правила опросов и обработки материалов устной истории, обнаружены границы этого метода. Сравнение рассказов детей из разных национальных групп и слоев советского общества позволяет увидеть различия в практиках воспитания и возможностях, предоставлявшихся детям в тех или иных семьях, в стратегиях выживания в период войны. Вместе с тем они дают более четкое представление о том, что происходило в городе Сталинграде и его окрестностях во время битвы, помимо собственно военных действий.

Во-вторых, история, рассказанная детьми, может быть понята как часть пространства новой, дробящейся истории, в том ряду, где уже существуют история национальных меньшинств, история регионов и история женщин. Дети являются новым субъектом истории, конституирующим такой раздел исторической науки как история детства¹. История детей в годы войны — яркий сюжет, позволяющий определить их меняющуюся роль в обществе в критические периоды его существования.

Наконец, в-третьих, воспоминания детей о войне стали неожиданным вызовом для историографии постмодерна, утверждавшей недоступность непосредственного восприятия прошлого, и, как следствие, принципиальную неразличимость источников настоящих и фальсифицированных.

В 1995 г. Биньямин Вилькомирский опубликовал на немецком языке книгу под названием «Фрагменты: Мемуары военного детства»², в которой рассказывал о событиях и переживаниях еврейского мальчика в годы Второй мировой войны в оккупированной нацистами Европе. Мемуары были очень хорошо приняты читателями, переведены на девять языков и получили несколько премий в номинации нехудожественной литературы. Однако уже в 1998 г. появились сомнения в истинности авторского рассказа, а в 1999 г. специальное расследование показало, что Вилькомирский не только не переживал ужасов Холокоста, не попадал в Майдадек и Освенцим, но и вообще не существовал. Под этим именем скрывался Бруно Доссекер, который провел годы войны в Швейцарии, а его книга оказалась искусственной фальсификацией³. Это разоблачение нанесло непоправимый удар по многим презумпциям постмодернистского подхода к истории, а также поставило под сомнение валидность «устной истории» Второй мировой войны в целом. В самом деле, радикальным приверженцам постмодернистского стирания различий между любыми текстами о прошлом трудно было применить этот подход к конкретному случаю, уравнивая текст Вилькомирского с дневниками Анны Франк или текстами

¹ *Арвес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке; *Cunningham H.* Histories of Childhood // *American Historical Review.* 1998. October. Vol. 103. № 4. P. 1195–1208; *Stearns P.N.* Childhood in World History. Routledge, 2006.

² *Wilkomirski B.* Bruchstücke. Aus einer Kindheit 1939–1948. Frankfurt, 1995.

³ *Mächler S.* Der Fall Wilkomirski. Über die Wahrheit einer Biographie. Zürich, 2000.

Примо Леви. С другой стороны, многие исследователи казуса Вилькомирского пришли к выводу, что он не был сознательным мистификатором, а верил в то, о чем писал, и мы имеем дело с «наведенными воспоминаниями», которые «сплавили» реально пережитое автором с тем, что он узнал о Холокосте в течение своей жизни¹.

Приведенный случай ставит вопрос о доверии к воспоминаниям детей войны, о роли позднейшей информации, полученной из других источников в (ре)конструировании собственной памяти. Предварительно можно относительно легко подвергнуть сомнению, воспринять как «сконструированную», ту часть воспоминаний, в которой авторы объясняют происходившее на их глазах (например, указывают на стратегическую важность какого-то события в ходе Сталинградской битвы), так как нет инструментария для глубокой «проверки» каждого рассказа. Однако сбор и публикация этих рассказов дает возможность ввести их в круг исторических источников, открывая возможности для такой «проверки» будущим историкам.

В ходе данного исследования в 2014–2015 гг. был проведен опрос среди жителей города Волгограда, переживших Сталинградскую битву в 1942–1943 гг. в детском и подростковом возрасте. Специфика опроса заключалась в том, что он проводился на пересечении двух масштабных проблем — военного детства и героики Сталинградской битвы. Именно под это пересечение заранее разрабатывался вопросник, составивший основу структуры глубинных интервью. Он включал в себя более 130 вопросов и состоял из нескольких основных блоков: воспоминания о довоенном детстве, детство в период войны, детство в первое послевоенное десятилетие и формирование памяти о войне.

Предполагалось, что результаты интервьюирования сотен детей военного Сталинграда позволят не только воссоздать тот пласт событий, к которому редко обращались военные историки, но и раскрыть действие механизмов социокультурной и психологической адаптации детей к чрезвычайным условиям войны и разрухи; выявить особенности формирования памяти о войне у детей и подростков; исследовать процесс трансформации детских воспоминаний о войне в условиях советской и постсоветской действительности. А главное — попытаться понять, каким образом память места, ставшего символом несломленной воли к победе советского человека и триумфа советской военной стратегии, предопределила собою коллективные и индивидуальные воспоминания о детстве, проведенном в военном Сталинграде. К реализации опроса были привлечены не только уже состоявшиеся исследователи, но и студенты, участие которых в сборе и записи воспоминаний непосредственных свидетелей того времени давало им непосредственную возможность соприкоснуться с «живой» историей войны.

Главной целью наших опросов была ориентация респондентов не столько на воспоминание битвы, свидетелями которой им довелось быть, сколько на восстановление состояния детскости и детства, прошедшего в условиях войны. Мы просили вспоминать и описывать не только события, но и состояния, ощущения и переживания, связанные с ними тогда (в детстве) и сейчас, в настоящее время. Ограничение большой темы «дети и война» рамками одной битвы оказалось не

¹ *Tavris C., Aronson E. Mistakes Were Made (But Not by Me): Why We Justify Foolish Beliefs, Bad Decisions, and Hurtful Acts.* N.Y., 2007.

случайным. Мы сознательно направили исследовательские усилия на однородную в возрастном отношении группу, объединенную единым пространством военного Сталинграда и общей судьбой выживания в условиях, когда официальные власти почти не осуществляли мер по эвакуации мирного населения и заботы о нем в период бомбардировок и боев. Судьба детей военного Сталинграда уникальна еще и потому, что здесь переплелись жизненные истории тех, кто оказался в осажденном городе и на территории боевых действий, был в концлагере в Белой Калитве, угнан в Германию или оказался в эвакуации. При этом часто в судьбах одних и тех же людей оказывался соединенным и опыт бомбежек, и уличных боев, и оккупации, и эвакуации или пребывания в концлагерях.

Всего в 2014–2015 гг. было записано 264 интервью детей военного Сталинграда, являвшихся непосредственными свидетелями событий того времени и на сегодняшний день остающихся основными трансляторами памяти о Великой Отечественной войне (58 мужчин и 206 женщин). При этом 20 чел. были опрошены в помещениях районных организаций областной ассоциации «Дети военного Сталинграда» (13 чел. — в Красноармейском и 7 чел. — в Кировском отделениях), а одно интервью состоялось в помещении организации «Дети огненного Сталинграда». Семнадцать человек были опрошены в районах Волгоградской области — это «дети Сталинграда», которые либо после битвы остались там, либо перебрались туда позже на постоянное место жительства, 6 чел. были опрошены в садоводческих товариществах (на дачах), 5 чел. — на улицах или во дворах домов, 2 чел. — по месту работы в вузах города, и одна из опрашиваемых сама приехала в Волгоградский государственный университет для беседы. Остальные были опрошены в своих домах и квартирах, иногда — в присутствии родственников или супругов.

Основу группы респондентов первой части проекта, посвященной детству до и во время войны, составили лица, рожденные в период с 1928 по 1938 годы. Фактически опрос проводился среди лиц, рожденных с 1924 по 1941 годы. Респонденты второй части проекта, посвященной детству во время и после войны, — лица, рожденные в период с 1938 по 1948 годы. Более половины всех опрошенных составили респонденты 1934–1939 годов рождения. Общее распределение информантов по годам рождения позволяет представить таблица 1.

Таблица 1

Распределение информантов по возрасту

Год рождения	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Количество, опрошенных, чел.	2	1	8	12	10	6	13

Год рождения	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Количество, опрошенных, чел.	13	12	11	19	25	23	42
Год рождения	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Количество, опрошенных, чел.	24	15	13	5	1	3	2

Год рождения	1945	1946	1947	1948
Количество, опрошенных, чел.	1	1	1	1

Первоначально интервью вызвали впечатление, что опрашиваемые являются успешными людьми. Они не только выжили во время войны, кажется, вопреки всему, но и получили образование, сделали профессиональную карьеру, достигли высоких результатов, каждый в своем деле. Особенно высок процент людей с высоким и средним специальным образованием был у бывших блокадников Ленинграда, эвакуированных в годы войны в Сталинград. Очевидно, что у тех, кто погиб под бомбежками и по разным причинам не дожил до нашего времени, была «своя» правда жизни, остающаяся невысказанной. В ходе дальнейших интервью пришло осознание того, что среди информантов есть и менее успешные люди, которые смогли окончить только семилетнюю школу, а затем трудиться простыми рабочими. Позже выяснилось, что многие женщины остались без семьи. Количество женщин, не сумевших родить и не имевших детей, точно подсчитать невозможно, так как не все из них признались в этом. Можно предположить, что их доля была достаточно высока и составляла от 1/6 до 1/7 всех опрошенных. Непросто складывалась судьба и многих других информантов.

Не все проведенные интервью в равной степени освещают различные стороны повседневной жизни в годы войны, но все являются ярким подтверждением существования военного детства — особой территории, где ранее взросление во все не отменяло беспешачной радости и ребячьего восторга от полученной невзначай игрушки или сладости, доставшейся «как маленькому», или самой детской мечты о красивом платье. Зримое и символическое присутствие во всех этих воспоминаниях Сталинграда придавало им несколько патетический оттенок, оправданный трагической судьбой города и его населения. Некоторые опрошенные, стремясь показать тяжесть пережитых ими испытаний, сравнивали положение в Сталинграде с блокадой Ленинграда (встречались утверждения, что «там хоть хлеб давали» или «там дома остались, там не так мерзли, там не так горели» и т.п.).

В процессе организации и проведения интервью возникали определенные трудности, преодоление и минимизация негативных последствий которых не могли не сказаться на полученных результатах. Главной и несколько неожиданной проблемой стал поиск необходимых респондентов. Первоначально исследование планировалось проводить через существовавшие в Волгограде общественные организации, выступавшие от имени и в защиту интересов детей Сталинграда («Дети военного Сталинграда», «Дети огненного Сталинграда», «Дети героического Сталинграда», Российский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, Волгоградское областное добровольное общество «Защитники и жители блокадного Ленинграда»), а также личные связи.

Но почти сразу поиск респондентов натолкнулся на сложности, связанные и со спецификой самой городской жизни (ее определенной замкнутостью и отчужденностью), и с возрастными особенностями наших респондентов. Иногда руководителей организаций смущали некоторые вопросы, казавшиеся им «несоответствующими реалиям того времени». Тем не менее во многих городских и районных организациях бывших детей Сталинграда мы нашли полное понимание и получили всестороннюю помощь. Некоторые председатели и активисты брали на себя нелегкий труд обзванивать членов своих организаций, просить и убеждать их дать интервью, разъясняя общественную и научную значимость это-

го мероприятия. Нам помогали и в проведении самого интервьюирования, предоставляя для этого помещения.

В тех случаях, когда участники опроса самостоятельно звонили предполагаемым респондентам, чаще всего следовали отказы — со ссылками на возраст и болезни, но не всегда вызванные только этими обстоятельствами. Кто-то не хотел «ворошить тяжелое прошлое», у кого-то вызывали недоверие студенты: «Во-первых, если так условно сказать, возраст у респондентов тот, когда всех подозреваешь: “Какой-то непонятный ученый придет ко мне домой...” и т.п. Отказывали часто, даже если предварительно договаривались, все равно потом находилась куча причин, почему не встречались: дача, “да я на самом деле ничего и не помню уже” и т.п.»¹. Всего от проведения интервью отказалось около 20 % потенциальных информантов, контакты которых были предложены общественными организациями. Еще примерно столько же оказались просто не доступны (не отвечали на телефонные звонки вследствие смены адреса, ухода из жизни и по иным причинам).

Легче всего было организовать и провести интервью через личные каналы — родственников, их знакомых, друзей, которые не только с удовольствием включились в поиск респондентов, но и зачастую становились ими сами: «Проще, конечно, подбирать респондентов по знакомым. Притом лучше, когда эти знакомые сами договариваются о моей встрече, а потом появляюсь я. Плюс такого подхода в том, что практически нет отказов. Видимо, все-таки неудобно отказывать знакомым. Минус — количество знакомых ограничено». Метод «снежного кома» оказался самым эффективным, хотя и в этом случае встречались отказы от уже назначенных встреч.

Серьезным эмоциональным испытанием для интервьюеров стало установление доверительных отношений с респондентами. Даже договорившись о встрече, они не всегда получали возможность с ними встретиться: «В самом начале для меня тяжелым было слышать частые отказы по телефону, иногда в не очень вежливой форме. Но постепенно я к этому привыкла. Одним из самых больших потрясений для меня стало первое назначенное интервью, когда я приехала на место проведения, а меня просто отказались впускать, сказали уходить и никогда не звонить». Инициатива отказа могла исходить не только от потенциальных респондентов, но и от членов их семей, не видевших практической целесообразности в проведении опросов и встречах их пожилых родственников с незнакомыми людьми: «Несколько раз мы договаривались по телефону о встрече, но, к сожалению, затем меня не пускали в дом дети интервьюируемых, которые были против интервью».

В процессе интервьюирования возникали и другие сложности, в частности, связанные с использованием диктофона: «Были такие респонденты, которые боялись диктофона. Одно интервью у меня вообще было под карандаш. Бабушка специально посадила меня в один конец комнаты, сама ушла в другой, попросила выключить диктофон и говорила очень тихо. Был случай, когда после того как я выключала диктофон, интервьюируемый уточнял, действительно ли его не записывают. После этого начинали раскрываться подробности о том, как было на са-

¹ Здесь и далее приводятся впечатления интервьюеров.

мом деле, то чего не договорили в основном рассказе (например, об укрытии или расстреле вражеского солдата). Зачастую обращались с просьбой не записывать на диктофон какой-либо сюжет». Подобная реакция вызвала удивление некоторых интервьюеров как представителей поколения, у которого сформировалось другое отношение и к самой технике, и к публичности различных обстоятельств собственной жизни: «Относительно того, чтобы договориться об интервью, как таковых трудностей не было. В принципе, люди охотно соглашались, но при встрече, узнав, что беседа будет записана на диктофон, некоторые отказывались от интервью. Их смущало его наличие, непонятно, с чем это было связано. Было у меня одно интервью с пожилым мужчиной, так вот, когда он не хотел, чтобы какая-то информация попала на диктофон, он просил меня выключить в этот момент, а потом опять включить. Так было, например, при рассказе о его родителях. О том, что отца его расстреляли и моему собеседнику пришлось сменить фамилию с немецкой на другую, а отец у него был поволжский немец».

Отдельно необходимо отметить трудности содержательного порядка, непосредственно вызванные работой с респондентами. Вопросы, связанные с повседневной жизнью на войне, очень часто наталкивались на их непонимание. Недовольство вызывало уже само слово «быт», ассоциировавшееся с благополучной, размеренной жизнью, которой «на войне не могло быть по определению»: «Иногда реакцию возмущения вызывал вопрос о быте, т.е. для них быт — это что-то комфортное, удобное. И не понимают они, каким может быть быт во время войны. Вопрос о домашних животных — опять же для собеседников почему-то домашние животные, в первую очередь, — это не собаки, кошки, а домашний скот — коровы, козы, домашняя птица. И отвечали, в первую очередь, про них, не припоминая каких-либо историй, связанных с ними».

В тех же случаях, когда респонденты соглашались рассказать, что «ели и носили», они нередко испытывали чувство стыда, проявлявшееся в понижении голоса, закрытии рукой диктофона или передвижении вглубь комнаты. Скорее всего, такая реакция на некогда пережитый голод и отсутствие «нормальной одежды» — дань более поздним представлениям о «счастлимом детстве страны Советов», не вписывавшимся в индивидуальные воспоминания детей войны.

До многих вопросов интервьюеры просто «не доходили», не успевали. Часовые беседы «под диктофон» плохо переносились респондентами, чей преклонный возраст и буквально на глазах возраставшая эмоциональная неустойчивость, выражавшаяся в появлении слез, замкнутости, нежелании «ворошить прошлое», требовали срочного сворачивания беседы или перевода ее в плоскость бытовых разговоров о здоровье, семье, болезнях и текущей политике: «Еще замечу, что вопросов много, мне казалось, что интервью должно проводиться несколько часов, чтобы была возможность подробно расспросить и подробно собеседнику все рассказать. Но, вероятно, в силу возраста помнятся очень хорошо отдельные моменты жизни. И даже интервью в два часа времени не все выдерживают. Через часа полтора уже начинают кряхтеть, ерзать, вздыхать, т.е. уже видно, что устают. Кто-то, наоборот, старается вида не подавать, но это заметно».

Как правило, женщины оказывались более открытыми, чем мужчины, чаще ограничивавшиеся односложными ответами: «Иногда информанты отвечали на вопросы очень неохотно, короткими фразами. В таких случаях приходилось разговаривать с ними на отдаленные темы, чтобы потом как-то вернуться к нужной». При этом женские воспоминания оказывались и более эмоциональными: «Определенная эмоциональная сложность при проведении интервью о войне тоже есть. Хотя, казалось бы, что столько лет прошло, и даже не подумаешь сначала, что люди могут вспоминать со слезами о своем прошлом до сих пор. Чаще, конечно, плачут женщины. Причем в начале беседы они бодрые, заинтересованные, потом уже по ходу интервью, как бы вспоминая все больше и больше о своих родителях, о самих бомбежках, о том, как скрывались и что ели, они плачут, жалея себя и своих родителей, их трудную жизнь. Конечно, это производит неизгладимое впечатление. Особенно меня лично поразила встреча с женщинами, которые побывали детьми в концлагере. Видя у них на руке лагерный номер, когда они голосом передают свои переживания и те ощущения из прошлого, через что они прошли, и как будучи уже пожилыми женщинами, вспоминают те события, плачут, это оставляет также сильные эмоции. Мужчины как-то рассказывают больше бодро, с интересом, вот чтобы показать, рассказать какие они были храбрые мальчишки, что видели. Но грустноватые нотки и у них встречаются. Женщины все же несут в себе воспоминания больше со скорбью».

Иногда затрудняли проведение интервью родственники и близкие респондентов, чье оправданное присутствие при записи зачастую оборачивалось излишним гостеприимством (предложением прерваться, «попить чайку») либо демонстрацией нежелательности проведения самой беседы: «Например, приходишь к интервьюируемому домой, а там друг, подруга, сожительница, внуки, правнуки. Причем, если люди старшего поколения могут мешать тем, что вмешиваются в интервью, пытаясь добавить что-то от своего лица, то молодые, например, внуки, мешают своим поведением и всячески показывают, что интервью проводить у них неуместно».

Многие респонденты в процессе беседы отказывались говорить, а если и соглашались, то делали это крайне неохотно, о себе, своем прошлом и особенно о войне: «Причины для этого они называют разные: во-первых, не считают это интересным для своих потомков; во-вторых, боятся, что их рассказ не будет складным или его осудят; в-третьих, считают, что уже много написано о войне, и современные историки сделают только хуже, опасаются, что рассказанное ими будет перевернуто; в-четвертых, некоторые уже не один раз давали интервью, записывали воспоминания, но они часто пропадали бесследно; в-пятых, очень часто отказываются по состоянию здоровья. Погружение вглубь своих самых страшных воспоминаний не проходит без следа на их здоровье. Есть другой тип людей, которые отказываются от интервью не сразу. Они вроде бы соглашаются, но под разными предлогами оттягивают момент встречи, а потом говорят, что передумали».

Интервьюеры отмечали, что в ряде случаев респонденты рассказывали не о том, что они пережили в реальности, а то, что от них хотели услышать: «Например, я спрашиваю: "Расскажите, Вы писали письма на фронт?". Они отвечают:

«Я не помню, но напишите, что писала»». Переживая, что они что-то напутают в изложении событий войны, респонденты предлагали свои ранее записанные воспоминания в виде газетных статей, сочинений школьников о них. Иногда их воспоминания полностью воспроизводили отредактированные печатные версии: «Попадаются интервью, начинающиеся с уже опубликованных воспоминаний. Вот сейчас сию, вычитываю текст практикантки. Начало — выверенный эмоционально текст, без грамматических (обычных для устной речи) ошибок. Потом девочка говорит: «Спасибо, что прочитали мне Вашу статью...» и начинает задавать вопросы...».

Практически все опрошенные дети Сталинграда гораздо больше, чем о своем военном детстве, хотели рассказать и рассказывали «о своих успехах в жизни, своих зрелых годах, когда они были квалифицированными и востребованными специалистами, как жили большой дружной семьей, о путешествиях по СССР, о достижениях своих детей и внуков». Тем самым они подчеркивали, что их жизнь состоялась, в том числе и благодаря суровой школе Сталинграда. Интервью приобретали дополнительное гуманистическую значимость, становились необходимым способом легитимизации прожитой жизни.

Результатом проведенных опросов стало издание двух сборников воспоминаний: «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города»¹ и «Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города»². В первый сборник вошло 114 текстов воспоминаний тех, в чьих судьбах переплелись опыт бомбежек, уличных боев, оккупации и эвакуации или пребывания в концлагерях и сиротских домах. Во второй сборник вошло 56 текстов. Среди респондентов оказались не только люди, рожденные в Сталинграде, но и те, кто приехал в Сталинград/Волгоград позже. Они также оказались вовлечены водоворотом событий в самые жестокие условия войны, а их детство было скомкано блокадой, бомбежками и голодом. Полные записи интервью и их расшифровки с задаваемыми вопросами и пометками интервьюеров хранятся в архиве Музея казачьего быта Волгоградского государственного университета.

Вокруг вопроса о том, что и с какого возраста может помнить ребенок, оказавшийся современником выдающихся исторических событий, сломано немало профессиональных копий. По утверждениям психологов, социальная память начинает формироваться уже с четырехлетнего возраста и включает в себя отрывочные наиболее эмоционально окрашенные эпизоды внешней по отношению к нему жизни. Более осмысленными, соотносимыми с историческим контекстом, детские воспоминания становятся в девятилетнем возрасте и «значительно преобразуются в памяти взрослого под воздействием социокультурных факторов, таких как авторитетный источник информации, высокая вероятность событий, необходимость верификации воспоминания в ином лингвистическом контексте. Причем эта пластичность не дефект памяти, а особый механизм, позволяющий оптималь-

¹ Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014.

² Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград, 2015.

но приноравливать воспоминания к требованиям текущего дня»¹. В ряде случаев респонденты по завершении встречи под воздействием хода беседы, проговариваемых эпизодов из чужих воспоминаний, профессиональной литературы о войне перезванивали и «вспоминали» похожие случаи из своей жизни. Нередко в процессе и самого разговора, преодолев барьер настороженности и непонимания того, чем они могут помочь («Вам надо с теми, кто воевал, а я дитё была», «как жили, расскажу, но это разве война?»), вспоминали все новые подробности, подтверждая тем самым, что «и такое на войне бывало».

События Великой Отечественной войны представляют собой фокус исторического нарратива современного российского общества. Огромная трагедия и великая Победа — это тот опыт, отношение к которому объединяет большинство россиян, делая их единым народом. Именно поэтому война остается важнейшей частью актуального «исторического диалога», в котором вопросы формулирует современность, а ответы общество ищет у прошлого. Рассмотренные в таком контексте опросы членов последнего поколения, имеющего персональный опыт соприкосновения с войной, личную память о тех событиях, ставят целый ряд методологических проблем, требующих решения. Свидетели событий прошлого, в отличие от привычных источников, к которым прибегают историки сами являются частью настоящего, той современности, которая «диктует вопросы» историкам. Поэтому не всегда возможно провести черту между современностью и историческим прошлым в ответах «детей войны». Так, респондент рассказывает об «украинцах», которые вместе с немцами наводили «новый порядок» в оккупированных районах Сталинграда в 1942 г., и у исследователей возникает закономерный вопрос: является ли это действительно воспоминанием об украинских коллаборационистах, с которыми он реально столкнулся во время Сталинградской битвы, либо «спусковым механизмом» для его рассказа послужила вчерашняя телепередача?

Важнейшее различие истории и индивидуальной памяти состоит в том, что история представляет собой реконструкцию событий, а память несет след непосредственного столкновения с ними. Однако память может быть обманчивой не только потому, что важные детали забываются, а последовательность событий перепутывается, но и потому, что на нее накладываются реконструкции и интерпретации, осуществленные после событий разными людьми и институтами. Так, ребенок, переживший Сталинградскую битву в подвалах и траншеях разрушенного города, за послевоенные десятилетия прочитал множество рассказов, увидел множество кинофильмов о битве, выслушал и выучил трактовку Сталинградского сражения в учебниках и официальном нарративе. Иногда такое «наложение» в рассказе респондента очевидно: в рассказ об увиденной танковой атаке влетает рассуждение о стратегическом маневре, частью которого эта атака являлась. Другие оценочные суждения, позаимствованные у взрослых, менее очевидны и труднее вычлняются.

Тем не менее сравнение рассказов детей Сталинграда о битве с официальным нарративом Сталинградской битвы, закреплённом во множестве текстов,

¹ Нуркова В.В. Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». С. 184.

представляется плодотворным. Ответы на прямо сформулированный в анкете вопрос: «Знали ли Вы в то время что-то о событиях Сталинградской битвы? О наступлении Советской армии, об окружении противника, пленении Паулюса?» — очень скупы и немногословны. Это косвенно свидетельствует в пользу предположения, что детская память в значительной степени сохранила непосредственное восприятие событий, сопротивляясь «объяснительному нарративу» взрослых. Слово «наступление» очень редко используется в рассказах детей Сталинграда: применительно к событиям конца 1942 — начала 1943 гг. — 16 раз за все проведенные интервью. Слово «окружение» применительно к группировке Паулюса — всего один раз — в рассказе о том, как респондент «слышал, как Левитан объявил об окружении фашистских войск и взятии в плен Паулюса»¹. Даже устойчивое словосочетание «Сталинградская битва» использовали в своем рассказе о событиях меньшинство респондентов; это название было обобщением, которое выходило за рамки детского осмысления событий.

Представляется интересной проблемой и анализ самой формы рассказа о событиях, либо какого-то ключевого эпизода в воспоминаниях. Так, многие мемуары объединяет сюжетная форма повествования о дороге, «путешествии», история переселения или передвижения в пространстве во время Сталинградской битвы. Любопытным предметом для анализа представляется и протяженность времени битвы в воспоминаниях детей: в некоторых рассказах она представляется чрезвычайно долгой (как это, очевидно, и было в детском восприятии), целой эпохой в их жизни. Создание собственного нарратива переживаний битвы — естественное свойство человеческой памяти, упорядочивающей события, в которые погружен человек. Как выясняется, детский нарратив оказывается весьма устойчивым к воздействию со стороны идеологизирующего рассказа, сконструированного государством. Таким образом, рассказы детей, переживших Сталинградскую битву, оказываются еще одним ответом на актуальный вопрос: «что нужно сделать для того, чтобы судьба коллективной исторической памяти об этой войне, равно как и судьба ее профессионального исторического описания не оказались целиком связанными с судьбой... “авторитарного слова” и стоящего за ним авторитета»².

Степень близости к значимому на сегодняшний день событию прошлого и, соответственно, характер воспоминаний о нем определяются четырьмя возможными позициями: участника, очевидца, современника и наследника³. Каждая из них обладает как своими преимуществами, так и недостатками, определяя тем самым объем и достоверность детской памяти о войне. Так, ядро воспоминаний *участника* военных событий составляет личный опыт, позволяющий рассматривать себя носителем максимально достоверного знания о происходившем, последствия которого ему не известны. Отсюда и настойчивое стремление на уровне взрослых воспоминаний «добрать» недостающие сведения, понять то, что выходит за пределы собственного опыта. *Очевидец*, находящийся за пределами события, но совпадающий с ним географически, получает возможность беспристрастно оце-

¹ Савин А.С. // Дети и война. С. 174.

² Калинин И. Там, где кончается документ... // Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). С. 630.

³ Нуркова В.В. Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве. С. 200.

нить увиденное, но ему не хватает непосредственной сопричастности к творящейся на его глазах истории. Поэтому он очень часто на уровне воспоминаний перемещается на позиции участника, наделяя их событиями из «прожитой чужой жизни». В наиболее выигрышной ситуации пребывает *современник*, который обладает знанием очевидца, совпадает с событием во времени, но расходится с ним в пространстве. Его задачей становится поиск образной составляющей, помогающей приблизиться к позиции участника. Менее информативным, но показательным в отношении понимания механизмов формирования памяти о войне, оказывается *наследник*, отсутствие личного опыта участника, наблюдения очевидца и знания современника у которого переводят его в разряд потребителя готового знания. Однако, несмотря на всю их профессиональную значимость, в исследовании рассматриваемой здесь проблемы обращения к его полностью сконструированной памяти о войне не представляется необходимым.

Формирование образов войны детской памятью и их последующая актуализация во взрослом возрасте связаны не только с эмоциональным потрясением пережитых тягот и потерь военного времени. В этом сложном процессе переплетения реальности и последующего знания, недостаток которого зачастую компенсируется присвоением чужой памяти, решающее значение приобретают отношения, связывающие субъект с историческим событием. В том случае, когда этим событием оказывается Великая Отечественная война, длительное время оставшаяся сакральным символом нашей истории, включаются механизмы, обеспечивающие человеку на уровне воспоминаний ту или иную степень сопричастности к ней. В то же время сама степень этой потребности обуславливается конкретным личным опытом переживания событий военного времени; характером их травмирующего воздействия на последующую жизнь «детей войны»; общественной и профессиональной востребованностью детских воспоминаний людей взрослого возраста. Все они находят отражение в выстраиваемых повествованиях, где, говоря словами З. Баумана, «жизни прожитые и жизни рассказанные, тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Можно сказать, что, как это ни парадоксально, истории, рассказанные о жизни, вмещиваются в прожитую жизнь еще до того, как она проживается, и о ней становится возможным рассказать»¹.

Работы современных исследователей открывают новые направления в изучении военного детства. В них отражаются серьезные изменения в развитии самой исторической науки, обновление ее методологии и источниковедческой базы. Расширение привычно используемого корпуса источников, прежде всего, за счет свидетельств непосредственных участников и очевидцев событий Великой Отечественной войны, меняет не только тональность ее метанарратива, но и настройки исследовательского инструментария, позволяющего пристальнее вслушаться в голоса еще помнящих ее бывших детей Сталинграда.

¹ Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 8.

Глава 2

СТАЛИНГРАД КАК МЕСТО «ДЕТСКОЙ» ПАМЯТИ

2.1. СТАЛИНГРАД КАК МЕСТО ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СОБЫТИЯ И СИМВОЛЫ

Сталинградская битва стала одним из ключевых событий Великой Отечественной войны, породив огромное количество документальных и художественных образов и интерпретаций. Советские и современные российские историки внесли свой вклад в ее изучение, оценивая битву как начало коренного перелома в Великой Отечественной войне, вследствие которого вермахт утратил стратегическую инициативу, и она перешла к Красной армии. К ноябрю 2012 г. насчитывалось более 4 тыс. монографий, диссертаций, статей, сборников конференций и архивных документов, а также мемуаров участников сражений¹, и их количество продолжает дальше расти. Сталинград стал важнейшим местом памяти российского общества, одним из тех краеугольных камней, на котором выстроена вся система представлений о Победе в Великой Отечественной войне, выступающая основой для формирования его идентичности².

Однако детям Сталинграда долгое время практически не находилось места на страницах отечественных и зарубежных исследований. Миф о городе, превратившемся в крепость, не предусматривал наличия в нем гражданского населения, тем более детей. Оказавшись в эпицентре тяжелейших боев, они были вынуждены по окончании войны отстаивать право на признание своей судьбы, более того, нередко сталкиваясь с недоверием к себе со стороны власти за пребывание на оккупированной территории.

К началу Великой Отечественной войны история Царицына/Волгограда насчитывала три с половиной столетия. За это время он превратился из пограничной крепости в крупный уездный, а затем и губернский город. По численности населения Царицын уже в начале XX в. обгонял многие другие губернские

¹ Белов Д.А. Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград, 2013. С. 7–10.

² Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 83–103.

города, но центром самостоятельной губернии стал только в 1919 г., во время Гражданской войны. Оборона Царицына, в которой принимал участие И.В. Сталин как председатель Военного совета Северо-Кавказского военного округа, стала считаться главным героическим событием в его истории, вызвав переименование в 1925 г. в Сталинград. В 1937 г. в бывшем штабе обороны Царицынского совета на Привокзальной площади открылся специальный Музей обороны Царицына им. И.В. Сталина, значительная часть материалов которого была посвящена «вождю народов».

За годы предвоенных пятилеток в Сталинграде было построено более 50 промышленных предприятий, он превратился в крупный индустриальный центр. Выросло и население города, достигшее к 1941 г. 450 тыс. чел. Постепенно Сталинград все более вытягивался вдоль правого берега Волги, вбирая в себя поволжские села, рабочие и рыбацкие поселки. В 1935 г. были образованы четыре городских района: Ерманский (в настоящее время – Центральный), Ворошиловский (в настоящее время – Ворошиловский и Советский), Кировский, Дзержинский. В 1936 г. из Дзержинского были выделены Краснооктябрьский, Баррикадный и Тракторозаводский районы. Значительные изменения произошли в социальной и культурной сфере. Открылись новые больницы, поликлиники, дома культуры, детские сады, более 200 различных учебных заведений, в том числе технический и медицинский университеты, педагогический институт, а в 1936 г. – второй в СССР Дворец пионеров.

С началом Великой Отечественной войны тысячи жителей Сталинграда по мобилизации и добровольно ушли на фронт. Экономика города перешла на выпуск военной продукции. Тракторный завод стал производить и ремонтировать танки Т-34. Оборонные заказы выполняли и другие предприятия. С осени 1941 г. жители привлекались к работам по строительству оборонительных рубежей. Однако весь первый год войны Сталинград находился на положении тылового города, и приближение линии фронта еще не считалось угрожающим. Секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянов писал в дневнике о строительстве Сталинградского оборонительного рубежа:

«Беседы с некоторыми руководителями заводов строительных организаций утверждают во мне мысль, что нет ясного понимания значения этих работ <...> многие из них считают: зачем строить рубежи, когда враг за тысячу километров»¹.

Руководству области и города все же удалось добиться мобилизации на оборонительные работы тысяч людей, привлечь гражданские строительные организации². К февралю 1942 г. были окончены работы на внешних рубежах Сталинградского обвода. Вместе с 5-й саперной армией над их созданием трудились 115 тыс. мирных жителей³. Но весенний паводок 1942 г. нанес немалый

¹ Чуянов А.С. Сталинградский дневник. 2-е изд. Волгоград, 1968. С. 40.

² Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей обороны и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2000.

³ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 71. Л. 18.

ущерб уже построенным оборонительным сооружениям¹. 10 июня Ставка Верховного главнокомандования постановила немедленно приступить к строительству и восстановлению Сталинградского обвода силами 7-й резервной армии. В оборонительных работах приняли участие еще 54 тыс. жителей города и области².

К этому времени общая ситуация на юге страны чрезвычайно осложнилась. После ряда крупных неудач Красной армии противнику удалось вернуть стратегическую инициативу³. Общий план летней кампании вермахта предусматривал нанесение главного удара именно на южном участке советско-германского фронта. Здесь сосредотачивались главные силы для проведения операции по уничтожению советских войск западнее Дона, после чего предполагалось «захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет»⁴.

Эти задачи возлагались на группу армий «А», наступавшую на Кавказ, и группу армий «Б», продвигавшуюся севернее. Входившая в состав последней 6-я армия (командующий — генерал Ф. Паулюс) наступала на Сталинград при поддержке 4-го воздушного флота. Захват Сталинграда позволял противнику не только овладеть крупным индустриальным центром, но и перерезать важнейшие советские коммуникации, обеспечивавшие связь центра с югом страны, прикрыть фланг группировки, наступавшей на Кавказ и осложнить снабжение находившихся здесь частей Красной армии. Впоследствии к этим сугубо прагматическим мотивам добавился идеологический фактор: захват, как и удержание города, носившего имя Сталина, имел немалое пропагандистское значение.

12 июля 1942 г. был создан Сталинградский фронт (командующий — Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, с 23 июля — генерал-лейтенант В.Н. Гордов, с 9 августа — генерал-полковник А.Н. Ерёмченко). Полоса обороны фронта, призванного остановить наступление врага, составила 520 км. Недавно созданные и не имевшие боевого опыта советские соединения выдвигались навстречу врагу на неподготовленные позиции. При этом противник превосходил советские войска в танках и артиллерии — в 1,3 раза, в личном составе — почти вдвое и в самолетах — более чем в 2 раза⁵.

Началом Сталинградской битвы обычно считается 17 июля 1942 г., когда передовые отряды 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта встретились на рубеже рек Чир и Цимла с авангардами 6-й немецкой армии, хотя некоторые исследователи оспаривают эту дату⁶. Используя превосходство в силах и господство в воздухе, противнику удалось к концу июля отеснить советские войска за Дон. Немецкое командование придало 6-й армии дополнительные соединения, что еще более увеличило соотношение сил в пользу противника. Для прикрытия флангов были привлечены армии союзников — итальянцев, румын и венгров.

¹ *Krinko E.F.* Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942 // Военный сборник. Российский военный журнал. 2014. Т. 3. № 1. С. 41–50.

² ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 71. Л. 18.

³ См.: Война. Юг. Перелом (лето 1942 — осень 1943 гг.). Ростов н/Д., 2012. С. 71.

⁴ *Дашинцев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.). С. 321.

⁵ *Исаев А.В.* Сталинград. Трудное начало // Родина. 2013. № 1. С. 5–6.

⁶ *Исаев А.В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 20 и др.

Наступавшая на Кавказ 4-я немецкая танковая армия также развернулась на север. Считавшееся первоначально второстепенным сталинградское направление в ходе боевых действий стало выходить на первое место.

Из-за упорного сопротивления соединений Красной армии в большой излучине Дона и на юго-западных подступах к Сталинграду вермахту не удалось с ходу захватить город. 19 августа противник форсировал Дон и возобновил наступление. Через четыре дня, 23 августа, 14-й танковый корпус вермахта прорвался к Волге севернее Сталинграда, в районе поселка Рынок, отрезав 62-ю армию от остальных сил Сталинградского фронта. К вечеру немецкие танки появились и в районе Тракторного завода. В бой вступили части 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД и народного ополчения, состоявшего в основном из рабочих сталинградских заводов. Всего за период битвы 75 тыс. жителей или 10,6 % населения города на 23 августа 1942 г., влились в оборонявшие его войска¹.

В тот же день авиация люфтваффе нанесла массированный удар по Сталинграду. К этому времени из города было эвакуировано всего около 100 тыс. чел., в том числе не более 35–40 тыс. местных жителей, многие из которых продолжали помогать советским войскам. В результате бомбардировки и вызванного ею пожара город подвергся страшным разрушениям, особенно в центральной части. Погибло более 40 тыс. чел., было уничтожено более половины жилого фонда. На следующий день Сталинградский комитет обороны принял запоздалое постановление об эвакуации женщин, детей и раненых на левый берег Волги. 26 августа бюро обкома и горкома ВЛКСМ приняли постановление о проведении силами комсомольской организации эвакуации за Волгу детей, потерявших родителей. Только с 29 августа началась массовая эвакуация. К началу октября только из Ворошиловского и Краснооктябрьского районов на левый берег Волги были вывезены 125 тыс. человек². Но осуществить полную эвакуацию мирного населения в условиях немецкого наступления не удалось, и часть жителей оставалась в городе на протяжении всей битвы.

13 сентября противник перешел в наступление по всему фронту. Ожесточенные бои завязались на улицах города. В районе устья реки Пионерки (в настоящее время — Царицы) частям вермахта удалось прорваться к Волге, разрезав части 62-й армии (командующий — генерал-лейтенант В.И. Чуйков) и 64-й армии (командующий — генерал-майор, позже генерал-лейтенант М.С. Шумилов). В ночь с 14 на 15 сентября для исправления катастрофического положения через Волгу переправилась 13-я гвардейская стрелковая дивизия (командир — генерал-майор А.И. Родимцев). Передовой отряд 42-го гвардейского полка сумел овладеть зданием вокзала, дав возможность переправиться другим частям. Заняв пригодные к обороне здания, 13-я гвардейская дивизия при поддержке фронтовой артиллерии из-за Волги выдержала мощный натиск противника. Бои шли за каждый дом, подъезд, этаж. Большой урон врагу наносили советские снайперы и штурмовые группы. Одновременно, в конце августа и сентябре, советские войска пыта-

¹ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. С. 548.

² Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 699.

лись нанести контрудары в юго-западном направлении, чтобы отсечь 14-й танковый корпус от остальных соединений противника. Но, несмотря на потери, части Красной армии сумели продвинуться здесь только на несколько километров.

К концу сентября Ерманский, Дзержинский, Ворошиловский районы были оккупированы, в Тракторозаводском, Баррикадном и Краснооктябрьском продолжались боевые действия, и только территория Кировского района оставалась под контролем советского руководства. Здесь продолжали работать советские учреждения и предприятия. 14 октября началось решающее наступление вермахта при поддержке более тысячи самолетов люфтваффе. Подкрепления защитникам города могли переправляться только с восточного берега Волги под интенсивным артиллерийским и минометным огнем и бомбардировками противника. С понижением температуры и появлением первого льда переправы еще более осложнились до установления сплошного ледяного покрова. К середине ноября противнику удалось практически полностью захватить центральную и северную части Сталинграда. Советские войска удерживали лишь районы севернее Тракторного завода, в нижнем поселке завода «Баррикады», где в окружении сражалась 138-я стрелковая дивизия (по имени ее командира полковника И.И. Людникова этот район получил название «остров Людникова»), отдельные цеха завода «Красный Октябрь» и несколько зданий в центре, превращенных в опорные пункты. В среднем дивизии 62-й армии насчитывали всего по 500–700 человек. Но и немецкие войска понесли огромные потери, их наступательный порыв иссяк.

Советские войска, напротив, сосредоточили резервы для перехода в контрнаступление, план которого получил название «Уран». 19 ноября началось наступление Юго-Западного (командующий — генерал-лейтенант, затем генерал-полковник Н.Ф. Ватутин) и Донского (командующий — генерал-лейтенант, затем генерал-полковник К.К. Рокоссовский) фронтов севернее Сталинграда. На следующий день навстречу им перешел с юга в контрнаступление и Сталинградский фронт. Координацию действий трех фронтов осуществлял начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский. На участках прорыва перевес в силах был в 2–3 раза у советских войск. 23 ноября в районе хутора Советского части Красной армии соединились, замкнув в кольцо окружения крупную группировку противника в междуречье Волги и Дона.

В этой ситуации Гитлер принял решение продолжать удерживать занятые позиции 6-й армии, приказав наладить снабжение ее частей по воздуху. Группа армий «Дон» под командованием фельдмаршала Э. фон Манштейна должна была деблокировать окруженную 6-ю армию в ходе операции «Зимняя гроза». Но советские войска в декабре 1942 г. — январе 1943 г. остановили немецкое наступление и отбросили группировку Манштейна.

10 января 1943 г. началась заключительная часть Сталинградской битвы — операция «Кольцо», в ходе которой советские войска расчленили и уничтожили группировку противника. К 31 января была ликвидирована южная группировка, в плен попало командование и штаб 6-й армии во главе с Ф. Паулюсом, которому накануне присвоили звание фельдмаршала. К 2 февраля капитулировала и север-

ная группировка под командованием командира 11-го армейского корпуса генерал-полковника К. Штрекера.

Находясь в самом эпицентре кровопролитного сражения, Сталинград очень сильно пострадал. Представить нанесенный городу ущерб позволяют материалы Сталинградской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области¹. Данные о злодеяниях в отношении гражданского населения подсчитывались по отдельным районам (включая выделенный из Кировского района в 1944 г. Красноармейский район) с учетом пола и возраста жителей. Однако значительная часть погибших и пострадавших не идентифицирована по этим признакам (очевидно, что среди них также было немало несовершеннолетних). Это не позволяет выяснить, какое именно количество детей Сталинграда пострадало от боевых действий и немецкой оккупации.

Согласно подсчетам областной комиссии, всего за период немецкой оккупации было расстреляно и повешено 867 мирных жителей, в том числе не менее 56 детей. Комиссия также зафиксировала 383 факта насилия, издевательств и пыток со стороны оккупантов, в том числе не менее 16 совершенных в отношении детей. Особенно пострадали жители центральных Ерманского и Дзержинского районов. 46 541 чел., в том числе не менее 585 детей, были угнаны оккупантами на принудительные работы. Большую часть из них составляли жители Ворошиловского и Дзержинского районов. От бомбардировок и артиллерийских обстрелов погибло 42 754 чел., среди которых не менее 431 чел. детского возраста. Наибольшее количество погибших было зафиксировано в Ерманском и Дзержинском районах (см. табл. 2). Всего в городе к моменту освобождения из 450 тыс. чел. довоенного населения осталось 32 181 жителя, из них 30 666 — в Кировском районе и 1 515 чел. — в остальной части города, где шли уличные бои.

Таблица 2

Сведения об установленных злодеяниях в период нацистской оккупации по отношению к мирным жителям Сталинграда

Часть 1. Расстрелянные и повешенные

Районы	Взрослых	Детей	Не установлен возраст	Всего
Тракторозаводский	3	-	-	3
Баррикадный	-	-	-	-
Краснооктябрьский	2	-	-	2
Дзержинский	478	53	123	654
Ерманский	32	-	170	202
Ворошиловский	3	3	-	6
Кировский	-	-	-	-
Красноармейский	-	-	-	-
Итого по городу	518	56	293	867

¹ См.: ГАВО. Ф. 6088.

Часть 2. Подвергшиеся издевательствам, насилию и пыткам
со стороны оккупантов

Районы	Взрослых	Детей	Не установлен возраст	Всего
Тракторозаводский	2	1	-	3
Баррикадный	-	-	-	-
Краснооктябрьский	-	-	-	-
Дзержинский	7	2	300	309
Ерманский	7	13	51	71
Ворошиловский	-	-	-	-
Кировский	-	-	-	-
Красноармейский	-	-	-	-
Итого по городу	16	16	351	383

Часть 3. Угнанные в немецкое рабство

Районы	Взрослых	Детей	Не установлен возраст	Всего
Тракторозаводский	799	-	700	1 499
Баррикадный	1 294	388	-	1 682
Краснооктябрьский	2 463	57	-	2 520
Дзержинский	-	-	13 000	13 000
Ерманский	668	140	298	1 106
Ворошиловский	3 400	-	19 608	23 008
Кировский	1 035	-	657	1 692
Красноармейский	1 166	-	868	2 034
Итого по городу	10 825	585	35 131	46 541

Часть 4. Погибшие от бомбардировок и артобстрелов

Районы	Взрослых	Детей	Не установлен возраст	Всего
Тракторозаводский	279	38	1 586	1 903
Баррикадный	-	-	5 252	5 252
Краснооктябрьский	5	-	5 036	5 041
Дзержинский	856	111	9 770	10 737
Ерманский	83	35	11 609	11 727
Ворошиловский	525	114	6 916	7 555
Кировский	393	133	13	539
Красноармейский	-	-	-	-
Итого по городу	2 141	431	40 182	42 754

Источник: составлено автором по материалам ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. 4 об.-5.

Документы областной комиссии свидетельствуют, что степень разрушений в разных районах города различалась. Ерманский, Дзержинский, Баррикадный, Краснооктябрьский и Тракторозаводский районы, в которых шли уличные бои, были разрушены почти полностью. Сильные разрушения от артиллерийских обстрелов и бомбардировок получил Кировский район, избежавший немецкой оккупации. Всего в Сталинграде было разрушено более 41 тыс. жилых зданий или

90 % довоенного жилого фонда, а ущерб только коммунального хозяйства составил 6 882 842 тыс. рублей¹.

Наименее пострадал находившийся южнее города поселок Бекетовка (в настоящее время — в составе Кировского района) благодаря тому, что немецкое командование предполагало использовать его в качестве зимних квартир и не подвергало разрушительным бомбардировкам и обстрелам. Именно Бекетовка в 1943–1945 гг. фактически превратилась в административный центр Сталинграда: здесь разместились все учреждения и службы, координирующие восстановительные работы. Постепенно налаживалась жизнь, и в город возвращалось население. К 23 сентября 1943 г. в Сталинграде уже проживал 153 381 чел., в том числе 41 443 детей (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность населения Сталинграда на 23 сентября 1942 г.

Район	Численность населения, чел.
Ерманский	7 455
Ворошиловский	33 880
Дзержинский	13 589
Краснооктябрьский	13 580
Баррикадный	11 231
Тракторозаводский	20 042
Кировский	59 469
Всего	153 381
Из них детей	41 443

Источник: составлено автором по материалам ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 29. Л. 74.

Возрождение жизни в Сталинграде осложнялось наличием большого количества оружия, мин и неразорвавшихся снарядов. Работа саперов началась практически сразу же после освобождения, они обезвредили 328,6 тыс. противотанковых и противопехотных мин, свыше 1,2 млн артиллерийских снарядов. Но только после войны по городу стало безопасно передвигаться. В первую очередь от переизбытка оружия страдали дети. Заместитель начальника УНКВД Сталинградской области по милиции полковник милиции Бирюков и начальник оперативного отдела управления милиции УНКВД майор милиции Храмов сообщали заведующему военным отделом Сталинградского обкома ВКП(б) Петрухину 2 мая 1943 г.:

«Дети проявляют исключительный интерес к оружию и боеприпасам, они находят гранаты, мины, снаряды и пытаются над ними производить всевозможные действия, в результате чего имеется ряд несчастных случаев с человеческими жертвами»².

Приведя ряд конкретных примеров, они просили дать указания областному отделу народного образования «о необходимости проведения разъяснительной

¹ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. 6.

² Там же. Л. 24.

работы среди детей-школьников <...> о том, чтобы они не производили никаких действий над снарядами, минами и гранатами, обнаруженными ими». Одна из резолюций на документе гласила:

«По этому вопросу обкомом комсомола и облоно послано письменное указание в части усиления разъяснительной работы среди школьников и родителей»¹.

Существенно осложняло ситуацию и огромное количество трупов людей и лошадей, создававших угрозы развития эпидемий. Английский журналист П. Уинтертон, посетивший Сталинград 4 февраля 1943 г., писал:

«Улицы Сталинграда — если так можно назвать пустоты между руинами — до сих пор несут себе отпечатки сражения. Повсюду, как мусор, разбросаны каски и оружие, груды боеприпасов, обрывки бумаг на снегу, записные книжки погибших немцев и бесчисленное количество изуродованных тел, оставшихся лежать там, где их настигла смерть, или сложенных в кучи для последующего захоронения. Сталинград не подлежит восстановлению: его можно будет только отстроить заново»².

Уже в конце января 1943 г. было принято решение Совнаркома СССР о начале работы по уборке трупов со сталинградских полей сражений. 15 февраля 1943 г. Сталинградский городской комитет обороны принял специальное постановление № 414 об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и очистке населенных пунктов от нечистот. Сталинградскому городскому совету и исполкомам районов, находившихся в немецкой оккупации, предлагалось немедленно «приступить во всех населенных пунктах, освобожденных от немецких оккупантов, и на полях бывших сражений к уборке вражеских трупов солдат и офицеров», закончив ее к 25 февраля с территории города и к 1 марта в окрестностях города³. Трупы немецко-фашистских солдат и офицеров следовало зарывать за чертой города в местах, отведенных горисполкомом. Тела бойцов и командиров Красной армии, павших при защите Сталинграда, хоронить в братских могилах в местах, установленных горисполкомом⁴. Основные захоронения были произведены на Мамаевом кургане, в парке на нижнем поселке «Баррикады», в сквере площади Павших борцов, напротив учебного здания мединститута, в парке завода «Красный Октябрь»⁵. Уже 28 мая заместитель наркома обороны СССР Е.А. Щаденко докладывал И.В. Сталину:

«Уборка трупов по Сталинграду и области полностью закончена. Всего захоронено бойцов и командиров Красной армии — 47 000; зарыто вражеских трупов солдат и офицеров — 147 000; гражданского населения — 300; трупов животных — 12 500»⁶.

¹ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 29. Л. 24.

² Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 10.

³ ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–40 об.

⁴ Сталинградская группа войск. Февраль — май 1943 г.: документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 25.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 101.

В кратчайшие сроки восстанавливалась оборонная промышленность. Тракторный завод уже в 1943 г. начал ремонт техники, а в 1944 г. дал фронту первые собранные танки и тракторы. Также в 1943 г. начали работу заводы «Красный Октябрь» и «Баррикады». Для восстановления жилого фонда были организованы женские строительные бригады, трудившиеся в свободное от основной работы время (по фамилии инициатора А.М. Черкасовой этот почин получил название «черкасовское движение»).

Ожесточенный характер Сталинградского сражения с самого начала вызвал аналогии с одной из самых кровопролитных битв Первой мировой войны. Описывая в своих письмах «сталинградский ад», военнослужащие вермахта писали о том, что попали в ловушку «второго Вердена». Защитники города, напротив, воспевали «Красный Верден»¹. Однако советский военный корреспондент Е.Г. Кригер еще в октябре 1942 г. подчеркнул существенную разницу: в отличие от Вердена, Сталинград до начала битвы был мирным городом, а не крепостью:

«Линия обороны проходит через пустыри и дворы, где хозяйки развешивали белье, через линию узкоколейной железной дороги, через дом, где жил бухгалтер с женой, двумя детьми и старухой матерью, через десятки таких домов, через пустынную теперь площадь с выкорчеванным снарядами асфальтом, через заводскую территорию, где орудут оружейники, через сад, где нынешним летом шептались на зеленых скамьях влюбленные»².

Особое место Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне осознавали не только ее непосредственные участники, но и многочисленные наблюдатели, как в стране, так и за рубежом. За ходом сражения, названного «самой страшной битвой в истории войны», пристально следили все ведущие мировые средства массовой информации³. О битве и ее результатах рассказывали многие корреспонденты, писатели, журналисты, они находили отражение в сотнях радиопередач, газетных и журнальных статей, десятках брошюр⁴. Тем не менее граждане жаловались на нехватку информации и нередко обращались за ней прямо к руководителям Сталинграда. В апреле 1943 г. начальник отдела политического вещания Казахстанского радиокомитета Е.Н. Маклаков писал секретарю Сталинградского обкома ВКП(б):

«Дорогой товарищ!

Простите, что обращаюсь к Вам так, но к сожалению не знаю Вашей фамилии. <...> В Казахстане, как и в любом другом уголке СССР все, что связано со Сталинградом дней Отечественной войны, вызывает большой интерес и является лучшим агитационным материалом для мобилизации советских людей на выполнение задач Отечественной войны. В прессе, по причине отсутствия места и ограниченности изданий материала, говорящего о жизни и борьбе сталин-

¹ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 7.

² Кригер Е. Это — Сталинград! // Известия. 1942. 25 октября.

³ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 8.

⁴ Зенитчики в боях за Сталинград. М., 1942; *Величко В.* Шестьдесят вторая армия. Ереван, 1943; *Генкина Э.* на Э. Героический Сталинград. М., 1943; *Гроссман В.* Сталинград. Сентябрь 1942 — январь 1943: сборник очерков. М., 1943; *Его же.* Сталинградская битва. М., 1943; *Замятин Н.* Сражение под Сталинградом. М., 1943; *Курбатов В., Чуев И.* Сталинградские рассказы. Иваново, 1943 и др.

градцев в дни обороны и сейчас в дни восстановительного труда — очень мало»¹.

Поэтому Маклаков просил прислать такие материалы, предполагая использовать их «в политической и художественной агитации и пропаганде по радио. Они, безусловно, принесут огромную пользу и пропагандисту, пишущему статью, и писателю, и журналисту, положившему их фактической основой художественного произведения, кроме этого многое, наверное, будет представлять интерес само по себе и может быть использовано после литературной обработки»².

Уже в годы войны встала задача увековечивания подвига защитников Сталинграда. При этом первоначально подчеркивалась взаимосвязь между обороной Царицына в 1918 г. и Сталинграда в 1942 г.³ Главная роль в мемориализации подвига защитников города возлагалась на Музей обороны Царицына им. И.В. Сталина. В конце 1941 г. он был эвакуирован в Гмелинский (в настоящее время — Старополтавский) район Сталинградской области, а в конце января — начале февраля 1943 г. реорганизован в Музей обороны Царицына — Сталинграда им. товарища Сталина.

Сбор материалов по новой для музея теме Сталинградской битвы начался еще во время боев. 24 января 1943 г. Сталинградский горком ВКП(б) обратился к начальникам политотделов 62, 64-й и 57-й армий с просьбой передать музею фотопортреты командного состава, Героев Советского Союза, особо отличившихся бойцов и командиров, другие фотоснимки, листовки, плакаты, трофейное оружие, обмундирование, знаки отличия и другие исторические документы и артефакты. По окончании боев руководство обкома ВКП(б) неоднократно обращалось с подобными же просьбами к командованию Донского фронта, в штаб трофейного имущества Приволжского военного округа⁴, к командованию района авиационного базирования города Сталинграда и Сталинградской области⁵, Сталинградского дивизионного корпусного района ПВО, отдельных соединений и частей⁶ и к другим адресатам.

7 июня 1943 г. Сталинградский городской комитет обороны постановил «взять на учет во всех городских партийных, советских организациях и на предприятиях документы и экспонаты, характеризующие оборону и восстановление Сталинграда с тем, чтобы в течение июля с.г. передать их на хранение в музей»⁷. Вскоре в фонды музея поступили подшивки фронтовых, армейских и дивизионных газет, боевые листки, донесения, фотографии, схемы боевого пути частей и соединений, другие материалы, рассказывающие об их истории, советское и трофейное вооружение, разнообразные предметы снаряжения и быта. Временно музей разместился в подвальном помещении центрального универмага, где был пленен фельдмаршал Ф. Паулюс.

¹ ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 111. Л. 16.

² Там же.

³ Генкина Э. Царицын — Сталинград: о героической обороне Царицына в 1918 г. и боях за Сталинград в Великой Отечественной войне // Большевик. 1942. № 17–18. С. 43–50 и др.

⁴ ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 111. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 32, 33 и др.

⁷ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 66–67.

Только к 1947 г. было восстановлено прежнее здание музея, на следующий год состоялось его торжественное открытие, а в 1949 г. он стал государственным. Первоначально в экспозиции уделялось значительное внимание роли И.В. Сталина в разгроме врага. Но в период «оттепели» в связи с решениями ЦК КПСС о «преодолении последствий культа личности Сталина» все предметы и документы, связанные со Сталиным, были убраны из экспозиции¹. В 1962 г. в связи с переименованием города музей стал называться Волгоградским государственным музеем обороны. Экспозиция, посвященная Сталинградской битве, просуществовала в нем до 1982 г., когда он был преобразован в Волгоградский государственный музей-панораму «Сталинградская битва» (его строительство началось еще в 1968 г., а полный ввод в строй с новой экспозицией произошел только в 1985 г.).

В настоящее время музей-панорама «Сталинградская битва» — самый крупный музейный комплекс, посвященный Сталинградской битве, в залах которого представлено свыше 4,5 тыс. экспонатов, а в фондах — 147 тыс. экспонатов. В 2008 г. он был объединен с историко-мемориальным комплексом «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». В музейный комплекс также вошли руины паровой мельницы Гергардта (Грудинина) и бронекатер БК-13 — памятник морякам Волжской военной флотилии. В 2012 г. в подвале центрального универмага — месте пленения фельдмаршала Ф. Паулюса — открылся еще один включенный в него объект — музей «Память».

Одна из витрин постоянной экспозиции музея-панорамы в настоящее время рассказывает и о трагических судьбах детей Сталинграда. Наряду с традиционными для нее материалами, характеризующими подвиг героя-разведчика Саши Филиппова, здесь представлены фотографии Светланы Кобликовой (Бородушкиной), получившей тяжелый ожог лица во время бомбардировки 23 августа, куклы Жени Селеверстовой, рисунки Жени Рудькиной и другие экспонаты. Значительно большее их количество хранится в фондах музея, хотя, разумеется, оно во много раз уступает тем, которые характеризуют подвиги защитников Сталинграда.

Еще в 1943 г. от секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов потребовали составить перечни всех исторических мест, подлежащих сохранению (блиндажей штабов, окопов, огневых точек, оборонительных сооружений защищавших город «прославленных частей и подразделений», мест расположения артиллерийских батарей и зенитных орудий, наиболее важных убежищ для укрытия населения от бомбардировок, переправ через Волгу и пр.), представить предложения о переименовании улиц и площадей, связанных с историческими событиями обороны Сталинграда, а также мероприятия по улучшению содержания могил защитников города. Отдельно выделялся вопрос «О сохранении и поддержании в первоначальном виде мест боев на Мамаевом бугре и наиболее важных мест боев 62-й армии и предложения об обставлении этих мест мемориальными досками»².

Немало внимания руководство города и области уделяло состоянию братских могил защитников Сталинграда. Уже 4 мая 1943 г. в письме отдела агитации и пропаганды обкома ВКП(б) райкомам партии отмечалось: «На некоторых могилах отдельные части Красной армии установили временные памятники, а некото-

¹ Богатова Т.А. Музей: путь длиной в 60 лет // Музей: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию музея. Волгоград, 1997. С. 7.

² ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 111. Л. 14–14 об.

рые могилы до сих пор соответственно не оборудованы, и со стороны партийных, советских органов и населения должной заботы о сохранении и ухода за братскими могилами не проявляется». Райкомы ВКП(б) обязывались «все братские могилы бойцов и командиров Красной армии сохранить, организовать за ними тщательный уход, провести озеленение, привлекая для этой цели население, комсомольцев и пионеров»¹.

Степень разрушений города была настолько высока, что городская инфраструктура, особенно в центральных районах, где шли самые жестокие бои, фактически создавалась заново, что в то же время облегчало решение задач о включении в нее новых мемориальных объектов. В послевоенное время в Волгограде появились Гвардейская площадь, бульвар 30-летия Победы и парк Победы, улицы 7, 13, 35, 39, 51, 95-й гвардейских дивизий, 10-й дивизии НКВД, 8-й воздушной, 62-й и 64-й армий, а также многие другие топонимы, связанные со Сталинградской битвой и ее участниками. Впрочем, под воздействием изменений в политической конъюнктуре некоторые из них меняли свое название, а отдельные имена то исчезали с карты Волгограда, то снова возвращались на нее. Так, в 1951 г. улица Маршала Жукова была переименована в улицу Правды, а в 1996 г. в городе появился проспект Маршала Жукова².

Всего из 2 070 городских топонимов со Сталинградской битвой связано 107 или 5,2 % всех наименований. При этом 84 топонима связаны с конкретными личностями, а 23 — с воинскими частями, соединениями, родами и видами войск. Наибольшее их количество находится в Советском, а наименьшее — в Ворошиловском районах (см. табл. 4)³.

Таблица 4

Топонимы Волгограда, посвященные Сталинградской битве

Районы	Персоналии	Войска	Всего
Дзержинский	12	2	14
Красноармейский	7	2	9
Центральный	8	6	14
Краснооктябрьский	10	4	14
Кировский	12	1	13
Тракторозаводский	11	6	17
Советский	22	1	23
Ворошиловский	2	1	3
Итого:	84	23	107

Источник: по материалам статьи Соловьевой С.В., Крупицы Т.А. «Сталинградская битва в топонимике Волгограда».

В тяжелые послевоенные годы было создано немного новых памятников героям Сталинградской битвы. Самым значительным из них стал памятник чеки-

¹ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 111. Л. 18.

² Курилла И.И. Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества // Историческая разметка пространства и времени. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. Волгоград, 2014. С. 6.

³ Соловьева С.В., Крупица Т.А. Сталинградская битва в топонимике Волгограда // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград, 2013. С. 343–344.

стам — воинам 10-й дивизии войск НКВД и милиционерам Сталинграда — защитникам города в 1942–1943 гг., установленный в 1947 г. на одноименной площади на правом берегу реки Царицы, возле моста, соединяющего Центральный и Ворошиловский районы. Памятник достигает в высоту 22 м: пятиметровая бронзовая фигура воина-чекиста с обнаженным мечом в руке возвышается на семнадцатиметровом постаменте в форме обелиска. В 1951–1954 гг. были установлены на постаментах 17 башен танков Т-34, на расстоянии в несколько километров друг от друга. Они символизировали линию обороны Сталинграда протяженностью около 30 км. В 1955 г. в сквере нижнего поселка завода «Баррикады» установили стелу с бронзовой мемориальной доской в честь «Острова Людникова».

В 1959 г. под руководством Е.В. Вучетича было начато строительство грандиозного мемориала на Мамаевом кургане с памятником-ансамблем «Героям Сталинградской битвы», главным монументом которого являлась «Родина-мать зовет!» высотой 85 м (завершилось в 1967 г.). Сам масштаб мемориала (первоначальный проект предусматривал создание второй очереди ансамбля от проспекта Ленина до Волги) был призван увековечить Сталинградскую битву как важнейшее событие Великой Отечественной войны. Строительство завершилось в 1967 г., а комплекс стал одним из самых ярких воплощений советской мемориальной культуры. За два года до этого, в 1965 г. Волгограду были вручены медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина как городу-Герою. А еще на два года раньше, в 1963 г. на центральной площади, носившей имя Павших борцов, был зажжен Вечный огонь в память о мужестве и героизме всех защитников города. Площадь Павших борцов с набережной 62-й армии связала аллея Героев. Установленные на ней стелы Героев Советского Союза увековечили имена 127 чел., получивших это звание за героизм в Сталинградской битве, 192 чел. — уроженцев Волгоградской области, в том числе троих дважды Героев Советского Союза, и 28 кавалеров ордена Славы трех степеней. В 1968 г. был установлен двадцатиметровый обелиск в память о жестоких боях, продолжавшихся 147 суток, на Лысой горе (высоте 145,6, практически лишенной растительности).

Особенно много мемориальных объектов, посвященных событиям и участникам Великой Отечественной войны, появилось в Волгограде в 1970–1980-е гг. Многие из них были посвящены защищавшим город воинским частям и соединениям или отдельным героям. Так, в 1975 г. был установлен памятник матросу-пехотинцу 193-й стрелковой дивизии М.Д. Паникахе, изображенному в момент его броска на вражеский танк. В 1977 г. на берегу Волги был установлен памятник речникам — катер «Гаситель», а возле здания элеватора — семиметровая железобетонная статуя морского пехотинца с противотанковым ружьем, получившая название «памятника североморцам». Сложившийся мемориальный канон изображения солдатского подвига времен Великой Отечественной войны, как правило, включал, помимо скульптурных групп, «нефигуративные пластические композиции, обозначающие торжественность места и значимость события (гранитные или бетонные конструкции, стелы, стены)», Вечный огонь или изображение факела¹,

¹ Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 248.

а также списки погибших. Нередко использовалась советская боевая техника, особенно часто — выпускавшиеся Сталинградским тракторным заводом танки Т-34, шедшие сразу на фронт, а также бюсты героев, мемориальные доски и другие памятные знаки. В 1985 г. была открыта мемориальная стена-памятник на торцевой стене дома Павлова со стороны улицы Советской.

В начале 1990-х гг. в российской мемориальной политике проявились новые тенденции, направленные на примирение с бывшими противниками, что проявлялось в создании кладбищ погибшим на территории СССР военнослужащим вермахта и их союзникам. Однако ветераны Великой Отечественной войны выступили против создания в городе мемориала погибшим немецким солдатам, увидев в этом «попытку прославления оккупантов»¹. Мемориальный конфликт завершился открытием мемориального кладбища в 60 км к северо-западу от Волгограда в Россошках.

Еще одна новая тенденция выразилась в усилении религиозного фактора в мемориальных практиках. Ее отражением, в частности, стало возведение храма Всех Святых на Мамаевом кургане в 2005 г. и часовни памяти на площади Чекистов в 2012 г., а также установление и освящение десятиметрового православного креста на «острове Людникова» по инициативе казачьих обществ Волгограда в 2008 году. Но в большинстве своем открытие новых памятников по-прежнему приурочено к очередным юбилеям Победы. Так, к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в сквере на улице 7-й Гвардейской дивизии 7 мая 2015 г. был установлен конный памятник Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому.

В целом мемориальное пространство Волгограда насыщено объектами, связанными с Великой Отечественной войной. При этом наибольшую известность среди всех мемориальных объектов, посвященных Сталинградской битве, имеют Мамаев курган и «Родина-мать». Результаты социологических опросов показывают, что они остаются важнейшими символами города, хорошо узнаваемыми, посещаемыми и положительно оцениваемыми подавляющим большинством жителей². В то же время часть памятников находится в неудовлетворительном состоянии. 19 апреля 2009 г. упали трехметровые фигуры героев-комсомольцев, установленные в сквере на пресечении улицы Комсомольской и проспекта Ленина в самом центре Волгограда. Как правило, памятники приводят в порядок накануне Дня Победы, а затем внимание к ним власти и общества резко снижается.

Несмотря на обилие военных памятников, вплоть до недавнего времени существовали лишь единичные мемориальные объекты, посвященные несовершеннолетним жителям Сталинграда и их участию в Великой Отечественной войне. Так, в 1970-х гг. в сквере имени Саши Филиппова юному разведчику был установлен памятник в виде гранитной глыбы. Надпись на ней гласила: «Саша Филиппов. 1925–1942. Комсомолец-партизан. Зверски замучен фашистами». По

¹ *Курилла И.И.* Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона. Волгоград, 2012. С. 9.

² *Токарев В.В., Дулина Н.В.* Восприятие населением региона памятников, расположенных в Волгограде (по итогам прикладного социологического исследования) // Сталинградская битва в судьбах народов. С. 230–232.

инициативе родителей героя в 1981 г. на том же месте установили новый памятник — металлический бюст на бетонном постаменте. Именем Саши Филиппова также названа улица и школа № 14, в которой работает посвященный ему музей.

Фигуру ребенка включает созданный в 1975 г. мемориальный комплекс «Солдатское поле» в Городищенском районе, посвященный памяти всех погибших в боях за Сталинград. Это девочка с цветком в руке, направляющаяся к братской могиле воинов 62-й армии. Рядом с ней мраморный треугольник, надпись на котором представляет фрагмент письма майора Д.А. Петракова дочери: «Моя черноглазая Мила. Посылаю тебе василек. Представь себе: идет бой, кругом воронки, и здесь же растет цветок. И вдруг очередной взрыв, василек сорван. Я его поднял и положил в карман гимнастерки... Мила, папа Дима будет биться с фашистами до последней капли крови, до последнего вздоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим цветком». Однако и этот эмоциональный образ в большей степени отражает чувства мужественного воина — отца, защищающего свою семью и погибшего вскоре после этого в боях с врагом, чем его дочери, остающейся безмолвной.

Только в 1990-е гг. появились первые памятники мирным жителям Сталинграда, в том числе и детям. 9 мая 1995 г. на набережной у перекрестка улиц Комсомольской и Чуйкова был открыт памятник мирным жителям Сталинграда, погибшим во время бомбежки 23 августа 1942 г. Он представляет собой проникнутую трагизмом скульптурную композицию: над женщинами и детьми, застывшими в пожаре, зависла 500-килограммовая фашистская бомба. 20 августа 2004 г. у железнодорожной станции Ельшанка в Советском районе Волгограда состоялось торжественное открытие еще одного памятного знака мирным жителям, погибшим в дни Сталинградской битвы. В августе 1942 г. здесь было разбито два железнодорожных эшелона с жителями, эвакуированными из блокадного Ленинграда. На бетонном надгробии установлена каменная глыба, на гранитной табличке надпись: «Погибшим в Сталинградскую битву мирным жителям и детям в августе 1942 года». В настоящее время это единственный памятник гражданским людям, похороненным на месте их гибели после бомбардировки Сталинграда. В 2013 г. на хуторе Ляпичево Калачевского района был возведен памятник «Босоногому гарнизону» — расстрелянным фашистами в 1942 г. подросткам. Улица хутора также названа в честь Босоногого гарнизона.

Постепенно данные объекты становятся общественно значимыми «местами памяти», хотя и далеко отстающими по степени своей популярности от главных военных мемориалов Волгограда. Возле памятника погибшим от бомбежки мирным жителям Сталинграда 23 августа проводятся акции поминовения: приходящие сюда люди делятся воспоминаниями о близких, зажигают свечи. В 2013 г. труппа Первого драматического театра показала здесь свой спектакль «Украденное солнце», основанный на воспоминаниях юных защитников Сталинграда и горожан, угнанных в немецкий плен, а также на письмах немецких солдат и офицеров, написанных в последние дни января 1943 года. В то же время на одном из форумов обсуждался вопрос, не был ли данный памятник первоначально посвящен «жертвам бомбардировок Хиросимы и Нагасаки <...>», но потом его плавно

переименовали»¹. И этот провокационный стег отражал не только незнание истории родного города или недоверие к его властям, но и десакрализацию военной темы у части молодежи. Так 8 января 2014 г. подвергся действиям вандалов памятник на Солдатском поле: безработный житель Городищенского района разбил молотком скульптуру девочки Милы, сняв с нее медные пластины для сдачи на металлолом. Но эти действия вызвали массовое негодование, скульптуру Милы быстро восстановили в бронзе на частные средства².

Таким образом, мемориальная политика 1940–2000-х гг. превратила Сталинград в настоящий город-монумент, символ Победы советского народа, его мужества и героизма. Именно так он воспринимается значительной частью российского общества и многими горожанами. В то же время тема «детей войны» занимала в городском мемориальном пространстве незначительное место. Во многом это объясняется тем, что дети «не вписывались» в массовую картину подвига и славы, воссоздаваемую музейными и мемориальными средствами.

2.2. ОБРАЗ ГОРОДА В ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ

События Сталинградской битвы оставили след в судьбах детей, проживавших на всей территории Сталинградской области, но наиболее тяжкие испытания пришлось на долю тех, кто не смог эвакуироваться и остался в воюющем (а затем оккупированном) городе. На их глазах этот город в течение нескольких суток был превращен в руины. Но на их же долю выпало участвовать в процессе рождения нового Сталинграда. Эти события нашли отражение в записанных нами воспоминаниях. В них представлен образ города, увиденный глазами детей войны.

Каждая эпоха создает свою модель городского пространства, свой идеальный город. Вполне допустимо говорить о том, что город является отражением того понимания пространства, которое существует в конкретный исторический период развития общества, а представленная пространственная модель всегда связана с процессами, происходящими в обществе и теми образами города, которые создают отдельные индивиды: «Идеальный город всегда существует внутри или под городом реальным, отличный от него как мир мысли от мира фактов»³. Если храм является символическим ядром и идеальным образом миропорядка, то город всегда соотносился с идеальным образом общественного устройства. Если проследить эволюцию города, то в любую эпоху он являлся зримым, непосредственным, образным выражением доминирующей культуры, идеалов, ценностей и социально-политических ориентиров общества.

¹ Акция памяти в честь погибших жителей Сталинграда. URL: <http://www.forum-volgograd.ru/archive/index.php?t-262716.html> (дата обращения: 29.08.2015).

² «Девочку Милу» восстанавливают по гипсовой копии памятника. URL: <http://news.vdv-s.ru/society/?news=248001> (дата обращения: 30.08.2015); На Солдатском поле под Волгоградом вновь появилась девочка с цветком. URL: <http://news.vdv-s.ru/society/?news=249149> (дата обращения: 30.08.2015).

³ *Argan G.* Citta ideale e citta reale. Storia della'arte come storia della citta. Roma, 1984. P. 82.

Пространственная среда является местом повседневных социальных практик и выполняет функцию пространственного обрамления жизни человека. Представляя ее только фоном, на котором происходит повседневная жизнь людей, неправомерно, она задает определенные социальные ритмы человеческой деятельности, привносит в нашу жизнь упорядоченность в противоположность хаосу. Жизненная среда, частью которой является и пространственная среда города, обуславливает и создает предпосылки для выбора нами определенной манеры поведения, образа действий и мировосприятия.

Город рассматривается как особая форма бытования культуры, способствующая установлению отношений гармонии между личностью и внешним миром. Каково же воздействие «жизненной среды», частью которой и является город в экстремальные периоды человеческой истории, когда сообщество людей живет на грани жизни и смерти, на конкретного человека? Такого рода исследований воздействия пространственной среды на социализацию целого поколения людей не проводилось. Тому есть объективные причины.

Пространственные образы, в том числе и города – сфера научных интересов теоретиков архитектуры. В рамках архитектурной теории достаточно полно представлена проблема восприятия пространственных форм (К. Линч, Р. Арнхейм, И. Араухо, В.К. Моор, В.М. Розин)¹, которая опирается, преимущественно, на эмпирические методы исследования и оказывает воздействие на архитектурную деятельность в практической плоскости, структурируя пространственную среду с учетом создания психологической комфортности и оптимального протекания жизнедеятельности человека. При этом исследователи фокусируют внимание на возможностях создания более комфортной среды, но не рассматривают деструктивную среду, формирующуюся в экстремальные периоды человеческого существования, и это оправдано инструментальными задачами, которые ставятся теоретиками архитектуры.

Анализ визуальных форм и их восприятия определенным субъектом осуществили представители Чикагской социологической школы, именно они впервые в такого рода исследованиях обратились к этнографическим наблюдениям. Объектом их изучения были районы Чикаго в 1920–1930-е годы. Ими рассматривались как маргинальные сообщества (банды, бродяги), так и этнические группы, проживающие на территории города. В результате изучения визуальных форм были выявлены границы и дистанции, ареалы и зоны представленных групп². Изучением городского образа жизни занимался Г. Зиммель. В его работах город предстает как паутина сетей, связей взаимопересекающихся сфер разделения труда, коммуникаций, денежной экономики, интеллектуальных и культурных кругов.³

¹ Араухо И. Архитектурная композиция М., 1982; Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974; Линч К. Образ города. Пер. с англ. М., 1982; Моор В.К. Архитектурное пространство как центральная категория профессионального мышления: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1983; Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 2006.

² Boissevain J. Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. New York, 1974.

³ Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 45.

В исследованиях российских социологов Л.Б. Когана, Е.Н. Заборовой анализируется образ жизни городского населения, черты пространственного поведения горожан, зависимость бытия горожанина от городского пространства, особенности городского сознания, общения, социально-психологической мобильности.¹ Город, таким образом, является пространственной организацией жизнедеятельности людей. Среди социологических теорий среднего уровня проблемы изучения города занимают ведущее место.

В рамках культурологии заслуживает внимания концепция А.С. Ахиезера, в которой город рассматривается как «социокультурно-территориальное образование», а «каждая точка его территории имеет определенный ценностный смысл»². Н.П. Анциферов трактовал город как особый полифункциональный историко-социальный феномен, являющийся центром генерации культурных ценностей и фактором развития общественной структуры³.

Исследование города как социокультурного феномена подразумевает рассмотрение его на междисциплинарном уровне. В рамках социологии города является взаимозависимость городской среды и общественных процессов. Но как происходит конструирование образа города конкретными индивидами, что является наиболее значимым в городской среде, окружающей человека на ранних этапах социализации, — пока не исследовалось. Данный параграф посвящен анализу воспоминаний детей, переживших войну и послевоенные годы в городе, где происходили ожесточенные бои, и городская среда которого была практически уничтожена.

Город всегда имел как пространственные, так и социокультурные границы, представляя собой искусственно созданную среду, отделяющую городское сообщество от окружающих территорий, выполняя функцию защиты. Обращаясь к воспоминаниям тех, кто пережил в детстве Сталинградскую битву, мы попытаемся выявить зафиксированные в их памяти образы города Сталинграда. Но, ставя перед собой такую задачу, мы понимаем, что помимо индивидуальных образов и предпочтений, формировалась и официальная история города, разрабатывалась градостроительная политика, ориентированная на создание города-памятника Сталинграда, что не могло не влиять на «детские» образы города. То, что существует взаимосвязь между образами города конкретных горожан и идеологической моделью, несомненно, но есть и отличия, которые, в первую очередь, нас и интересуют.

Город Сталинград стал одним из полигонов для воплощения социальных идей. Газета «Борьба» летом 1929 г. писала: «Сталинград через известное время должен стать образцовым, подлинно социалистическим городом, таким городом, о котором лишь много писалось и говорилось, но которых у нас еще нет. Настал момент

¹ Коган Л.Б., Локтев В.И. Некоторые социологические аспекты моделирования городов // Вопросы филологии. 1964. № 9. С. 24–29; Заборова Е.Н. Социологический анализ городского социального пространства: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 1997.

² Ахиезер А.С. Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса // Земство. Архив провинциальной истории России. 1994. № 2. С. 45.

³ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М., 1991. С. 56.

реализовать проекты городов будущего»¹. Великая Отечественная война приостановила процесс создания идеального города — возможной столицы Поволжья.

Довоенный город, который создавался как крупный промышленный центр, был уничтожен войной, в настоящий момент мы имеем лишь реконструкции утраченной городской застройки. Именно поэтому образ довоенного города, зафиксированный в воспоминаниях респондентов, так значим для подлинной истории города и территориальной идентичности современных горожан:

«Насколько я помню, это был город жары, все-таки фонтанов и кленов. Клены были роскошные! Как они увядали осенью, в какие краски. И в жару мы под этими кленами прятались, потому что жара была точно такая же, как сейчас, это какой-то удивительный город! Африканского происхождения что ли... Очень интересный, с точки зрения архитектуры, центр города. Вот взять хотя бы Театр юного зрителя на сегодняшнем проспекте Ленина, цирк на Тракторном, кинотеатр «Комсомолец», где сегодня ресторан «Волгоград». И вот даже сохранилась эта лестница, когда поднимаешься в ресторан — это был вход в зрительный зал кинотеатра. На месте, где угол Гоголя и угол площади Павших борцов, где в сторону театра был облисполком и горисполком — такое закругленное здание с балконами, откуда показался флаг. В документальных кадрах о Победе видно этот флаг, он говорил о том, что Сталинград победил. Эти документальные кадры... они обошли весь мир. Так что до войны это удивительно чистый, яркий, ну, я не знаю, с Волгой плюс еще, городок»².

Однако в ходе проекта мы записывали преимущественно воспоминания людей, переживших войну, разруху, и их детские образы города связаны в большей степени с деструкцией, поскольку им пришлось наблюдать разрушение города, сталкиваться со смертью повсеместно:

«Город выглядел жутко. Сплошные развалины. Где сейчас музей Изобразительных искусств, там просто было все огорожено. А где сейчас улица Гагарина, там улицы не было. Наш дом восстановили, а у соседнего дома одна стена лежала на другой, и нам там не разрешали ходить. Это нам надо было обходить до улицы Курской. Так мы подлазили под этим домом, нам ведь надо было на улицу Мира. Мы там с пацанами из 8-й школы встречались»³.

«...И пошли, и тут я увидел весь разрушенный город, я увидел рельсы, которые от взрыва загнулись, я увидел эти трамвайные столбы. Теперь по железнодорожному мосту уже нельзя было пройти, вокзал горел. Мы под железнодорожными вагонами прошли, пролезли. Здесь я увидел группу детей — у кого рука, у кого нога и у кого что-то... Мимо сурового товарища Сталина прошли вниз. Там тоже стояли коробки уже, то есть уже горелое все внизу»⁴.

В воспоминаниях всех, кто не смог эвакуироваться из города до начала августовских массированных бомбардировок, предстает образ горящего города и описание оставшихся от него руин, картины которых потрясали детскую психику.

¹ Превратим Сталинград в образцовый, подлинно социалистический город (Из речи наркомвнудела тов. Толмачева на объединенном пленуме горсовета и окрисполкома) // Борьба. 1929. 21 июля.

² Коляхин К.В. // Дети и война. С. 44.

³ Лопалева С.М. // Там же. С. 24.

⁴ Мамонтов В.И. // Там же. С. 30.

Нередко эти картины воспринимались ими как нечто нереальное, подобное «страшному спектаклю»:

«Бомбы падали, не переставая, со всех сторон, взрывы были слышны и вдалеке и вблизи. Город превратился в огненный лабиринт. Самолеты сбрасывали бомбы, затем разворачивались и снова заходили на бомбежку. Потом все повторялось. Эта смертоносная карусель медленно двигалась над городом вдоль Волги, уничтожая все. Фугасные бомбы сыпались вперемешку с зажигательными. После бомбежки самолеты так же строем улетали, а на смену им летели другие. Мы бежали, шли, падали на землю при взрывах, прятались в воронках. От густого дыма и гари стоял полумрак, в горле першило, и было трудно понять, где мы оказались, настолько все переменялось... Все эти события произошли так внезапно, что казалось, это не реальность, а какой-то страшный спектакль с нашим участием. Все вокруг горело и рушилось, город покрывался дымовой завесой, а немцы продолжали бомбить»¹.

«Почти непрерывные бомбежки продолжались еще с неделю. В последние дни августа немецкие самолеты полностью уничтожили наш район. Сгорел и наш дом. На него свалились, наверное, полтора десятка зажигательных бомб. Они вспыхнули все одновременно ослепительно белыми, искрящимися факелами, так что и невозможно было не только тушить их, но даже подойти к погребу, чтобы вынести, спасти документы и фотографии, которые мы там спрятали. Все вспыхивало и горело как порох»².

После разрушения большей части города горожане переместились на жительство в «щели» и наспех вырытые в склонах оврагов и русле Царицы пещеры. По словам А.М. Утенкова, с конца августа 1942 г. для сталинградцев начался «пещерный образ жизни». По аналогии с этим пребывание в уже освобожденном от фашистов городе наши информанты называли «подвальной жизнью», так как большинству из них пришлось ютиться в подвалах разрушенных домов. Полностью уничтоженное городское пространство и экстремальная жизненная среда, в которой выживали горожане, конструирует деструктивный образ города, в котором опасностей больше, чем социально-значимых архитектурных доминант, присутствующих у человека в его повседневных практиках в условиях мирной жизни.

Возвращение в родной город после скитаний описывается в воспоминаниях как огромная радость, сочетаемая с потрясениями от вида того, что осталось от города детства:

«Вернулись в Волгоград. У нас было 5 ям громадных, причем такие ямы, что может частный дом встать и макушки видно не будет. Вот такие ямы. А жили мы, когда приехали, жили вот в этой норе. И вот Волга, она очень сильно разлилась. Я помню, что к горе подошла вода. И вот когда Волга прибывала, волна плеснется и сразу красная»³.

«Потом мы все-таки пробрались в свой двор. Но его трудно было угадать, все было изрыто воронками, мама отсчитала от остановки наш дом, он был седьмым. Она по печке угадала свой двор. Мы расчистили блиндаж, привели в по-

¹ Мое Сталинградское детство. С. 22–24.

² Утенков А.М. Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 155.

³ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 108.

рядок двор, но это уже когда немцев выбили из Сталинграда. Наделали саманов, сделали себе из блиндажа полуземлянку и в ней жили»¹.

На смену города детства, города «жары, фонтанов и кленов» пришел «город мертвых», «обгоревших мертвых руин». «Мертвый город» и «город мертвецов» — устойчивые образы детских воспоминаний, фиксировавших события с момента бомбежек до возвращения в освобожденный Сталинград:

«Сталинград — он длинный: сплошные развалины, сплошные трупы были. Мы шли просто по трупам, когда нас освободили»².

«После бомбежки город был весь разрушен, и мы пошли, все горело, мы ходили по трупам. Я перешагивала трупы. Там были и мирные жители, и красноармейцы, и офицеры. Было это очень страшно»³.

С образом «города мертвых» непосредственно связан и образ города-кладбища. В детских воспоминаниях многократно воспроизведены рассказы о том, как погибших родственников и соседей хоронили во дворах, нередко мертвые тела сбрасывали в овраги. Во время боев в городе улицы и развалины домов были буквально покрыты телами погибших солдат — советских и вражеских, захороненных затем в многочисленных братских могилах.

Социальное пространство всегда имеет четкую структуру, которая фиксируется через оппозиции: «свое» (социально освоенное) — «чужое» (не освоенное); сакральное (символические доминанты) — обыденное (повседневное пространство); публичное — приватное; элитные — периферийные кварталы. Однако в условиях войны и послевоенной разрухи образ города и пространство города в детском сознании выступают как деструктивные. И детская память фиксирует, прежде всего, опасность и деструкцию, отсутствие воплощенных в пространственных формах структур социального пространства:

«Мы со Светой решили прогуляться. Она решила нас отвести к дому, где мы раньше жили. У нас из этого ничего не получилось, потому что город был весь разбитый, стоял в развалинах. Я ей очень благодарна, что несмотря на то, что нам многое пришлось преодолевать на нашем пути — я была маленькая, и одежда у нас была плохая, обувь у меня была какого-то школьника — Света меня повела так, что мы перешли эту Пражскую улицу, пошли по Коммунистической, потом завернули налево, там сейчас улица какого-то военного, а тогда она называлась Екатерининской улицей, там рядом был Царицынский госпиталь, а к Волге шли дома НКВДшников... По этой улице мы прошли и не успели выйти на площадь 9 Мая, как мы оказались в воронке, и из нее нам надо было выползти. Пока мы вылезли, то мы все были грязные. Вылезли, и перед нами оказались свежие могилы. Света тогда уже умела складывать буквы, и она прочла, но невнятно: там было трое или четверо наших солдат похоронено. Стоял колышек со звездочкой и дощечка, а на ней была надпись, видимо, сделанная кровью, это были имена и фамилии похороненных солдат. На каждом доме, где бы мы ни шли с ней, было написано: «Сталинградцы, не сдадим город!» Мы не могли с ней пройти к Мельнице и выйти на улицу Астраханскую или Советскую, потому что все было пере-

¹ Дети Сталинграда. Воспоминания. С. 33.

² Лучкова З.Ф. // Дети и война. С. 389.

³ Сячина З.М. // Там же. С. 289.

копано, разбито. Еще шли колышки, но мы не понимали, что это, и где нам идти, а где нет, и мы шагали, где нам придется. Ближе к берегу нам стали встречаться доски с надписью и изображением черепа и костей — значит, туда нельзя было ходить. Я всегда пугалась этого черепа и хваталась за светланину юбку. Мы вышли туда, где сейчас синагога, она была разбита и была больше, чем сейчас. С четвертого окна, если считать снизу, то хорошо была видна эта лестница. Потом Света повела меня к универмагу. Света меня поднимала и спрашивала, что я вижу в окнах. Я ничего особенного там не увидела, все было разбросано, а она мне сказала, что в этом здании самого главного фашиста забрали. <...> Потом я увидела на ул. Комсомольской она была уже, чем сейчас Аллея Героев, и там, между домами, лежал разбитый немецкий самолет. Я испугалась, показала Свете. Она начала рассказывать, что это фашистский самолет, который бомбил наш город. Потом она подхватила меня под руку, и мы повернулись от этого парка к парку детскому. Мы увидели этот разбитый вход, у пионера и пионерки были отколоты руки, весь парк был разрушен. Но молодая зелень, которая пошла уже, освежала этот парк. Света меня повела по этому детскому парку и рассказывала, мы сели на качели, которые были без досок. Но кататься было неудобно, и мы ушли. Потом мы оказались у маленького парка, где собирались младшие дети. Мы подошли к айсбергу с медведями, они тоже были разрушены — у кого ухо оторвано, у кого что, но тем не менее трубочки изо рта торчали. Света рассказала, что раньше из них била вода»¹.

Опасность и неустойчивость в пространственном образе города были связаны также с тем, что архитектурные объекты города строились и разрушались и после войны:

«Много стали строить домов. Но прежде чем построить, необходимо было разминировать все дома. Много домов взрывалось. На Тракторном, в районе цирка (ныне Тракторозаводский рынок), выстроили красивый, добротный дом. Мы все пришли полюбоваться на него. Оказалось, что рядом обнаружили неразорванную мину. Взрывали тут же. Много стекла... Еще один дом (ныне комиссионный магазин на Тракторном) — в моей памяти осталось медленное оседание после взрыва здания. Вообще взрывали много: то, что не подлежало восстановлению, где были нарушены конструкции...»².

Возможно, именно поэтому дети, живущие в сложное послевоенное время, «своим» пространством считали только конкретное место жительства. Целостного образа города у большинства респондентов нет:

«Как выглядел город? Да как сказать «город»... Города и не было. Развалины были. Все было разрушено. Везде кирпичи. Город восстанавливался потихоньку. Возвращались люди, приезжали другие, которые даже не жили в Сталинграде. Приезжали и помогали восстанавливать город»³.

В определенной степени отсутствие в воспоминаниях целостного образа города связано с социально-градостроительным экспериментом 1930-х гг. по созданию пяти соцгородов (компактного города, состоящего из однотипных

¹ Забелина Т.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 92–93.

² Лихолетова Л.В. // Там же. С. 37.

³ Лапшева О.Г. // Там же. С. 184.

структурных элементов) в Сталинграде. Каждый соцгород в составе Сталинграда был назван в соответствии с основным направлением его производственной деятельности — Металлогород, Центрогород, Лесной город, Электрохимгород, Город транспортников. Но реализовано было строительство только двух: при тракторном заводе создается промышленно-селитебный район, названный в градостроительной концепции развития Сталинграда Металлгородом. Одновременно со строительством Металлгорода в южной части Сталинграда возводится крупная электростанция с жилым комплексом под названием «Электрохимгород». Предполагалось автономное функционирование соцгородов. Протяженность города и отсутствие транспортного сообщения безусловно также влияли на то, что большинство горожан не имели возможности активно перемещаться и редко посещали центральную часть города, которая была разрушена и не имела в послевоенные годы социально-ценностных архитектурных объектов, значимых для большинства:

«В городе почти не бывали. Когда построили Планетарий, нас стали туда привозить. Почти и не ездили в город в детстве. Кировский, Химгородок, Солёный пруд. Не складывалось представление о городе»¹.

«В городе все разрушенное было, дома только начинали отстраиваться. В центре только более-менее было, а остальное все — землянки, да домишки разные. Долго город строился очень, медленно восстанавливался. В городе кормились по карточкам в основном. Да и потом, как дом отстроили, тоже хозяйство завели свое и этим и кормились»².

«Бекетовка не была разбита, разбит был Сталинград. <...> Жила на СталГРЭСе и город никак не представляла, я его долгое время не видела. Сама Сталинград долго не видела, но по разговорам взрослых слышала, что город был полностью разбит, весь в руинах. Много народу и лампочки. Очень светло. Это все о городе»³.

«Жили на Тракторном, никуда не ездили, находились как бы в своем замкнутом пространстве... А самого Сталинграда я не помню. <...> Да вот даже и на нашем Тракторном районе, который делится на два поселка — Нижний и Верхний, мы жили на Нижнем, а на Верхнем я даже не была. А уже как пошла работать, искать работу — я только тогда попала на Верхний поселок — в 1958 году... До этого мне не приходилось бывать там»⁴.

«Я до пятого класса, пока в эту школу новую не перешли, кроме берега Волги нашего района не знаю ничего. В город бывали редко когда, это только на праздники попадали в центр. А я была домашней. Потом уже, когда все более-менее усовершенствовалось, отстроилось, парки сделали в центре города. Сейчас вот, как мост переезжаешь и первое — вот парк это был, Карла Маркса назывался он, а потом — там был Комсомольский парк. А здесь, когда город отстроили, то стелу эту возвели в память еще участникам первой мировой войны, деревья посадили»⁵.

¹ Аненкова А.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 28.

² Ерошенков П.Ф. // Там же. С. 56.

³ Нестеренко А.И. // Там же. С. 65–66.

⁴ Полушкина Т.В. // Там же. С. 101.

⁵ Жданова К.Ф. // Дети и война. С. 134.

Следует учитывать, что в исследование включены воспоминания детей, находившихся на раннем этапе социализации, попавших в условия выживания. Но, несмотря на это, в текстах прослеживается восхищение по отношению к каждому вновь отстроенному дому, каждой улице и безграничная убежденность в том, что город, в котором они живут, очень красивый:

«А потом была построена 32-я школа, по-моему, она и сейчас есть. Это было что-то невообразимое: это было здание трехэтажное!»¹

Детское восприятие позитивно и фиксировало все, что могло радовать. Так, несмотря на голод и разруху, в памяти остались «прекрасные сады»:

«Были в городе прекрасные клены, прекрасные сады, я знаю вишневым и яблочный»².

Или восхищение какой-то деталью, которая остается в сознании на долгие годы:

«И вдруг, мы выходим в какой-то двор и оказываемся около универмага. О-о-о, я так стою, а мне так понравился там балкон. Закругленный. Но хотя было все разбито, тем не менее двери такие, ох! Я говорю сестре: «Давай посмотрим, давай!» Все стекла были разбиты, загорожены чем-то, занавешены чем-то непонятным. Но мы там смотрели, ничего не видели. Ну, дети же. Ну, вот сейчас, где междугородка, там было здание. И балкон был очень красивый, такой резной весь, понимаешь. Под старину, но все это было разбито, и висела афиша такой красивой женщины...»³.

«И так быстро строили, так быстро все делали! И все завалено было кирпичом. И что запомнилось: деревья по улицам многие целые, но обгоревшие, ветки целые и стволы, но все сгоревшее»⁴.

Городская среда есть не просто окружающая нас среда, это постоянно трансформирующиеся во времени и пространстве социально-значимые пространственные формы, наполненные смыслами, зависимые от оценки социальных субъектов. Как писал М. Мерло-Понти, «каждый из уровней, на которых мы поочередно существуем, появляется тогда, когда мы бросаем якорь в той или иной среде, которая нам предлагается»⁵. Послевоенные годы не предлагали детям множества позитивных визуальных эффектов, но они их находили и выживали, вопреки окружающей их деструкции.

Победа в Великой Отечественной войне в социокультурной модели 1940–1950-х гг. трактовалась как подтверждение незыблемости советского строя. Эта идея должна была быть воплощена в пространственной модели, и не случайно выбор пал на Сталинград. Во-первых, потому что именно в этом городе произошла переломная для Великой Отечественной войны битва. Во-вторых, Сталинград идеально подходил для реализации новой идеи города-монумента, поскольку был

¹ Интервью с Гордеевой Н.В., 1937 г.р., интервьюер Е.А. Марусина, 21.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Коняхин К.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 132.

³ Интервью с Забелиной Т.В., 1941 г.р. Интервьюер Е. Атрашенко. 2013 г., Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Русина Ю.А. // Дети и война. С. 213.

⁵ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 326.

настолько разрушен, что его нужно было фактически строить заново, а не восстанавливать, приспособившись к сложившемуся историческому контексту. В-третьих, немаловажным фактором было то, что с 1925 г. город носил имя вождя.

Именно поэтому Сталинград трактовался как идеальный советский город, который должен иметь идеальную пространственную структуру, соответствующую идеологической модели того времени. План восстановления Сталинграда разрабатывался сразу после окончания Сталинградской битвы как города-монумента. Идея «города-монумента» (1943–1955), фиксированная в пространственных формах, подразумевала создание единого архитектурного ансамбля, превращающего город в репрезентативную материальную модель, своего рода выставочный экспонат, ориентированный на эстетическое восприятие внешнего наблюдателя. «Послевоенная реконструкция Сталинграда стала одним из вариантов ее решения, где внешнее проявление формы было обязано порождать строго определенные ассоциации»¹.

Целесообразное функционирование города как социально-экономического организма не учитывалось, что превращало его в статичную систему и не предполагало дальнейшего развития городской среды. «Сталинград должен быть и будет отстроен так, чтобы архитектурный образ его воспринимался как грандиозный памятник героической эпопеи войны, как символ мощи и жизнедеятельности великого русского народа»². Провозглашалось, что город должен стать символом Победы для всей страны и всего мира, но никак не учитывалось, что он был населен горожанами, чьи потребности были вторичны, поскольку главным была не «забота о человеке», а создание идеального архитектурного пространства. Сталинград был своего рода воплощением «эпохи, в которой люди чувствуют себя вознесенными на абсолютную и предельную высоту, времена, которые представляются исходом, исполнением надежд и свершившихся вековых устремлений. Это — «совершенное время», окончательная зрелость исторического бытия»³.

Отразилась ли идея идеального города, города-памятника в памяти горожан? Да, несомненно:

«Вот на улицу Мира мы ходили большими компаниями. Под руки собирались и ходили по этой улице туда-сюда, это такое счастье было! Я помню, как строили первые дома на улице: 13-й дом, потом 20-й, 11-й и 18-й. Тогда подругу мою с семьей переселили в 13-й дом. Потом построили планетарий. Это такая радость была! Это что-то необыкновенное для нас было! Мы и в сам планетарий ходили и гуляли просто около него. Тогда это был центр нашей жизни»⁴.

«А потом, после войны, когда город отстроили, когда детьми обзавелись и семьями, на Набережную ходили, и заметно стало, как город изменился. Здания, конечно, не такие, какими были до войны. До войны дома были маленькие, двухэтажные в основном. Это уж там, около ресторана «Маяк», напротив, дома были в три-четыре этажа»⁵.

¹ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2000. С. 7.

² Алабян К. Каким будет Сталинград // Сталинградская правда. 1944. 10 сентября.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. Пер. с исп. М., 2000. С. 43–163.

⁴ Челюбеева М.М. // Дети и война. С. 154.

⁵ Жданова К.Ф. // Дети и война. С. 135.

Все респонденты подчеркивают, что город был выстроен только общими усилиями:

«А город настолько разбомбили, вот эту улицу Мира мы все своими руками строили. А худые были, полуголодные, не сидели, не пухли ведь. И вот несем четверо носилки, один туда, другой сюда: «Ты шатаешь! Ты двигаешь!» Вот эту улицу мы выложили. Начальство сказал, что, если только выложим вот эту улицу... Весь город ведь ходил! Мы в этот день едем, в другой день — другой район, и выкладывали эту улицу. Так вот начальство сказал, что построит здесь планетарий, и нас бесплатно пустят. И мы старались, надрывались, лишь бы построили этот планетарий. Ну, а они вместо раза нас целых три раза пускали! Пришли мы в этот планетарий, а я говорю: «Ой, что-то тут не хватает! "Катюш» я не вижу!» И вот три раза нас сюда водили, такие благодарные были»¹.

«К 1950 г. стали появляться новые дома. А до этого, конечно, нет. Но разровняли город от руин только этими субботниками. И народ был голодный, холодный, ни у кого ничего не было, но участвовали все. Друг другу помогали... Какая же должна быть сила воли и организма пережить такое! Трупы везде были. Их нужно было убирать, все это разгрести»².

Все жители послевоенного Сталинграда, в том числе и дети, стремились преобразить свое жизненное пространство:

«Единственное, что мы много делали, мы сажали деревца и кустарники. Мы всё тут высалили, что кругом сидит, это всё старшекласники, ну, не старшекласники, а начиная с 5-го класса, мы уже все сажали кустарники и деревца: тополя, вязы. Вот это мы делали весной постоянно. Кто-то ямку делал, а мы бежали сюда, засыпали земли, по полведерка воды заливали. Это вот было постоянно. Запишите это. Вспомните! Это было не то, что б принудительно, мы сами бежали. Весной и осенью. Всё, что немножечко поднялось, это всё за счет детей. Потому что никто не делал. Конечно, под руководством учителей, взрослых... Вся сирень эта наша, это наше детство. Еще были желтые розы. Раньше были, сейчас убрали — они как могильные. Но желтые розы были везде. Потому что воды было очень мало, а желтые розы держались. Мы вообще понятия не имели, что есть другие. Мы тюльпаны увидели, тую увидели, когда другие страны нам начали присылать. Про Сталинград знали, что мы разбитые, убитые, что ничего нет. Давали какие-то саженцы, семена, кустарники. И вот всё что видишь, когда идешь по площади — это дети, дети»³.

Город следует понимать как место особого «собрания» человека в единое целое, организации специфического пространства обитания, включающего как собственно человеческую телесность, так и его духовную составляющую. Такое специфическое пространство формируется под влиянием множества факторов — исторических, природных, экономических и, безусловно, социокультурных. Пространство, в понимании М. Хайдеггера, — это событие, т.е. пространство вполне правомерно рассматривать как общественно-организуемый феномен, способный объединить отдельных субъектов. А пространство города, являясь частью соци-

¹ Феклистова А.В. // Там же. С. 167.

² Интервью с Чулковой М.Е., 1927 г.р., интервьюер Ю.В. Смирнова, 07.06.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 141.

ального пространства, создает условия для сопричастности, «со-бытийности» и конструирует понятие «мы».

Образ города, транслируемый горожанами, важен для понимания как эпохи, которую мы пытаемся понять и сохранить, так и для социальной памяти — индивида и общества в целом. Несмотря на деструктивное пространство, которое окружало детей в военные и послевоенные годы в Сталинграде, образ города для них был позитивно эмоционально окрашен и неразрывно связан с их судьбой, что наиболее ярко отражено в словах нашего информанта Н.В. Вдовиной: «Город — это дом, это все его части. Город — это моя Родина. Город — это дом...»¹.

2.3. ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ: МУЗЕИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ «ДЕТЕЙ ВОЙНЫ»

Мемориализация темы военного детства имела определенную специфику, выражавшуюся как в ее формах, так и в содержании. В центре данного процесса первоначально находилось увековечивание памяти о пионерах-героях и других юных участниках Великой Отечественной войны. Главными мемориальными институтами выступали музеи, как правило, создававшиеся при школах или дворцах пионеров, преобразованных с роспуском пионерской организации во дворцы детского творчества. Затем на добровольной основе возникли общественные объединения, представлявшие интересы разных групп «детей войны» и выступавшие за их «возвращение» из исторического забвения.

Активная мемориальная политика в отношении Великой Отечественной войны в 1960–1980-е гг. способствовала появлению десятков школьных музеев, боевых уголков, стендов, выставок, на которых были представлены материалы как о наиболее известных пионерах-героях, так и о других несовершеннолетних жителях городов и районов, погибших в годы войны, и совершенных ими подвигах. Так, еще в 1961 г. был открыт народный музей имени Лары Михеенко в средней школе № 5 города Хотьково Московской области. В 1971 г. в ленинградской средней школе № 210 был основан до сих пор остающийся единственным в городе музей юных защитников Ленинграда.

В 1963 г. фронтовик Клара Александровна Рябова создала в Курске общественную библиотеку, на основе которой был организован клуб «Алые паруса», а в 1977 г. — военно-исторический музей «Юные защитники Родины». На следующий год он получил статус народного музея, а с 1991 г. — государственного, став филиалом Курского областного краеведческого музея. Музей превратился в настоящий информационный центр поиска юных участников войны. На каждого из установленных сыновей и дочерей полка было заведено личное дело, в котором содержались разнообразные в видовом и содержательном отношении источники — анкеты, фотографии, архивные справки, письма, воспоминания, дневники,

¹ Вдовина Н.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 16.

наградные документы, а также рассказывавшие о них публикации. В настоящее время фонды музея насчитывают около 100 тыс. экспонатов. Экспозиция на общей площади в 100 кв. м раскрывает события истории Великой Отечественной войны через судьбы воевавших детей и подростков. В представленных материалах подчеркивается, что на фронте воевали более 300 тыс. воспитанников боевых частей и соединений, связных-разведчиков, юнг, подпольщиков и партизан, 60 тыс. из них погибли. Деятельность музея «Юные защитники Родины» нашла отражение в целом ряде публикаций¹, а сам он выполнял координирующие функции в сохранении и увековечивании памяти о несовершеннолетних участниках войны, проводя конференции, оказывая методическую и организационную помощь в данных вопросах другим музеям.

Открытый еще в 1969 г. в Ростовском дворце пионеров (в настоящее время — Дворец творчества детей и молодежи) музей истории пионерской организации Дона «Пионерская слава» был в 1990 г. также преобразован в музей «Юные защитники Отечества». К настоящему времени в музее накоплено более 5 тыс. экспонатов, включая документы, фотографии, книги, личные вещи, награды бывших юных участников войны².

В мае 1990 г. была открыта выставка-музей «Юные патриоты Родины» в городском Дворце детского творчества в Ставрополе под руководством бывшего сына полка Владимира Яковлевича Мовзалевского. В 1998 г. по инициативе «детей войны» в Ставрополе на площади перед Дворцом детского творчества был открыт памятник юным защитникам Отечества 1941–1945 гг. на средства, собранные коллективами учебных заведений, предприятий и граждан при поддержке администрации города.

В 2000 г. был открыт музей юных участников войны при Профессиональном училище № 182 г. Москвы. Музей в школе № 69 (в настоящее время — школе № 6) города Льгов Курской области получил название «Орлята курской земли». Необходимо отметить и музеи, созданные в честь героев «Молодой гвардии» Краснодона, с учетом того, что многие ее члены были несовершеннолетними. По данным

¹ Хромова К.И. Тысяча сыновей. Изд. 2-е, перераб. и доп. Воронеж, 1990; Волицукова С.Б. Юные защитники Родины (по материалам музея) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах. Курск, 1995. С. 76–85; Факел памяти народной: музей «Юные защитники Родины». Курск, 2001; Холтобина Л.С. Исследования, поиск, комплектование фондов Курского военно-исторического музея «Юные защитники Родины» в период с 1963 по 2005 год по теме: «Массовый героизм юных участников Великой Отечественной войны» // Война и дети: им память — высшая награда. Курск, 2005. С. 103–106; Грива Т.А. Огонь негаснувшей души (памяти К.А. Рябовой — основателя курского музея «Юные защитники Родины») // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века Т. 1. С. 176–179; История Курского военно-исторического музея «Юные защитники Родины» по патриотическому воспитанию. Курск, 2008; Холтобина Л.С. Военно-исторический музей «Юные защитники Родины» — центр хранения документальной истории о юных участниках Курской битвы // Истории немеркнущие строки... Курск, 2008. С. 72–76; Чабанова А.Н. «Мы никогда не победим русских, потому что даже дети у них сражаются и погибают, как герои»: Курский военно-исторический музей «Юные защитники Родины» // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 4–5; Холтобина Л.С. Изучение историко-культурного наследия Курской области на примере деятельности музея «Юные защитники Родины» // Курский край в истории Отечества. Курск, 2009. Ч. 2. С. 77–81; *Ее же*. О роли музея «Юные защитники Родины» в развитии военно-исторической работы // Героизм и трагедия 1941 г.: взгляд из XXI века. Курск, 2011. С. 154–157 и др.

² Чернышева М. Сберегающие историю // Беленький Г.Л., Гурицкая А.А. Планета юных. К 70-летию Дворца творчества детей и молодежи города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 2006. С. 187–190 и др.

А.В. Дружининой, к 1991 г. насчитывался 331 такой музей¹. Затем их количество стало сокращаться, и к настоящему времени осталось не более десяти.

Иное содержательное наполнение получила экспозиция созданного в лицее № 13 города Петрозаводска музея «Дети войны», открытого в 1989 году. Она включала следующие разделы: «Воспоминания детей о 22 июня 1941 года», «Эвакуация детей», «Уголок школьника», «Дети на трудовом фронте», «Дети и блокада Ленинграда», «Юнги Северного фронта». Позже были открыты новые экспозиции «Малолетние узники-жители Кукковки», «Вещи ушедшего века». Центральное место заняла экспозиция «Дети в лагерях оккупированного Петрозаводска», созданная на основе фотоснимков корреспондента «Огонька» Г. Санько, сделанных в впервые часы после освобождения Петрозаводска в 1944 году². Представленный материал выходит за рамки традиционного героического дискурса в описании проблемы, акцентируя внимания на страданиях, перенесенных детьми в годы войны.

В 2004 г. музей «Дети Великой Отечественной войны» открылся в Мончегорске³. Подобные музеи действовали также в школах № 160 г. Новосибирска и № 73 г. Челябинска, Новопокровской средней школе и других учебных заведениях. Установить точное количество музеев, посвященных «детям войны», практически невозможно, поскольку школьные, народные, ведомственные и другие негосударственные музеи не регистрируются государственными органами.

Привлечение внимания к судьбам «детей войны», а также активная поисковая работа по установлению их имен стимулировали создание общественных организаций. Первыми сумели объединиться несовершеннолетние узники фашистских концлагерей. По инициативе Советского детского фонда имени В. И. Ленина в 1988 г. состоялась Всесоюзная встреча бывших малолетних узников фашистских концлагерей (которым во время заключения было не более 14 лет). На ней был учрежден Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. После распада СССР он был преобразован в Международный союз бывших малолетних узников фашизма (далее – МСБМУ). МСБМУ объединяет соответствующие организации на всем постсоветском пространстве, включая и Российский союз бывших малолетних узников фашизма. В 1994–2009 гг. немаловажную роль в его деятельности играли мероприятия по осуществлению компенсационных выплат через фонды взаимопонимания и примирения Германии и Австрии сотням тысяч бывшим малолетним узникам фашистских лагерей. В последние годы несовершеннолетние узники фашизма выступают за признание за ними статуса ветеранов войны и предоставление соответствующего объема социальных льгот⁴.

¹ Дружинина А.В. О школьных музеях «Молодой гвардии». URL: <http://www.fire-of-war.ru/mg/o-musee.htm> (дата обращения: 05.09.2015).

² Музей «Дети войны». URL: http://лицей13.рф/lyceum_today/museum.html (дата обращения: 05.09.2015).

³ Музей «Дети войны»: фото, описание. URL: http://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp? ID=6022 (дата обращения: 05.09.2015).

⁴ Дерябина Л.В. Узников фашистских лагерей «не полностью приравнивали к ветеранам войны»: то есть льгот никаких не дали. URL: <http://www.novayagazeta.ru/letters/166.html> (дата обращения: 12.09.2015); Мусеев Е.В. Судьба участников антифашистского сопротивления и несовершеннолетнего узника фашизма // Значение сражений 1941–1945 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д., 2015. С. 455 и др.

В конце 1989 г. была создана Курская секция юных защитников Родины во главе с бывшим сыном полка В.С. Кудяровым. На следующий год она была зарегистрирована в качестве Совета однополчан юных защитников Родины при Советском комитете ветеранов войны. Но первоначально документального оформления деятельности организации не велось, что не позволяло рассчитывать на реализацию принятых решений: «В связи с тем, что патриотическое движение бывших юных защитников Родины проводилось на общественных началах, юридически никем не признавалось и нигде не регистрировалось ни в каких органах власти, встал вопрос “Кто же мы?”»¹. В 1990 г. в Курске состоялась учредительная конференция, на которой была создана Всесоюзная организация юных защитников Родины под председательством В.С. Кудярова. Но последовавший вскоре распад СССР привел к фактическому прекращению ее деятельности.

В 1992 г. в Москве состоялся слет юных участников войны, на котором было принято решение о создании Межрегионального (Российского) союза юных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., избран его президиум во главе с А.И. Подобедом. Объединения юных фронтовиков возникли более чем в 40 регионах Российской Федерации². Среди них и созданное еще в 1987 г. Ставропольское краевое объединение юных участников Великой Отечественной войны во главе с В.Я. Мовзалевским, насчитывавшее более 170 человек. Деятельность данных организаций включала как воспитательно-патриотическую работу в школах и других учебных заведениях, так и решение социально-правовых задач, связанных с признанием тех или иных юных защитников Родины участниками Великой Отечественной войны, если они не имели подобного статуса.

Данные аспекты волновали и другие категории детей военного времени, в большинстве своем не получавших социальных преференций, которыми были наделены взрослые участники Великой Отечественной войны. В частности, неоднократно поднимался вопрос о признании заслуг бывших юных минеров³. С 1980 г. бывшие юные минеры безуспешно обращались в разные инстанции — органы государственной власти, центры социальной помощи, военкоматы, советы ветеранов — с просьбами о признании их участниками войны. Только в 2001 г. вступил в силу Указ Президента России В.В. Путина о предоставлении льгот участника Великой Отечественной войны лицам, привлекавшимся органами местной власти к разминированию. Однако в архивах ряда регионов подтверждающие данные обстоятельства персональные списки юных минеров так и не обнаружены. Исследователи не исключают, что они были уничтожены, так как «свидетельствовали бы о нарушении международной конвенции “О недопустимости привлечения детей и подростков к ведению боевых действий”»⁴.

¹ Историческая справка к описи дел Межреспубликанской организации «Юные защитники Родины». Государственный архив Курской области. Ф. Р-219. Оп. 1.

² Мовзалевский В. Беспокойные сердца // Дети Отечества. Ставрополь, 2001. С. 255.

³ Холтобина Л.С. К вопросу о признании заслуг бывших юных минеров — участников разминирования Курской области 1943–1945 гг. и защите их прав на льготы // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века. Т. 1. С. 72.

⁴ Холтобина Л.С. К вопросу о признании заслуг бывших юных минеров — участников разминирования Курской области 1943–1945 гг. и защите их прав на льготы. С. 73.

Немаловажное значение имело и желание заявить о своем существовании, преодолев растянувшийся на десятилетия период умолчания. В целом активизации детей военного времени в конце 1980-х — начале 1990-х гг. способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, сама обстановка в стране, сопровождавшаяся обновлением во всех сферах и снятием цензурных ограничений на прежде табуированные темы и сюжеты. Во-вторых, снижение влияния ветеранских организаций и самих ветеранов Великой Отечественной войны вследствие как возрастных особенностей с соответствующим ухудшением состояния здоровья, так и изменения системы ценностей, к чему многие из них оказались не готовы, появления альтернативных взглядов и оценок героев и событий военного времени. В-третьих, вступлением самих «детей войны» в предпенсионный и пенсионный возраст, рассматриваемый как неизбежный этап в подведении итогов жизненного пути.

В конце 1980-х гг. встал вопрос и о создании общественных объединений «детей Сталинграда», судьба которых длительное время фактически замалчивалась, не находя выражения в соответствующих мемориальных формах¹. Значимую роль в их организационном оформлении сыграла Евгения Петровна Жорова (в девичестве Рудыкина) (1932–2004). Будучи коренной жительницей Сталинграда, она пережила бои в городе, затем многодневный и многокилометровый переход по оккупированной территории, а при возвращении домой в 1943 г. потерю брата, подорвавшегося на mine. Впоследствии была главным архитектором города Волжского, Тракторозаводского района Волгограда, увлеклась краеведением, приобрела широкую известность². Решительность и принципиальность в отстаивании своих позиций, вызывавшие общественное уважение, общая память о пережитых страданиях, острое чувство социальной несправедливости, вызванное политикой исторического забвения по отношению к детским судьбам, позволили ей быстро найти единомышленников среди «детей Сталинграда». В их числе оказались председатель Волгоградского отделения Советского детского фонда Раиса Кузьминична Скрынникова (Сурганова) (1941 г.р.), поддержка которой сыграла важнейшую роль на этапе становления общественного объединения, и работавшая экскурсоводом в Волгоградском бюро путешествий и экскурсий Юлия Владимировна Кулешова (1930–2008), обладавшая энергичностью и талантом настоящего организатора.

Инициативная группа обратилась через газеты и по личным контактам ко всем, кто пережил Сталинградскую битву в детском возрасте, предложив им записать свои воспоминания и прислать в Волгоградское отделение Советского детского фонда. Эта инициатива получила широкий отклик, вызвав настоящий поток писем. Заручившись массовой поддержкой, инициаторы решились на проведение первого слета детей военного Сталинграда, состоявшегося 2 февраля 1990 г. в Волгоградском областном доме офицеров. Для участия в нем зарегистрировались 1098 чел., в том числе 146 детей-сирот, 24 бывших несовершеннолетних узников фашизма и 34 сына полка. На слете было объявлено о создании общественного

¹ Рудыкина-Жорова Е.П. Подарок. Статьи и интервью, рассказы, воспоминания. Волгоград, 2002.

² Иванова Е. Со дня рождения Евгении Жоровой исполнилось 80 лет. URL: <http://dom.v1.ru/text/culture/481726-print.html> (дата обращения: 29.09.2015).

подразделения «Дети военного Сталинграда» при Волгоградском отделении Советского детского фонда. В принятом положении говорилось: «Общественное подразделение “Дети военного Сталинграда” родилось по велению сердца и памяти тех, чьи детские годы были опалены огнем величайшего в истории человечества воинского сражения — Сталинградской битвы». Основная цель организации в соответствии с духом времени формулировалась так: «Антивоенная пропаганда, развитие лучших традиций патриотического воспитания детей и молодежи». Конкретными задачами указывались учет всех бывших детей военного Сталинграда и районов области, на которой шли бои, а также участие в создании посвященного им музея¹.

На слете был избран координационный совет, председателем которого стала Е.П. Жорова, а ее заместителями — В.В. Гудимов и Ю.В. Кулешова. По окончании слета началось создание районных организаций. Первой 23 марта 1990 г. была создана организация Красноармейского района. 30 марта — Дзержинского, 4 апреля — Ворошиловского, 6 апреля — Кировского, 11 апреля — Тракторозаводского, 13 апреля — Центрального, 18 апреля — Краснооктябрьского и 20 апреля — Советского районов. Свои первые собрания они провели в музее-панораме «Сталинградская битва». 29 апреля 1990 г. была создана организация «Детей военного Сталинграда» в городе Волжском. 9 мая 1990 г. восемь районных и одна городская организации объединились в ассоциацию «Дети военного Сталинграда». Позже стали появляться организации и в других городах и районах Волгоградской области: 18 ноября 1991 г. — в Дубовском районе, 23 декабря — в городе Калаче, 24 декабря — в Городище. К концу 1991 г. в состав ассоциации «Дети военного Сталинград» входило уже 14 организаций с общей численностью в 10 тыс. человек. 21 августа 1992 г. координационный совет постановил принять в ассоциацию инициативные группы «Детей военного Сталинграда», созданные в Москве и Санкт-Петербурге.

9 февраля 1991 г. был принят устав областной ассоциации, по которому она провозглашалась «добровольной самостоятельной общественной организацией, объединяющей детей, находившихся в период Сталинградской битвы в районах боевых действий и проживающих в настоящее время на территории Волгоградской области». Устав закреплял в качестве одной из ее главных задач защиту «детей Сталинграда». Отмечалось, что ассоциация «защищает социально-экономические, трудовые, личные права и свободы детей военного Сталинграда, добивается улучшения их материального благополучия, жилищных условий, торгового и других видов обслуживания, совершенствования законодательства об их льготах и пенсионном обеспечении». Наряду с этим ассоциация должна была активно участвовать «в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма, дружбы народов, уважения к старшему поколению, укреплению мира и международной безопасности».

Однако 25 ноября 1991 г. состоялся внеочередной слет ассоциации, на котором были внесены изменения в ее устав. Областная ассоциация определялась

¹ Здесь и далее: Музей «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда. Фонды. Альбом «История ассоциации “Дети военного Сталинграда”».

«добровольной, самостоятельной общественной организацией, объединяющей бывших сталинградских детей, находящихся в период битвы в черте города и проживающих в настоящее время на территории Волгоградской области». Отмечалось, что она «объединяет на добровольных началах городские и районные организации, обладающие организационной и юридической самостоятельностью» и «носит благотворительный характер». Был избран новый состав координационного совета, председателем которого стала Ираида Константиновна Помощникова.

С самого начала «Дети военного Сталинграда» стали играть заметную роль в формировании мемориального пространства о войне в Волгограде. Так, 15 июня 1992 г. ассоциация направила письмо руководителям города по поводу строительства в парке за территорией кинотеатра «Родина» (бывшая площадь 8 марта) в 10 м от памятника на месте единственный братской могилы гражданских лиц, погибших в Сталинградской битве, трех двадцатипятиэтажных домов: «Обращаемся к Вам с просьбой не допустить такого кощунства перед памятью погибших мирных жителей города».

Члены организации проводили встречи, беседы и уроки мужества с учащимися школ, руководили кружками, организовывали выставки детских работ, публиковали материалы о своей деятельности и конкретных людских судьбах в газетах, выступали на радио и телевидении. Немаловажное значение уделялось поиску новых имен «детей Сталинграда», в том числе проживавших за пределами Волгоградской области, установлению связи с ними (среди них, в частности, оказалась известный композитор А.Н. Пахмутова). На очередной слет, состоявшийся 22 августа 1992 г., съехались бывшие дети Сталинграда из Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманска, Нижнего Новгорода, Одессы, Каунаса, Краснодара, Ухты, Сочи, Тольятти, Феодосии и многих других мест. В 1993 г. состоялся Международный благотворительный телемарафон, задачи которого включали сбор средств для нуждающихся детей-сирот и создание международной организации «Дети Второй мировой войны» под девизом «За мир, согласие и милосердие». Установление отношений с предприятиями позволяло получать от них необходимую материальную помощь. «Дети военного Сталинграда» стремились играть заметную роль во всех общественно значимых городских мероприятиях, особенно проводившихся в память о событиях Великой Отечественной войны, участвовали в воскресниках по уборке города и уходе за зелеными насаждениями.

Еще одним важным направлением деятельности ассоциации стали сбор и публикация воспоминаний ее членов. В 1993 г. вышла первая, подготовленная журналистом А.С. Колотилиным книга воспоминаний «детей Сталинграда» о войне¹. Главной темой опубликованных в ней воспоминаний стали бомбежка 23 августа и то, как авторы смогли ее пережить. Еще в 1990 г. координационный совет постановил считать 23 августа Днем памяти погибших мирных жителей. Городская администрация утвердила данное решение. У входа в музей-панораму был установлен мраморный знак погибшим детям военного Сталинграда с датой «23 августа 1942 г.».

¹ Осколки в сердце. Волгоград, 1993.

Первоначально органы власти, включая губернатора Волгоградской области И.П. Шабунина, который и сам относился к поколению «детей войны», оказали новой общественной организации поддержку. Волгоградский областной совет народных депутатов 17 мая 1991 г. принял постановление «О предоставлении льготного проезда пенсионерам — членам общественной организации “Дети военного Сталинграда”».

Но вскоре начался раскол в самой организации. Процедура приема в нее предусматривала подачу заявления с подтверждающими документами, собственными воспоминаниями и воспоминаниями свидетелей. Части людей, изъявивших желание вступить в ассоциацию, в этом было отказано: «Водораздел прошел, во-первых, по дате — 23 августа и, во-вторых, Бекетовка оставалась “за бортом”. Стали оспаривать права тех, кто жил в той же Бекетовке и не хлебнул войны и бомбежек так, как те, которые жили в центре города <...> Стали разбираться: кто жил в южных районах города, там не сильно бомбили, там не было оккупации. Те в ответ приводят данные о том, что их тоже бомбили, там есть энтузиасты, они составили перечень имен тех, кто погиб при этих бомбежках»¹.

Действительно, южные районы были разрушены гораздо меньше в период Сталинградской битвы, но дети Бекетовки испытали свои трудности и свои лишения. По мнению специалистов, им приходилось выживать в чрезвычайно тяжелых условиях, поэтому «о судьбе Бекетовки нужно говорить. Их ведь бросили власти совершенно <...>. Там было очень много брошенных детей, ходили подрабатывали, попрошайничали. За колосками ходили, выживали, как могли». Тем не менее «пошла “отбраковка” детей из южных районов. Не власть, а сами. Вот такая монополия на память. Они и до сих пор сражаются. Вот тот же Панченко Юрий Николаевич (автор воспоминаний «163 дня на улицах Сталинграда». — *Прим. авт.*) <...> говорит: “Вот вы были в Белой Калитве, вы оттуда все живыми вернулись. А мы вот тут...”. Это не правда, и в Белой Калитве очень многие погибли»². Все это свидетельствовало о формировании в составе общественной организации собственной бюрократии, которая стала определять, кого можно называть «настоящими» «детьми Сталинграда», а кто этого звания не достоин.

Вскоре и власть взялась за регламентацию данного вопроса в связи с монетаризацией льгот, потребовавшей более строгого учета претендующих на них лиц. 14 февраля 2006 г. был принят закон Волгоградской области «О социальной поддержке граждан, находившихся в несовершеннолетнем возрасте на территории города Сталинграда в период Сталинградской битвы». Он определил социально-правовой статус детей Сталинграда как граждан, находившихся «в несовершеннолетнем возрасте в период с 23 августа 1942 года по 2 февраля 1943 года на территории, охваченной боевыми действиями, соответствующей административно-территориальному делению города Сталинграда по состоянию на указанный пе-

¹ Интервью с Бондаренко Л.А. (методист Волгоградской станции детского и юношеского туризма и экскурсий, руководитель музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда»). Интервьюеры — Кринко Е.Ф., Рыблова М.А., дешифровка Когитиной А.В., 03.07.2015, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Там же.

риод»¹. Меры их социальной поддержки включали ежемесячные денежную выплату в размере 200 руб. (затем сумма выросла до 342 руб.), скидку на 50 % суммы при оплате расходов за жилое помещение, коммунальные услуги, топлива и его доставки, а также право на получение медицинской помощи, в том числе, внеочередное.

Право на указанные меры социальной поддержки устанавливалось при наличии у граждан соответствующих удостоверений «Детей Сталинграда». Положение о порядке и условиях его выдачи утвердил своим постановлением глава администрации Волгоградской области 6 апреля 2006 года. Для получения удостоверения гражданам требовалось представить документы, подтверждающие факт их нахождения «в течение любого временного периода с 23 августа 1942 г. по 2 февраля 1943 г.» в Сталинграде. К ним относились: архивные справки, подтверждающие факт проживания, учебы, работы или нахождения; копии трудовых книжек или справки, подтверждающие факт работы родителя в Сталинграде в указанный период; справки из военкомата о призыве родителя на военную службу из Сталинграда в период с 22 июня 1941 г. по 2 февраля 1943 г.; трудовые книжки, архивные списки гражданского населения, составленные в феврале 1943 г. на территории Сталинграда для выдачи продовольствия и медикаментов; иные архивные документы или судебные решения об установлении факта нахождения с 23 августа 1942 г. по 2 февраля 1943 г. в городе Сталинграде².

Свидетельские показания и воспоминания, прежде подтверждавшие право считаться «детьми Сталинграда», больше не учитывались. Была проведена пере-регистрация и членов организации «Дети военного Сталинграда» на основе новых нормативных документов, что сократило ее численность: «А ведь у кого-то отцы были уже непризывного возраста, многие матери (особенно многодетные) не работали. Архивы многие сгорели. Ну, эвакуированные, те, само собой, не попали в эту категорию. И большое количество людей отсеяли»³.

«Отбракованные» граждане стали отстаивать свою правоту и право на социальные льготы в судебном порядке при поддержке части активистов и руководителей ассоциации. Так, руководитель Дзержинского районного отделения ассоциации «Дети военного Сталинграда» Л. В. Серебрякова, «человек легендарный в нашем городе <...> она очень часто ходила в суды свидетелем, даже не зная этих людей, отстаивала историческую справедливость». Но в итоге все равно осталось много обиженных людей: «Власть многих “отбортовала”, уменьшила их количество».

В организационном отношении разросшаяся ассоциация «Дети военного Сталинграда» со временем стала представлять собой аморфную структуру, а основная практическая работа протекала в ее районных и городских отделениях.

¹ Закон Волгоградской области от 14 февраля 2006 г. № 1197-ОД «О социальной поддержке граждан, находившихся в несовершеннолетнем возрасте на территории города Сталинграда в период Сталинградской битвы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802050769> (дата обращения 11.09.2015).

² Постановление главы администрации Волгоградской области 6 апреля 2006 г. № 384 «Об утверждении положения о порядке и условиях выдачи гражданам удостоверения “Дети Сталинграда”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/460004387> (дата обращения 11.09.2015).

³ Интервью с Бондаренко Л.А.

Проблемы развития организации и внутренние разногласия в ней, в том числе личного характера, привели к расколу в ее рядах и появлению новых общественных объединений, выступавших от лица бывших детей Сталинграда. Председателем координационного совета Волгоградской общественной организации «Дети героического Сталинграда» стала бывшая учительница Надежда Петровна Митюкова. В эту организацию вошли преимущественно граждане, проживавшие в Кировском районе, или по другим причинам не принятые в ассоциацию «Дети военного Сталинграда». Еще одна организация получила название «Дети огненного Сталинграда», ее возглавила Зинаида Константиновна Грубникова.

Включив в свои ряды часть бывших детей Сталинграда, которые стремились к общественной деятельности, но не имели возможности реализовать ее в рамках сложившейся структуры областной ассоциации, обе указанные организации, существенно уступая ей в численности, в то же время в начале своей деятельности были достаточно активны, принимая участие в различных мероприятиях, в том числе протестного характера. В 2005 г. «Дети огненного Сталинграда» даже пикетировали здание городской мэрии, требуя поднять размер пенсий до прожиточного минимума в Волгоградской области¹. А в начале февраля 2008 г. в интервью «Радио Свобода» З.К. Грубникова заявила, что «в этом году их общественная организация не получила никакой поддержки от региональных властей»². Через два года ситуация поменялась, и З.К. Грубникова уже выражала признательность региональному отделению партии «Единая Россия», утверждая, что многие мероприятия возглавляемой ею организации были бы невозможны без его помощи: «Мы верим в эту партию и очень благодарны ей за содействие»³.

Тем не менее в развитии организаций «Дети героического Сталинграда» и «Дети огненного Сталинграда» существовало немало проблем, например, связанных с арендой помещений. Между различными организациями существовали значительные разногласия, доходившие даже до личных конфликтов между их руководителями. Неоднократно предпринимались попытки объединить их всех, создать единую организацию «Дети Сталинграда», членство в которой определялось бы на основании выдававшихся социальными службами удостоверений. Руководитель секции «Дети Сталинграда» областного совета ветеранов войны Г.А. Дубоносов попытался создать единую организацию на базе «Детей огненного Сталинграда», но эту идею не поддержала И.К. Помощникова.

В итоге «Дети военного Сталинграда» остались самым крупным общественным объединением данной категории граждан. В 2006 г. в ассоциации «Дети военного Сталинграда» насчитывалось 15 833 чел., в то время как в организации «Дети героического Сталинграда» — 173 человека. Всего в две организации входили

¹ «Дети огненного Сталинграда» пикетировали здание мэрии. URL: <http://news.vdv-s.ru/society/?news=1593> (дата обращения: 10.09.2015).

² В России отметили 65-летие окончания Сталинградской битвы. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/433349.html> (дата обращения: 10.09.2015).

³ Живая память огненных дней. URL: http://www.qwas.ru/russia/edinros/id_69454/ (дата обращения: 10.09.2015).

ло 16 006 человек¹. С течением времени численность всех организаций по естественным причинам продолжала сокращаться. В 2013 г. всего 8 970 чел. официально считались «детьми Сталинграда»². С уходом из жизни или отходом от дел прежних лидеров и ухудшением состояния здоровья многих членов все организации заметно снизили прежнюю активность, к руководству в них порой приходили случайные люди. С другой стороны, немало бывших детей Сталинграда в ходе опроса заявило о том, что они не входят вообще ни в какие организации, мотивируя это тем, что для вступления в них «приходится доказывать что-то», а они не хотели или не могли это сделать. Напротив, один информант признался в том, что является одновременно членом сразу двух конфликтующих между собой организаций — «Детей военного Сталинграда» и «Детей огненного Сталинграда».

Будучи одним из организаторов областной ассоциации «Дети военного Сталинграда», Ю.В. Кулешова выступила также создателем и первым руководителем музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда» при областном центре детского и юношеского туризма (в настоящее время — Волгоградской станции детского и юношеского туризма и экскурсий). Идея создания музея принадлежала непосредственно ей и Р.К. Скрынниковой, и создавали они его именно как музей детей военного Сталинграда. Музей открылся в День защиты детей 1 июня 1993 г. при поддержке Волгоградского отделения Детского фонда, ставшего его первым учредителем, и первоначально в нем был всего один зал «Дети войны». Однако в дальнейшем Ю.В. Кулешова и Р.К. Скрынникова пришли к выводу о необходимости расширения тематики музея. Во втором зале «Дети Волгограда» был собран материал о пионерском движении, скаутах и других детских организациях, школьных музеях, героях и подвигах, детской железной дороге, конноспортивной школе, клубах юных моряков, юных летчиков и космонавтов и других темах. Экспозиция третьего зала «Дети Царицына и довоенного Сталинграда» рассказывает о об учебных заведениях, медицинском обслуживании, отдыхе, приобщении к культуре детей в дореволюционном Царицыне, о том, как изменилась их жизнь после 1917 г., о системе советского общего и профессионального образования, беспризорности и голоде, пионерской организации, о сталинградском Дворце пионеров, театре юного зрителя, детской речной флотилии, 7-й спецшколе ВВС.

Ю.В. Кулешова хотела сделать музей муниципальным, объединив в нем музеи букварей, музыкальных инструментов и другие объекты, заранее подыскав для этого здание в центре города. Но ей отказали в этом из-за нехватки средств в городском бюджете. В настоящее время «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда» имеют статус школьного музея, в котором отсутствует собственное штатное расписание: руководитель музея и одновременно единственный научный сотрудник и экскурсовод в одном лице в реальности занимает должность методиста музея при Волгоградской станции детского и юношеского туризма, которая фактически «приютила» музей. Он по-прежнему занимает три помещения: боль-

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О социальной поддержке детей военного Сталинграда». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=8376> (дата обращения 11.09.2015).

² Гладкая Н. «Дети Сталинграда» ждут достойного статуса. URL: <http://www.vlg.aif.ru/society/details/70273> (дата обращения 11.09.2015).

шой вестибюль, где располагается экспозиция, рассказывающая о послевоенном периоде, зал, посвященный «детям войны», зал Царицына и довоенного Сталинграда. После смерти Ю.В. Кулешовой в 2008 г. в музее два года работали ее ученики, а последние пять лет его возглавляет историк по базовому образованию Лилия Александровна Бондаренко.

Главное направление работы музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда» — экскурсионная деятельность. Как правило, экскурсии проводятся по предварительной записи, при этом пики повышенной экскурсионной активности приходятся на юбилейные годы и даты. Предусмотрено проведение экскурсий для различных социально-демографических групп и контингентов: от детского сада до дома престарелых, с разной содержательной наполняемостью и разным объемом материала. Особенно активно музей работает со школьниками, остающимися его главной целевой аудиторией.

Ю.В. Кулешова являлась профессиональным педагогом-организатором, воспитателем и экскурсоводом. Ее экскурсии носили яркий, образный, эмоциональный характер, «во-первых, она вставляла куски своих воспоминаний, очень тяжелых, во-вторых, использовала стихи, она их расставила по всей экскурсии». Кроме того, она готовила экскурсоводов из числа школьников: «Конечно, это было очень трогательно, когда устами ребенка излагается такой тяжелый материал». У Л.А. Бондаренко экскурсии приобрели более строгий характер, опираясь на собранные ею материалы, прежде всего, рассказы самих «детей Сталинграда», а также исследования современных авторов. По словам Л.А. Бондаренко, первые интервью она начала записывать спонтанно, понимая необходимость новой организации «под себя» экскурсионного материала и отказа от прежней методики:

«Этот текст у меня не идет, не смогла я эти стихи рассказывать: у меня осталось только одно стихотворение в тексте про фонтан. Но я же историк, мне же надо воссоздать полную картину, мне надо не только показать, как этот конкретный ребенок страдал, мне надо, чтобы цифры были... Как мозаику собираем, как правило, из типичных воспоминаний, чтобы и подлинность была, и в то же время достаточная типичность».

Позже запись интервью стала систематической, превратившись в одно из важнейших направлений работы музея. Предложенный Л.А. Бондаренко подход в определенной степени не соответствует сложившимся стереотипам:

«Современные дети не имеют представления о войне, они не знают, как это страшно, когда им про вшей рассказывают, у них просто шок. Потому что у нас город патриотизма, у нас рассказывают о том, как красиво умирать надо».

Именно использование воспоминаний позволяет уйти ей от «официально-го» взгляда на историю Великой Отечественной войны, они «дают такую информацию, которую официальные документы не содержат. Как я беру интервью: стараюсь опросить тех, кто хорошо говорит, кому есть, что рассказать, у кого память хорошая. Недавно я опрашивала Сурову Изабеллу Михайловну, она была в детском саду, но память у нее феноменальная. Она в таких подробностях все описывала, что эти подробности дали почву для дальнейших размышлений»¹.

¹ Интервью с Бондаренко Л.А.

В музее систематически проходят встречи детей военного Сталинграда. Эту традицию заложила Ю.В. Кулешова, активно проводившая в музее праздники, приуроченные к таким датам, как 19 ноября, 2 февраля, 9 мая. На них приглашали ветеранов Великой Отечественной войны, детские творческие коллективы. Традиционно члены ассоциации приходили на экскурсию 23 августа, но в последнее время перестали: «...жарко, трудно добираться: мы же далеко от транспорта находимся, а они уже не все хорошо «ходячие». И потом, им очень тяжело слушать, в некоторых группах кому-то плохо становится. А я все рассказываю в подробностях, чтобы подлинность была, а им тяжело переживать все заново, за сердце хватаются»¹. Поэтому в последние годы приходят в основном те «дети Сталинграда», которые пережили битву в совсем еще малолетнем возрасте. Музей активно сотрудничает с советами ветеранов, ассоциациями малолетних узников фашистских концлагерей и жителей блокадного Ленинграда, другими общественными организациями, в состав которых входят несовершеннолетние участники войны.

В свое время Ю.В. Кулешова собрала большое количество сведений о располагавшихся в Сталинграде зенитных частях, переданные затем в ЦДНИВО. В последние годы целенаправленный сбор материала идет по таким темам, как лагерь в Белой Калитве и детские дома Сталинграда. Самостоятельным сюжетом выступает и история 7-й спецшколы ВВС, созданной в 1940 г. в Сталинграде и готовившей авиационных механиков. В начале войны она была эвакуирована в Сибирь, а в 1943 г. вернулась, сначала в Нижний Чир, а затем и в Сталинград. Собранные материалы используются в экспозициях и в экскурсиях, но востребованность отдельных тем различается. Так, тема детства в довоенном Царицыне и Сталинграде, несмотря на то, что по ней давно собирается материал, остается пока недостаточно востребованной в экскурсионной работе, по ней проводится всего 1–2 экскурсии в год.

Новым направлением в деятельности музея стало проведение ежемесячных лекций просветительского характера по различным темам (голод в Поволжье в 1920–1930-е гг., Гражданская война, немцы Поволжья и др.). В последнее время лекции записываются и размещаются на сайте музея². Затем стали проводиться круглые столы и научно-практические конференции. Первоначально их основными участниками являлись дети, выступавшие с докладами. Первый такой круглый стол прошел на общую тему «Дети и война», следующий носил более специализированный характер и был посвящен детям-инвалидам войны. В 2014 г. музей выступил соорганизатором общероссийской конференции, посвященной социально-психологическим, демографическим, историко-культурным последствиям войны для детей и юношества³. Наряду с докладами взрослых участников на ней были представлены и детские доклады, опубликованные на сайте станции, часть из них по итогам конференции была передана для размещения на сайте музея-панорамы «Сталинградская битва»⁴.

¹ Интервью с Бондаренко Л.А.

² Просветительские лекции. URL: http://turist34.ucoz.ru/index/prosvetitel'skie_lekcii/0-24 (дата обращения: 12.09.2015).

³ См.: Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества.

⁴ Доклады. Работы, переданные для размещения на сайте Музея-заповедника «Сталинградская битва». URL: http://turist34.ucoz.ru/index/dlja_detej/0-68 (дата обращения: 12.09.2015).

Несмотря на широкий спектр деятельности, интересные экспозиции и содержательные фонды, музей постоянно испытывает угрозу закрытия или прекращения работы, поскольку расположен в здании Волгоградской станции детского и юношеского туризма и экскурсий сравнительно недалеко от центра города, практически рядом с набережной. За два с лишним десятилетия его существования находилось немало желающих отобрать это здание:

«Ю.В. Кулешова лично отразила немало таких атак. И два года из 5 моей работы в музее мы серьезно отбивались от таких желающих. Не то, что музей обижают, обижают станцию»¹.

К защите музея нередко подключаются и «дети Сталинграда», подтверждая тем самым, что он является для них достаточно значимым «местом памяти».

Институционализация памяти о военном детстве первоначально происходила в контексте формирования советского героического метанарратива о Великой Отечественной войне. Однако со временем на смену героическому дискурсу пришел трагический, в значительной степени это было обусловлено появлением новых субъектов мемориальной политики — общественных объединений, представлявших интересы «детей войны». Опыт изучения создания и деятельности общественных организаций «детей Сталинграда» позволяет говорить об их эволюции, в ходе которой первоначальный пафос преодоления исторического забвения сменился рутинной работой по решению социально-правовых вопросов, а также лично окрашенными разногласиями и конфликтами между отдельными лидерами и группами, стремившимися установить собственную монополию на историческую память. Очевидно, что в этих мемориальных практиках сказывается не только советское наследие, но и современная ситуация, характеризующаяся быстрым возникновением «разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности»².

Формирование мемориального пространства города-героя Сталинграда/Волгограда задавало в нем чрезвычайно высокий уровень эмоционального напряжения. Он неизбежно накладывал свой отпечаток и на представления детей военного времени, стилистика и содержание которых определялись соответствующими социальными и культурными рамками. Неизбежной составной частью детских воспоминаний о Великой Отечественной войне стали образы разрушенного, а затем поднятого из руин героическим трудом города. В условиях советской мемориальной политики эти воспоминания, как правило, оставались невостребованными, приобретая вследствие этого травмирующий характер для их носителей. Создание музейных и мемориальных объектов, посвященных «детям Сталинград», стало своеобразной формой исторической реабилитации данной группы. Еще более значимую роль сыграли их общественные объединения, позволившие ставить вопросы о решении не только символических, но и практических задач.

¹ Интервьюер Бондаренко Л.А.

² Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 397.

Глава 3

ДЕТСТВО И ВОЙНА В СТАЛИНГРАДЕ

3.1. СТАЛИНГРАДСКОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО: ГРАНИЦЫ, ОСОБЕННОСТИ, ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ

Собранные нами воспоминания детей военного Сталинграда могут широко использоваться и военными историками, и специалистами по коллективной (надындивидуальной) памяти, но главная задача, которую ставил перед собой исследовательский коллектив, — представить именно антропологическое исследование «территории детства» в пространстве Великой Отечественной войны в целом и Сталинградской битвы в частности. Отдельным аспектам этой большой проблемы посвящена настоящая глава, в которой предполагается определить понятие «военного детства», выявить его специфику и рассмотреть некоторые особенности детского восприятия войны и собственно детские стратегии и практики выживания в условиях Сталинградской битвы.

Попытка определить понятие «военное детство», с одной стороны, не должна, как представляется, вызывать каких-либо затруднений: очевидно, это детство, пришедшееся на годы войны и войною же отягощенное. С другой стороны, этот вывод не столь уж очевиден, т. к. и сами дети войны по прошествии многих лет говорили о том, что детства у них, по сути, не было, и взрослые (включая представителей официальных органов власти), ссылаясь на экстремальность ситуации, нередко отказывали детям в праве быть детьми и предъявляли к ним требования, аналогичные тем, что налагались на совершеннолетних членов общества. Война как особая форма агрессивного поведения взрослых, если не аннулировала детство, то, во всяком случае, существенно его трансформировала. Особенно это проявлено в современных войнах, получивших название «войн на общественное уничтожение», направленных также и против мирного гражданского населения, но в значительной степени это было характерно для Второй мировой войны. Попробуем разобраться с характеристиками военного детства более детально.

Особенно наглядно признаки военного сталинградского детства выявляются на фоне воспоминаний о детстве довоенном. Они эмоционально насыщены и позитивны, содержат огромный перечень игр, забав и увлечений. Довоенное детство всплывает в памяти наших информантов зачастую фрагментарно, но оно всегда окрашено в яркие и светлые тона. Во многом это объясняется влиянием

субъективного фактора, самым фактом пребывания в счастливой полосе детства, но есть тому и объяснения, связанные с реалиями того времени. Социологи и социальные историки считают, что в 1930-х гг. начался очередной (2-й) этап в развитии советской семьи. Бурные революционные годы, ознаменовавшиеся радикальными трансформациями института семьи и сексуальной революцией в России, привели не только к разрушению (по крайней мере, в городской среде) традиционных норм старой патриархальной семьи, но и поставили под сомнение целесообразность традиционной семьи вообще. В 1930-е годы, осознав реальную угрозу для общества таких тенденций, официальные власти предприняли ряд мер по спасению и укреплению семьи, повысив при этом государственный контроль за ней. Озабоченность властей воспроизводством населения (сильно сократившегося за годы революции и гражданской войны) и потребность в молодых кадрах для строящегося социалистического государства проявлялись в запретах на аборт, в пособиях на внебрачных детей, в создании сети детских учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений и других мероприятиях. В итоге накануне войны в городской среде стала преобладать малая (так называемая нуклеарная) семья с относительно демократичными и равноправными отношениями между супругами, главным центром которой был уже не отец-«патриарх», а будущее новой страны — дети. Исследователи применительно к этому этапу развития советской семьи даже говорят о ее «детоцентризме»¹.

Вместе с тем в довоенное время государство все чаще вмешивалось в процесс воспитания детей, нередко отодвигая семью на второй план. В новых условиях изменялось (в сравнении с традиционной сельской дореволюционной семьей) не только положение детей, но вся система их социализации. Так, если патриархальная крестьянская семья была озабочена подготовкой детей к участию в производстве (т.е. в ее хозяйственной жизни) и воспроизводстве (создание семьи, деторождение), то советская семья значительно расширяла первое понятие, выводя его далеко за рамки семьи, и сужала второе. Активное вмешательство в семейную жизнь государства и перекодировка всей прежней системы ценностей приводили к тому, что роль семьи в социализации детей значительно сокращалась. И если традиционная семья посредством отлаженного механизма социализации (предписаний и запретов, обрядовой практики) готовила детей к жизни в суровых условиях крестьянского быта с нередкими экстремальными ситуациями голода, эпидемий и пр., то советская семья (во всяком случае, в официальном дискурсе) должна была ориентировать детей в большей степени на «счастливое будущее» — не всегда гарантированное и обеспеченное, но активно провозглашаемое. В этом отношении советские городские дети довоенной поры были подготовлены к возможным экстремальным ситуациям гораздо хуже сельских, несмотря на практикуемые военно-спортивные игры, пионерские лагеря, нормы БГТО и пр.

Именно сравнение детских воспоминаний о довоенном и военном времени показывает со всей очевидностью, каким непомерным испытанием стало для го-

¹ *Рабжаева М.В.* Семья в русском обществе: исторический и социокультурный анализ. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/rabzhaeva1.htm> (дата обращения: 13.04.2015).

родских детей пребывание в пространстве войны. Конечно, тенденция к установлению семейного детоцентризма неодинаково проявлялась в разных слоях советского общества, но в собранных нами воспоминаниях она проявлена довольно отчетливо:

«А игрушки мне, наверное, папа покупал. Он вообще меня баловал. Вот фото, где мы с папой, оно сделано, когда все Управление КГБ каталось на прогулочном пароходике. Мама рассказывала, что там приключилась такая история. Я непременно захотела погудеть на пароходике. Как меня ни отговаривали, я никак не соглашалась. Ну, тут папа взял меня на руки, полез на капитанский мостик, и стал просить, чтобы дали погудеть. Вот можете себе представить, как отец нас баловал... Детей баловали очень, они были “пупом земли”. Знаю, что трехколесный велосипед, санки были у нас. Каждые выходные мы ходили на Волгу купаться всей семьей»¹.

«У нас в семье не было принято, чтобы бить детей! Наказывали, ругали, но и поощряли. К праздникам всегда какие-нибудь обновочки. Всегда какой-нибудь подарочек обязательно есть. Мне мама сама шила платья всякие. Это все было хорошо...»².

И даже если, по определению самих информантов, их в детстве не баловали, дальнейшая конкретизация воспроизводит картину, очень далекую от норм традиционной патриархальной семьи и вполне иллюстрирующую понятие «детоцентризма»:

«Нас не баловали, очень было все скромно, мама все готовила, папа приходил с работы и играл с нами, возил нас на спине, катал по комнате, всегда занимался с нами. Жили мы очень хорошо...»³.

Детоцентризм городских семей во многом сохранялся и в период Сталинградской битвы, когда родители (в первую очередь, матери) предпринимали поистине героические усилия для сохранения жизни и здоровья своих детей, но вместе с тем в рамках семьи на детей возлагались несвойственные ранее функции: добыча пропитания и воды (нередко под сплошным неприятельским огнем), забота о младших детях, сооружение укрытий и пр.:

«Моя обязанность была: за хлебом в очереди стояла, килограмм хлеба давали. Стоишь в очереди ночью, если я принесла меньше трех килограммов, то мне и хлеба не давали. У мачехи было трое детей, да нас еще трое. Так что никакого детства и не было. Я уже взрослая была. С меня требовали так же, как с мужика. Мужиков не было, одни дети и бабы на заводе работали. Мы работали, лес перетаскивали. Воды не было, с Волги воду таскали, чтобы накормить всех или еще для чего. Все это делали вручную, тяжелый труд был, очень тяжелый»⁴.

Что касается государства, то, снимая с родительских плеч многие заботы по социализации детей и возлагая их на официальные органы и структуры в довоенное время, власти во многом продолжили эту линию и с началом войны. Однако

¹ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 20.

² Жданова К.Ф. // Там же. С. 135.

³ Стрижакова Н.С. // Там же. С. 398.

⁴ Казменкина И.К. // Там же. С. 162.

справлялись они с задачей спасения детей в новых условиях далеко не всегда. Более того, эта задача во время войны нередко отодвигалась в сторону проблемами сохранения средств производства, квалифицированной рабочей силы и способной к военной службе молодежи. М.Н. Потемкина провела сравнение двух редакций постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о порядке эвакуации населения, подготовленных летом 1941 года. В первом варианте пункт 2-б регламентировал порядок эвакуации следующим образом: «...население, квалифицированные рабочие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, семьи начсостава Красной Армии, работников НКВД и ответственных советских и партийных работников, дети до 15 лет». Во втором (окончательном) варианте постановления был изменен не только порядок эвакуации («квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, пригодная для военной службы, ответственные советские и партийные работники»), но и оказались удаленными из списка дети до 15 лет¹. Это, конечно, не означало, что детей не предполагали эвакуировать, однако из логики данного документа следовало, что детство как отдельное понятие аннулировалось, а дети сливались с остальной массой населения.

На практике именно дети составляли значительную часть среди эвакуированных в годы войны. По подсчетам М.Н. Потемкиной на основе центральных и уральских архивов, они составили более 35 % от общего числа тех, кто подлежал эвакуации. Исследовательница на примерах Москвы, Челябинска и Ленинграда показала, как нередко дети становились жертвами плохо организованной эвакуации². Но еще страшнее было положение тех, кто не был эвакуирован и оказался непосредственно в зоне ведения боевых действий. Именно в такой ситуации оказалось большинство сталинградских детей. Накануне страшной августовской бомбардировки 1942 г. из города были эвакуированы семьи находившегося на фронте командно-политического состава, партийных, советских руководителей и активистов, в то время как эвакуация основной массы населения и оборонных заводов была запрещена лично И.В. Сталиным, считавшим, что эта акция может снизить обороноспособность защищавших город войск³.

Очень интересны рассуждения наших информантов, также отметивших вклад официальных органов в новое определение понятия детства в условиях войны:

«Когда началась война, то было постановление правительства. Буквально процитирую: те мужчины и женщины, подчеркиваю, мужчины и женщины, достигшие 16 и 60 лет соответственно, подлежат мобилизации на трудовой фронт. Вот тут вопрос! Мужчины и женщины в шестнадцатилетнем возрасте — это кто такие? Это дети! И согласно этого постановления — взрослые...»⁴.

«У меня двоюродный брат был в Тамбовской области, ему во время войны было 12 или 13 лет. Тогда существовал закон, что можно привлекать на работу с 13

¹ Потемкина М.Н. Отражение войны в памяти эвакуированных детей // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Сборник научных статей. Краснодар, 2010. С. 232.

² Потемкина М.Н. Отражение войны в памяти эвакуированных. С. 222–233.

³ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 165.

⁴ Панченко Ю.Н. // Дети и война. С. 291.

лет, но осознания еще у этих ребят не было. Вот мой брат сбежал с работы, и его посадили в тюрьму. Очень строго было. Я себя взрослым почувствовал, наверное, уже с первого класса»¹.

Если же обратиться к тому, как определяли свое военное детство наши информанты, то они отмечали либо его полное аннулирование («сгоревшее детство»; «детства не было, юность голодная», «детство, которое поглотила война», «я родом не из детства — из войны»; «не было у меня детства, ничего не знаю, как оно было»), либо произошедшие трансформации («страшное, жуткое детство», «тяжелое детство», «наше детство, в общем-то говоря, было очень серьезным», «детство прошло такое, что врагу не пожелаешь»).

Отмечали наши информанты и сокращение периода детства за счет резкого смещения верхней его границы, означающего более раннее взросление:

«Мне кажется, что все дети тогда были очень мудрыми, потому что это стремление выжить заставляло детский ум иначе работать. Мне кажется, что я всё время взрослая была, потому что знала, что это нужно делать. Например, что все придут с работы, их надо накормить. Взросление становилось в зависимости от ситуации, обстановки. Как только я вышла из детского садика, я почувствовала себя взрослой»².

«Мне шел седьмой год, но я чувствовала себя взрослой. Мама оставляла меня с сестренкой, когда объявляли воздушную тревогу»³;

«Хотя нам было 6 лет, но в войну мы стали старушками, лет 15. Мы уже все понимали, все знали»⁴.

«Возраст детства в войну — до пяти-шести лет. Все работали, а я была в этом возрасте уже нянька сестре и брату»⁵.

«Мы уже были не детьми, а маленькими старичками, у которых детство отняла война»⁶.

Развернутое размышление о военном детстве представлено в воспоминаниях М.Е. Чулковой:

«Как в войну определялся возраст детства? ...многие участники утверждали, что с началом войны, с объявлением войны детство оборвалось. Это правда, мы стали серьезнее... Ну, что же... Если Лёня Голиков участвовал в поимке, в пленении генерала, а ему было где-то 14 лет, или Зина Портнова — они Герои Советского Союза. Валя Котик — Герой Советского Союза, разведчик-партизан, связной. Дети-взрослые — если можно так сказать... О себе? Мне кажется, я всегда была серьезная и самостоятельная, с поправками на жизненный опыт, которого недостаточно было, но тем не менее... На войне у всякого человека своя биография, у ребёнка — тоже. И военная судьба ребенка делала его в его возрасте более зрелым, чем другого ребёнка, у которого такой судьбы не было»⁷.

¹ Федосеев В.И. // Дети и война. С. 338.

² Оруднева (Батурина) Н.В. // Там же. С. 343.

³ Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... С. 242.

⁴ Стрельцова В.И. // Дети и война. С. 116.

⁵ Лопаева С.М. // Там же. С. 23.

⁶ Книга жизни в памяти живой. С. 14.

⁷ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 90.

Один из наших информантов — А.Г. Брыксин, 1934 г. р., — говоря о том, что лично он не чувствовал себя в годы войны взрослым, добавил: «взрослыми, может быть, себя считали те, что голодными были»¹, т.е. те, кто оказывался в чрезвычайных условиях выживания. Таким образом, изменение границ детства в годы войны происходило, в первую очередь, под влиянием объективных факторов, хотя нередко (особенно для подростков) сопрягалось и с осознанием необходимости взросления, понимаемого, прежде всего, как повышение меры требований и ответственности.

Фиксируется в воспоминаниях и вполне «физическое уничтожение» детства накануне войны посредством подпольных абортов, распространившихся в связи с принятым 27 июня 1936 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР о запрещении в стране абортов:

«А еще до войны жена моего брата и моя сестра, видно уже слышали о надвигающейся войне, сделали аборты. Раньше это было запрещено, и от подпольных абортов многие умирали, вот и жена моего брата умерла и оставила пятерых детей. А у Астраханского моста много таких женщин хоронили. Ведь их, когда привозили на “скорой”, им сразу операцию не делали, а сидел следователь и спрашивал, у кого это женщина сделала аборт, но никто, конечно, не признавался. И многие умирали»².

По свидетельству наших информантов, и в первые послевоенные годы были случаи, когда матери бросали новорожденных детей:

«Когда я начала после войны работать в 1-м отделении связи, там был Дом малютки. Построили его, потому что многие бросали детей. Не на что воспитывать было. Некоторые голодали, травку ели»³.

Отмечается в воспоминаниях и свободное и сознательное передвижение границ возрастных групп в зависимости от конкретной ситуации. Так, к возрасту могли приписать лишние года; такие практики использовались, например, для того, чтобы стать «сыном полка». В опубликованных воспоминаниях описана история о девочке-подростке, приписавшей себе года, чтобы усыновить найденного в развалинах грудного ребенка. Истинный возраст нередко, наоборот, уменьшали, или скрывали, чтобы, например, избежать отправки в Германию.

В целом, нашими информантами выделяются следующие рубежи взросления в военное время: «как только я вышла из детского садика», «как пошел в школу», «сразу, как началась война», «да вот до 5 лет детство считалось, и все потом... уже наравне со взрослыми заставляли нас».

Война, таким образом, ужала границы детства, размыв их общие очертания, а также по-новому прочертив границы отдельных возрастных групп.

И в традиционных, и в современных сообществах внутри страты детей отчетливо выделяются отдельные возрастные группы, как правило, на основе определенных физиологических и психических качеств (умение ходить, разговаривать, наступление физиологической зрелости и пр.). Переход из одной группы в другую

¹ Брыксин А.Г. // Там же. С. 463.

² Овчинникова З.Н. // Там же. С. 39.

³ Ивахненко А.И. // Там же. С. 182.

был связан с изменением возрастных символов и атрибутов, а также сменой внутрисемейных и внутриобщинных функций и ролей. В городской среде довоенного времени еще сохранялись традиционные способы выделения половозрастных групп внутри детской страты, но все большее значение приобретали дифференцирующие признаки, связанные с официальными внесемейными структурами и организациями. Так, наряду с грудничками появились группы ясельников, детсадовцев (дошколят), младших и старших школьников. Именно связь со школой была определяющей в выделении детских возрастных групп в довоенное время.

Однако война смешала привычные школьные возрастные планки: в период Сталинградской битвы занятий в школах не было, а по окончании военных действий в городе в одном классе оказывались объединенными дети разных возрастов, так как многих задерживало возвращение к школьной жизни ранение, частые болезни, вызванные долгим пребыванием в экстремальных условиях, и другие причины. Привычное деление на младших и старших школьников вернется лишь в послевоенное время; до окончания же войны в детской среде будет устойчиво выделяться особо уважаемая и почитаемая группа «пацанов» (подростков 13–15 лет), наиболее активно проявлявшая себя в условиях военного и послевоенного города, бывшая главной опорой взрослых, но в то же время и пребывавшая в зоне постоянного и чрезвычайного риска. Именно эта детская группа в наибольшей степени (хотя и по разным причинам) окажется пострадавшей физически и сильно сократившейся численно:

«У нас старшекласников почти не было. Их всех поубивали абсолютно. Пацанов»¹.

В условиях войны эта группа отличалась особой сплоченностью, склонностью к весьма рискованным предприятиям; именно на ее плечи легла основная забота о младших детях и матерях; они нередко оказывали ценную помощь советским войскам. По сути, представители этой группы сами осознавали себя взрослыми и такими их считали окружающие. В послевоенное время система ценностей и нормы поведения, выработанные внутри этой половозрастной группы, станут основой для формирования уличной (дворовой) субкультуры. Ощущение собственной причастности великой битве они будут сохранять и в более взрослом возрасте, проявляя приобретенный в период войны дух вполне боевого братства:

«Часто у нас, мальчишек звучало: “Кто на Сталинград?!”. А сами, дохлые, как скелеты... Мы ж пацаны, дети Сталинграда... В армии, да везде нас уважали. Вспоминаю, какая была дедовщина: “Да я Сталинградский, ах, ты!”»².

«Сталинградское братство» объединяло и девочек подросткового возраста. Т.И. Михайлина вспоминала о том, как группа сталинградских детей в 1944 г. ездил в Москву:

«Для нас, детей устроили поездку в Москву, на теплоходе ездили. Это, наверно, 1944-й, война еще не кончилась. Мы на этом теплоходе из Волгограда до Москвы дети все ездили. А потом в Москву приплыли туда и что-то вышли мы погулять. А там москвичи-дети к нам что-то начали плохо относиться — обзвали

¹ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 142.

² Коняхин К.В. // Там же. 51.

или дразнили нас, я что-то не помню, вроде нищие приехали. Что-то было такое оскорбительное для нас. Я говорю: “Ребята, мы им сейчас покажем, что такое Сталинград”. Мы их гнали по этой набережной, у них только пятки сверкали. Вот это я помню»¹.

Многие женщины-информанты соглашаясь с тем, что мальчишки военного времени были хулиганами, давали позитивную оценку этому качеству:

«Ну, конечно, мальчишки тогда хулиганами были. А иначе им и нельзя было. Отчаянность и приводила к Победе»².

Помимо подростков еще одну группу большого риска, но в силу совершенно других причин, составляли грудные дети. Период младенчества в условиях войны нередко оказывался сильно сокращенным или даже полностью аннулированным за счет резкого уменьшения времени грудного вскармливания или в случаях гибели матерей:

«В войну мы все сразу повзрослели. Разве ребенок поймет, что кушать нечего маме дать? Вот она этот хлебушек прожует ему и даст, он же маленький. В груди у нее нет молока, кормить-то ей нечем»³.

«Особенно тяжело было маме. Дело в том, что к тому времени она была ранена осколком в голову... она то и дело теряла сознание. В эти минуты мы с сестренкой, считая, что она умерла, начинали реветь. Только годовалый братишка, ничего не понимая, по-прежнему терзал материнскую грудь, в которой еще в первый день бомбежки не стало молока. Мы с сестрой — восьми- и семилетние оставшиеся кормильцы — сделать ничего не могли. Так и умер он у меня на руках»⁴.

Шансы на выживание грудных детей в условиях военного Сталинграда были очень невелики. По мнению наших информантов, наилучшие перспективы на выживание в военном Сталинграде имели дети от 3–5 лет, выделявшиеся, соответственно, в определенную группу тех, чья психика была лучше защищена от ужасов войны:

«Если б мы не были детьми, нам бы страшно было. Но мы были дети, и нам не страшно было. Как-то восприятие, вот взять сейчас дитя 3–4 года. Ну, скажут война, ну, убивают, все. Мое мнение вот такое. Если б мы были взрослее — да. А когда мы видели, что убивают, что бомбят, что ключья летят от людей, не было такого в детстве страха. И, если б возраст был побольше, нас бы не было, мы бы подорвались где-нибудь. На минах лазили бы и по оврагам. Так что, хорошо, что маленькие. А которые побольше, [их] море погибло. Потому, что лазили, в помещения залазили, а там снаряды, оказывается, а там мины, заминировано было. Все взлетело и все. Поэтому, возраст был такой [у нас], не такой активный. Не то, чтобы украсть, поесть и прочее. Вот этого, я прямо скажу, не было»⁵.

¹ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 495.

² Овчинникова З.Н. // Там же. С. 43.

³ Румянцева Е.Г. // Там же. С. 177.

⁴ Осколки в сердце. С. 42.

⁵ Романцов В.Н. // Дети и война. С. 57.

Именно эта группа детей, как мы постараемся показать далее, сумела сочетать собственно детские модели поведения с заимствованными у взрослых и выработала наиболее оптимальные адаптационные механизмы, направленные на сохранение как жизни, так и детской психики.

Война внесли коррективы и в этнический состав Сталинградских детей:

«Осенью мы пошли в пятый класс. С огорчением заметили, что война уже наложила свой отпечаток на наш ученический коллектив. В классе мы не заметили Андриюшу Миллера, Галло Мендель, Клару Эйхлер, Икса Крейда. Их, как и многих других знакомых мальчишек и девчонок немецкой национальности, власти выселили куда-то на восток»¹.

Стирание границ детства проявлялось и во внешнем виде детей военного Сталинграда. Исчезали, например, различия в одежде взрослых и детей, стирались символические половые различия между детьми (многие были острижены наголо); почти не имела половых различий одежда. Вместе с тем в условиях пребывания детей на территории жесточайшего военного сражения и страха матерей потерять их появился новый атрибут сталинградского детства: надписи на руках и спине с указанием имен и адресов:

«Я знаю, что у нас было что-то типа торбочек, где лежали наши вещи, и еще, на спине и на руках у нас были написаны химическим карандашом имена и адреса»².

Тем, кто оказался на территории, захваченной врагом, факт принадлежности к самой незащищенной категории мирных жителей не давал никаких гарантий сохранения жизни, и тогда появлялся новый атрибут — налобная повязка со словом «тиф»:

«А еще во время войны, до того, как сестру забрали, мать привязывали на лбы нам белые веревки и «тиф» писала. Немцы тифа боялись. Вот этим удержались мы. Да, они понимали слово “тиф”, очень боялись»³.

Общими признаками детей, переживших Сталинградское сражение, стали: дистрофия, проблемы с речью (заикание, молчаливость), своеобразии психических реакций. Об этом свидетельствуют опубликованные воспоминания и записи рассказов наших информантов:

«Среди оставшихся в живых мирных жителей были и дети. Изможденные голодом и жадой, они представляли печальное зрелище. Каждое ребрышко, каждый позвонок, каждый сустав выступал под кожей. Глаза, глубоко ввалившиеся в глазницы, выражали недетскую печаль и страх. Эти дети не могли громко говорить, разучились смеяться»⁴.

«Когда меня впервые искупали, то увидели в моих волосах седину. А мне было 5 лет. Так с детства я ходила с прядью седых волос»⁵. «Наше физическое состо-

¹ Осколки в сердце. С. 13. В цитате речь идет о детях, относящихся к этнической группе поволжских немцев, подвергшихся в августе-сентябре 1941 г. депортации.

² Лопаева С.М. // Дети и война. С. 19.

³ Калимулова Р.Я. // Там же. С. 273.

⁴ Баринаева (Певнева) Н.М. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 13.

⁵ Там же. С. 84.

яние было ужасное. Мы были полностью истощены и похожи на ходячие скелеты. Кожа покрылась гнойными корками, под которыми копошились вши. На голове гнойные нарывы. Я уже не могла ходить, и когда мы вырвались из лагеря, то лежала на какой-то повозке, а сестры шли сзади»¹.

«Все события и лишения дали о себе знать: у меня наступила полная дистрофия, отнялся язык, и я перестала ходить»².

Война еще долго время влияла на мир детства. И в послевоенное время ее последствия вносили коррективы в привычные определения его рамок, общих признаков, количества и особенностей возрастных групп и пр. Как и во время войны, в послевоенное время дети с ранних лет должны были выполнять множество внутрисемейных обязанностей, помогать взрослым в организации семейного быта, добыче продовольствия; многие рано начинали подрабатывать и работать.

По окончании войны изменились параметры выделения отдельных страт в группе детей и их возрастные рамки. Так, если в период войны крайне коротким был период младенчества («грудничков»), что часто определялось невозможностью выкармливать их грудью из-за отсутствия у матерей молока, то в послевоенное время период младенчества, наоборот, увеличился, так как матери старались кормить детей грудью до 5 лет, давая параллельно в качестве небольшого прикорма еду взрослых. Зато категория «больших детей» в первые послевоенные годы определялась нашими информантами следующим образом: «умел ребенок ходить, говорить, значит большой уже, значит помогать должен». В школах послевоенного времени появилась категория так называемых «переростков» — тех, кто начал учиться позже положенного возраста и тех, кто не соответствовал возрасту одноклассников. И то, и другое обстоятельства были вызваны невозможностью посещать школу из-за боев в городе, из-за того, что «нечего было надеть и обуть», а также нередко по причине физического истощения и частых болезней.

Так же как и в период войны, в послевоенное время оставались стертыми, не явно выраженными не только возрастные, но, нередко, и гендерные различия между детьми:

«... К примеру, смотришь на ребенка, 15–16 лет, а он мужик. Чем больше трудностей было, тем взрослее были. И девочки все были мужиками!»³.

Резко изменился в послевоенное время и гендерный состав детских групп (как и взрослых), с преобладанием девочек над мальчиками:

«Ну, а потом замуж-то надо было выходить, а не за кого было. Вот у нас на улице, например, двое мальчиков было, и восемь девочек, ну и что, мы за ними бегали гурьбой»⁴.

Вместе с тем наши респонденты отмечали и раннее пробуждение материнского инстинкта у девочек, привыкших с раннего возраста заботиться о близких, и

¹ Баринаева (Певнева) Н.М. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 91.

² Мы родом из войны. Волгоград, 2004. С. 107.

³ Ситникова В.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 273.

⁴ Степаненко (Рубанова) Л.И. // Там же. С. 241.

большую сознательность, и мягкость характеров, по сравнению с послевоенным поколением:

«Девочки, пережившие войну — они более сознательные. Они осознают, что мужчина прошел войну, и если он дома “взрывается” — они понимают...»¹.

В послевоенное время появилось новое деление детей на две основные группы: тех, кто пережил войну, и тех, кто родился после войны. Так, война стала основным разделителем не только для мира взрослых («довоенное время», «до войны — после войны»), но и мира детей:

«Те, кто родились после войны, были спокойнее, обладали устойчивой психикой. Это счастливые дети. Дети, у которых было детство. А вот у девочек, которые пережили войну, были у некоторых психологические травмы, болезни, связанные с расстройством нервной системы. Кто-то даже стал бесплодным»².

«Над детьми, рожденными после войны, не висит угроза умереть от голода, холода, от которого невозможно укрыться, они не видят своими детскими глазами, как исчезают с лица земли здания вокруг, дома соседей, это красно-черное небо. Они свободны от страхов»³.

В целом война провела четкую линию, разделив поколения тех, кто прошел войну, и тех, кто знал о ней только понаслышке; она сформировала особую когорту людей (и взрослых, и детей), с таким набором качеств, которые определяли во многом и их последующую жизнь, и жизнь всей страны:

«Мы — другое поколение. Выросли в тревоге, в понимании обстоятельств и ситуаций»;

«Мне кажется, мы были более душевные, более мягкие, было больше соболезнования, как бы сказать, мы были более сердечные, а после войны дети стали какими-то жесткими»⁴;

«Довоенные дети более сознательные, более ответственные и дружелюбные»⁵.

В послевоенное время обозначились и другие линии раздела внутри страты детей, например, выделялись те, кто был в эвакуации и те, кто оставался вместе с родителями в воюющем городе и в зоне оккупации:

«Дети, которые были эвакуированы, они и одевались лучше, и выглядели лучше. А мы грязные были, потому что у нас или лучина горела или из-под гильзы светильник... Все приходило в школу, под носами у нас сажа была. И сами все в саже... Я чувствовала, что дети, которые приехали из эвакуации отличались от нас, и мне было стыдно, что я так выгляжу и что не могу отвечать на уроках как они. С их стороны пренебрежения не было... У детей войны не было детства. Они что-то потеряли. Перешагнули через что-то важное. Чего-то не хватало этим детям. Они были взрослее и серьезнее»⁶.

¹ Ивахненко А.И. // Дети и война. С. 183.

² Интервью с И.М. Суровой. Интервьюер Е.А. Лисовая. 29.06.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Гордеева Н.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 276.

⁴ Интервью с И.Г. Иноземцевой, 1939 г.р. Интервьюер В.В. Соловьев. 22.08.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁵ Ивахненко А.И. // Дети и война. С. 183.

⁶ Живаева З.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 286.

«Хочу сказать, что до 5-го класса я испытывала на себе со стороны школы давление. Нас обязательно заставляли писать автобиографию, это был 2–4 классы. И если мы находились в оккупации, то мы должны были написать об этом. И дети, которые находились в оккупации, их не принимали даже в пионеры. Нас было несколько человек. После войны сразу много приехало людей сюда. И они пользовались правом носить красный галстук, это было почетно, а мы не имели такой возможности до 5-го класса — носить красный галстук, поскольку мы были в оккупации. И до смерти Сталина в 1953 году, мы должны были указывать в биографии, что были в оккупации»¹.

С недоумением и страхом открывали для себя те, кто оказался во время Сталинградской битвы в районах оккупации или в плену, что это обстоятельство — позорное и его необходимо скрывать:

«Потом моя мать — мачеха все порвала. Она у меня завбиблиотекой была в техникуме, я биографию стала писать, а она все порвала. “Убью, говорит, если скажешь, что в плену была!”. У нас все, кто в техникуме преподавал — те, кто в плену были — у них у всех срезали 30 % зарплаты. “Пикнешь — убью!” — она мне говорила. И вот я молчала до 90-х годов...»².

И в послевоенное время последствия пережитых страданий и голода сохранялись, отражаясь и на физическом и на психологическом состоянии сталинградских детей:

«Больные, очень больные были дети! Дети в это время были настолько похудевшие и истощенные, и поднимались медленно. Вот те дети Сталинграда, по настоящему, они очень-очень медленно вставали из пепла. Если я шла в носочках с сентября по октябрь по ледяной земле, раздетая, полураздетая. Какие там дети? На кого они похожи? Все переболели дизентерией повально. Потом пошла малярия следом. Малярия — это такая погань!»³.

«В 1945-м году меня записала мама в школу. Пришла я в школу, неделю посидела там, и пошла у меня болезнь. У меня очень сильно текли уши — вылечила. Лицо все в ветрянке, чесотка меня разъедала, руки были разъедены. Оставались сухожилия и кости, не знаю, как всеросло, мама лечила. Брат говорит: “Ты все время орала”»⁴.

Таким образом, война оказала существенное влияние на мир детства, что проявилось, в первую очередь, в резком сужении его границ, в расширении круга обязанностей, которые возлагались на детей, как их родителями, так и официальными структурами. Не только по-новому были прочерчены границы между отдельными возрастными группами внутри страты детей, но произошло также изменение их гендерного и этнического состава, статусов, ролей и внутрисемейных функций. Война оказала масштабное влияние на физическое и психологическое состояние детей, но в то же время, совершенно по-особому детьми воспринималась.

¹ Гордеева Н.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 274.

² Фокина Л.М. // Дети и война. С. 302.

³ Цивилева Т.В. // Там же. С. 141.

⁴ Рахимкулова Х.Х. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 243.

3.2. ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ

Предполагая выявить специфику детского восприятия войны, мы исходим из уже наработанного опыта подобных исследований отечественных ученых, фиксирующих их отрывочность и выборочность; стирание или смещение временных и пространственных рамок; преобладание сенсорной памяти над когнитивной; влияние последующих событий в жизни наших интервьюеров на их детские воспоминания¹. Говоря о психологических особенностях детского запоминания и воспоминания, М.Н. Потемкина указывает на чувственное восприятие мира и особое развитие сенсорной памяти, когда в первую очередь фиксируются запахи, цвета и пр. Дети Сталинграда постоянно вспоминали запахи войны:

«...горело зерно, запах горелого зерна — это страшно»².

«Первый запах войны — пожарище и этот запах жареного мяса»³.

«Из самой войны помню острый приторный запах разложившихся тел, противный запах от горевших трупов, гари, запах этот несло из центра города с Волги»⁴.

«...это класс наш, а с другой стороны детская кухня. Какой там урок, какая там учительница, запах этой каши, этого молока! Мы ж все голодные были. Я запомнил этот первый день»⁵.

«...я шла в этот магазин, и этот хлебный запах еще был издали, тогда ж был натуральный хлеб. Запах этот хлебный был по всему поселку»⁶.

Очень четко в детском восприятии войны осуществляется градация запахов войны, врагов и «своих»; последний нередко ассоциируется с запахом родины, причем именно в восприятии мальчиков:

«Мальчишки извечно с восторгом относятся к солдатскому строю, такая у них природа, но эти несколько минут врезались в память больше всего. Было лето 42-го. Строем шла рота. Казалось, дело обычное, но ощущалось что-то особенное в этой колонне... От этой массы людей исходил особенный запах солдатского пота, который нельзя сравнить, не спутать ни с каким другим: особенно смесь запаха разгоряченных тел, кожи, оружейного масла, табака и бог знает чего еще, чем жив солдат в походе. Этот запах всегда волновал меня и был тем самым “дымом Отечества”, о котором я узнал много позже»⁷.

«... запах у меня с детства остался, вот немцы и румыны — другой запах абсолютно. Абсолютно разный, по-другому пахнет... Весной немцев раненых на станции Бекетовская наши охранники [погрузили] их в вагоны эти. Запах от них — какой-то другой совсем, чем-то воняет»⁸.

¹ См., например: *Потемкина М.Н.* Отражение войны в памяти эвакуированных детей. С. 231.

² Лопалева С.М. // *Дети и война.* С. 21.

³ Гусев А.И. // Там же. С. 62.

⁴ Таранов А.И. // Там же. С. 170.

⁵ Кузнецов Б.Б. // Там же. С. 74.

⁶ Стрельцова В.И. // Там же. С. 119.

⁷ *Сурдутович А.* Как это было. Волгоград, 2012. С. 16.

⁸ Кузнецов Б.Б. // *Дети и война.* С. 73, 74.

Самый сильный отпечаток на психике Сталинградских детей оставила августовская бомбежка и последующий пожар в городе. Описания огня, горящего города и горящей Волги присутствуют практически во всех, записанных нами воспоминаниях. Одна из наших информантов определила положение мирных жителей Сталинграда, как нахождение в «котле», хотя традиционно этот образ применяется к описанию положения немецких солдат после их окружения:

«Немцы начали бомбить город, но они его не только бомбили — они его расстреливали из разных орудий, пулеметов и минометов, и настолько, что город горел. Если Ленинград замерзал, то наш город — горел. Мы были именно в котле, это называлось “Сталинградский котел”. Все горело, так что ночь была похожа на день от огня»¹.

Не случайно впоследствии одна из организаций детей военного Сталинграда получила название «Дети огненного Сталинграда».

О фрагментарности, отрывочности своих впечатлений о войне говорили те из наших информантов, кто пережил ее в самом раннем возрасте:

«Все события входили в сознание со стремительной быстротой, оставляя в нем калейдоскоп порой не связанных друг с другом воспоминаний»².

«А потом как на фото пленке отпечатались в памяти отдельные моменты, поразившие своей необычайностью детский разум: на земле вся в крови бабушка, а мама плачет; дедушка в огненной одежде; страшно трещит горящий дом; дедушка молчит, и его зачем-то засыпают землей; красное-красное небо; очень жарко; какая-то странная младшая сестренка у мамы на руках (она была мертвая); хочется кушать, а мама не дает и сама все плачет, плачет, плачет...»³.

Формировались у сталинградских детей и особые — детские — представления о пространственных и временных границах войны, хотя, так же как и для взрослых, война стала главным разделителем времени и жизни на два основных этапа: «до войны» и «после войны». Для многих хронологические рамки войны ограничились лишь событиями лично и трагически пережитой Сталинградской битвы, а начало последней нередко связывалось с датой 23 августа — днем начала массированных бомбардировок города или приходом немцев:

«Начали бомбить, начали стрелять — вот и война началась»⁴.

«Сталинградская битва началась с бомбежки»⁵.

«И когда началась эта война — 1942–1943 годы, когда пришел немец к нам, мы все перешли в эту избушку»⁶.

«Это уже было после войны. В 1943-м, да, когда уже освободили»⁷.

«Черный август сорок второго поделил жизнь сталинградцев на две части: «до бомбежки» и «после бомбежки»⁸.

¹ Растова Л.В. // Там же. С. 499.

² Мы родом из войны. С. 62.

³ Там же. С. 105–106.

⁴ Тарасова С.А. // Дети и война. С. 357.

⁵ Нарышкина А.П. // Там же. С. 448.

⁶ Никогосян Р.А. // Там же. С. 241.

⁷ Романцов В.Н. // Там же. С. 56.

⁸ Осколки в сердце. Письма детей Сталинграда. С. 36.

Хронология событий войны и Сталинградской битвы, увиденных глазами ребенка, отражена в детально восстановленных воспоминаниях А.П. Хановой (1930 г.р.):

«Отчетливо помню, как началась война. Еще до объявления войны, помню, мужчины собирались группами то на лавочке на улице, то у кого-нибудь во дворе и говорили, говорили все о том же: быть или не быть войне. Предгрозовое было время. Я была уж большой девочкой, потому это хорошо запомнила. В день 22 июня я ходила в библиотеку, принесла оттуда две книги. Одну не помню, а другая — “Первое мая”. Дома были закрыты ставни от жары, родители отдыхали на полу. И вдруг по радио: “Будет передано важное сообщение”. Все оборвалось...

Мама сразу пошла в магазин. Знала, видимо, по жизненному опыту, что будут трудности с продуктами, и надо купить, что возможно, уже сейчас.

Отец ушел на фронт. Открытки приходили с украинских фронтов. Однажды прислал маленькую фотокарточку. Погиб он где-то на территории Донбасса.

Мама, работавшая воспитательницей в детском саду, сменила работу — пошла на швейную фабрику, шила солдатские шинели.

23 августа 1942 года у сестренки был день рождения. Ей исполнилось 4 годика. С утра была объявлена воздушная тревога, но весь день было тихо. Только время от времени по радио объявляли: “Воздушная тревога продолжается, воздушная тревога продолжается”. К вечеру мы собрались пообедать, мама разлила по тарелкам суп, на улице что-то загалдели, и мама вышла узнать, в чем дело. Народ стоял посреди улицы, смотрели на небо. А небо было закрыто тучей самолетов. Мама вскочила в дом, схватила сестренку, а мы — за ней, в убежище, что находилось в конце двора (отец успел вырыть перед уходом на фронт).

Едва успели добежать. При первом же взрыве нас ударной волной швырнуло вниз. И начался крошечный ад. Больше в дом мы не вернулись. Через какое-то время дом сгорел, как и все вокруг. Остался один-единственный дом, расположенный напротив нашего, тоже на углу Ставропольской и Ельшанской улиц. Он существовал очень долго, еще в 80-х годах он стоял.

В нашем квартале, на противоположной стороне, жила моя подружка Лида Вахлюева. Она погибла в убежище на коленях у своей мамы. Влетел осколок и попал ей прямо в сердце. Похоронили Лиду на улице около двора. Теперь там все затоптано, и прохожие не подозревают, что ходят по косточкам...

В убежище к нам перебралась семья Польшанниковых (тетя Соня с тремя мальчиками), у которых убежище было поуже и стало сыпаться. Перебралась и еще одна женщина — дальняя родственница. Было тесно, но никто не обижался. Днем часто набивалось народу под самую крышку. Это женщины, которые были вынуждены идти за водой в Зеленое кольцо. При начале бомбежки или обстрела прятались, куда только возможно, в первые попавшиеся убежища. Все истово молились. И мы, дети, особенно.

Где-то в конце сентября вошли немцы. Мы смотрели в щель крышки убежища, как шли по нашей улице танки, а немцы стояли в открытых люках. Немцы стали шастать по дворам. Штыками прощупывали землю, искали, где зарыты жителями вещи. Однажды один из немцев отнял у мамы оклуночек с рожью, которую она где-то раздобыла, чтобы кормить семью...

В бане на Дар-горе (где теперь базар) врачи из местных жителей организовали что-то вроде госпиталя, оказывали там медицинскую помощь раненым. Мама носила туда сестренку, у которой опухали ножки.

В середине октября, кажется, 15-го, в серенький пасмурный день, немцы ходили по убежищам и выгоняли людей. Так и мы оказались на дороге. Люди колонной тянулись за город. Мама с двумя детьми и старенькой бабушкой и наша соседка тетя Даша Самофалова с двумя детьми сдружились и все это лихолетье были вместе.

Мы прошли через Кривую Музгу, Чир, попали в Белую Калитву Ростовской области. Там в разоренных совхозных птичниках бедствовали тысячи сталинградцев.

Оттуда в товарных вагонах где-то в декабре нас вывезли в Днепропетровск. Дорогой поезд бомбили. Разбомбили “хвост” состава, а вагоны ближе к “голове” уцелели. Но трянуло сильно.

В Днепропетровске содержали нас на окраине города за женским монастырем в недостроенном здании железнодорожной больницы. В днепропетровском лагере умерла моя маленькая сестренка Рита Голубцова и бабушка Мария Григорьевна Власенкова, которой было 72 года, а у тети Даши — мальчик — Юра Самофалов. Вообще люди там — голодные, холодные, завшивевшие — умирали сотнями, как мухи.

Освободила нас Красная Армия осенью 1943 года. Мне в то время был 13 лет»¹.

В этом тексте основные события военного времени пропущены через глубоко личностные впечатления маленькой девочки, практически лишенные воздействия поздних официальных нарративов (за исключением, может быть, включений уточненных дат). Основными маркерами выделения временных рубежей для нее стали ощущения и впечатления, а не знания и суждения. Предвоенное время запечатлелось в памяти, как воспоминание о постоянных и встревоженных разговорах взрослых мужчин, а начало войны ознаменовалось срочным походом мамы в магазин. Далее следует уход отца на фронт и смена мамой места работы (стала шить солдатские шинели). 23 августа 1942 г. запечатлелось в памяти первой встречей со смертью и началом бездомной жизни («больше в дом мы не вернулись»). Далее следует описание времени, связанного с жизнью в убежище. Следующий временной рубеж — появление в городе вражеских солдат. Далее — описание скитаний в изгнании и, наконец, освобождение осенью 1943 года. На этом война для этой девочки закончилась.

Время в детских воспоминаниях имеет особую протяженность и редко бывает привязанным к точным датам:

«Сколько дней мы шли, прежде чем оказаться в лагере, окруженном колючей проволокой, я не помню. Да и не удивительно: было мне тогда пять лет. Позже, когда стала взрослой, я узнала — шли дня три-четыре. Мне же тогда показалось, что это была дорога без конца и без времени»².

«Немцев в селе не было. Было много снега, а какие это числа или месяцы были, мы не знали»³.

¹ Сталинградское детство. С. 239–241.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 60.

Зато часто встречаются в воспоминаниях указания на время «затишья» (когда не было обстрелов) и точное знание расписания жизни врагов, так как от этих знаний часто зависела жизнь:

«...обнаружили, что в налетах имеются перерывы. По всей вероятности, это связано с обедом и ужином немецких легчиков»¹.

«Из окопов мы особенно не выходили, а когда затишье было, выбегали всей дивизией. Мы точно знали, когда у немцев был обед и они не стреляли. В это время мы выбегали и глядели на небо, но месяца мы не видели солнца, всё было в тумане, гари»².

Важнейшими временными маркерами для сталинградских детей стали следующие события: начало массированных бомбовых ударов 23 августа 1942 г., приход в город немцев, эвакуация или депортация из города, пребывание в концлагерях или на трудах в Германии, освобождение (приход «наших»), возвращение домой, празднования в честь окончания войны и отмена карточек в 1947 г., непосредственно связанная с пережитым голодом.

Имело свои особенности и детское восприятие пространства. В силу специфики детства, тесно и непосредственно связанного с миром взрослых, ключевым понятием в пространственной организации жизни для детей был дом. Его утрата воспринималась детьми тяжело, но, по всей видимости, переносилась легче, если рядом с ними оставались взрослые, выступавшие в качестве главных организаторов домашнего пространства даже в тех условиях, когда в качестве дома-убежища использовался подвал, «щель» или уцелевший лестничный пролет. Оказавшиеся в эвакуации или выселенные из города немцами сталинградцы мечтали о возвращении в родной город. Некоторые сознательно отказывались эвакуироваться, объясняя это намерением оставаться в родном городе, умереть в своем доме:

«Мать ходила по каким-то учреждениям, а бабушка сказала: “Я не поеду. Я здесь жила, я похоронила сыновей и мужа. Я отсюда не уеду, как хотите!”. Старшие сказали: “Мы тоже с тобой останемся”³.

«Мама пряталась, не хотела уезжать. Говорит: “Я пропаду с этими детьми.... Пусть немец придет на родной земле и убьет, но никуда не поеду”⁴.

Значимость для взрослых понятий «родной город» и «родной дом» передавалась и детям, особенно остро воспринималась и переживалась сама возможность вернуться к ним:

«... в начале сентября 1945 г. я прибыла в Сталинград. Свой, родной. Шла домой, которого знала, что его нет. По дороге шла, ноги подкашивались, падала и целовала землю. Пришла домой на пустой двор и долго плакала»⁵.

«Однажды во время воздушного налета конвоиры разбежались по канавам и кустам, спасая свою жизнь, а моя отчаянная мама дала нам команду пробираться домой, что есть силы. Слово «дом» было для нас большим стимулом. Мы то

¹ Осколки в сердце. С. 33.

² Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 41.

³ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 30.

⁴ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Там же. С. 98.

⁵ «... и горела Волга». С. 226.

ползли, то отдыхали на сожженном поле, собирали обгоревшие зерна, ели их, и силы прибывали»¹.

Показательно, что далее в воспоминании речь идет о возвращении не к дому, а к оврагу (так как дом был разрушен), но он называется в тексте «родным»:

«В ноябре 1942 года мы все-таки добрались до своего родного оврага в г. Сталинграде»².

Умели находить дети и положительные стороны в жизни, называемой ими «подвальной», когда улицы, лишившиеся домов, представляли собой открытое и необъятное пространство для новых игр и экспериментов с остатками военной техники:

«Здесь в Сталинграде в основном, были разбитые улицы, пустые. Играть можно было в лапту — никому окно не разобьешь»³.

Одним из ключевых разделителей пространства для сталинградских детей оказался левый берег Волги, хотя для многих, не попавших в число эвакуированных — он так и остался недосягаемым. А те, кто смог вместе с семьями его достичь, понимали разочарованно, что война наступает их и там:

«Наша бабушка жила на острове Крит, там, где мост. Мы шли к этой бабушке. Я думала, что вот сейчас на тот берег перейдем, и война уже кончится. Но она не кончилась. Переехали мы, нас так же бомбили...»⁴.

Тревожные сводки Совинформбюро и разговоры взрослых в сочетании с незнанием детьми географии и топонимики приводили к тому, что, например, пос. Городище воспринимался маленькой девочкой как Чудище⁵.

На основании наших материалов, помимо уже отмечавшихся другими исследователями, можно выделить еще одну особенность детского восприятия войны и ее воспоминания, проявившуюся в почти эпических образах и символах:

«23 августа распоряжение Гитлера — “Стереть с лица земли Сталинград”. И он стал посылать тысячи самолетов каждый день, тысячи! Мы приготовились уже к смерти, все. Мы в подвале нашего дома спасались. Вот он бомбил. Бомбил 10 дней по тысячи самолетов! Представляете, что это было? Это был ад!»⁶.

«23 августа немцы по-настоящему начали бомбить наш город. Две тысячи самолетов были настолько близко от земли, что мы могли даже видеть летчиков...»⁷.

Один из наших информантов (уже во взрослом возрасте) попытался бороться с подобными «искажениями» действительности «малолетками», определив на

¹ Крыжановская (Седова) Г.И. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 81.

² Там же. С. 82.

³ Гусев А.И. // Дети и война. С. 66.

⁴ Фалалеева Л.А. // Там же. С. 286.

⁵ Интервью с И.М. Суровой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко, г. Волгоград, 2015 г. // Архив музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда».

⁶ Говоркова Л.К. // Дети и война. С. 163.

⁷ Растова Л.В. // Там же. С. 498.

основании собственных подсчетов число самолетов, бомбивших Сталинград 23 августа 1942 г., цифрой 130:

«На эту тему столько мусора наметено. Это потому, что каждый человек, которого спросишь — отвечает: «Да, да, я был в Сталинграде!». А сколько тебе было лет? Один говорит три, другой четыре, третий пять максимум. И вот они создают фон небылиц, самых настоящих небылиц. В этом возрасте ты ничего не знаешь, не помнишь. И, тем более, если ты позже не интересовался этим, не развивал мысли... А мы сейчас можем это спокойно посчитать. В 16:20 началась бомбежка, а закончилась в 19:00, потому что сумерки наступили. А ночью бомбардировщики строем не летают. И вся эта карусель длилась 2 часа 40 минут. В эскадрильи 9-12 самолетов, они шли через 15 минут и получается, что за 15 минут прошло 11 групп, это 130 самолетов. Никаких 20 тысяч! Вот сколько в этот день было»¹.

«Небылицы» в данном случае отражают особенности детского восприятия и воспоминания войны, а подсчеты нашего информанта — специфику взрослого мышления.

Особенности детского восприятия мира на материалах воспоминаний о войне попыталась определить немецкая исследовательница Ф. Маубах, оперирующая понятием «детский мир переживаний», в котором последние создают взаимосвязь между смыслом и пониманием, прокладывая тем самым путь к опыту². По мнению исследовательницы, мир детских переживаний «не вполне структурирован и упорядочен, он хаотичен, как и сам окружающий мир».

То, что взрослый мир в период войны нередко уподобляется хаосу, — тезис, с которым можно согласиться (хотя Ф. Маубах называет хаотичным весь окружающий нас мир независимо от ситуации), но утверждение о хаотичности мира переживаний ребенка вряд ли является верным, так как в этом случае придется говорить об абсолютной его патологичности. Между тем, как показывают собранные нами материалы, дети проявляли удивительные способности как раз к упорядочиванию этого «сошедшего с ума» мира, но делали это специфическими (отличными от взрослых) способами.

Православный священник Ярослав Шипов в рассказе о послевоенном детстве так описал первый опыт встречи детей со смертью (случайной смертью на воде):

«А через несколько дней хоронили Юрку. Событие это представлялось несформировавшемуся сознанию Сережи Белова вовсе не тем, чем оно было на самом деле: смешанное чувство восторга и ужаса от сопричастности непостижимому таинству владело мальчиком»³.

В этой ситуации писателем-священником схвачено главное: смерть представлялась мальчику не тем, чем она была для взрослых — диким и нелепым случаем. Детское переживание отмечает то, что свойственно взрослому сознанию (нежелание примириться с нелепостью ухода из жизни совсем юного существа), и

¹ Панченко Ю.Н. // Дети война. С. 293.

² Маубах Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1935–1945) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. статей. Краснодар, 2010. С. 153.

³ Священник Ярослав Шипов. Райские хутора. М., 2012. С. 486.

приближается к самой сути происходящего, как великого и «непостижимого таинства». Очень близко к такой трактовке особенностей детского восприятия мира воспоминание о военном детстве Ф.П. Смирнова:

«Был ли у нас, детей, страх? Какой-то, видимо, был, но мы воспринимали жизнь таковой, какой она была. Детство не может сравнивать, негодовать, требовать другого. Оно беззащитно и воспринимает все, как есть»¹.

В словах «воспринимает все, как есть» можно найти указание на отсутствие у детей жизненного опыта, а можно усмотреть и указание на способность детей постигать истинный смысл событий и явлений именно благодаря отсутствию (или скудости) этого опыта, который нередко скорее отодвигает нас от истины, чем приближает к ней. Далее в воспоминаниях Ф.П. Смирнова читаем:

«Грелись, как могли, пухли от голода и, не знаю почему, но без конца по соседству ходили глядеть на умерших ровесников. Было как-то не по себе, что вчера девчонка или мальчишка еще резвились с нами, а завтра мы видели их мертвыми».

На несформулированный вопрос («не знаю, почему») вполне можно ответить вышеприведенными словами священника Я. Шипова: тянуло к себе непостижимое таинство. Правда, после этих цитат тут же всплывают в памяти вполне современные картинки, растиражированные в свое время СМИ, на которых жители военного Белграда ходят на развалины домов, чтобы сфотографироваться на их фоне. Имеет это отношение к состоянию сознания взрослых людей, подобного детскому, или в этом случае мы имеем дело с явной патологией? Ответ кажется очевидным: если детское сознание, минуя разрывы хаоса, пытается постичь саму тайну смерти, то сознание взрослых обывателей иногда увязает в этом хаосе (в каком-то смысле уподобляется ему) и не видит смерти (равно как и чужих страданий) за развалинами разбомбленного дома, а потому позволяет делать снимок на память на «экзотическом фоне».

Все вышесказанное отнюдь не отрицает того, что детское восприятие строится прежде всего на чувственных переживаниях, и его особенности во многом обусловлены отсутствием опыта, например, знанием того, что бомбежка несет с собой смерть, а смерть — навсегда:

«Я туда тоже заходила, там четыре гроба стояло, и страха никакого не было. Ну, наверное, не понимала еще в этом возрасте. Поэтому и не боялись»².

«А я продолжала смотреть бомбежку, мне что-то не страшно было, а интересно, как это все делается. Вот только что все было, и куда что делось. Появился пароход, на нем беженцы с детьми, и вдруг его не стало, я даже не плакала, а удивлялась этому»³.

Последняя зарисовка вполне вписывается в феномен, названный исследователями военного детства «эстетизацией бомбовой войны»⁴. В некоторых детских

¹ Мы родом из войны. С. 39.

² Рахимкулова Х.Х. // Дети и война. С. 226.

³ «...и горела Волга». С. 121.

⁴ Маубах Ф. Указ. соч. С. 154–157.

воспоминаниях бомбежки (о которых дети ранее ничего не знали) описываются как чудесное, красочное зрелище, «которое притягивает и очаровывает»¹. Отметим, однако, что термин «эстетизация» означает не только придание чему-либо красивой внешней формы, но и чрезмерную эстетическую идеализацию чего-либо, приукрашивание происходящего. Нам не удалось увидеть в собранных нами детских воспоминаниях о бомбежках «приукрашивания» или «идеализации»; речь скорее должна идти об отсутствии в детском сознании понимания причинно-следственных связей, способных увязать падающие бомбы с возможной смертью. Большей частью в детских воспоминаниях воспроизводится способность детей «воспринимать все, как есть» или увязывать непонятные явления со своим небогатым пока опытом:

«Был ясный теплый день. Как всегда, мы играли с детьми во дворе. Вдруг со стороны железной дороги в небе показались птицы, и так они выли сильно, что было страшно, я вбежала в комнату и кричу маме: “Там летят какие-то черные птицы и сильно воют!”. Когда мама вышла на улицу, то крикнула, что это летят самолеты, скорее иди в комнату»².

«... и один раз брат кричит: “Утки летят! Утки летят!”, а это летели самолеты, вот так вот много! Мы вышли, и начали кидать бомбы в районе Мамаева!»³.

«Первое, что запомнилось в мои шесть лет — это высадка парашютистов. Увидев их, я подумала, что это одуванчики с неба летят»⁴.

«Мне говорили, что я с кочергой бегала за самолетом, он летит, а я бежала. Значит, [за то] что это папу убили. А я с кочергой бежала за самолетом»⁵.

«Во время бомбежек мне [все] время хотелось посмотреть на сами самолеты и [я] не хотел никуда идти со своей бабушкой. Как спасались от самих бомбежек, не помню. Бежали в дом, взрослые старались нас не выпускать, но мы бегали к Волге, к заводу. Потом с мальчишками смотрели на самолеты через черные стекла, летом старшие мальчики коптели стекла и через них мы все глядели на небо на самолеты. Самолеты были большие четырехмоторные с резким гулом. До завода “Судоверфь” не долетали, сам завод не бомбили. Помню, не бомбили и склады на Сарептской площади... Был маленьким, было все интересно с военными вещами поиграться, потрогать патроны, самолеты обсуждать»⁶.

«Мы были мальчишки, нам что? Нам было интересно. Бомбы падали, а мы бегали (ну, не под бомбами), искали осколки. Они такие красивые — рваный металл — прятали за пазуху. Животы все были потеряны, но приносили домой, прятали»⁷.

Именно воспоминания мальчиков, переживших бомбежки Сталинграда, отличаются чрезвычайной детализацией происходящего, обилием описаний запахов и звуков, увязываемых ими с конкретной военной техникой и оружием. Это наглядно видно в опубликованных воспоминаниях Олега Трубачева:

¹ Цит. по: *Маубах Ф.* Указ. соч. С. 155.

² Мы родом из войны. Волгоград, 2004. С. 74.

³ Зайцева Н.Н. // Дети и война. С. 267.

⁴ Дети Сталинграда. Воспоминания. С. 27.

⁵ Костина Т.Л. // Дети и война. С. 258.

⁶ Таранов А.В. // Там же. С. 170.

⁷ Гусев А.И. // Там же. С. 62.

«Было десять часов утра. Не успели мы войти в подвал, как раздалось гудение самолетов и редкие пулеметные очереди. Гул то приближался, то удалялся. Происходил воздушный бой. Но вскоре гул затих вдаль и на смену ему раздался неторопливый, кряхтящий будто от тяжести гул. Летели бомбардировщики. Затарахтели зенитки, разъезжая по улицам на автомашинах. Заговорили пулеметы. Гул приближался. Немецкие бомбардировщики ответили пулеметами и пушками. Вдруг от их рокота отделились пронзительные звенящие звуки, которые с легким свистом раздроблялись на сотни других звуков. Было тихо. И вдруг... Тишина лопнула, тяжелые оглушающие удары раздавались все ближе, ближе... Откуда-то летели камни, трещали доски. Удары рубили, рвали, прорезываясь частыми выстрелами зениток. Воздух с силой рвался в слуховые отверстия, взметая пыль и песок. Вдруг где-то вблизи раздался оглушительный удар, виски сдавило обручем, и в груди прервалось дыхание. Взрывы следовали один за другим, не переставая, как будто соблюдая очередь, но иногда раздавались так часто, что сливались в один гул, сотрясающий все окружающее. Так продолжалось весь день и всю ночь. К утру стало стихать...

Днем была опять бомбардировка, но к ней еще прибавились выстрелы из дальнобойных орудий, наших и немецких. Стреляли больше шрапнелью. Снаряды с верещанием носились над головой, то приближаясь, то удаляясь. После выстрела внезапно раздавался хлопок, и в небе расплывалось облачко разрыва. Осколки сыпались на землю дождем, вливая с хрустом в толстые доски забора, пробивая стены сарая и срезая ветви деревьев...»¹.

Особое, детское восприятие войны и ее конкретных проявлений, нередко основанное на непонимании причинно-следственных связей, выступало в качестве одного из элементов защитного механизма детской психики. Эта мысль так озвучена одним из наших информантов:

«Даже, может быть, мы перенесли эту войну, потому что детство было»².

Наряду с этим вырабатывались и другие элементы, составившие в комплексе особый механизм адаптации к экстремальным условиям, который включал в себя и опыт собственно детскости, и приобщение к опыту взрослых. В ситуации экстремальности мирное население Сталинграда, состоявшее преимущественно из женщин и детей, вынуждено было решать проблему выживания чаще всего самостоятельно, и, как показывают наши материалы, и те, и другие проявляли чудеса героизма, невероятной изобретательности и жизненной стойкости, взаимно спасая и выручая друг друга.

¹ Сталинградское детство. С. 8–10.

² Шапошникова П.Ф. // Дети и война. С. 503.

Глава 4

ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ВОЕННОГО НАСИЛИЯ

4.1. УСИЛИЯ ВЗРОСЛЫХ ПО СПАСЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ДЕТЕЙ

Стратегии и тактики выживания взрослых в период социальных трансформаций изучаются в последнее время весьма активно. Они стали, например, предметом исследования в коллективной монографии Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой и Т.П. Хлыниной «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций»¹. Выделяя два основных типа стратегий выживания советских людей в это время — патерналистский и девиантный, они справедливо отметили, что в периоды социальных ломок и чрезвычайщины второй тип становился преобладающим, а отклонения от социальной нормы были вполне естественной реакцией части граждан на условия нестабильности и прямых угроз жизни. М.Н. Потемкина предложила дополнить предложенную исследователями типологию и учитывать наличие третьего типа: стратегий активного самосохранения². Однако в таком случае скорее нужно выделить два основных типа: патерналистский и самосохранение, а в рамках последнего такие формы, как девиантные и связанные с соблюдением общепринятых социальных норм. Каждая из них, в свою очередь, может быть разделена на индивидуалистские и коллективистские практики, а также приближенные к традиционным формам самосохранения и выживания. Кроме того, помимо стратегий самосохранения речь должна идти и о стратегиях спасения и сохранения детей, широко и повсеместно используемых в годы войны взрослыми.

Именно патерналистская политика советского государства в годы войны по отношению к детям была хорошо освещена в отечественной историографии, в то время как различные формы девиаций только начинают изучаться, причем в большей степени это относится не к мирному населению, а к военнослужащим (дезертирство, коллаборационизм и пр.)³. В советское время были исследованы

¹ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

² Потемкина М.Н. Беженцы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Ростов на/Д, 2015. С. 167.

³ См.: Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Указ. соч. С. 282–336.

правовая и социальная политика советского государства по охране детей в период войны, деятельность отдельных органов и организаций в этой сфере, выявлялись региональные особенности социальной защиты детей, жертв войны¹, в том числе и применительно к Сталинграду и Сталинградской области².

Т.А. Павлова пришла к выводу, что забота государственных и партийных органов Сталинграда о судьбах мирного населения города в целом и детей в частности была организована в недостаточной степени, хотя и делалось в этой сфере немало³. Силами комсомольцев создавались молодежные группы для поиска детей в «щелях» и подвалах, организовывались приюты и детские дома, местные власти особое внимание уделяли эвакуации детских дошкольных учреждений⁴. Вместе с тем есть устные свидетельства, а также архивные документы, позволяющие говорить о наличии политики местных органов, направленной на дискредитацию некоторых групп населения, в том числе и детей, при решении вопросов их эвакуации. Так, по негласному решению областных органов власти не были эвакуированы 70 воспитанников Верхне-Чирского спецдетдома, страдавших психическими заболеваниями (в документе они именуются «малолетними хрониками»). Часть из них смогла найти пристанище у родственников, а 47 «лежачих» детей были впоследствии расстреляны фашистами⁵.

Оценивая патерналистскую политику советского государства, некоторые исследователи особо акцентировали внимание на ее классовом характере и пре-

¹ *Свердлов Г.М.* Война и правовая охрана детей в СССР; *Заднепровская Л.Д.* Забота партии и правительства о детях в годы Великой Отечественной войны; *Котов А.И.* Социальная защита детей-сирот в Белоруссии в послевоенные годы // Педагогика. 2002. № 5. С. 82–85; *Ермаков Е.Г.* Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002; *Жуляева С.К.* Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1951 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004; *Смирнова Н.В.* Деятельность органов НКВД-МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.). Историко-правовой аспект: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Романович С.В.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006; *Семина Н.В.* Борьба с детской беспризорностью в 1920–1940 гг. в России: на примере Пензенского региона: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; *Ложкина И.А.* Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010; *Дунбинская Т.И.* Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002; *Газиева Л.Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–43 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002 и др.

² *Меркурьева В.С.* Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области в сер. 1940-х — сер. 1950-х гг.; *Ее же.* Социальная защита детства в Сталинградской области (середина 1940-х — середина 1950-х годов); *Красноженова Е.Е.* Государственная политика по охране детства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Сталинградской области // Дети и война: социально-демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. г. Волгоград, 23–25 октября 2014. Волгоград. 2015. С. 73–78; *Меркурьева В.С.* Основные направления социально-правовой защиты детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Там же. С. 103–110.

³ *Павлова Т.А.* Указ. соч. С. 241, 249, 258.

⁴ Там же. С. 223–224.

⁵ ГАВО. Р-4650. Оп. 2. Д. 21. Л. 1–19 об. Благодарим за предоставление копии этого документа Л.А. Бондаренко.

вращении в мощный инструмент идеологического воздействия на граждан страны. Однако сами граждане в сложных условиях войны в значительной степени рассчитывали именно на помощь официальных властей и, лишь оказавшись в ситуациях, когда помощь эта была малоэффективной или отсутствовала по каким-то причинам полностью, приступали к активному поиску и выработке стратегий самосохранения.

Нередко инициатива взрослых дополняла или даже заменяла деятельность официальных органов власти и учреждений. После массированных бомбежек в городе оказалось немало детей, оставшихся без попечения родителей, и мирные жители оказывали им посильную помощь. Дети-сироты были и в неоккупированном фашистами Кировском районе города. Руководство района не оказывало им помощи, пока вопрос о судьбах детей-сирот не поставила перед ним местная учительница А.А. Иванова. Эта история воспроизведена в книге Т.А. Павловой¹. Вместе с дочерью Надеждой А.А. Иванова по собственной инициативе организовала комнату-приемник для сирот. Впоследствии райисполком разрешил использовать под приемник целый дом и выделил детям продовольственные карточки. Больных и голодных детей, оставшихся без родителей, сюда приносили жители города и красноармейцы. Женщины своими силами отремонтировали дом; ходили за 5 км обменивать свои вещи на молоко для детей. В течение 45 дней мать и дочь Ивановы выхаживали детей, выполняя функции нянечек, полomoек, истопников, не получая никакой платы за свой труд. По окончании боевых действий дети были переданы в детский дом².

Трогательный рассказ о судьбах сталинградских сирот остался в памяти писателя-священника Я. Шипова, записанный впоследствии им на основе материалов его матери:

«Тут вспомнил еще рассказы матери: с выездной редакцией “Комсомолки” она попала в Сталинград вскоре после освобождения. Надо было налаживать выпуск газеты и одновременно заниматься детьми: в городе оказалось неожиданно много детей — тысячи детей, загадочным образом переживших зиму на линии фронта. Когда прошлым летом ребятишек собрали на берегу и начали перевозить через Волгу, немцы старательно разбомбили переполненную баржу с красным крестом. Жуткое это событие нарушило план, и ребятишки порасползлись. И вот теперь их собирали, откармливали, лечили. Для самых мелких — “детские сады”; выберут среди развалин место поровнее, посадят человек двадцать в перевернутые немецкие каски, а над всем — девушка-боец с автоматом. Она — и воспитатель, и заведующая, и завхоз, и охранник. Днем солдаты приносят еду, а ночь малышек укрывают в ближайшем подвале: там есть тюфяки, одеяла и печка-буржуйка.

Летом на берегу Волги устроили пионерский лагерь — дети жили в шатровых солдатских палатках. Для развлечения и боевой подготовки то и дело проводились военные игры... А первого сентября открыли первую школу: ремонт закончили только к утру, сильно пахло сырой штукатуркой. Присланная из Москвы молоденькая учительница начала урок. Она торжественно поздравила

¹ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 256.

² Лобочев М. Чудесные люди // Учительская газета. 1943, 26 мая; Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 256.

всех с разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом, с открытием первой школы, с началом учебного года, а потом стала называть фамилии учеников и расспрашивать о их родителях. Дети отвечали: “Отец погиб на войне, мать угнана в Германию... Отец погиб на войне, мать убита в бомбежку... погиб... убита... убит”. Учительница выбежала в коридор и, прижавшись лицом и всем телом к невысокой еще стене, даже и не зарыдала, а завывала — истощенно, пронзительно. Девушки-штукатуры, стоявшие у дверей, тоже плакали. А когда вышедшие из класса ученики стали всех успокаивать, завывали и девушки, и общий вой достиг какой-то невероятной силы и высоты. Учительница, перемазанная в штукатурке, обессилено сползла на пол. В конце концов ребята всех успокоили, взрослые вытерли слезы, отмыли учительницу, и занятия благополучно продолжились»¹.

О своем пребывании в детских домах и о той заботе, которой их окружали взрослые — воспитатели, нянечки, врачи — вспоминали многие наши информанты, некоторые называли время пребывания в детском доме лучшими годами своей жизни:

«А в детдоме прошли самые мои лучшие детские и юношеские годы! Больше вспоминать фактически такого хорошего и не приходится... Во-первых, нас там встретили, когда с детприемника привезли, воспитательница такая ласковая была. Нас там сразу в баню отправили, мы все завшивленные были, одежку всю сняли. Искупали, а переодевать нас не во что. Вот вещи висят на заборе, на солнышке подсыхают, нам маечки дают, трусики подсохли, трусики нам дают. Одежду всю в большом котле кипятили. А потом по группам нас распределили, были в группах воспитатели. Конечно, самая веселая жизнь там. Нас там всему приучили: и вышивать, и дрова заготавливать. Сами заготавливали, вместе с воспитателями. Они вот на Дону на лодках ловили бревна эти все, потом бревна на лошади доставляли в детский дом. Дети сами пилили, дети сами рубили их. Мы их сами вокруг печки железной клали, чтобы топить удобнее было. Вот все сами.

Потом были дежурства по графику. В корпусе было пятьдесят человек. Мы сами себя обслуживали, мы весь корпус мыли сами. Вот зал большой, три спальни, столовая, рукодельная комната, коридор только и ступеньки уборщица мыла, а это все мы сами. В рукодельный кружок ходили. Вот кто крестиком вышивал, кто гладью. Вязать тоже учили...

Потом... ну, конечно нас одевали и кормили три раза в день. И шефствовали над нами, шефы вот были с Урюпинска, и в Германии еще, в части советской. И вот они взяли, наверное, над всеми детскими домами шефство. И вот они к нам в детдом с Урюпинска приезжали по своим делам. Мы к ним с концертом приезжали, прям на полигон. Торты возили из детдома, самодеятельность устраивали. Я тоже выступала и в хоре, и вот эти вот гимнастические упражнения»² [показывала].

После освобождения Сталинграда детские дома стали открываться во всех районах города. О своем пребывании в детском доме рассказывал А.В. Белицкий:

¹ Священник Ярослав Шитов. Райские хутора и другие рассказы. С. 134–135.

² Блинова Л.А. // Дети и война. С. 200–201.

«В 1945-м году пришел Демёшин Афанасий Владимирович директором. И вот он начал организовывать все это дело, и мы стали преобразовываться уже в таких цивилизованных граждан. У нас клумбы пошли, цветочки, площадки спортивные. Волейбол, городки и все остальные игры, какие были: казаки-разбойники и др. То есть все стало благоустраиваться, и вот тогда у нас стало лучше. Мы стали получать помощь от Американского общества из Канады или Северной Америки... Еврейское общество присылало нам вещи в порядке шефства над нашим детским домом. Консервы, мы даже колбасы начали есть в 1946-м или 1947-м году, я не помню...

Вот тогда были не спортивные олимпиады, а детские художественные олимпиады. Олимпиады художественной самодеятельности. И мы все... У нас масса кружков была: и литературный, и драматический, и балетный, и танцевальный русского танца, и духовой оркестр, струнный оркестр. Я, кстати, играл в духовом оркестре, на трубе солировал. Серьезный был товарищ. Этого товарища... труба больше этого товарища. Да... То есть люди, дети, были заняты с утра до вечера. Нас научили всему. Вот нас, мальчиков, для жизни научили сапожничать, плотничать, столярничать, то есть всему необходимому для жизни нас научили. И все что я здесь, дома, делаю, я делаю сам своими руками до сих пор. Мы готовы были с этой стороны жизни. И в тоже время я плясал хорошо русские танцы, играл на трубе, играл в драмкружке. Я был такой "ширпотреб": в шахматы играл, в фотокружке занимался. У меня до сих пор фото, я заснимал многие кадры, фотографии сам. Короче говоря, научены. А девочек, в основном, научили вышивать, шить, гладить, стирать... Каждый занимался своим делом. Кроме того, мы готовились к таким художественным олимпиадам. В 1948-м году мы победили, наш детский дом победил в смотре художественной самодеятельности между детскими домами. Жили мы в общежитии медицинского института, а может быть и пединститута, на улице Ленина»¹.

Большую известность в Сталинградской области получил Арчадинский специальный детский дом, созданный в начале 1943 года. Воспоминания его бывших воспитанников были изданы в 2008 году².

Мальчиков Сталинграда, оставшихся без попечения родителей, в военное и послевоенное время принимали в военные училища, что давало им возможность как преодолеть трудности выживания, так и приобрести престижную профессию. Большую роль в жизни детей, оставшихся без родителей, и детей из малообеспеченных семей сыграла система ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), созданная еще в 1940 г. и расширенная в послевоенное время. В этих учреждениях дети получали обеспечение одеждой и едой, овладевали профессиями. Многие из наших информантов давали высокую оценку этой системе именно как патерналистской мере по отношению к детям, хотя в ряде воспоминаний речь идет и о жестких нравах, царящих в этих заведениях:

«Жизнь в училищах была полувоенного типа. Был строгий распорядок дня. Жили в огромных комнатах по две группы..., каждая по 30 человек. Ходили везде строем (вплоть до туалета). Одевали нас по уставу, каждый вид одежды выдавался на определенный срок. Утро начиналось с зарядки, потом туалет,

¹ Белицкий А.В. // Дети и война. С. 281.

² Книга жизни в памяти живой. Воспоминания бывших воспитанников Арчадинского специального детского дома. Волгоград, 2008.

обязательно построение в актовом зале. В каждой группе была староста... Каждая староста сдавала рапорт старшине училища о состоянии группы, и так каждая группа. Все построение заканчивалось пением гимна Советского Союза, и это делалось два раза в день, утром и вечером. Потом строем шли на завтрак. Кормили нас сытно, особенно запомнились ужины, когда часто давали по большому куску пирога с капустой и миногой...

Однажды на уроке немецкого языка со мной произошла большая неприятность... я получила жирную двойку... Это значило, что на вечернем построении мне придется стоять перед всем училищем, и на меня будут все четыреста человек смотреть и осуждать. Я так расстроилась, что стала реветь. К вечеру у меня поднялась температура, стало тошнить, и доктор уложил меня в постель и лечил таблетками. На построении староста доложила о моей двойке, но я избежала позорного столба. Этот эпизод навсегда врезался в мою память...

Хотя в училище было 400 человек и все девочки, но комнаты гигиены не было предусмотрено, не было и предметов гигиены. У многих критические дни сопровождались болями. Лежать на кроватях не разрешалось, так я ложилась под кровать, животом прижималась к холодному полу и всеми силами старалась унять боль»¹.

Далее в воспоминании З.П. Сидоренко (сироты, ставшей воспитанницей специального училища швейников) речь идет о директоре училища, которую воспитанницы явно боялись, хотя, по ее словам, и уважали:

«Одевалась она строго и обязательно ходила на высоких каблуках, стук которых был слышен в начале коридора. Когда она проходила по коридору, то девочки, мимо которых она шла, замирали по стойке смирно и стояли, как приклеенные к стенке, до тех пор, пока затихал стук ее каблучков»².

Получали помощь сталинградские дети-сироты и от советских солдат, которые часто снабжали их продовольствием, оказывали посильную медицинскую помощь. Одной из практик сохранения детей в военное время был прием в сыны полка. Так поздней осенью бойцы 39-й гвардейской стрелковой дивизии подобрали в развалинах завода «Красный Октябрь» истощенного и полуобмороженного пятилетнего мальчика Гену. Поскольку он ничего не мог рассказать о себе, для начала ему дали отчество — Сталинградович. Мальчика выходили военные медики, а позднее усыновил начальник особого отдела 62-й армии Г.И. Витков³. Был «усыновлен» бойцами 34-го стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии 14-летний Алик Бурковский, родители которого были на фронте, а бабушка погибла. Воспитанником 13-й гвардейской дивизии стал пятиклассник Сережа Громов, который помогал бойцам подносить боеприпасы и ходил с ними в разведку, а впоследствии был награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда»⁴. О сыне полка, ставшем разведчиком, Константине Зимине (воспитаннике 80-й гвардейской стрелковой дивизии) вспоминал А.С. Чуянов⁵. О собственном спасении советскими солдатами вспоминал В.Ф. Баранцев:

¹ Сидоренко З.П. Воспоминания. С. 7–8.

² Там же. С. 8.

³ Желтова Л.В. Геннадий Сталинградович и другие // Отчий край. 1998. № 1. С. 204.

⁴ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 256.

⁵ Чуянов А.С. Всегда на посту // Чекисты в Сталинградской битве... С. 172.

«Меня подобрала наши солдаты и на шинели отнесли в медпункт. Санитар несколько часов оттирал мои почерневшие ноги, сильно обмороженные, которые сначала даже хотели ампутировать. Я метался в бреду, поднялась температура. Но молодой организм и медицина помогли мне. Командир сказал: “Майор Демин, сохрани цего хлопца для истории, так как он пришел с той высоты, где погибли группы лучших разведчиков”. Я стал сыном полка этой воинской части. Вместе с бойцами дошел до Ростовской области. В городе Каменске-Шахтинском меня передали в детский дом, где в 1947 году меня нашел старший брат Михаил, вернувшийся с фронта»¹.

Феномен «сыновей полков» был порождением военного времени. Он давал детям дополнительный шанс на выживание, но в то же время обрекал их (несмотря на всестороннюю заботу взрослых) и на определенный риск: известны случаи, когда детей использовали в качестве военных разведчиков, участников диверсионных групп.

Зачастую в сложных, чрезвычайных условиях бомбежек, уличных боев, разрухи и голода оставшимся без помощи официальных властей и мужчин женщинам приходилось самостоятельно решать проблемы защиты и сохранения своих детей. Анализ собранных материалов позволяет говорить о широком спектре практик по спасению и сохранению детей, используемых ими в условиях Сталинградской битвы.

Самой главной заботой матерей стало обеспечение сохранности жизни своих детей. Хотя, иногда приходилось сохранять не только живых детей, но и тела мертвых:

«Вот когда немцы уже вот-вот должны были подойти, подожгли на элеваторе пшеницу. Все соседи, значит, собрались за пшеницей. У нас была мельница своя такая ручная... И брат мой этот, с тридцать третьего года и двоюродный брат с тридцать первого года, вот они вдвоем. А блины мама когда пекла, он любил блины. И взял, на шкафчик положил, “Я приду, еще поем”. И ушли они, она не пускала их, но они пошли. Пришли, а, все соседи вернулись, а их обоих нет. Ну что, пошли на следующий день искать с двоюродной сестрой. Младшего вот этого моего брата без вести, или на mine он подорвался. На мелкие клочки разорвало его, и глаза даже не успел закрыть. Ну и что, у нее ничего нет, у мамы, нашла там мешок весь продырявленный, пробитый этими, пулями, наложила туда кусочки все. Говорит: “И тут комок в горле, я если заплачу, то не дойду”. И вот идет, идет, то рука вывалится у нее, то череп упадет, и вот она это собирает. А у двоюродного брата просто ляжку, кусок мяса оторвало, он просто кровью истек. Оба погибли. Принесли на Огареву улицу в сарай, а тут стрельба и стрельба, неделю стреляли, и нас, не могли мы неделю их захоронить. Потом когда утихло немного, мы забрали их туда и на Рыбинском там похоронили. Вот... У двоюродной сестры ящики там сколотили, что там уже. А после войны мы их захоронили на старых-старых кладбищах. На Чембарской улице там еще были, было кладбище самое старое, туда захоронили их»².

¹ В.Ф. Баранцев // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 18–19; В настоящее время сведения о детях, принятых в «сыны полка», сохраняются в музее «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда».

² Рахимкулова Х.Х. // Дети и война. С. 226.

Наиболее распространенными (повседневными) были обычные обязанности взрослых по добыче пропитания, воды, сохранению жилищ. Необычными были условия и формы этих практик:

«Ели жутко. Мы, детвора ели акацию, когда она цвела. Трава — калачики была, тоже ели. Была военная столовая, помню, мама ходила и брала там очистки от картошки, мыла их и что-то готовила. Они горькие! Есть невозможно, но больше нечего было. Очень голодно все жили. Иногда она помогала им мыть кастрюли, давали ей пригоревшую кашу, которая на дне оставалась. Очень трудно жили. Мне так этот голод запомнился! Чтобы крошечку на столе оставить, это Боже избавь! Мама наша молодец, она нас выжила. Если кто-то тыкву дал, она запекала в духовке. Это настоящее лакомство для нас было! Мама еще солдатам одежду стирала, и они ей отдавали то портянки, то еще что-нибудь. Вот в зиму мама мне сшила из портянок пальтишко и шапочку, а обувать все равно нечего было, и поэтому сидели дома. Помню, ей отдали какое-то старое байковое одеяло, вот она тоже пальто сшила, штанишки и шапку. Я потом, когда в школу пошла, в 1-й класс, пошла в этом же во всё. Трудно жили»¹. «Мужчины и женщины собирались группами, ходили в разведку, за продуктами (события происходили в период бомбежек города. — *Прим. авт.*). Не было их по несколько суток. Те, кто возвращался, приносили кто крупу, кто сахар, кто макароны. Понемногу давали и детям. Налеты были без конца, кто не успел добежать до укрытия, тех убивало. Оставшиеся в руках продукты у убитых хватили живые, тащили в окопы»².

В связи с крайне тяжелым положением, сложившимся в сфере обеспечения сталинградцев продовольствием осенью 1942 г. и начавшимся впоследствии голодом, важнейшим средством добычи продуктов питания стал для многих семей обмен на них носильных и других вещей. Особенно актуальной эта практика была для тех, кто оказался в эвакуации и скитался по селам и хуторам Сталинградской области после депортации из города:

«Из эвакуации мы привезли огромный чемодан, в котором были моей младшей сестры Юльки (пяти лет) платьишко, трусики, лифчик с резинками и деревянная плошка. И это все, что осталось от нашего имущества. Остальное выменяли на продукты»³.

«В Сибири жили люди как люди, они жили в деревне и жили, у них коровы были, они, конечно, сдавали молоко по нормам, но у них все было, а мы обменивали вещи, чтобы накормиться. Например, меняли пальто или жакет, или костюм на картошку или еще что-то»⁴.

В условиях войны для спасения детей взрослые также нередко прибегали и к девиантным практикам, таким, например, как воровство, мародерство и пр. Девиантные формы поведения жителей советских городов подробно исследовала Н.Б. Лебина. В вышедшей недавно книге «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» она сосредоточилась на

¹ Заикина З.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Волгоград, 2015. С. 222.

² Дети Сталинграда. Воспоминания. С. 51.

³ Гаврилова В.А. // Дети и война. С. 211.

⁴ Зауэр (Гаак) Л.Э. // Там же. С. 331.

исследовании советской городской повседневности в период 1920–1950-х гг., используя дихотомию «норма/аномалия» и обосновывая такие хронологические рамки тем, что именно в это время обиденная жизнь советского человека, утратив черты «чрезвычайности» эпохи военного коммунизма и первых пятилеток, одновременно лишалась и демократичности 1920-х гг., превращаясь в повседневность тоталитарного типа¹. При этом, однако, совершенно особые по своей чрезвычайности и экстремальности военные годы остались в книге отмеченными лишь самыми общими чертами без анализа тех кардинальных изменений, которые вызвала война именно в представлениях общества о нормах и аномалиях и порожденных войной девиациях в повседневной жизни и практиках выживания. Материалы о различных формах хищений и мошенничества в сталинградских торговых, снабженческих организациях, на пекарнях, хлебозаводах и пр. в 1941–1942 гг. приводит в своей книге Т.А. Павлова².

Война не только породила некоторые специфические девиантные формы поведения и стратегии выживания, но изменила и само отношение к ним со стороны рядовых граждан, оказывавшихся зачастую перед непростым выбором в условиях постоянной угрозы физической гибели. Война, легализующая массовое убийство, в том числе и мирных граждан, кардинально меняла представления общества и отдельных людей о ценности и цене жизни, о пределах человеческой выносливости и границах допустимого, когда нужно было спасти не только свою жизнь, но и жизни своих детей. В военном Сталинграде находящиеся в ситуации бомбежек, уличных боев и голода женщины-матери зачастую не могли рассчитывать на патернализм со стороны официальных органов и для того, чтобы прокормить детей, прибегали к воровству, мародерству, участвовали в открытых грабежах, нередко рискуя собственными жизнями. Воровали женщины-матери продукты, рискуя быть схваченными и немецкими солдатами, и своими. Так, воровали зерно на элеваторе и в неоккупированном Филонове, и в захваченном врагом Сталинграде, и в уже освобожденном городе:

«Мама тогда в охране была на элеваторе. Разбомбили его, а хлеб-то остался — они его охраняли. Мама надевала кальсоны завязанные — вот она насыплет зерна, и ночью, когда она дежурит, говорит своему бригадиру: “Я побежала домой!”. Я не сплю, жду, когда мама придет. Идет вокруг окон — топ-топ-топ, я уже слышу ее шаги. Она приходит, высыпает это зерно, которое она насыпала в кальсоны, и бежит опять на работу. Это зерно мы ходили перемалывать на эти жернова на муку и варили кто мамалыгу, кто чего... и ели. И траву ели — лебеду. Очень хорошие из нее были оладушки. Мама пекла. Самое сложное было — ожидание еды. Всегда хотелось есть»³.

«Мать с теткой работали посудомойками в немецкой столовой, откуда в нижнем белье приносили нам остатки пищи»⁴.

«Питались мы, не скажу, чтобы уж плохо, потому что мама работала в то время на заводе при ремесленном училище — кормила ремесленников. Конечно, она

¹ Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

² Павлова Т.А. Указ. соч. С. 42–43.

³ Павлова Т.Д. // Дети и война. С. 334.

⁴ Сталинградское детство. С. 76.

подкрадывала, приносила домой еду детям между ног, в трусах — где угодно, как угодно... Какой-нибудь пирожок или что-то такое. Но естественно, ничего еще не было, питались по карточкам. В 1949 году маму даже поймали, но она вовремя успела выбросить то, что взяла. Но ее уволили»¹.

В поисках одежды для себя и своих детей, а иногда и каких-то ценностей женщины нередко обыскивали и раздевали мертвых солдат. С началом массированных бомбежек города и боев, многие жители закапывали в землю одежду, утварь, продукты, в надежде, что после окончания военных действий смогут воспользоваться ими. То же самое проделывали те, кто срочно эвакуировался из города. Оставшиеся в разбомбленном и сгоревшем городе жители нередко выживали за счет того, что раскапывали чужие «схроны» и добывали спрятанные в них вещи и продукты. Очень характерно в записанных нами рассказах о таких случаях отсутствие осуждения со стороны тех, кто сам пострадал от подобных «раскопок»:

«Потому что, те, кто оставались здесь — они вообще были на жутком положении: есть нечего, топить нечем, зима приближается, а вещей никаких. Все — развалины. И все тогда, женщины, в основном женщины, лазили по этим самым предполагаемым местам захоронений. Что значит захоронение — отрыл яму, сложил туда все необходимое, засыпал. Поэтому когда твердая земля, ясно, что там ничего нет, а когда мягкая, ага, значит, там что-то есть»².

Впрочем, учитывая то обстоятельство, что приведенный выше текст был записан в 2014 г., есть некоторые основания полагать, что такое мудрое отношение к раскопкам чужих «схронов» и воровству сформировалось у информанта позже, с годами. В дневнике Анны Арацкой, написанном непосредственно в военном Сталинграде, отношение к мародерству другое:

«После освобождения Сталинграда 14 февраля Виктор с Марией ездили в Сталинград в надежде привезти теплые вещи, а приехали ни с чем, все у нас выкопали. Нет теперь у нас ничего совсем, ни Папы, ни дома, ничего. А какая была хорошая маскировка наших закопанных вещей, дом сгорел и вся груды пепла, глины и кирпича легла большим бугром на вещи. Но, оказывается, этого было мало, чтобы вещи наши уцелели, чтобы их не выкопали... Как обидно, больно, как нам сейчас тяжело. Мы голодаем, мы мерзнем, нас ест вошь, не во что ни перемениться, ни одеться. А есть люди, которые наживаются на наших слезах, на нашей горе, а ведь горе это не только наше. Горе это всей страны. Кто же выкопал наши вещи? Конечно же, Хохол и Шишига-Кудряшка. Идиоты бессовестные, воры и грабители, знают же, что Папа погиб, знают, что теперь у нас ничего и никого нет. Отняли у нас последнюю надежду на тепло. Знают же, как тяжело теперь маме с нами без крова, отняли последнее, на что мы надеялись»³.

Наш информант, рассказывая о воровстве продуктов, считал необходимым высказать свое лояльное отношение и к нему:

«Объявили воздушную тревогу, и нас застал налет. Стали разрываться бомбы. А нам удалось или купить, или выменять или просто утащить потому, что то-

¹ Гришина Д.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 106.

² Коняхин К.В. // Дети и война. С. 46.

³ Дневник Ани Арацкой // Детская книга войны. Дневники. С. 364–365.

гда это тоже процветало. Магазин разбит, ну а все же валяется, оно же ничье. Что же ты будешь смотреть на это и ждать — простите, а можно взять баночку? Не у кого даже спросить»¹.

Нередко в детских воспоминаниях упоминаются случаи, когда женщины-матери спасали своих детей, давая взятки — как своим, так и немецким военным или представителям власти. За взятку (или мзду) оформляли нужные документы, получали право на эвакуацию и пр.:

«Потом нас перевезли через Дон в Калаче и выбросили в степи. Людей много было. Вдоль дороги все были выброшенные люди. Начались холода, начались дожди, машины не подавали. А как потом узнали, это нас гнали в концлагерь в Белгород... А мы под Калачом, мама с нами сумела сбежать с этого места. Разрешался проход в колоннах. Она пошла в Калач, нашла нашу родственницу, та за взятку оформила документ, что она возвращается в Калач из эвакуации, якобы они эвакуировались куда-то в село. Взяла подводу и приехала за нами. Нас погрузила как своих детей и повезла в Калач. А мама шла поодаль, как будто посторонняя, чтоб подозрений не возникло. Вот, таким образом избежали этого концлагеря и остались у родственницы нашей в Калаче»².

«Когда стемнело, раненые, женщины, дети, и мы с матерью в том числе, погрузились на баржу в трюм. Если бы пришлось тонуть, нам было бы не выбраться. Удивительные гримасы человеческой сущности — шкипер в любой момент мог погибнуть, но мзду с нас швейной машинкой взял. За ней матери пришлось еще раз сходить к дому, который уже горел»³.

Собранные нами материалы показывают, что в первые дни после 23 августа 1942 г. (начало массированных бомбардировок города) преобладали индивидуальные практики самосохранения и спасения детей. Некоторые из наших информантов с обидой и болью вспоминали, что чувствовали себя брошенными и никому не нужными, когда оставались по разным причинам без присмотра своих матерей:

«А когда в щелях сидел, все молча, гробовая тишина. Никто нас не успокаивал. Наверху бомбят, там страх стоит наверху. Дети попржиались все, гробовое молчание иной раз. Даже взрослые, видели, что я одна, никто никогда мне не дал куска, никто мне не дал глотка воды. Не было никакой взаимопомощи, каждый за себя. И вот единственное я помню, что какая-то женщина поинтересовалась: “Девочка, а ты с кем?” — Я молчу. Она: “Ты чья?”. Она думала, что я потерялась, все уже ушли, а я еще там. Я говорю: “Я мамина”. — “А где мама?” — “На работе”. Все. Она повернулась и пошла»⁴.

Однако со временем стали превалировать коллективные формы выживания и преодоления военного насилия, в том числе направленные и на сохранение и спасение детей. Эти практики опирались на имеющийся опыт преодоления экстремальных и кризисных ситуаций, который веками формировался в русской

¹ Дневник Ани Арацкой // Детская книга войны. Дневники. С. 364–365.

² Бирюков Ю.Ф. // Дети и война. С. 380.

³ Сурдутович А. Как это было. Волгоград, 2012. С. 29–30.

⁴ Интервью с Стрельцовой В.И., 1935 г.р., интервьюер Т.В. Нелин, 26.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

народной среде и хорошо изучен этнологами и культурными антропологами на примере дореволюционной России. Традиционно свойственный русским коллективизм и в годы войны, и в послевоенное десятилетие испытывал второе рождение, показав многие свои преимущества перед индивидуализмом и стратегиями личного выживания.

Возвращение к традиционным способам выживания было характерно в годы войны для значительной части советского общества. Оно находило выражение в возрождении архаичных форм жизнеобеспечения и производства, в усилении принципов коллективизма, взаимопомощи; в таких формах поведения, как альтруизм и nepoтизм; во всплеске религиозности. Все эти практики широко использовались женщинами-матерями для спасения своих детей.

В тяжелых условиях военного времени широко практиковались мирными жителями города различные формы общежития, когда под одной (уцелевшей после бомбежек) крышей объединялись несколько семей родственников, соседей или даже случайно встретившихся людей:

«...познакомились с жильцами дома на краю поселка. Это были такие же горемыки, как и мы, перебравшиеся сюда из другого района города. Они предложили нам поселиться вместе. Теперь в двухкомнатном домишке стали жить десять человек. Несмотря на тяжелые испытания, мы жили, как одна семья»¹.

«Все мы большой семьей держались вокруг бабушки и дедушки»².

«Чтобы не потеряться во время войны, к нам поселилась семья моей тетки»³.

«Вечером, когда уже стемнело, идем искать квартиру по улице, никто не пускает, уже поднадоели людям беженцы, приезжие. Идем, вот хоть на улице ночуй, а мороз-то крепчает. Догоняет нас женщина. Спрашивает: “Ну, вы откуда?” Мы ей все рассказали, она нас и приютила, на окраине этой Обливской. Оказалось, что она жена офицера, пограничника, сумела эвакуироваться, дошла до этой Обливской. Никто ведь не думал, что немцы аж досюда дойдут! Рядом был лагерь военнопленных, добрые люди подкармливали их. Там она и приметила кого-то, пожалела, и выдала его за мужа, поэтому его отпустили из лагеря. В знак благодарности он ей сумел построить плитущку небольшую. К зиме у нее был свой домик, хоть и маленький совсем. Одна кровать была да эта плита, и окошечко маленькое. Так у нее двое детей, она ещё и старушку приютила, а потом и нас взяла. Вот что значит добрый человек! Внесли козлы, доски положили, и вот мама с папой и с маленьким на этих козлах, а мы с братом под козлами, так и спали дней пять, наверное. Потом папа пошел, узнал, что трудоспособных людей уже пропускали в Сталинград. Он с сестрой уехал через неделю, мы остались вчетвером у этой женщины. До самой весны она нас держала, мы с братом помогали отапливать эту хибарку»⁴.

«Была взаимопомощь между семьями. Особенно, когда нас гнали в концлагерь. Несколько семей объединялись, друг другу помогали. И вот когда мама пошла в Калач искать родственницу, нас опекали. Была взаимопомощь»⁵.

¹ Дудкин Ю.С. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 39.

² Сталинградское детство. С. 69.

³ Там же. С. 74.

⁴ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 223.

⁵ Брюков Ю.Ф. // Там же. С. 381.

Иногда такие практики ограничивались объединением детей из разных семей под присмотром одной женщины, совместными кормежками детей:

«А мама и еще две женщины, тоже с двумя детьми, и одна тетя Паша, у нее трое было детей. Они нашли кусок развалины от старой школы на Советской улице.... И вот в этом куске остался остов, где были санузлы. И вот эти вот помещения предугулетные эти три семьи заняли: кто на первом этаже, кто на втором, кто на третьем. Они притащили какие-то железные кровати, чем-то закрыли проемы. И вот так эти женщины организовались, жили такой коммуной. Кто оставался дома, тому детей своих оставляли. Так вот мы жили долго, пока не получили комнату в коммуналке, в 1953 году уже, тоже на Советской улице»¹.

В период крайних бедствий некоторые женщины-матери для сохранения жизни и здоровья своих детей передавали их на время или отдавали навсегда в другие семьи:

«И вот мама опасалась за мое здоровье. Ведь то в окопах, то пешком, то под дождем, а тут питания нет. Женщина одинокая с ребенком, которая напротив в доме жила, попросила маму, чтобы я пожила у нее, а заодно и за ребеночком ее присмотрела. Ну, и мама отдала меня туда сначала»².

«Все радовались, а я плакала. Жители села меня успокаивали и привели каких-то людей, которые, не раздумывая, взяли меня к себе. У них своих детей не было. У них было хорошо»³.

Еще до начала бомбежек города многие сталинградские семьи давали приют эвакуированным детям не только по разнарядке властей, но и по собственной инициативе:

«Через нашу станцию “Бекетовка” шли эшелоны с детьми из Ленинграда. Наша мама бегала к проходящим поездам в надежде взять кого-то из детей для спасения»⁴.

Возрождались в военное время и такие традиционные способы выживания, как «хождение по миру» и поденщина. И женщины-матери, и их старшие дети, после того как фашисты выгнали мирных жителей из города, занимались в работники или выполняли временную наемную работу, ходили по домам, прося милостыню.

«Есть совсем стало нечего. Дошло до того, что однажды мама нас отправила милостыню просить по селу. Брат бойкий у нас был. Он никогда не стеснялся, часто ходил, а больше так — зайдет к кому-нибудь и спросит, может, кому дровишек нужно поколоть или ещё что-нибудь сделать. Вот он сделает дело, и ему сунут что-нибудь. Пшеницу, хлебушек, тыквы приносил»⁵.

«Для вспашки приусадебного участка хозяин дома заставил маму и тетю Олю впрячься в плуг, сам управлял плугом, а у мамы и Оли текла кровь из носа. Выживание было тяжелым»⁶.

¹ Зайцева Н.Н. // Там же. С. 266.

² Воронцова Е.И. // Там же. С. 221.

³ Сталинградское детство. С. 60.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Модина И.А. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 90.

⁶ Там же. С. 52.

Нередко побирались матери и в среде немецких солдат (в период оккупации Сталинграда):

«Много раз я ходила к немцам, выпрашивала у них хлеб или суп. Иной раз давали, но порой и пугали, наставляя автомат на меня»¹.

«В поисках пищи часто приходилось просить и у немцев. Некоторые из сочувствия к детям выносили буханки хлеба, но чаще смеялись, улюлюкали, стреляли вслед, развлекались»².

Иногда внаем отдавали и совсем маленьких детей:

«Младшая сестренка она вообще не училась. Война началась — ей 6 лет было. А потом ее забрала учительница нянчить детей. Она их нянчила, ее кормили, и та учительница ее учила»³.

В условиях бомбежек и боев вспоминали женщины (матери и бабушки) и позабытые молитвы, обучали им детей. Возрождение религиозности в период Великой Отечественной войны фиксировалось и среди мирного населения, и на фронте, особенно усилилась эта тенденция с 1943 года. Она проявлялась в молитвенных обращениях к Богу, в возрождении традиции ношения крестов, сохранения личных иконок; в тылу открывались церкви, возрождались обряды почитания святых мест. В последнее время проблема религиозности среди военнослужащих и мирного населения страны в период Великой Отечественной войны стала предметом специального исследования отечественных историков⁴. Возрождение религиозных практик в годы войны и в первое послевоенное десятилетие на территории Сталинградской области изучал С.В. Мордвинов. На массе примеров он показал, что в это время возобновились, например, паломничества в Покровскую церковь г. Урюпинска к копии «явленной иконы Божией Матери» и к источнику, где она явилась (чрезвычайно почитаемых до революции). В этих мероприятиях участвовало до 5 тыс. верующих ежегодно (из Сталинградской, Ростовской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской и др. областей России). Верующие Клетского, Логовского, Иловлинского и Сиротинского районов области в 1945–1947 гг. совершали 21 мая паломничества к роднику и часовне «Вознесения Божьей Матери» у стен бывшего Кременского монастыря. 22 мая (в день Вознесения Господня) проводили службу вблизи монастыря около бывшей часовни, где, по преданию, были похоронены «убиенные» семь братьев-монахов. Возобновился в Сталинградской области в эти годы и культ св. Параскевы Пятницы, иногда сливавшийся с

¹ Цит. по: Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 516.

² Там же.

³ Бульбулькина (Игольников) А.П. // Дети и война. С. 325.

⁴ См., например: Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке — исторический опыт России. М., 2007. С. 635, 640, 660–661; Кричко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013. С. 261–302; Редькина О.Ю., Мордвинов С.В. Проблема религиозности военнослужащих — участников Сталинградской битвы: реальность и мифы // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 3–6 июня 2015 г. Ростов н/Д., 2015. С. 147–154.

культом почитания Богоматери¹. Большую часть паломников, участвовавших в этих мероприятиях, составляли женщины и дети.

Среди мирного населения в период войны усилилось стремление к выполнению обрядовых практик, связанных с жизненным циклом, в первую очередь, крещению детей. В связи с массовым закрытием и разрушением церквей в довоенное время и нехваткой священнослужителей этот обряд стали проводить миряне (чаще всего — пожилые женщины); среди сельского населения области он получил название «погружение». В этнографических экспедициях по Волгоградской области нам многократно приходилось записывать рассказы об обрядах крещения и «погружения», совершаемых в годы войны мирянами в своих домах. Так, Ф.М. Никифоров, спасший во время разрушения Троицкой церкви в хуторе Березовка-1 (в настоящее время Новоаннинского района Волгоградской области) две большие иконы из иконостаса, рассказывал, как в 1940-х гг. к нему потянулись люди со всей округи:

«Со всего света ехали к нам в войну. Бабы везли кстить (крестить — *Авт.*). А в кумовья взять некого было, мужики ж все на войне. Вот меня звали. Я как-то 20 человек за один раз кстил. Жалко, фамилий их не записал. Они ж все мои крестные дети»².

Американская исследовательница Н. Рис, автор книги «Русские разговоры», считает, что для русских в период чрезвычайных ситуаций характерно обращение к жанру жалоб, адресованных людям. По ее мнению, эта традиционная тактика русских в трудные времена выработалась как замена прежней молитвы-литании³. Однако, материалы времен Великой Отечественной войны показывают, что в эпоху настоящих катастроф возрождается молитва в истинном ее смысле, значении и адресации (с обращением не к людям, а к Богу). Иррациональность происходящего включала глубинные механизмы коллективной памяти, и это, конечно, не американский подход к ситуации:

«Какая-то бабушка помогла мне сойти в подвал, усадила рядом с собой, вернула меня в одеяло, положила мою голову к себе на колени и стала произносить надо мной молитву»⁴.

«Кто-то, поднявшись из укрытия, молча шевелил губами, кто-то вслух благодарил Господа за спасение»⁵.

«Помню, как во время бомбежки вздрагивала земля, все ходило ходуном, все мы молились, кричали, задыхались от дыма»⁶.

«Когда шел бой, мы все становились на колени — так нам мама велела»⁷.

¹ *Мордвинов С.В.* Русская православная церковь на Нижней Волге и Дону в 1941–1953 гг.: возрождение социокультурных традиций: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 26–28.

² Полевые записи М.А. Рыбловой. 1988 г. в хуторе Березовка-1 Новоаннинского района Волгоградской области. Информатор Ф.М. Никифоров.

³ *Рис Н.* «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. Пер. с англ. М., 2005.

⁴ Ефимова В.В. (Кривцова) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 48.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Сталинградское детство. С. 74.

«И женщины с детьми, помню старенькую бабушку, по подвалам, в окопах каких-то, развалюхах. Гром, шум — вот этого всего я боялась, пряталась под подол этой бабушки. И она читала молитвы. Как только замолчала, я ее толкала: “Читай! читай!” Мне все время снилось очень долго вот это все»¹.

«Никто из нас не пострадал. Верь, не верь в сверхъестественную силу, а вот бабушка эта старенькая научила нас молиться. Мы девчонки маленькие, невоцерковленные, бросались на землю и всегда говорили: “Спаси нас Бог! Спаси нас Бог!” Закрывали голову и вот эту фразу все время повторяли»².

«С нами всегда Бог был и есть. Мы не ходили в церковь, но в душе с нами был Бог всегда и молитвы за пазухой. Да, вот именно тогда, во время бомбежек, страшно молились, все молитвы читали, просили, чтобы живыми остались...»³.

У многих детей были спрятаны вшитые в одежду написанные на листках молитвы, чаще всего 90 псалом («Живый в помощи...»). Эта же практика была широко распространена среди солдат на фронте. В массе детских воспоминаний речь идет о чудесном спасении по воле Божьей или милости Богородицы.

В рамках традиционных практик выживания в условиях Сталинградской битвы фиксировались такие, которые можно признать экстремальными и даже аномальными. К ним могут быть отнесены случаи, когда женщины предпочитали смерть одного ребенка для спасения других:

«А еще мама говорила, когда началась бомбежка и все в блиндаж спрятались, спустились в блиндаж, а сестренка осталась на улице. Представляешь? И тушка кинулась туда за ней, а мать ее обратно тащит: “Пусть лучше ее убьет, чем вас двоих”»⁴.

«Потом мама пошла, куда не знаю, они пришли двое, посмотрели. Один говорит: “Ей нужно обязательно ампутировать руку”. Отрезать руку — я как это услышала... “А то она умрет”. А мама говорит: “Пусть она лучше умрет, а то у меня их четверо, и девка будет без руки”. Ну, может быть, она это от простоты сказала, безграмотный была человек, но очень добрый»⁵.

Нередкими были случаи, когда женщины предпочитали одновременную гибель свою и детей практикам спасения кого-либо из членов семьи (например, сознательно рассаживались в бомбоубежищах «голова к голове, чтобы погибнуть всем сразу»):

«А она нас соберет, нас же двое было, чтобы, если что, нас бы сразу всех убило, вот это у меня в памяти еще осталось»⁶.

В одном из детских воспоминаний, относящихся ко времени депортации мирного населения из военного Сталинграда, описан такой случай. Впереди двигавшегося по дороге немецкого обоза была обнаружена мина, и конвойный приказал одной из женщин убрать мину с дороги. Вместе с женщиной было трое детей:

¹ Зайцева Н.Н. // Дети и война. С. 266.

² Белкина Е.Б. // Там же. С. 204.

³ Стрижакова Н.С. // Там же. С. 400.

⁴ Козловская Н.Х. // Там же. С. 234.

⁵ Кулагина В.И. // Дети и война. С. 238.

⁶ Суровцева М.П. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 83.

«Мама понимала, чем это может закончиться, а потому велела нам вернуться назад. Мы заплакали и еще сильнее ухватились за ее юбку. На мгновение задумавшись, мама неожиданно перекрестила нас и решительно сказала: “Идемте!”. Мину взяла осторожно, словно бы грудное больное дитя. Мелкими шагами пошла вперед в сопровождении нашего девчачьего эскорта. Позже она рассказывала родственникам, шедшим с нами в одной колонне: “Когда поняла, что от меня требует немец, вначале решила, что мину брать не буду. А потом подумала, что мне этого не простят и наверняка расстреляют, и тогда дети останутся одни. Взять? А если взорвется? Исход — тот же. Вот после этих раздумий и решила: или все останемся живы, или умрем все разом”»¹.

О героизме и жертвенности своих матерей вспоминали почти все наши респонденты, рассказывая многочисленные случаи, когда женщины в условиях войны оберегали и спасали своих детей исключительно женскими способами: после депортации мирных жителей возвращались в разрушенный город, где шли непрекращающиеся бои, для того чтобы добыть закопанные теплые вещи и вернуться обратно к детям; падали с криком на мешок с мукой или детское одеяло, чтобы помешать вооруженным вражеским солдатам их отобрать; выкармливали детей помоями с помощью газетного рожка и пр. Во всех применяемых женщинами практиках спасения детей не было насилия, но за ними стояла негибкая сила материнского чувства. Вместе с тем, наряду с этим чувством, имеющим как природные, так и социальные истоки, на поведенческие стереотипы женщин-матерей в экстремальных условиях войны оказывали влияние и четко выраженные культурные установки.

4.2. ДЕТСКИЕ ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ВОЙНЫ

Детские практики выживания в период войны стали исследоваться лишь в самое последнее время², и в этой области еще остается немало лакун. Собранные нами материалы позволяют выделить три основных стратегических линии поведения детей в экстремальных условиях Сталинградской битвы: 1) сохранение детскости; 2) приближение к миру взрослых; 3) возвращение к традиционным

¹ Сталинградское детство. С. 175.

² См., например: Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 81–91; Рыблова М.А. Стратегии и практики выживания детей в условиях Сталинградской битвы // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. г. Волгоград, 26–27 сентября 2014 г. Волгоград, 2014. С. 465–474; Стрекалова Е.Н. Стратегии выживания детей 1941–1945 гг. по устным воспоминаниям ставропольчан // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. Волгоград, 2015. С. 202–211; Архипова Е.В. Сталинградцы в Белой Калитве: стратегии выживания // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 2015. С. 192–199.

способам выживания (коллективизм, взаимопомощь и пр.), 4) девиантное поведение.

1. Сохранение детскости часто осуществлялось неосознанно:

«Он бомбит, а мы бежим все. Вот так. Куда спрятаться? Куда придется, а везде уже занято. И мы в реке Пионерке — там есть подземный такой для реки проход — мы там спасались. Людей было много, и мы дети тоже, прыгаем, веселимся. Не понимаем, что происходит. Потом скорей прячемся»¹.

В экстремальных условиях психика мобилизовала такие сугубо детские качества, как наивность и максимализм. Это хорошо показано в воспоминаниях волгоградского писателя и поэта А. Сурдутовича:

«Зачастую наивность бывает мудрее знаний и умных аналитических расчетов. В ту ночь, стоя на левом берегу и глядя на горящий город, я с детским максимализмом думал и четко для себя знал, что дальше немцы не пройдут и что победа все равно будет нашей. Это чувство было сродни тому, которое испытывал под бомбежкой: возможность моей личной смерти оно не принимало. Также оно не принимало другого исхода войны, кроме победы»².

Широко использовались детьми и вербальные практики преодоления ужасов бомбовых ударов и других экстремальных ситуаций военного Сталинграда. Почти как заклинания воспринимаются современным человеком тексты, с помощью которых сталинградские мальчишки обыгрывали пространство бомбежек. Сидя в «щелях» и прислушиваясь к звукам воздушного боя, они хором речитативом воспроизводили их:

«Во время бомбежек сидели в “щелях”. Научились по звуку различать наши самолеты и немецкие. А еще придумали такую затею-игру. Когда начинался налет и слышался гул тяжело груженных бомбами немецких самолетов, мы кричали:

– Везе-ем, везе-е-ем

Подарки!

На отрывистых звуках наших зениток:

– Кому-кому-кому?

При вое падающих на нас бом:

– Ва-а-ам! Ва-а-а-м!

Это помогало переживать налеты»³.

В мирной жизни детские тексты, сопровождавшие конкретные действия (например, «Идет коза рогатая... забодаю-забодаю»), обычно назывались прибаутками (местный вариант — «пригутки»), и озвучивали их, развлекая или отвлекая детей, взрослые люди. Помимо чисто развлекательной функции такие игры с прибаутками также выполняли познавательные и развивающие функции. В условиях бомбовой войны (и нередко беспомощности самих взрослых) дети самостоятельно восполняли образующиеся лакуны, сочиняли и произносили игро-

¹ Интервью с Забелиной Т.В., 1941 г.р. Интервьюер Е. Атрашенко, июнь 2013 г., г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Сурдутович А. Как это было. С. 30.

³ Запись М.А. Рыбловой 2009 г. в очереди в поликлинике № 4 г. Волгограда.

вые тексты, которые помогали им переживать самое страшное время начала бомбового удара (после «Ва-а-а-м» всё каким-то образом заканчивалось).

Складывался в военное время и особый детский фольклор, представленный такими жанрами, как дразнилки, частушки, анекдоты, небывальщины, страшилки и пр. В настоящее время исследуется детский фольклор, возникающий в современных военных конфликтах, например, в Израиле. Исследователи отмечают, что дети в попытках «понять непостижимое» часто прибегают к такому средству, как смех: «Это, конечно, смех сквозь слезы, но все равно смех»¹.

В детских дразнилках и переделанных частушках взрослых времен Великой Отечественной войны враг выступает в образе смешном и жалком:

«Секира, мотыга, клей столярный
Гитлер был маляр бездарный...»².
«С неба звездочка упала
Прямо Гитлеру на нос.
Вся страна теперь узнала,
Что у Гитлера понос».

В послевоенное время появился вариант этого текста:

«С неба звездочка упала
Прямо Гитлеру в штаны.
Пусть горит там что попало,
Лишь бы не было войны»³.

По словам наших информантов, бытовали среди сталинградских детей и так называемые «страшилки». Детский фольклор помогал снять напряжение и вселял надежду:

«Еще, когда разбомбило пятиэтажный дом, то выбросило пианино, вот мы бегали на нем играть. Потом сажались на дрова и начинали анекдоты рассказывать. И помню, как один мальчик нам и говорит: “Хотите, я вам анекдот расскажу? Это почти правда. Вот на небе встречаются два коня — красный и белый, и красный побеждает белого, значит, мы выиграем”. А тогда было уже такое положение, что думали, немец скоро вступит в город, а тут он в нас такую надежду вселил»⁴.

Текст, названный нашим информантом «анекдотом» и «почти правдой», по всей видимости, должен быть отнесен к жанру мифологического рассказа. Мы уже отмечали выше, что в детском восприятии войны фиксируется иногда некая эпичность и мифологизация происходящего. Более того, детское восприятие столь масштабного, страшного и малопонятного действия как война очень близко к мифологическим образам войны, создаваемым в сознании части взрослого насе-

¹ Хризман Э. Детский фольклор эпохи войны. URL: <http://isrageo.com/2014/08/15/detivoina/> (дата обращения 13.06.2015).

² Коняхин К.В. // Дети и война. С. 51.

³ Записано М.А. Рыбловой от Д.В. Бурова.

⁴ Субикина Е.А. // Дети и война. С. 189–190.

ления страны, сумевшего по разным причинам избежать мощного воздействия на себя идеологического прессы. В этнографических экспедициях по Волгоградской области нам приходилось записывать (обычно от простых, малообразованных женщин — жителей станиц и хуторов) тексты, в которых фигурируют и мифологические персонажи, выступающие в качестве предвестников войн и революций, и вполне эпические образы участников военных сражений¹. Так, незамутненное идеологией сознание взрослых и еще более чистое — детское — отказывались от предлагаемых им официальными структурами готовых штампов, призванных дать «правильное» объяснение происходящим трагическим событиям (войнам, революциям, актам массовых насилий и пр.) и утверждали, по сути, невозможность объяснения этих событий с помощью рациональных приемов. Скорее всего, мифологические образы и персонажи проникали в детскую среду из все той же части взрослой: от бабушек, соседок и пр. Так, представленный выше рассказ о борьбе красного и черного коня переключается с записанным нами в казачьей станице рассказом о борьбе красного и черного петуха:

«Я в Калмыкии работала, меня война застала. Там легенда такая была. Два петуха встретились. Один — красный, другой — черный. Дрались они, и вот красный победил черного. И все говорили, когда началась война, мы победим вас все равно»².

Широко бытовали среди детей в военное и послевоенное время также связанные с мифологией «страшные истории», главным «героем» которых, по определению фольклористов, был собственный страх рассказчика. Детские страшные истории в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии исследовала М.П. Чередникова. По ее определению, саморазвитие этого жанра определяется как универсальными причинами, так и социально-историческими потребностями детства. «Страшные рассказы» представляют собой коллективный поиск ответов на вопросы, разрешить которые индивидуальное сознание не способно, таких как: смерть, рождение, первотворение³. Возрождение и некая «перелицовка» детских страшилок в послевоенное время были связаны с актуализацией проблемы смерти, страх перед которой многократно переживался детьми в условиях войны и сохранялся долгое время после ее окончания. В этой ситуации дети оказывались способными подключиться к многовековому опыту традиционных сообществ по преодолению посредством мифологии аффективно окрашенных переживаний.

О такой форме детского фольклора, как переиначенные песни взрослых рассказывал С.М. Дементьев:

«Дети переключали известные песни на уличный манер. Но не все уличное литературно. Я могу рассказать, как дети в детском саду очень часто перевира-

¹ Рыблова М.А. Великая Отечественная война в народной памяти донских казаков // Россияне и немцы в эпоху катастроф. М., 2012. С. 135–144.

² Там же.

³ Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. СПб., 1996.

ли популярные песни. Они их переиначивали и вставляли свои слова. Была популярная песня “Если завтра война”. А дети по улицам ходили и орали:

“Если завтра война,

Слепим пушки из говна,

В ж... пороху набьем,

Всех фашистов перебьем”.

В детском саду пели, но не при воспитателях.

Или еще популярная песня “На позицию девушка провожала бойца...”. Мальчишки ее тоже переиначили и пели, после каждой строчки добавляя “в штанах” или “без штанов”. Получалось так:

“На позицию девушка в штанах

Провожала бойца без штанов

Темной ночью простились в штанах

На ступеньках крыльца без штанов”»¹.

Исследователи детского фольклора отмечали, что он подобен «бездонной мусорной яме», в которую спускаются тексты взрослых, переставших быть актуальными, нужными. В этом смысле фольклор детей иногда дает исследователям возможность обнаружить в его бездонности тексты, которые уже невозможно записать во взрослой среде. Так, незафиксированная в свое время, была восстановлена по текстам, записанным от детей, подлинная песня времен Великой Отечественной войны «На базаре бомбочка рванула...»². Но, очевидно, в пласт детского фольклора выбрасывалось не только ставшее ненужным, но и то, что тяготело над психикой детей долгое время, вызывало чувство постоянной тревоги и гнетущего страха. Это и новостные сводки из радио-тарелки, и песни военных лет. Перелицовка последних, сопровождающаяся переводом их из разряда «высоких» (статусных) в разряд «низменных», вульгарно-комических, позволяла и избежать чрезмерного давления идеологии взрослых, и оградить детскую психику от тяжелых воспоминаний о войне.

И.Ф. Руина, находившаяся в детском доме в станице Нижне-Чирской с 1947 по 1954 г., вспоминала, как после отбоя и ухода воспитателей домой мальчики и девочки собирались группами возле стола в фойе, зажигали свечу и пели песню, в которой мир детдомовских детей противопоставлялся «домашним» (еще одна, актуализированная войной дихотомия):

«Горит свеча дрожащим светом,

Вокруг детдомские сидят.

Они ведут о том беседу,

Как будут дальше проживать.

Одна детдомская девчонка (мальчишка)

Склонила голову на грудь,

В тоске по матери родимой

Не может бедная заснуть.

Зачем ты, мать, меня родила,

Зачем на свет ты пустила,

¹ Дементьев С.М. // Дети и война. С. 461.

² Лурье В.Ф. Детский фольклор. Младшие подростки. URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBER-STOL/L_AM/antologia.html (дата обращения 14.07.2015).

Судьбой несчастной наградила,
Костюм детдомский мне дала.
И сколько слышно, укоряют:
“Вот детдомские идут”.
А мы детдомские девчата (ребята)
Мы не боимся никого.
Пускай домашние смеются,
А нам детдомским все равно.
Горит свеча дрожащим светом,
Вокруг детдомские сидят.
Они ведут о том беседу,
Как будут дальше проживать»¹.

И.Ф. Руина писала: «...кто ее сочинил, я не помню, но песню запомнила. Она отложилась в моей памяти на всю жизнь». Меж тем, очевидно, что этот текст представляет собой «детдомовский вариант» дореволюционной народной песни, известной также в солдатском, матросском, казачьем, лагерном и других вариантах². Различные варианты так называемых «жалостных» песен широко бытовали в военное и первое послевоенное время среди мирного населения страны. Дети использовали и этот резерв для преодоления ситуаций тяжелого психологического напряжения.

В воспоминаниях «детей Сталинграда» есть свидетельства о том, что в период бомбежек дети пели и «взрослые песни», безо всяких переименований, вполне осознавая их героику и вдохновляясь ею:

¹ Сталинградское детство. С. 162.

² Ср., например, с матросской версией:

«Горит свеча дрожащим светом,
Матросы все спокойно спят.
Корабль несётся полным ходом,
Машины тихо в нем стучат.
Один матрос, он всех моложе,
Склонивши голову на грудь,
В тоске по родине далёкой
Не может, бедный, он уснуть.
Ах, мама, мать моя родная,
Зачем на свет ты родила?
Судьбой несчастной наградила –
Костюм матроса мне дала.
Костюм матроса презирают
И мне прохода не дают,
Лишь нами тюрьмы заполняют,
Под суд военный отдают!
Тельняшка грудь мою сдавила,
Шинель на плечи налегла,
А бескозырка с чёрной лентой
Мою свободу отняла.
Играй, играй, моя гитара,
Звени, последняя струна,
Одна молоденька любила –
И та забыла моряка».

(См.: Русский шансон: тексты, ноты, история. Ростов н/Д, 2005. С. 72–73).

«Иногда нас отводили ночевать к маминой сестре Анне, которая укрывалась с семьей в подвалах мансардных домов “Красного Октября”. Там была наша бабушка и двоюродные братья. С ними мне было веселее: мы храбрились друг перед другом, хвастались найденными осколками, с чувством пели взрослые песни, понимая их суровый смысл:

“Стелятся черные тучи, молнии в небе снуют.

В облаке пыли горючей трубы тревогу поют.

С бандой фашистов сразиться, смелого любит народ,

Смелого пуля боится, смелого штык не берет...”¹.

В конце июля бомбежки стали частыми и длились подолгу»¹.

Детский фольклор выполнял и охранную, и компенсаторную функции. То же можно сказать о творческих, интеллектуальных занятиях, которым предавались некоторые дети, даже в период бомбежек:

«Наступило 1 сентября, и этот день мы встретили ещё на советской земле, хотя и в пещере оврага. Трудно такое представить, но я, несмотря на бомбежки и трудные житейские заботы, читал книги, которые принес из разбитой и горевшей библиотеки. Раздобыв где-то пузырёк с ртутью, стал проводить физико-химические опыты. В свинцовых пулях недостатка не было, вот я и решил убедиться в том, что свинцовая пуля будет плавать на ртути. Мой опыт удался, но поверхность ртути утратила свой блеск и покрылась грязно-серым налётом. Ни о какой вредности паров ртути я тогда и понятия не имел. Так что и на войне, в пещерах, голодные, почти на передовой, мы оставались мальчишками»².

«В сентябре-октябре уличные бои продолжались... Население тем временем вело борьбу с голодом. Местом, где можно было хоть чем-то разжиться, оставался элеватор... Я собирал зерно для своих... Ходить на элеватор стало для меня постоянным делом, но я стремился туда не только за зерном. На моем пути находилась библиотека, вернее, то, что от нее осталось. В ее здание попала бомба и все разворотила. Однако многие книги, благодаря тому, что постройка была крепкая, остались целы и валялись повсюду. Набрав, сколько мог, зерна, я по дороге отсыпал его в свои тайники, потом шел к библиотеке, садился там и читал книги. Я прочел тогда много сказок, всего Жюль Верна. Горелое зерно, оттопыривающее мои карманы, спасало меня от голода, а книги, прочитанные на пепелище, лечили мою душу»³.

Наша информантка Е.И. Воронцова (1931 г.р.) писала стихи, в которых зафиксировала свои детские впечатления о дне начала войны, о первой увиденной ею смерти⁴. К этому приему (как способу преодоления детских страхов) прибегали и уже во взрослом возрасте. Тексты «самодельных» поэтов, осмысляющие войну, безусловно, заслуживают специального исследования.

¹ Сурова И.М. Мои воспоминания о войне // Архив музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда».

² А.М. Утенков // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 156.

³ Книга жизни в памяти живой. С. 7.

⁴ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 217.

Уже стали предметом научного интереса детские рисунки времен войны, прежде всего, творчество детей блокадного Ленинграда¹. Исследовавшая детские рисунки из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга В.Е. Ловягина отмечала, что рисование «выступало как замечательный способ отвлечения от ужасов блокады, от постоянных мыслей о потере родных и близких и в большей степени от непреодолимого чувства голода»². Дети Сталинграда помимо сцен боев и бомбежек часто рисовали разрушенный город³. Наши информанты вспоминали, как их рисунки о войне матери вкладывали в конверты с письмами мужьям на фронт⁴.

Не менее важное место в переживании войны и в преодолении ее травмирующих последствий занимали детские игры⁵. В гуманитарных науках неоднократно предпринимались попытки выделить основополагающие (базовые) признаки игры, способные отличить ее от других подобных или схожих явлений, например, обряда. В числе таких признаков назывались, например, соревновательность (агон)⁶; бесцельность; спонтанность и непредсказуемость (комбинаторность). По мнению И.А. Морозова и И.С. Слепцовой, последнее качество можно признать конституирующим признаком игры, ее основополагающим свойством⁷. По мнению этих исследователей, такое понимание игры не противоречит ее определению, данному известным русским психиатром Л.С. Выготским: «игра — это своеобразное отношение к действительности, которое характеризуется созданием мнимых ситуаций или переносом одних свойств предметов на другие»⁸. В свою очередь, комбинаторность опирается на такие важнейшие игровые категории, как «выбор» и «переход». Первая категория предполагает создание для участников игры ситуации широкого выбора, а вторая связывает ее с понятием перехода из одного состояния в другое. Так, игра в народной традиции воспроизводится в ситуациях перехода от земной жизни к потусторонней (игры и развлечения на похоронах и поминках), в случаях смены статуса (на свадьбе, в обрядах инициации) и пр. Отсюда становится понятной роль игры в любых «переходных», экстремальных жизненных ситуациях, особенно если это относится к возрастной группе детей. Игра позволяет детям преодолевать время и пространство и изменять то, что, казалось бы, представляет собой некую константу. Не имеющий воз-

¹ См.: Рисуют дети блокады: альбом. Л., 1969.

² Ловягина В.Е. Рисунки детей блокадного Ленинграда. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. С. 93–102.

³ См.: Сорокина Л. Дети Сталинграда. С. 7; Аргасцева С.А. Коллекция рисунков сталинградских детей. С. 4–6. Княхин К.В. // Дети и война. С. 51.

⁴ См. подробнее: Рыблова М.А., Назарова М.П. «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны // Вестник ВолГУ Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 81–91.

⁵ Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 156.

⁶ Хейзинга Й. *Homo ludens*. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992. С. 64–65.

⁷ Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004. С. 39–40.

⁸ Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб., 1999. С. 158.

возможности существенно изменять что-то в реальной жизни, в игре ребенок становится полноправным хозяином ситуации.

В играх советских детей военного времени, безусловно, отражались реалии войны (деление окружающих людей на «наших» и немцев, так же как на «красных» и «белых» в довоенное время), но в них не воспроизводилась реальность буквально; более того — в игре событие нередко отображалось в зеркальной проекции или, во всяком случае, так, как это было предпочтительно для играющего (здесь комбинаторность проявлялась в ситуации предпочтительного выбора). «Немцы» в играх детей военного времени непременно повергались, а «наши» побеждали. Более того, пережитые унижения и страхи перекладывались на поверженного в играх врага, а играющему всегда доставался статус победителя. Нередко в играх детей, переживших военное насилие, исследователи фиксировали вживание их в роль насильников и агрессоров¹.

Вообще мир взрослых оказывался проявленным в мире детских игр хотя бы уже потому, что дети посредством игры пытались преодолеть ужас ситуаций, созданных взрослыми. Иногда взрослый мир вторгался в детские игры непосредственно, используя, например, игры и игрушки для подготовки детей к войне. Такими играми накануне войны в Советском союзе были «Наблюдатель», «Следопыт», «Проводник», призванные развивать наблюдательность, умение ориентироваться на ландшафте и другие качества, необходимые в экстремальных обстоятельствах. Так, в «Наблюдателе» дети учились распознавать звуки природы и определять расстояние до них, используя направление ветра, прикладывая ухо к земле. «Следопыты» разбирали дорожные знаки, учились подражать голосам животных и птиц, «читать» следы. В «Проводнике» участники игры определяли стороны света по компасу, часам, солнцу, луне, звездам, по местным ориентирам и приметам, преодолевали по этим ориентирам до 5 км пути². Как правило, в такие игры дети играли в пионерских лагерях под руководством взрослых.

Но в ситуации войны дети зачастую преобразовывали эти и создавали совсем другие игры, которые помогали им преодолевать выпадавшие на их долю испытания. Это были такие формы игры, которые не всегда понимались взрослыми, но именно они позволяли детям гораздо успешнее, чем взрослым, преодолевать страхи и спасать психику от травмирующего воздействия войны. Так, по словам И. Хейзинга, дети создавали в пространстве войны свою игровую территорию, свой новый мир, в котором действовали собственные правила³.

Изменения на территории детской игры начались буквально с момента объявления войны:

«Речь Молотова я не слышал. Слышал речь Левитана из динамика на улице о начале войны и о Победе. Как ребёнок, я тогда всего ещё не понимал, но мы, как мальчишки, начали делать пистолеты, рогатки, вроде, тоже оружие. Видел

¹ Маубах Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945). С. 169–176.

² «Улыбка». Творческий сайт учителя начальных классов Г.Ю. Самигуллиной. URL: <http://sch122-smile.edusite.ru/p119aa1.html>. (дата обращения: 12.07.2015).

³ Хейзинга И. Указ. соч. С. 16.

слезы на глазах у взрослых, какая-то тревога, которая передавалась и детям. Помню, как девчонки плакали...»¹.

В этом фрагменте воспоминаний подмечена ситуация, в которой детский мир пока еще просто копирует поведение взрослых: девочки плачут вслед за женщинами, а мальчики, «вооружаются», как и их отцы. Однако в дальнейшем дети начнут активно вырабатывать свои собственные адаптационные механизмы поведения. Впрочем, иногда война воспринималась детьми, как простое продолжение игры:

«Мы тогда жили в том доме, где музей сейчас. А у углового дома висело радио-колокол. И здесь объявление войны было. Нам-то, пацанам, это «до лампочки». Мы радовались: «А-а-а, ура, война!» Попрыгали. Речь Молотова тогда по радио, конечно, слышали. Но что мы там, семилетки, соображали? Война, сказали, и мы и сами начали играть в войну»².

Логично было бы предположить, что война (а тем более столь разрушительная Сталинградская битва) должна была если не уничтожить, то, во всяком случае, сильно сузить территорию детской игры. Однако и опубликованные ранее воспоминания, и записанные нами интервью свидетельствуют о другом. Во-первых, война расширила территорию игры в пространственном отношении: появилось еще больше свободных от застройки зон. Даже развалины военного Сталинграда не удручали детей:

«Здесь в Сталинграде в основном, были разбитые улицы, пустые. Играть можно было в лапту — никому окно не разобьешь. И коньки! Здесь были коньки. На каких только коньках не катались! Бабушка называла их “снегурки”, потом какие-то “дутьши”. Все это привязывалось к валенкам, ботинок не было. Катались на коньках все! И маленькие, и большие. Я хочу подчеркнуть! Не то, что там: “Идите отсюда!”. В “расшибалочку” играли. Денег-то не было, полуголодные были в 1943–1944 годах. И играли в “казанки”³.

Далее в этом воспоминании следует рассказ о том, как подростки центра и заполтновской части города соревновались в добыче военных припасов: осколков бомб и снарядов, патронов и пр.

О том, как воспринимался и осваивался детьми разрушенный город, свидетельствуют дети военного Сталинграда, ставшие впоследствии москвичами:

«И вот мои первые впечатления, оставшиеся в памяти. Я хожу среди обугленных обломков, искореженного металла, обрубленных деревьев. Таким был мир моего детства в разрушенном немцами Сталинграде. Детям всегда хочется играть. И мы прятались в воронках, залезали в пустые блиндажи, собирали осколки. Эта обстановка, которая могла привести в смятение обычного человека из мирной жизни, нам казалась обычной. Ведь ничего другого мы еще не видели в своей короткой жизни. Вблизи нашего жилища стояли разбитые орудия, а в осевших траншеях мы находили россыпи патронов»⁴.

¹ Савин А.С. // Дети и война. С. 172–173.

² Брыксин А.Г. // Там же. С. 462.

³ Гусев А.И. // Дети и война. С. 66.

⁴ Горлов В.М. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 32.

Помимо увеличения пространственного поля игры война (особенно после прекращения боевых действий в городе) освободила многих детей от взрослой опеки, что также расширяло возможности детских инициатив и экспериментов:

«Но дети есть дети. Их жизнелюбию можно было только удивляться. Предоставленные самим себе они собирались в группы, придумывали различные игры. Много играли в войну. Нападали, защищались, боролись, имитировали стрельбу, взрывы, копали землянки и окопы. Становились летчиками, солдатами, моряками, партизанами...»¹.

Отсутствие фабричных (да вообще любых) игрушек не только не сужало возможности играющих, но, напротив, побуждало их к поиску новых игровых форм, к изобретению новых игрушек из подручных материалов:

«Играли в городки, лапту, гоняли мяч, прыгали друг через друга, играя в козла. Речки зимой и летом были полны детворы. Сами делали “аквапарки”, поливая водой спуски с горок в воду, “тарзанки” на ивах. Зимой катались на самодельных коньках, конусных деревяшках с вделанным прутом и привязанным к сапогам или валенкам ремешками. Играли в хоккей самодельными клюшками, проваливались под лед и сушились у костров из камыша.

У детей войны не было плюшевых мишек, машинок, магазинных ружей и пистолетов. Игрушки изготавливали сами или взрослые. Делали луки из веток вишни, стрелы из камыша с наконечниками из жести, пистолеты и ружья из древесных пустотелых стволов бузины, свистки из вербы, снимая кору, вырезая особым образом прут и вновь покрывая его корой. Изготавливали и опасные игрушки — поджиги из медных трубок в виде пистолетов и ружей, набивали их порохом, кусочками свинца или шариками, поджигали отверстие в трубке и стреляли. Такая “забава” кончалась иногда плохо, трубки могли разорваться и ранить как стрелявшего, так и стоявших рядом»².

Чрезвычайно дорожили дети игрушками, сохранившимися от довоенной жизни:

«20-го октября немцы выгнали нас и всех соседей из «щелей», и колонна беженцев пошла в сторону Калача. Шли женщины, дети, старики, все несли узелки с вещами. В руках у меня была кукла, а за спиной привязаны валенки»³.

«Шли нагруженные котомками, в которых сухари и крупы, в руках — четырехлитровый чайник с водой и портфели, но не с книгами, а с куклами и лоскутками. Нам, еще детям, очень хотелось играть, а немцы повернули нашу жизнь совсем в другую сторону»⁴.

Если довоенные игрушки приобретали в условиях войны статус ритуальных предметов (оберегов), то сама игра также нередко выступала в качестве мощного адаптационного механизма, помогавшего детской психике переживать ужасы

¹ Цыбуленко А.В. Дети войны. Очерк. С. 1. URL: http://pokrovka-info.ru/creation1_children_war.php. (дата обращения: 13.08.2015).

² Там же.

³ Бутенко Л.М. (Козырева) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 21.

⁴ Сталинградское детство. С. 150.

бомбежек и смертей. Так, в рассказе Забелиной Т.В. представлен эпизод первого дня бомбежек в Сталинграде, восстановленный со слов ее матери:

«...Это просто чудо, потому что она сама работала на телеграфе, и когда стали бомбить, все стали убегать по домам. Ну, и мама, конечно, пошла. Все это бросила. Да что там говорить, все бросили. Аппаратура работала. Представляешь, бежала она по улице Советской, к дому. Прибежала, а я играю в песке, понимаешь... А все попрятались... Конечно, я бегала первое время, искала всех, но все попрятались, а я растерялась. И тогда я села, и стала играть...»¹.

Девочка, спокойно играющая в песочнице на фоне разрывов снарядов, представляла собой, очевидно, зрелище почти мистическое, но в данном случае мистика игры, ее способность осуществлять «переход» (создавая новое время и новое пространство) спасли психику ребенка.

Аналогичный случай описан другой нашей информанткой:

«И вот в этот именно день была та бомбежка. День 23-й был — это страсть! И мы как раз собрались и поехали, пошли пешком, по Ардатовской улице, как сейчас помню, а по Ардатовской, где была 6-я поликлиника, а там до войны была церковь. Но церкви таковой не было — был магазин с куклами. И я как-то вот... Бомбит! А я, несет меня куда-то. И вот, в эту церковь я зашла, кукол с собой набрала и иду домой с куклами»².

В этих эпизодах очень ярко показана особенность адаптации через игру именно маленьких девочек. Они уходили в мир игры, отрешиваясь от войны, в то время как мальчики создавали игровые ситуации, в которых война «переигрывалась», и это открывало перед ними большие адаптационные возможности.

Военные бои и бомбежки нередко становились частью игрового пространства. Мальчики, нередко рискуя жизнями, внимательно следили за ними, соперживая «нашим»:

«Помню бомбежку: хотел посмотреть битву самолетов в воздухе, они летят, гудят, а бабка меня тащит за руку: «Скорей, скорей», а я упираюсь, очень не хотел идти с ней... Мы, дети, собирались в стаи и бегали к Волге, к заводу, бегали смотреть зенитки, потом бегали к госпиталю... Интересно было смотреть на бои наших самолетов с немецкими, хотелось болеть за наших <...> Как спасались от самих бомбежек, не помню, бежали в дом, взрослые старались нас не выпускать, но мы бегали к Волге, к заводу. Потом с мальчишками смотрели на самолеты через черные стекла, летом старшие мальчики коптили стекла и через них мы все глядели на небо на самолеты. Самолеты были большие четырехмоторные с резким гулом»³.

Очень показательны в последнем тексте слова, что то, как спасались от бомбежек, забылось, а как наблюдали воздушный бой, помнится до деталей (четыrehмоторные самолеты с резким гулом).

¹ Интервью с Т.В. Забелиной, 1941 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Е. Атрашенко, июнь 2013 г., г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 244.

³ Таранов А.В. // Там же. С. 170.

Наконец, война «снабдила» детей невиданными ранее «игрушками» и связанными с ними играми:

«Помню блестящие, с острыми рваными краями осколки бомб, и мы ими играли. Их приносил соседский мальчик с Волги»¹.

«Вот мы в сарайчике, а мужики остались в доме под лестницей, на случай, если нас завалит землей, они станут откапывать. Утром выхожу, а там всё усыпано осколками, а они так красиво блестят на солнце! Мне так понравились, и я решила с ними поиграть, хватать один, а они колючие такие!»²

«Во время бомбежки, мы ж пацанами были, мы собирали осколки бомб, они ещё горячие были. Одни соберут железные, другие — медные, кто-то — чугунные. Вот мы собирали, менялись между собой такими вот сувенирами. Такие вот игры были»³.

Непреодолимо влекла к себе сталинградских мальчишек военная техника:

«...играли с патронами, много техники было около судостроительного завода. Бегали мы на завод, туда по железной дороге приходила фронтальная «убитая» техника (дуло от танков, пушки, танковые башни, даже целые танки). Расплавлялось все это на железные листы. В этих железных грудках были и велосипеды, и мотоциклы, нам, конечно, это было интереснее всего. Иногда попадались работающие мотоциклы. Мальчишки сливали остатки керосина, бензина из неработающих мотоциклов или другой техники, там, в баках то на доньшке оставалось, то еще где-нибудь чуть-чуть, и потом все это сливалось в один работающий мотоцикл, на котором ездили по району. За нами гонялись милиционеры, чтобы отобрать работающий мотоцикл, т.к. среди железа находился каждый 20-й работающий. Милиция тогда без техники была, и мотоцикл им был нужен.

Мы также и в сами танки лазили, там, в грудке танков были разные сторевающие люди, но мы ничего не понимали, и нам главное было что-то покрутить внутри, повертеть, порулить»⁴.

«Наиболее ярким моим воспоминанием остался «Гушуер» — кладбище разбитой нашей и немецкой техники (машины, мотоциклы, вагоны и многое другое), которое находилось примерно в километре от нашего села. Почти ежедневно мы бывали там со сверстниками»⁵.

«Везде полно вооружений всяких: и снарядов, и мин, и гранат... Мы, пацаны, начали шастать. Мы посетили всё, в том числе Мамаев курган. Там мы определили, что стреляли из запалов. От лимонки запал дёргаешь — щёлк и всё. Опасно было. Но мы научились как-то... Стреляли, а потом взорвали мину. И одному голову снесло из нашей шайки. Из окопа мы провели бикфордов шнур, как смотрели в кино, и опустили, спрятались. Подожгли шнур. Горел он долго. И вот самый любопытный выглянул, и в это время — взрыв. И без головы сделал несколько, может десятков, шагов. Пробежал и упал без головы. Мы как кинулись оттуда. Ноги в руки — и бежать. Ну, потом, конечно, мать ищет, где он? Потом сознались. Она побежала с рёвом, притащила. Ну, война... Дети, мы

¹ Хижнякова С.Б. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 183.

² Дерюжкина З.Г. // Дети и война. С. 151.

³ Интервью с В.П. Шарашкиным. Интервьюер Е.А. Попкова. 26.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казацкого быта ВолГУ.

⁴ Таранов А.В. // Дети и война. С. 171.

⁵ Сталинградское детство. С. 140.

дети и есть. Потом играли, строили домики. Игра у детей — война, военные игры. Порох артиллерийский засыпаем в гильзы, поджигаем, он стреляет, домики загораются. Пуру в землю полностью закопаешь, ставишь пурку на пистонку, присыпаешь землёй и кирпичом — вмац! — она стреляет. Вот, это были наши детские игры. Были детские игры и такие. Тут гвоздильный завод был, где завод «Сувенир», а сейчас его уже нет. Там прутики такие были... И воевали между улицами: бросали прутики друг в друга. Дети! Вот, война породила такие военные жестокие игры. И поэтому наше детство, в общем-то говоря, было очень серьёзным»¹.

Игры детей с оружием фиксировались и анализировались и немецкими исследователями, они описаны в художественной литературе. Ф. Маубах назвала этот феномен «прикосновением к опасности в целях ее укрощения», отметив детскую склонность приблизиться к опасности и «потрогать» ее. Такая стратегия противоположна поведению взрослых, которым свойственно убежать, либо защищать себя². Исследовательница считает, что, завладевая осколками снарядов и бомб, дети, таким образом, стремились предотвратить (обезвредить) грозящую им с воздуха опасность, как бы вобрать в себя разрушительную силу бомб. Вместе с тем она подчеркивала, что «это поведение... являлось специфической, обусловленной войной версией классического испытания на мужество, которое готовило людей к реальной опасности»³.

Последняя фраза, содержащая указание на «мужество», а главное — собранный нами обширный материал, относящийся к теме поведения детей в ситуациях бомбовой войны, свидетельствуют о том, что эта модель поведения была характерна преимущественно для мальчиков, причем старше 6 лет. По словам одной из наших информанток, в играх военного и послевоенного времени мальчики сознательно и демонстративно проявляли отчаянность и бесстрашие, уподобляя себя взрослым победителям:

«Конечно, мальчишки, пережившие войну, были хулиганами. А иначе им и нельзя было. Отчаянность и приводила к Победе»⁴.

Вместе с тем, их игровая отчаянность приводила к более быстрому и успешному преодолению травм войны, т.е. к победе внутренней. В данном случае, как представляется, мы имеем дело именно с «мужской» (но в мальчишковом варианте) стратегией поведения в условиях смертельной опасности. Мальчики эпохи войны (как и взрослые мужчины) выходили в открытое пространство боев, но, не имея возможности сражаться по-взрослому, прибегали к помощи игры, укрощая опасность магическим прикосновением к ней.

Чужое и опасное пространство войны осваивалось не только с помощью текстов-заклинаний или прикосновения к нему. Дети пытались сделать его «своим» и с помощью других приемов, способных наладить связи в хаотичном окружающем мире войны. Один из способов включения «чужого» в свою систему координат и

¹ Белицкий А.В. // Дети и война. С. 279.

² Маубах Ф. Указ. соч. С. 167–168.

³ Маубах Ф. Указ. соч. С. 169.

⁴ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 26.

налаживания таких связей — имянаречение. Так получали свои прозвища минометные установки: немецкие — «Ванюши» и советские («свои») — «Катюши». Первые стреляли, как ишаки (по звуку); вторые — как стрелы (полет с шипением)¹. Несущие смерть и разрушение бомбардировщики назывались «гостями». Но «гости» все же «разговаривали» на чужом языке:

«Немцы налетели, вот черной тучей! Самолеты! И вот так гудят: «Ооооооу!» — не по-русски, это я хорошо запомнила»².

Нередкими были случаи гибели детей или получения увечий во время игр с оружием, но опасность не останавливала, а напротив — влекла. Через игру мальчики вновь переживали ситуации пережитой войны, но моделировали их по своему выбору: с неизбежной победой «наших» и попранием врага. Иногда попрание происходило в очень своеобразной форме. Так, сталинградские мальчишки катались с ледяных гор на замерзших трупах немецких солдат. Этими же трупами по вечерам пугали знакомых девочек³. Помимо простого хулиганства здесь явно просматривается манипулирование мертвыми телами врагов в целях получения компенсации за пережитые страхи и унижения в игровой ситуации. Безусловно, такие приемы компенсации возможны были только на территории детства, и практиковали их только подростки:

«...там Ергениевские горы, их возили, они там умирали, сбрасывали их, их не захоранивали. А старшие ребята — это вообще! Вот хоть мы их ненавидели, для нас это дикость была страшная — настолько они их презирали, что вот эти скрученные трупы, они на них катались! Не вру! Вот это для меня было... Ужас до сих пор перед глазами стоит. Вот такое было, что вот эти ребятки, подростки лет 14... вот это было страшно. Как это можно?!»⁴.

В играх «в войну» принимали участие и девочки, но для них это было сопряжено с гораздо меньшей «отчаянностью»:

«Мы уже не играли в куклы и казаки-разбойники, мы играли в войну. Мальчишки все были «нашими», а невидимые «фашисты» стреляли в них и иногда даже «ранили», и тогда я делала им «перевязки»⁵;

«...в игры разные играли. Особенно нравилось нам в войну играть: кто санитаркой, кто и повязки делал с красным крестом, что она там врач или кто; кто партизан, кто немец — делились на две команды, друг друга ловили, куда-то тянули и кого-то допрашивали... Вот то, что от войны было, все показывали. Это все основная наша игра была»⁶.

Для стратегии поведения девочек в условиях опасности характерно как раз стремление «убежать», укрыться:

¹ Сталинградское детство. С. 260.

² Самохина С.Н. // Дети и война. С. 77.

³ «Родина-мать». ТВ-фильм. Режиссер Е. Листова. URL: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=vRz0eS5d-pI (дата обращения 25.06.2015).

⁴ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 72.

⁵ Воспоминания детей военного Сталинграда. М., 2010. С. 130.

⁶ Блинова Л.А. // Дети и война. С. 200.

«Испытывали одни бомбёжки по 17 раз в сутки. Папа работал далеко, его отпускали на 1 день в семью. Когда он приходил, ложился на постель (видно, устал), а нас провожал в бомбоубежище. Однажды я заявила: «Раз папа не идет, то и я не пойду», и забралась под кровать к своей кукле Кате»¹.

Если мальчишеские запасы игрушек чаще всего представляли собой трофеи, добытые на полях недавних сражений (остатки оружия, осколки бомб и пр.), то девичье игровое пространство часто пополнялось за счет даров военнопленных:

«Ходили мы с подружкой за немецкими трофеями (в немецкий госпиталь. — прим. авт.). Записные книжки у них были, нам нравились они. Письма, цветными чернилами написанные находили на белой бумаге. У нас-то все серенькое было. Забирали себе это все, играли потом»²; «Игрушки были самодельные. Помню, что во дворе была найдена немецкая губная гармошка. Я на ней играла»³.

«Мне, например, подарили ромашку — цветок из стружки... Такой цветок красивый! Не крашенный, ничего — белый. Я принесла его домой с такой гордостью»⁴.

«Я дружила с дядей Гансом, носила ему еду, а он играл мне на губной гармошке и все плакал. А потом и его не стало, как не стало и моего братика»⁵.

И в послевоенное время девочки формировали свое игровое пространство другими способами и утверждали через них другие ценности: дома, семьи, будущих детей. Они уходили в свой мир, не желая признавать мир взрослых с его неоправданной жестокостью, а потому наряду с «войнушкой» активно возрождались вечные «дочки-матери», «магазины» и незамысловатые «домики», устраиваемые под столом с помощью покрывала или платка. Возможно, эти игры призваны были также и готовить девочек к освоению жизненного пространства, в котором уже не было войны.

2. Приближение к миру взрослых как одна из форм стратегии выживания детей проявлялось по-разному в разных возрастных группах: от стремления физически слиться с телом матери у малышей до возложения на себя функций взрослых, заботе обо всех членах семьи детьми более старшего возраста. Территорией существования маленьких детей, островом, на котором только и можно было спастись, становилось тело матери, физически ощущаемое ими как гарантия безопасности:

«Я помню, как часами сидела неподвижно в окопе, уткнувшись в мамины колени, и ее тело казалось единственной тонкой перегородкой, защищавшей от царившего вокруг ужаса»⁶.

¹ Лощакова Т.Н. // Там же. С. 184–185.

² Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 205.

³ Интервью с В.Н. Ершовой-Лукиной, 1939 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А. Косова, февраль 2014 г., г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Русина Ю.А. // Дети и война. С. 214.

⁵ Сталинградское детство. С. 261.

⁶ Мы родом из войны. С. 88.

«Вскоре ясное небо полностью закрыли чудовища с крестами. Я, объятый ужасом, закричал, упал на колесо, при этом разбил себе нижнюю губу и побежал искать защиты у матери. Она, только она могла избавить меня от страха... Все то время, пока длилась Сталинградская битва, я боялся и искал защиты у своей такой же беззащитной матери, крича ей: “Мама, мамочка, опять бабмит!”, что означало “бомбит”»¹.

Маленькие дети, не способные оценить и понять обстановку, в буквальном смысле смотрели на мир глазами своих матерей и реагировали на его проявления также как они:

«И в конце, вот это я помню, вопли дикие, холод, голод, это помню. Ужас!!! Вот это мое личное впечатление. Бесперывно вот это вот все смотреть. Смотришь в глаза матери и бабушки, и вот только на них смотришь, все, как они реагируют, и ты так»².

Из числа многочисленных страхов, преследовавших детей Сталинграда (бомбежек, голода, встречи с немецкими солдатами и пр.) для малышей главным был страх потерять руку матери:

«Больше всего я боялся потерять мамину руку. Акцент! Потому что, действительно, все дети этого боялись. Только бы не потерять руку! Ни за подол, и ни за что другое — руку. Вот прямо так сжимаешь...»³.

Если маленькие дети старались слиться с миром взрослых людей (иногда и за счет контактов с советскими и даже немецкими солдатами), то дети-подростки добровольно возлагали на себя тяготы взрослого мира. Причем нередко детям удавалось выполнять «взрослые» функции успешнее, чем их родителям:

«Нервы у мамы начали сдавать. Подчиняясь безрассудным порывам, она принимала решения, которые могли привести к нашей гибели. Во время очередной страшной бомбежки, она повела нас вниз к железнодорожному вокзалу, прикрепив нам на груди бумажные таблички, где были написаны наши имена. Она бежала впереди так быстро, что мы едва за ней поспевали. Недалеко от вокзала увидели, что на нас падает бомба. Я хорошо помню, как ее зловещий силуэт увеличивался в воздухе, и время замедлилось, будто для того, чтобы дать нам возможность рассмотреть ее смертоносный полет. Она была черная, «пузатая», с опереньем. Мама подняла руки к небу и стала кричать: «Деточки! Вот она, наша бомба! Наконец-то, это наша бомба!». Она не хотела больше жить, не могла видеть наши страдания. Мы остались живы и на этот раз, благодаря решительным действиям старшей сестры Марии. Резким движением она швырнула маму и нас в канаву, мы упали, бомба разорвалась неподалеку, но нас даже не ранило. Мы поднялись с земли и быстро побежали в железнодорожное депо, в котором было много людей, спасавшихся от бомбежки. Вечером мы вернулись в свой окоп. С тех пор Мария взяла ответственность за нас на себя»⁴.

¹ Сталинградское детство. С. 71.

² Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 74.

³ Коняхин К.В. // Там же. С. 47.

⁴ Модина И.А. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 87–88.

Пока в городе шли бои, продовольствие добывали в основном матери, или чаще — матери вместе с детьми. После того, как в город вошли немцы, эти функции перешли к старшим детям. Именно они под обстрелом и бомбежками пробирались к Волге или к родникам за водой, делали вылазки к элеватору за горелым зерном, налаживали отношения как со своими, так и с вражескими солдатами, чтобы прокормить свои семьи:

«Чего только не пришлось есть за эти месяцы. Варили с осени траву-лебеду, кто-то сохранил мешок с шелухой от проса. Толик притаскивал куски убитой лошади. Ели кошек и собак. Вездесущий Толик разведал дорогу в Банный овраг, где стоят солдатские кухни. Он уже приносил оттуда кашу. Толик объяснил нам, что выходить из подвала могут только старшие дети. Это значит — Толик, Нонна и я. Женщин могут принять за разведчиц, и полоснет пуля... Ведь мы вблизи переднего края. Сегодня я тоже поползу в овраг»¹.

«Зерно горевшее. И вот только бомбежка начнется, мы идем и не боимся. Если видим, бомба летит над нами, значит, упадет дальше. Шли в это время, потому что хранилище с зерном охранялось, а когда бомбежка начиналась, они все убегают и прячутся. Шли дети, так как в них солдаты не стреляли»².

Именно подросткам приходилось примерять на себя взрослые практики, осваивать взрослую территорию (а это была территория боевых действий), а значит, и подвергать свои жизни наибольшему риску. И если в стремлении детей младшего возраста максимально приблизиться к миру взрослых главным мотивом был инстинкт самосохранения, то подростки, наоборот, нередко рисковали собственными жизнями, пытаясь спасти жизни своих родных. В воспоминаниях о войне зафиксированы такие формы поведения детей, которые предполагали жертвенность, отказ от собственной жизни ради спасения взрослых:

«В подвале дома прятались все жители этого двора. Тетя Дуся тоже была с нами. Она была молодая и красивая. Как-то вечером к нам зашел какой-то военный и наставил на нее пистолет. Мы закричали и загородили ее»³.

«Однажды в Миллерове немцы забрали маму и вместе со всеми женщинами, которых собирались отправить в Германию, отвели во двор большого дома и закрыли ворота. Бабушке стало плохо, мы с сестрой плакали. Папа взял меня и сестру, мы пошли к тому дому, но нас в ворота не пустили. Тогда папа выломал доску в заборе, мы с сестрой пробрались во двор и со страшным криком бросились к маме, вцепились в нее. Закричала мама, закричали все женщины вокруг, а мы со страху кричали громче всех. И случилось чудо: нас троих немцы вытолкали за ворота!»⁴.

«Маму я берегла, боялась, что если ее убьют, то мы с сестренкой пропадем. Поэтому за водой бегала я... Страх потерять маму остался во мне до самой ее кончины»⁵.

¹ Модина И.А. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 98.

² Гриднев Ю.Н. // Дети и война. С. 371.

³ Сталинградское детство. С. 243.

⁴ Свидченко Т.А. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 134.

⁵ Мы родом из войны. С. 66–67.

Подростки, таким образом, в период Сталинградской битвы относились к той категории детей, которые, по сути, детьми уже не были. Огромную роль они играли в обеспечении своих семей продовольствием, работали в госпиталях, ухаживали за ранеными:

«Уже с 16 июля 1942 года город был на осадном положении. Мы уже не учились, в нашей школе разместился госпиталь. Вот мы часто посещали этот госпиталь. Как сейчас помню, все школьники выстраивались по всей Устюжской улице и дружно шли туда. Несли фрукты, овощи, что у кого было. Подсаживались к раненым, беседовали, узнавали, откуда они родом, некоторым помогали писать письма. Вот такая шефская работа у нас была. Кроме этого, нас просили собирать бутылки. Это я уже после поняла для чего. Ведь в бутылки наливали зажигательную смесь, которая потом получила название “Коктейль Молотова”»¹.

«В 1942–1944-м ходили мы в госпиталь, нас туда не пускали, где мама ходила белье забирала. К ней нельзя было. Я у нее потом спрашивала, мол, почему. Она говорит: “Да вы бы в обморок попадали. Все раны открыты, все они стонут, какие плачут, какие в истерике”. Она только заберет это белье: туда-сюда мне мешок сделает, брату, а сама на горб целый мешок. Чтобы мама выстирала все это белье, зимой-то это еще было неплохо, на мороз вытащишь, а там вшей было! Вот когда мы гладили, уютюг нужно было раскатать, такие уютюги были. Так вот, мама завязывала нам лицо марлей, ей давали марлю, потому что вши так трещали под уютюгом!»².

«В госпитале бинты мы стирали, их много. Вот мы их разбирали, сматывали. Картошку привозили. Вот ее мерзлую привезут, и мы ее разбираем — выбираем, какая лучше. Тогда же такие морозы были. Вот и разбирали. Вот помогали, чем могли. Мы тогда умели и шить, вязать. В госпитале мы выступали перед ранеными, когда водичку поднести. Помню, в госпиталь носили, мама тогда кисет сшила, я его вышивала, и потом солдатам относили и выступали перед ними»³.

Некоторые подростки участвовали в боевых действиях, ходили в разведку, спасали раненых и пр.:

«А после пошли в Трясунов сад — там много трупов уже было, бомбили ведь немцы, а наши отходили. Или с Россошки они шли, где 5-й участок МТС? Там и трупы были, и раненые. Потом нас организовал один... До войны он учился в школе и участвовал в духовом оркестре. Вот он нас организовал — давайте раненых таскать. Мы таскали, где улица Пугачёва — сюда стаскивали их на лодку, потом их переправляли на ту сторону моста — мы это не видели уже»⁴.

3. Возвращение к традиционным способам выживания было характерно для мира детства военного времени, так же как и для взрослых. Если в период боев в городе еще удавалось добывать самостоятельно хоть какие-то продукты, то после выселения фашистами мирного населения из оккупированных зон пропитание

¹ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 218.

² Нарышкина А.П. // Там же. С. 449.

³ Масанина А.А. // Там же. С. 452

⁴ Дмитров Л.Г. // Там же. С. 376.

чаще всего добывали традиционным народным способом — прося милостыню. И главными добытчиками, и кормильцами здесь вновь становились дети:

«... в основном, еду приходилось добывать самим. Ходили, просили милостыню в ближайших деревнях»¹.

«Наступили лютые морозы. Еды у нас не было. Отец боялся за мою жизнь, учил меня ходить по знакомым — просить еду. Но часто двери передо мной закрывались, никто ничего не давал. Всем было страшно. Земля и воздух гудели. Слышался грохот взрывов бомб и снарядов»².

«А когда наши были — какие-то консервы дадут нам, хлебушка, каши дадут. Наш домик был напротив столовой, где готовили. Я пойду, папину шапку одену, попляшу немножко. Они меня ждали каждое утро. «Ну, ты придёшь к нам?». «Приду». — «А частушку споёшь?» «Спою!» Вот тут была немного радость»³.

Нередко семьи выживали за счет того, что старшие дети нанимались в работники, или выполняли временную наемную работу:

«Есть совсем стало нечего. Дошло до того, что однажды мама нас отправила милостыню просить по селу. Брат бойкий у нас был. Он никогда не стеснялся, часто ходил, а больше так — зайдет к кому-нибудь и спросит, может, кому дровишек нужно поколоть или ещё что-нибудь сделать. Вот он делает дело, и ему сунут что-нибудь. Пшеницу, хлебушек, тыквы приносил. Я же раз спросила, а мне отказали, и я перестала просить. Очень стеснительная была по натуре. Второй раз какой-то праздник был, все пошли на кладбище, и нас туда мама послала, а я забилась куда-то, ну очень стеснялась, в общем, снова ни с чем пришла. Вот так и жили»⁴.

Вспоминалась (а иногда и заново осваивалась) городскими детьми и подзабытая традиция рождественских «славлений», когда небольшими группами совершались обходы дворов в период Святков с исполнением специальных текстов: ирмосов, кондаков, колядок, щедровок и пр. За это хозяева одаривали славильщиков продуктами и деньгами:

«Умерла бабушка. Жила у чужих людей. Хутор занят немцами. «Наступило 7 января — Рождество. Мы с троюродной сестрой и хозяйской девочкой пошли славить. Кто что нам давал: кто — картофель, кто — лепешку»⁵.

«Один раз в 1941 г. мы пошли славить к Толстовым (соседи), а у них были, стояли военные, раненные. И вышли все, окровавленные. А мы: «Рождество Христово...» — четко с Марией прославили. А они нам по десятке дали, заплакали и сказали: «Дети, Бог есть на свете!» — и заплакали. А все полковники, не лейтенантики»⁶.

¹ Модина И.А. // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 90.

² Там же. С. 203.

³ Бульбулькина А.П. (Игольников) // Дети и война. С. 327.

⁴ Воронцова Е.И. // Там же. С. 221.

⁵ «...горела Волга». С. 248.

⁶ Интервью с Н.А. Ленниковой, 1929 г.р., станица Пичужинская. Интервьюер Я.С. Кострыкина. Материалы этнографической практики студентов ВолГУ, 1999 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

Мы уже отмечали, что в годы войны нередко почти чужие люди объединялись в большие семьи и выживали за счет коллективных усилий и взаимопомощи, обращаясь к опыту традиционных патриархальных семей и русской общинности. Подобные же формы поведения, включая альтруистические, демонстрировали и дети.

4. Девиантные практики выживания дети использовали вслед за взрослыми. Воровство (как у своих, так и у врага) было чрезвычайно распространено, особенно в период оккупации города, несмотря на то, что за это можно было поплатиться жизнью:

«Недалеко от нас была база, и я бегала туда, чтобы взять что-нибудь: консервы украдешь. Ну, тогда не воровали, тогда все брошенное было, а у нас приезжают немцы на машине и начинают шуровать, что есть, все забирают. А я у них воровала. Они пойдут, а я смотрю за этим и как полезу и заберу все, что они у нас забрали... Потом вспоминаются бомбежки, как ходила воровала. Немцы у нас воруют, а мы у них. Ходила на элеватор пшеницу таскала. Мешочек на голову положишь, начнет бомбить, и как картошка из дырявого мешка, так бомбы сыпались, а женщина постарше: «Инка, ты голову прикрыла, а попу нет, оторвет, что делать будешь?» Вот это запомнилось. Воду носили, я жила на Ельшанке, там кирпичный завод, воды мы по ночам брать ходили, из-под земли кружками набирали. Несешь эту воду, а немец тебя встретит или румын, особенно украинцы — что они над нами делали — били палками»¹.

«А чем питаться? В районе депо (вокзала) стояли платформы, загруженные солеными бычьими шкурами. Толстенные такие бычьи шкуры. Вот мы притащим, опалим эту шкуру, а больше есть совершенно нечего было. Это были трофеи немецкие, вот мы их крали. Раз сходили нормально, а второй раз случилось. Ходили-то кто? Мальчишки, брат вот мой и еще один такой же пацан. Второй раз пошли и не дождались, приходим, а он там убитый возле этих шкур лежит»².

Как о «противном, но необходимом» говорил К.В. Коняхин, вспоминая, как сталинградские мальчишки обыскивали тела мертвых вражеских солдат, добывая одежду, продукты и такие жизненно необходимые в полностью разрушенном городе мелочи, как иголки, ножницы и пр.:

«Сталинградская битва завершилась. В феврале немцев, которые были на Дежевке, или поубивали, или... Кстати говоря, наверное, поубивали, потому что там было поле боя. Мы пацанами лазали там по полю, шерстили-шустрили по этим рюкзакам у убитых. мехом отделанная крышка такая, это, оказывается, егери. Вот у рюкзака крышка меховая откидывается, и на камнях можно спать. Вот такие я рюкзаки вспоминаю. Там попадались ножнички, попадались иголки, коробки со сливочным маслом, которые закручиваются. Это было противно, но необходимо. Я слабо помню свои ощущения. Но, конечно, противно. Они еще замерзшие были — февраль месяц»³.

Детям приходилось не только выживать в условиях войны, но и преодолеть ее травматические последствия после ее окончания. Память о пережитой

¹ Интервью с И.К. Казменкиной, 1928 г.р. Интервьюер Е.А. Михеева // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Панченко Ю.Н. // Там же. С. 294.

³ Коняхин К.В. // Там же. С. 48.

войне и связанных с ней детских страхах могла настичь в самый неожиданный момент, например, при виде крови или резком звуке:

«Я после войны очень боялась крови. Уколы даже не всегда мне делали — я теряла сознание. На участке как-то пошли копать, я загнала под ноготь занозу и потеряла сознание. Мне так стыдно и неприятно было, что я такая слабая и больная какая-то. Долго еще так было. И сейчас иногда даже. Еще боялась резких звуков. Затормозит машина, затормозит велосипед — я бледнею и могу потерять сознание. Всё из-за бомб. Эти звуки преследуют меня до сих пор. Их нельзя перебороть и привыкнуть к ним тоже нельзя»¹.

«Настолько потрясли все эти события, что я лет в 14, когда уезжала к настоящему своему отцу (обнаружился он случайно) в Ташкент, по приезду увидела немецкий самолет в небе. Я в таком ужасе была! Думала, с ума сойду! Бросилась на землю, закрыла голову, а подружка кричит через забор: “Это съемки идут фильма о войне!” Инстинкт сработал»².

Долгое время преследовали детей, переживших войну, сновидения, отражающие травматический опыт:

«Сталинградская битва еще раз догнала меня, когда я уже училась в институте. Однажды увидела во сне со свистом летящую на меня бомбу. Казалось, что за секунду до взрыва я проснулась. Больше нормально спать не могла. Каждую ночь или на меня летела бомба или в меня стреляли из автомата. Меня обследовали профессора, делали снимки головного мозга, созывали консилиумы, лечили в больницах, прописывали различные уколы, но бомбы все летели и летели, а автомат все стрелял и стрелял. Это продолжалось 15 лет. Потом война перестала сниться. Я знаю многих, переживших Сталинградскую битву, кого последствия тех перенесенных страданий сделали инвалидами»³.

Почти никогда не разговаривающие о войне, о пережитом, нередко замкнутые в себе, занятые с утра до позднего вечера на производстве, взрослые не могли помочь детям справиться с травмами войны, с ее тяжелыми психологическими последствиями. Стремительно идеологизирующаяся школа, первоначально предложившая учащимся писать сочинения о пережитой войне, очень скоро отказалась от этой затеи и стала предлагать в качестве образчиков коллективной памяти заранее подготовленные и отшлифованные партийным аппаратом заготовки (биографии героев-пионеров, рассказы ветеранов войны и пр.). Так одна из наших информантов рассказывала, что очень тяжелым воспоминанием о войне для нее (тогда четырехлетней девочки) стал увиденный налет немецких самолетов на советский госпиталь, перевезенный с правого берега Волги на левый. Подоженные с воздуха зажигательными снарядами горели скирды и укрывавшиеся в них раненые. Испытанный ею в том момент ужас мучил много лет, и когда в школе предложили написать сочинение о войне, она описала именно этот случай, оставивший в ее психике тяжелый травматический след:

¹ Живаева З.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 288.

² Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 206.

³ Баринаева Н.М. (Певнева) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 16.

«...там выгрузили с эшелона тяжело-больных, в гипсах, неподвижные почти все. Их разложили под скирды, поудобнее чтоб было, там много скирд стояло. А бомбежка началась, они сообразили, сволочи, что надо зажигательными, и подожгли. О-о-ой, кошмар был!! Стога горели. Раненые горели. А они сверху еще расстреливали в упор из пулеметов. И вот после этого я уже плохо помню... И вот самое сильное впечатление от военного времени — это горящие скирды, я сама не видела их как следует, издали показали, что там сгорело... Нас старались взрослые все-таки огородить. Я потом писала сочинения на эту тему, поэтому что-то такое в голове осталось. Этот ужас! Нам предложили в школе написать о войне, и я описала этот эпизод, когда горели скирды с ранеными. Может быть это не то, что от нас ожидали, но я написала именно про это, потому что для меня это было самое страшное воспоминание о войне. Горящие скирды и горящие люди — раненые»¹.

Показательны в этом тексте слова о том, что школа явно ждала другого от детских сочинений о войне. Однако и в семьях дети чаще всего не имели возможности высказать близким свои переживания; война почти не обсуждалась и редко вспоминалась и взрослыми членами семьи. Во многих записанных нами воспоминаниях о послевоенном детстве информанты свидетельствовали о том, что в их семьях «взрослые вслух никогда ничего не обсуждали». Некоторые говорили о связанных с этой темой страхах («за это сажали»). Нередко взрослые приказывали детям никогда не поднимать в разговорах (особенно в школе) некоторые темы: пребывание на оккупированных территориях и концлагерях, наличие родственников, бывших в плену и пр. Однако не только страх перед спецорганами замыкал уста пережившим войну.

Травматический опыт антропогенных катастроф в последние десятилетия стал пристально исследоваться психологами разных стран. Обращали они внимание и на формы взаимодействия двух поколений (переживших войну во взрослом возрасте и в детском), делая вывод о том, что дети войны, получившие травмирующий опыт, оказывались в особых «нарциссических» отношениях со взрослыми, так как по мере их взросления происходило не формирование самостоятельных личностей с собственной идентификацией, а «функционализация их для психически не переработанной истории поколения родителей»². Однако, если экстраполировать эту мысль на советскую послевоенную действительность, то оказывается невозможным объяснить феномен «шестидесятников», отчетливо и ярко показавших и наличие собственной идентичности, и самостоятельную жизненную позицию, и собственное видение войны.

Совершенно очевидно, что всеобщее молчание было связано не только и не столько со страхом перед системой. Возможно, речь должна идти о нежелании вновь погружаться в пережитые тяжелые испытания или о простой невозможности выразить пережитое обычными словами. Так, Ф. Болл полагает, что в рассказ не только невозможно вместить травмирующий опыт, но, более того — рассказ о

¹ Русина Ю.А. // Дети и война. С. 212–213.

² Болебер В. Воспоминания и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2602> (дата обращения: 22.08.2015).

травме может быть определен как рационализированное оправдание произошедшего¹.

Наконец, не только официальные структуры, но и само общество определяет область и границы того, о чем можно говорить, используя систему ограничений и табуирования. Эта позиция советского послевоенного общества может быть выражена словами: «о пережитых на войне страданиях рассказывать не принято». Дети, пережившие войну, оказались вписанными в эту систему взаимоотношений, предлагаемую взрослыми, но тем не менее широко использовали свои собственные практики преодоления последствий войны, среди которых, как и в военное время, первоочередное место отводилось играм, широко использовались возможности детского фольклора, творчества, спорта и пр.

Таким образом, как показали проведенные исследования, дети в условиях войны не были лишь безучастными ее жертвами, а выступали в качестве носителей собственных стратегий и практик выживания, вырабатывали свои адаптационные механизмы и системы ценностей, помогавшие справляться с экстремальными ситуациями на войне и преодолевать их последствия в послевоенное время. Некоторые из этих механизмов и практик представляли собой копирование детьми поведения взрослых, были связаны с вынужденными или вполне добровольными практиками возложения на себя несвойственных детям ролей и функций, в том числе и девиантных форм поведения. В то же время детский мир активно вырабатывал и собственные, именно детские практики преодоления войны: игры, фольклор, рисование. Что касается взрослых, то, активно борясь за сохранение жизни и здоровья детей в условиях войны, они, как правило, не могли оказать существенной помощи детям в процессе преодоления ее травматических последствий.

¹ Boll F. Sprechen als Last und Befreiung. Holocaust-Überlebende und politisch Verfolgte zweier Diktaturen. Ein Beitrag zur deutsch-deutschen Erinnerungskultur. Bonn, 2001.

Глава 5

КУЛЬТУРА ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

5.1. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МИР ВЕЩЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

В последние годы военная повседневность все чаще становится предметом специального исследования¹. Обращающиеся к этой теме ученые отмечают, что для советского человека, почти постоянно живущего в условиях чрезвычайности и экстремальности, оказываются сдвинутыми рамки таких понятий, как «норма» и «аномалия», а само нормальное существование становится роскошью². Эта особенность восприятия жизни и отношения к ней сохраняется на долгие годы, нередко определяет судьбы целых поколений, особенно тех, чье детство пришлось на экстремальное военное время. Война действительно вызвала очередную волну кардинальных социокультурных трансформаций в советском обществе, связанных в том числе и с изменениями ценностных ориентиров и предпочтений. Однако в обществе не только изменялись представления о «норме» и «аномалиях», но и вырабатывались механизмы преодоления этих «аномалий», связанные как с социальной сферой (например, возрождение духа коллективизма и взаимопомощи), так и с культурой повседневной жизни, которая, помимо ежедневно применяемых стратегий и тактик выживания (рассмотренных нами в 4 главе), включает в себя также окружающую человека сферу быта, наполненную привычными вещами, не только обеспечивающими физическое существование человека, но и структурирующими пространство, дающими возможность для познания и осмысления окружающего мира. В то же время посредством вещей выстраиваются и определенные взаимоотношения между людьми, а сами вещи позволяют проследить изменения аксиологических предпочтений общества и его социальных структур. Именно человек, по словам Ж. Бодрийяра, заставляет абстрактный набор окру-

¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000; Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций и др.

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 7.

жающего его множества функционально разобщенных вещей существовать в едином функциональном аспекте, перевода вещи-элементы из технологической структурности в сферу вторичных знаний, от технологической системы — в системы культуры и социальности¹. Эти структуры с неизбежностью будут изменяться в исторической перспективе, отражая изменения, происходящие как в сфере технологий, так и человеческих отношений.

В последнее время отечественные исследователи, обращаясь к анализу особенностей отношений, возникающих между людьми по поводу вещей, все чаще используют типологию, предложенную В.Б. Голофастом². Рассматривая динамику отношения людей к вещам в исторической ретроспективе, он выделил три последовательных этапа (режима). В рамках первого, характерного, по его определению, для традиционных и раннеиндустриальных обществ, отношение людей к вещам складывается в ситуации дефицита: вещи являются коллективной ценностью, превращаются в условие идентичности, символизируют не только личный жизненный опыт человека, но и его социальной группы. В этом режиме вещи одухотворялись, были не только фундаментом привычного окружения, но и итогом жизни, выразителями ее смысла. Отношение к вещам при таком статусе могло быть только бережным, почти трепетным, связанным с выделением значительного количества времени на их обслуживание, с передачей их от поколения к поколению. Во втором режиме, связанном с развитым индустриальным обществом и массовым производством, вещи перестают быть дефицитом, они стандартизируются («обездушиваются») и отношение к ним становится ситуативным, связанным с регулярной их заменяемостью. Для третьего этапа/режима характерна тенденция к развеществлению жизни³. Особенности первого режима В.Б. Голофаст показал на примере советского общества с его стилевым однообразием и тотальным дефицитом, порождающим, в свою очередь, бережное отношение к вещам, переходящее в «непрекращающееся потребление».

Предложенная В.Б. Голофастом типология построена с учетом имеющегося на сегодняшний день многообразия суждений о мире вещей и системе их потребления в разные эпохи, включая оценки, данные, например, Т. Вебленом, Ж.П. Бурдьё, Ж. Бодрийяром и др.⁴, но при этом, как представляется, для нее характерно несколько упрощенное видение не только мира вещей в традиционных культурах, но и самого механизма формирования взаимоотношения людей по поводу вещей.

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. URL: [srph.ru/library / Бодрийяр Ж / Система вещей / bodriyar-thing-main.htm](http://srph.ru/library/Бодрийяр_Ж/Система_вещей/bodriyar-thing-main.htm) (дата обращения: 11.03.2015).

² См., например: Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск, 2010. С. 497–514; Фомина О.В. Эволюция отношения человека к вещи в XX–XXI веке. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/41/template_article-ar=K21-40-k33.htm. (дата обращения: 11.09.2015).

³ Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 58–65.

⁴ См., например: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993; Бурдьё П. Начала. М., 1994; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с франц. и вступит. статья С.Н. Зенкина. М., 2000; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

Статус и функции вещей в традиционных культурах детально анализировались отечественными этнологами и культурологами¹. Они акцентировали внимание на том, что принципиальные особенности функционирования вещей в архаических культурах связаны с процессом изготовления, в ходе которого воспроизводилась ситуация первоначального создания их высшими силами². Технологии изготовления вещей относились к области сакрального, а потому наделялись особым статусом и обладали семиотическими функциями и сами вещи. В традиционных культурах они сочетали в себе семиотичность и утилитарность.

Заметим, впрочем, что высокий семиотический статус вещь (понимаемая как любой неодушевленный предмет) могла получать и другими способами. Например, талисманом, фетишем становилась вещь найденная (находка трактовалась как дар Божий, как знак судьбы), отобранная у поверженного врага (вместе с ней новому владельцу переходила его жизненная сила), взятая тайком, украдкой (то же символическое присвоение себе чужой споры, удачи, силы) и пр. Во всех этих случаях оказывается воспроизведенной ситуация «порога», соприкосновения миров – повседневного и сакрального, на стыке которых и происходит «включение» сакральности.

Понятие же дефицита и связанное с ним особое отношение к вещам человеку традиционной культуры вряд ли было знакомо в силу того, что даже в условиях явной ограниченности материальной сферы жизни он умел не только обходиться, но и довольствоваться существующим их набором. Во всяком случае, отнюдь не дефицитность вещи определяла ее статус и функции, а особенности создания (понимаемые как сакральный акт) или получения (от высших сил). Способы перекодировки вещи могли быть разнообразными, но сам переход статуса вещи от повседневного к сакральному определялся, в первую очередь, запросами самого общества, желающего проявить «на шкале семиотичности явлений, искусственно созданных человеком»³, скрытые в ней возможности быть знаком или собственно вещью (в зависимости от ситуации, например, обряда или рабочих будней). Исключение могли составить экстремальные ситуации (голод, война и пр.), когда мощно включался внешний фактор, но об этом речь пойдет далее.

Конечно, отношения людей к вещам зависят и от их количества, но даже в рамках господствующего вещевого дефицита они могут существенно различаться, определяться нравственными или идеологическими установками самого сообщества или его части, в том числе и официальными структурами. Так, в условиях ограниченного производства и жесткого нормированного распределения вещей, которые господствовали в советском обществе, в первые послереволюционные годы, в 1920-х и 1930-х гг., отношение к вещам было разным: от пренебрежительного сначала, связанного с идеологией «бытового аскетизма», до уважительного и бе-

¹ См., например: *Байбурин А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–101; *Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Там же. С. 89–101.

² *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 64.

³ Там же. С. 71.

режного в условиях формирования сталинского «большого стиля»¹. В 1930-е гг. происходила переоценка революционных ценностей и обращение к клеймимым ранее в качестве мещанских идеалам уюта, красоты и комфорта². В этот период формировалось, а вернее, конструировалось не просто толерантное отношение к вещам, но именно отношение к ним как к безусловным ценностям. Однако ценность вещей в это время определялась совершенно иначе, чем в традиционном обществе. Она была связана не с особенностями ее производства, а с количеством и особенностями распределения, т.е. в данном случае определялась тем самым пресловутым дефицитом, социальной структурой советского общества и системой жесткого нормирования. Как и в традиционной культуре, в раннеиндустриальном обществе вещь обладала и утилитарной, и семиотической функцией, но последней она наделялась в силу других оснований и давала возможность определить социальный статус ее обладателя как держателя чего-то редкого и не доступного для всех, но полученного не от сверхъестественных сил, а именно в силу статуса, позволяющего расположиться вблизи от общей «кормушки». В данной ситуации вещи, действительно, нередко становились «итогами жизни, выразителями ее смысла», чего не было в традиционных культурах, носители которых совершенно иначе понимали и смысл жизни, и смысл вещи.

Наконец, в предложенной типологии не нашлось места режиму экстремальности, который с неизбежностью формируется в любом обществе в условиях антропогенных катастроф. В последнее время стали появляться работы, направленные на изучение особенностей функционирования вещей в условиях Великой Отечественной войны³, но тема эта еще только начинает разрабатываться. Возможность обращения к этой проблеме дают воспоминания тех, кто пережил Сталинградскую битву в детстве.

На долю жителей Сталинграда, не сумевших эвакуироваться и оставшихся в воюющем городе, выпали тяжелые испытания, связанные с мощными бомбардировками, направленными на уничтожение мирного населения, уличными боями, оккупацией, голодом и последующей депортацией. Мгновенная смена картины окружающего мира, полный крах привычной системы жизнеобеспечения стал уделом тех сталинградцев, которые оставались в городе накануне августовских бомбовых ударов 1942 года. А.С. Чуянов, за несколько минут до начала бомбардировок проходивший от обкома партии к Волге, описал в своих воспоминаниях обычную городскую толпу, состоявшую из домохозяек и их детей, спешащих на базар⁴. В этот воскресный день в городе работали не только промышленные предприятия, но почти все прочие городские учреждения. Многие женщины и дети оставались дома, не слишком обращая внимания на ставшие привычными звуки

¹ См.: *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 68, 134–164.

² См.: *Гурова О.* От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. статей. Новосибирск, 2005. С. 12–16.

³ См., например: *Тажидинова И.Г.* Ценность вещей: измерение военного времени; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. С. 139–183.

⁴ *Чуянов А.С.* Сталинградский дневник. Волгоград, 1979. С. 150.

воздушной тревоги. А вот как описывается положение сталинградских семей к вечеру 23 августа или в последующие дни в воспоминаниях тех, кто сам пережил эти события:

«23 августа распоряжение Гитлера: “Стереть с лица земли Сталинград”/ <...> Вот он бомбил. Бомбил 10 дней по тысячи самолетов! Представляете, что это было? Это был ад! Это был ад! Было страшно, мы жили под огнем. Я даже удивляюсь, как мы выжили. Наш дом был разрушен, и все 150 человек прятались в подвале. Подвал был приспособлен под бомбоубежище. Ну, как приспособлен? Столбы поставили с распорками, чтобы они держали потолок, и все. Мы, когда дом горел, вышли, стоим на углу. Мы жили напротив института городского хозяйства. И вот стоим на углу, ноги жжет, а не знаем, куда идти! Все 150 человек. Вокруг были частные дома и деревянные, и они все горели. Он бомбил и зажигательные бомбы бросал. Весь город горел. Главное, там, где остановка Бакинская, стояли две больших цистерны с горючим. И оно потекло по Волге, и такое впечатление было, будто Волга горела. Кругом огонь, а мы стоим и не знаем, куда идти. Потом один парень обнаружил подвал такой же и говорит: “Идите сюда”. Мы пошли туда, дождались, пока наш дом перегорит, остынет, и мы сможем перейти в свой подвал»¹.

«23 августа... Улицы охвачены огнем. С мамой, тетей и двоюродной сестрой пробирались к Волге. На следующий после бомбежки день вернулись к своему дому. Но от него осталась только одна печка, на которой висел папин велосипед. Конечно, мы просто сели и завывали от горя...»².

«Как ни было страшно, стали выбирать из подвала. Дом, уже разрушенный, горел. В трех местах зияли провалы от фугасных бомб. Одновременно немецкие летчики сбрасывали зажигательные бомбы. Все жители нашего подъезда жались друг к другу, а я стояла одна в оцепенении. Жили мы на первом этаже. Я стояла и смотрела, как языки пламени вырвались из нашего окна. А в комнате были приготовлены три узелка с одеждой и документами, чтобы пойти на переправу, когда вернется домой мама и тетя Оля»³.

«В сопровождении бойцов люди подходили к развалинам своих домов и что-то вытаскивали. Нам вытаскивать было нечего. Мама нашла только крышечку от пудреницы»⁴.

«Во время бомбардировок и налетов прятались в овраге около дома в пещерке с несколькими семьями, сидели вприсядку, так как места было очень мало. А когда после налетов вернулись домой, то увидели, что дом сгорел. Остались, в чем были, а это было 4 октября... Холодно. Лил проливной дождь. Все раздетые»⁵.

Массированные бомбардировки города продолжались до 29 августа. В течение этих нескольких дней коренным образом изменилась жизнь тысяч людей, сумевших спастись в этих условиях: они остались без жилищ, одежды, продуктов и многих привычных вещей, составлявших их устоявшийся довоенный быт. После этого последовали долгие месяцы пребывания в пещерах, «щелях», подвалах домов в условиях постоянной угрозы стать жертвой бомбежек, артобстрела, улично-

¹ Говоркова Л.К. // Дети и война. С. 163.

² Сталинградское детство. С. 106.

³ В.В. Ефимова (Кривцова). Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 48.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Сталинградское детство. С. 100.

го боя или произвола оккупантов. Воду и скудные продукты приходилось добывать, постоянно рискуя жизнью. Сами сталинградцы в своих воспоминаниях называли этот период жизни «подвальным» или «пещерным». В условиях практически полного разрушения привычного уклада жизни с неизбежностью происходили процессы деструкции, связанные не только с разрушением привычных социальных систем и систем жизнеобеспечения (таких как дом, семья и пр.), но и с актуализацией так называемого синдрома архаизации, с изменением поведенческих стереотипов (см. гл. 4), вещной среды и всей культуры повседневности.

Как показали исследования различных «экстремальных сообществ», архаизация общественного сознания непосредственно оказывается связанной с процессом десоциализации, формы которой, на примере солдат российской армии, выделены К.Л. Банниковым¹. Их наложение на повседневность горожан в условиях Сталинградской битвы дает следующую картину: происходила изоляция от внешнего мира; постоянное общение с одними и теми же людьми; утрата прежних идентификаций, осуществляющихся ранее через символы вещей (дома, одежды и пр.); замена прежней индивидуальной обстановки на новую, обезличенную (совместное с чужими людьми обитание в подвалах, «щелях», пещерах); отвыкание от прежних индивидуальных привычек, ценностей, обычаев, привыкание к новому.

Поскольку люди, пережившие антропогенные катастрофы, далеко не всегда (или почти никогда) не могут сами дать четкую и ясную оценку произошедшим в обществе в этих условиях изменениям (появление новых общественных установок и оценок, новых социальных практик), то именно обращение к миру вещей нередко дает исследователю возможность осуществления такого анализа. Иногда полстраницы описания того, как мать и ее дети сражались с вооруженным румынским солдатом, пытаясь отстоять обычное шерстяное одеяло, (спасавшее сидящих в «щели» детей в условиях холодной сталинградской осени)², может дать гораздо больше информации к размышлению, чем попытка заставить интервьюируемого сформулировать ответ на вопрос: «Как был организован быт Вашей семьи во время войны?» Заметим, кстати, что у некоторых наших информантов этот вопрос вызывал бурную негативную реакцию.

Как показал анализ собранных нами материалов, в тяжелейших условиях Сталинградской битвы происходило резкое увеличение ценности вещей и формирование особого отношения к ним:

«Я помню, как отец, мама и я решили отправиться в город на нашу улицу. По тропкам среди минных полей пришли к месту, где стоял наш дом. Перед нами была горка обгоревших обломков. Но каково же было наше удивление, когда, покопавшись на пепелище, мы нашли свою печную духовку и в ней обнаружили наш самовар и две эмалированные тарелки. Надо же — сохранились! Все,

¹ Банников К.Л. Принципы культурогенеза в режимных сообществах. Социально-антропологический анализ российской армии второй половины XX века: автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 13, 41.

² Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 29.

что осталось от прежней жизни. Мы принесли их домой с таким чувством, будто обрели богатство»¹.

В памяти наших информантов на долгие годы сохранялись эпизоды утраты вещей в военное время, они помнили их цвет и качество тканей, из которых они были изготовлены: оставленный на стуле и взятый немецким солдатом «вязанный разноцветный шарф», «шелковая косынка в горошек», сдернутая другим вражеским солдатом с шеи матери и пр.

В военное время менялись и практики пользования вещами. Бережливость и коллективное пользование одеждой, характерное и для предвоенного времени, усилились еще в большей степени. Одежда становилась предметом «непрекращающегося потребления», ее передавали от старших к младшим и не только родственники, но и соседи. Эта ситуация сохранялась и по окончании Сталинградской битвы, и в послевоенное десятилетие. Формировалось и особое отношение к еде: чрезвычайно бережное, но сопряженное с ее обязательным и строгим разделом.

Война повлияла не только на отношение к вещам, но и на способы их добычи. Именно добыча, а не простое приобретение стало ключевым понятием в практиках выживания военного времени. Государственное обеспечение горожан одеждой и продовольствием осуществлялось через сеть магазинов, продававших ее, начиная с 23 августа 1941 г., по системе нормированного снабжения, т.е. по карточкам. Нормы снабжения были дифференцированы, осуществлялись по четырем группам: рабочие и приравненные к ним лица; служащие; иждивенцы и дети в возрасте до 12 лет. Одежду и продукты можно было приобретать и без карточек в коммерческих магазинах, но стоили они в них дорого, а ассортимент был ограничен. С началом военных действий в Сталинграде снабжение населения промышленными и продовольственными товарами полностью прекратилось, а после их окончания в условиях сплошного дефицита главным местом их приобретения стали городские рынки — *толкушки (толчки)*. По словам наших информантов, купить (или выменять) там можно было абсолютно все, начиная от довоенных вещей и заканчивая трофейными, но и стоило все очень дорого.

Практики добычи одежды как части военных трофеев были непосредственно обусловлены войной. Добывали их и сами мирные жители Сталинграда, привозили с войны воевавшие родственники. Отдельные элементы военной формы получали широкое распространение в тылу, включая одежду детей.

В условиях экстремальности и актуализации «архаичного синдрома» происходил и определенный культурный откат, деградация и материальной сферы жизни, и связанных с ней социальных практик. Так как основные усилия сообщества затрачивались на сохранение жизни его членов, распространялись различные аномалии в сфере повседневного выживания: употребление в пищу отходов, мяса и шкур павших животных, глины, жмыха; приспособление под жилье лестничных пролетов разрушенных зданий, сараев; ношение одежды, снятой с мертвых и пр. Однако и в этих условиях городскому сообществу удавалось определять границы аномалий и допускаемых девиантных социальных практик:

¹ Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 179–180.

«Вдоль дорог мы видели множество трупов, и те из нас, кто оказывался после бомбежек и пожаров без одежды, вынуждены были снимать одежду с мертвых»¹.

«Многих пораздевали, одеваться не в чего было, и люди уже успели пораздеться. У нас мама говорила: “Никогда не берите, это слезовое”»².

Нередко речь должна идти не только о вынужденном, но и о сознательном обращении сообществ к опыту архаики, забытым традициям, дающим в новых условиях лучшие возможности и простого выживания, и сохранения социальной целостности и культуры. Так, в условиях военного Сталинграда возрождались не только стратегии выживания, опирающиеся на опыт преодоления экстремальных и кризисных ситуаций, который веками формировался в русской народной среде (совместное ведение хозяйств и совместное проживание, соседские взаимопомощи, работа по найму, «хождение по миру» и пр.), но и практики первичного производства. С опорой на прежние традиции натурального хозяйства организовывалась повседневная жизнь горожан с четким разделением внутрисемейных обязанностей (обычно по половозрастному признаку). Именно в семьях в военное время стали производить большую часть необходимых для жизни вещей (продуктов, одежды, утвари), вспоминая подзабытые навыки отцов и дедов.

Становлению почти натурального хозяйства в военном городе во многом способствовал значительный массив так называемого частного сектора и сохранявшейся связи части горожан с традициями сельской местности. По возвращении в разрушенный город жители активно развивали домохозяйства с бахчами, огородами, домашними животными, вспоминали забытые промыслы и домашние производства. В семейном хозяйстве производили не только одежду и обувь, но также мебель, утварь, орудия производства. Для их изготовления нередко использовали то, что оставила городу в наследство война: корыта и тазики делали из металлических корпусов военной техники, кружки и ложки из самолетного алюминия, ступки их снарядных гильз и пр.

Примером такой архаизации, характеризующейся воссозданием натурального хозяйства в отдельно взятой семье в период войны (правда, проживающей в тылу, в Казахстане), приводит в своей книге, основанной на детских воспоминаниях, писатель А.П. Чудаков:

«Выращивали и производили все. Для этого в семье имелись необходимые кадры: агроном (дед), химик-органик (мама), дипломированный зоотехник (тетя Лариса), повар-кухарка (бабка), черная кухарка (тетя Томара), слесарь, лесоруб и косарь (отец).

Умели столярничать, шить, вязать, копать, стирать, работать серпом лопатой. Бедствиям эвакуированных не сочувствовали: “Голодаю. А ты засади хотя бы сотки три-четыре картошкой, да капустой, да морковью — вон сколько земли пустует! Я — педагог! Я тоже педагог. Но сам чищу свой клозет”. Самой низкой оценкой мужчины было: топора в руках держать не умеет. В этой стране, чтобы выжить, все должны были уметь все делать»³.

¹ Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 126.

² Феклистова А.В. // Дети и война. С. 167.

³ Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М., 2001. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=5916> (дата обращения: 23.06.2015).

Далее следует перечисление (с подробными описаниями технологий) всего того, что производилось в этой семье: огромный ассортимент овощей и фруктов, молочных продуктов, патока (заменяющая сахар), бечева, веревки, валенки, сапоги, полушубки, термометр, непромокаемый плащ и т.д. Весьма показателен и диалог, состоявшийся по прошествии времени между повзрослевшим главным героем книги и его отцом. Последний не разделял восторгов сына по поводу того, как насыщенно жила и трудилась семья в своем натуральном хозяйстве, вспоминая лишь тяготы повседневного рутинного труда. Для сына же этот период жизни их семьи был отнюдь не культурным откатом назад, а «своеобразным творчеством», в котором он ежедневно постигал окружающий мир природы, тайны ее преобразования и особое отношение к каждой, рожденной в результате этого творческого преобразования вещи¹.

В условиях военного времени изменялось соотношение функций вещей со смещением в сторону утилитарности. Однако способность вещи быть знаком, позволяющим, в первую очередь, идентифицировать «своих» и «чужих» (поскольку от правильности такой идентификации нередко зависела сама жизнь), а также выполнять другие семиотические функции не исчезала полностью. Пока оставался живым человек, сохранялась или вновь открывалась знаковая сущность вещи. Только глубина понимания этой сущности оказывалась в экстремальных условиях войны иногда почти бездонной, так как нередко соотносилась с дихотомией «жизнь-смерть», возникающей в так называемых пороговых ситуациях.

Так, на основании воспоминаний о сталинградском детстве удалось выявить еще один (помимо описанных выше) способ сакрализации вещи: она мгновенно переходила из разряда обычной (повседневной) в разряд сакральной и превращалась в реликвию (которую потом хранили в течение всей жизни), если оказывалась каким-то образом связанной с ситуацией спасения жизни. Например, превратилось в семейную реликвию (которую впоследствии хотели сдать в музей) то самое одеяло, спасшее ребенка от мороза, за которое сражались, рискуя жизнью²; была сдана по окончании войны в музей-панораму «Сталинградская битва» обычная мясорубка, благодаря которой выжила целая семья (с ее помощью перемальвали и ели то, что не употреблялось в пищу в мирное время, например, зерно, жмых, шкуры животных и пр.)³. Еще более удивительный случай перекодировки представлен в воспоминаниях о том, как реликвией советской семьи стал бокал с фашистской символикой. В данном случае в «пороговой» жизненной ситуации произошел переход вещи-знака из одной системы ценностных координат в другую, а фашистская символика уже не играла роли, так как была перекрыта символом онтологического масштаба:

«Дальнейшие события вспоминаются с трудом, так как в семье запрещено было говорить о годах оккупации. Со слов моей мамы: доехав до границы Польши, поезд стоял сутки, затем команда “строиться колоннами”. Все поняли — колоннами ввели на расстрел. Офицер обращает внимание на плачущую девочку (не

¹ Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени.

² Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 29.

³ «... и горела Волга». С. 245.

знаю, почему, там все ревели от страха), которая просит пить. Дает белый бокал с жидкостью и в один миг кидает меня и брата в крытую машину, где находились вещи расстрелянных в колонне людей. Мы были чудом спасены. В память о добром немецком офицере у нас в семье хранится этот белый бокал со свастикой на доньшке как реликвия и напоминание о спасении»¹.

Вещь могла стать реликвией для маленького мальчика, если оказывалась связанной с первой увиденной им близко и тяжело пережитой смертью, а также в силу того, что становилась символом почти родственной связи солдата с ребенком, установленной в последние минуты жизни, когда он вспоминал о собственном сыне:

«Как-то глубокой ночью к нам в подвал солдаты занесли раненого товарища. Помню, что это был молоденький солдат. Он лежал на белом полушубке, его грудь была обнажена, а под соском левой груди была маленькая капля крови. Солдат этот, как оказалось, был разведчик. Он дышал часто и прерывисто. Я подошел к нему, он в это время открыл глаза, увидел меня и дрожащей рукой из кармана гимнастерки достал маленькую ложечку. Солдат дал мне ее, сказав, что на память. Еще он успел сказать, что у него дома остался такой же сын. После он судорожно вздохнул несколько раз, из его глаз побежали слезы, и он умер. В ручке ложечки было маленькое отверстие, которое пробил осколок, ранивший солдата. Товарищи оставили его у нас и ушли, а утром, на рассвете началось Сталинградское наступление. <...>

Ложечка долгое время хранилась у нас дома. Я ею очень дорожил, но позже она затерялась. Еще я до сих пор помню глаза того солдата: голубые-голубые, под цвет нашего русского цветка василька и чистого неба России. Эти два эпизода — начало и конец Сталинградской битвы — запомнились мне на всю оставшуюся жизнь»².

В ситуациях экстремальности нередко происходил возврат к первичной сути вещей: жилище превращалось в убежище, и его оценивали только по качествам прочности, способности укрыть от бомбежек; одежда также в первую очередь выполняла защитную функцию. Но нередко раскрывался по-новому и сакральный смысл привычных вещей. Это происходило, например, с детскими игрушками, сохранившимися от довоенной жизни. В новых условиях они становились не просто символами прежней, мирной жизни (как это было зачастую у взрослых по отношению к каким-то вещам), им возвращался их истинный древний статус ритуальных предметов. В жизни детей войны игрушки мирного времени становились талисманами (оберегами), способными, по их представлениям, спасти не только от одиночества, но и от самой смерти:

«На берегу Волги было так много людей, что он был похож на огромный муравейник. Грузились ночью. Я вздремнула у мамы на коленях и выронила гуттаперчевого Генку, которого так бережно несла от “Красного Октября” до переправы. Меня охватил ужас. Я стала шарить по земле руками, но потерю найти было невозможно. В толпе меня чуть не задавили, а мама еле вытащила

¹ Сталинградское детство. С. 158.

² Там же. С. 72.

меня оттуда. На душе было тяжело, будто с потерей Генки я навсегда рассталась со своим детством»¹.

Оскудение мира вещей в условиях экстремальности иногда давало и удивительный (хотя и непродолжительный) эффект освобождения от их повседневного гнета как показателей постоянных показателей социального статуса и материального положения человека:

«Одевались мы тогда все в старье. Мама вручную шила, машинки не было. Я об одежде даже не задумывалась. Кто в войну хорошо одевался, то мы тех даже презирали. У нас была одна девочка, папа у нее на фабрике работал, так она лучше других одевалась, и мы к ней как-то с презрением относились. Никаких нарядов не было. Я так была воспитана, что сильно никому не завидовала...»².

Хотя, конечно, гораздо больше примеров того, как мечтали и взрослые, и дети о возврате к той жизни, в которой были уют, комфорт и обеспеченность. Именно война спровоцировала резко обострившуюся тягу населения страны к этим простым (нередко клеймимым ранее) радостям повседневной жизни в послевоенное время. Эти годы ознаменовались не только героикой возрождения разрушенного войной народного хозяйства, но и огромной работой по благоустройству домашнего повседневья и вещной сферы жизни, наполнившейся большим количеством незатейливых, вручную сделанных вещей, скрашивающих скудный послевоенный быт: самодельной мебелью, вышитыми и вязаными накидками на нее, вышитыми картинами и панно, газетницами и пр. Это же стремление «уйти от войны» отразилось на послевоенной (особенно женской) моде, из которой очень быстро оказались изгнанными элементы стиля «милитари» и утвердилась подчеркнутая женственность. А в записанных нами воспоминаниях появился устойчивый сюжет о том, как молодые девушки полностью потратили свою первую зарплату (при почти голодном существовании их семей) на красивую одежду. Но на годы вперед эти же девушки, ставшие взрослыми, сохраняли бережное отношение к каждой вещи, будь то старая кофта или кусок недоеденного хлеба, а также привычку «делиться» и одеждой, и едой³.

5.2. Дом: жильё и убежище

Дом выступает важным фактором в жизни человека, одной из главных культурных универсалий, присущих любой исторической эпохе. Это многофункциональный объект, выполняющий наряду с утилитарными и символические функции: он наделяется особыми смыслами, служит воплощением семейного благополучия и состоятельности. Противопоставленный внешнему миру, дом отделяет от него внутреннее пространство семьи, в котором каждый из ее членов чувствует себя защищенным, обеспечивает материальную, духовную, коммуникативную и нормативно-этическую основу их стабильного существования.

¹ Мы родом из войны. С. 14.

² Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 42.

³ Гришина Д.И. // Дети и война. С. 11.

Образ дома — базовый в ценностной иерархии любого индивида. Как правило, это интимное пространство, соотносимое с внутренним миром человека и его ценностными предпочтениями. Фундаментальным пространственным образом является дом во всех своих воображаемых вариациях, от птичьего гнезда и раковины моллюска до любого «угла», где умеет устроиться человек. «Все это те места, где вещи могут уютно расположиться: как раковина неотделима от улитки, так и наш воображаемый дом — это интимное место, где мы можем свернуться клубочком в уголке, оно наполнено состоянием нашей души»¹.

Внутреннее пространство дома принудительно, это пространство повседневных практик человека, опосредованно влияющее на его мировосприятие. Социальные субъекты поддерживают коммуникацию друг с другом в жизненном пространстве, окруженном архитектурными объектами, к которому они всегда тяготеют и под которые подстраиваются, изменяются, воспринимают окружающий мир и реализуют себя через архитектурные коммуникационные предложения. Таким образом, дом является базовым архитектурным объектом для человека в формировании его мировоззрения: «в своих конструкциях архитектура воплощает само общество, обнажая особенности его поколений, социальных классов, условий жизни и систем функционирования»².

Особую роль играет дом в жизни ребенка, выступая местом его воспитания, первичной социализации, формирования первых осознанных представлений об окружающем мире и своем месте в нем. Сам образ дома складывается именно в детстве, во многом определяя последующее отношение к нему. Родной дом — это своего рода экзистенциальное пространство, где человек впервые начинает осознавать свое «я», где закладываются основы его личности.

Советская жилищная политика в немалой степени способствовала тому, что дом как место, где человек чувствовал себя личностью, находящейся в полной безопасности, утрачивал свое значение. Жилье превратилось в средство прикрепления человека к месту работы, принуждения его к требуемому уровню производительности труда и предписываемому образу жизни, в конечном счете — в средство управления людьми³. Тем не менее дом оставался необходимым жизненным пространством, в рамках которого реализовались различные аспекты существования человека. Он сохранял свою ценность и как реальный материальный объект, создание или приобретение которого требовало много средств и усилий, и как образ, имевший различные символические значения.

В воспоминаниях бывших детей Сталинграда дом предстает, как правило, в нескольких основных образах, отражающих места, где они жили до войны, места, которые стали убежищами во время Сталинградской битвы и места, куда переселились по ее окончании. Война, началом которой, как уже отмечалось, в большинстве воспоминаний считается бомбардировка Сталинграда 23 августа 1942 г., стала тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшил жилищные

¹ *Башия Г.* Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // *Логос.* М., 2002. № 3–4. С. 115.

² *Fischer J., Delitz H.* Die Architektur der Gesellschaft. Theorien für die Architektursoziologie. Bielefeld, 2009. S. 25.

³ См.: *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008.

условия населения, но и значительно повысил оценку их довоенного состояния. О довоенном жилье вспоминается с душевной теплотой и с каким-то особенным чувством непоправимой утраты:

«У нас был большой дом, хороший. Были две большие комнаты, сад был чудесный, вишневый сад. Когда немцы пришли, они вырубил сад и ставили там свои танки. Семья наша — пять человек детей и родители»¹.

Практически все опрошенные респонденты хорошо помнят, где и как они жили (не только до, но и во время, а тем более, после войны), что представляли собой их дом или квартира, где они располагались, какова была их дальнейшая судьба. Это подтверждает немаловажную роль и значение дома в их собственной жизни и жизни их семьи:

«Родилась я в 1932-м году в Сталинграде — три поколения в семье царицынские — на улице Краснозаводская, 42, которая находилась прямо в центре города, рядом с домом Павлова, примерно в 150 метрах. У нас был частный деревянный дом, он находился над обрывом Волги»².

«Мы жили в Краснооктябрьском районе в коммунальном многоквартирном доме. У нас была квартира на подселении, на улице Пельше»³.

«До войны проживала в Ворошиловском районе, улица Кронштадская, 100. Жили мы в своем доме, никуда во время войны не отлучались. И к концу войны уцелели только два дома — наш и на другом конце улицы»⁴.

Даже если респондент не мог назвать точного адреса предвоенного жилья, стершегося из памяти за прошедшие десятилетия или исчезнувшего с карты города вследствие послевоенной застройки, он стремился указать его координаты, назвать близлежащие топонимы или расположенные неподалеку природные, хозяйственные и социокультурные объекты. Детализация отражает потребность в передаче личной информации, сохраняющей для ее носителя значимый характер. Показательно, что уточнения адресов происходили, как правило, без дополнительных вопросов со стороны интервьюера. В то же время локализация места проживания придает нарративу более достоверный характер:

«Мы жили на Спартановке, где 45-я школа»⁵.

«Мы жили в Советском районе на Купоросной балке — это находится рядом с заводом имени Петрова»⁶.

«Я родился в том доме, где сейчас музей “Старая Сарепта”. Там и немцы, и русские жили, там 12 семей всего жило. Шесть — на втором этаже, и шесть — на первом»⁷.

Воспоминания респондентов позволяют хорошо представить архитектурный облик и состояние жилого фонда довоенного Сталинграда, в котором преоб-

¹ Трофимова Р.А. // Дети и война. С. 464.

² Радова Л.В. // Дети и война. С. 497.

³ Малышева (Чернецова) Р.А. // Дети и война. С. 474.

⁴ Трофимова Р.А. // Дети и война. С. 464.

⁵ Шапошникова П.Ф. // Дети и война. С. 504.

⁶ Иванова В.П. // Дети и война. С. 488.

⁷ Брыксин А.Г. // Дети и война. С. 462.

ладали дома преимущественно малоэтажной застройки в один-два этажа, а также частный сектор. Только в центральных районах города преобладали более высокие здания в четыре, пять и более этажей. Здесь сохранялось немало дореволюционных зданий, при передаче в жилой фонд, как правило, преобразованных в коммунальные квартиры.

«Квартирный вопрос», по остроумному замечанию М. Зощенко, испортивший не одно поколение москвичей, на протяжении всей советской эпохи оставался одной из наиболее острых и болезненно воспринимаемых обществом социальных проблем¹. Остро стоял он и в предвоенном Сталинграде, порождая чрезвычайную скученность населения. Общий жилой фонд накануне Великой Отечественной войны составлял около 2 млн кв. м, рост численности горожан обгонял темпы жилищного строительства. Жилья катастрофически не хватало, не говоря уже о его качестве. Немногие бывшие дети Сталинграда могли сообщить о себе и своей семье:

«Мама у меня из богатого рода, и один из родственников, который дожил до 1942 г., отписал ей дом. Деревянный, срубленный, ну, великолепный дом. Вот на Балахнинской, где сейчас возводится высотное здание, точно на этом месте. И мы там поселились. До этого жили на квартирах. <...> дом, который ей передали, был роскошный, из бревен. Зимой в нем было жарко, летом прохладно, печка там была русская — великолепный дом. Туда мы переселились примерно в 1940-м году»².

«В Сталинграде нам сразу дали квартиру — папе. На выбор было шесть квартир. Вот насколько тогда ценился мой отец. Мы жили на улице Циолковского, дом № 19. Это был бывший девичий монастырь. Там было 33 квартиры, и там жило 150 человек»³.

Богатые родственники стали в первые советские десятилетия редким явлением, а квартиры сразу предоставляли только считавшимся ценными работникам, специально приглашенным на работу в Сталинград. Значительная часть горожан жила в коммунальных квартирах, казармах, общежитиях, бараках, занимая не только отдельные, но и проходные комнаты, а также коридоры, кухни, ванны, чуланы и другие подсобные помещения. Немало было и тех, кто снимал квартиры и просто углы, не имея собственного жилья. К началу войны электричество было проведено в большинстве домов, при этом во многих из них сохранялось печное отопление и нередко отсутствовали удобства. По словам С.М. Дементьева, проживавшего с семьей в старом купеческом двухэтажном доме на улице Клинской в Ворошиловском районе, жили они очень скученно:

«Вот как жили до войны! Вроде занимали второй этаж в двухэтажном доме, там была черная лестница, парадная, пожарная, три комнаты и кухня. Но в этих трех комнатах жили 10 человек. Мои родители, четверо детей, бабушка

¹ См.: *Кринко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). С. 215.

² Коняхин К.В. // Дети и война. С. 44, 45.

³ Говоркова Л.К. // Дети и война. С. 163.

(мамина мама) и три ее дочери (мамины сестры). Считалось, что это хорошие условия»¹.

Перенаселенность жилой площади приводила к сокращению личного пространства. Индивидуальное жилище вообще было несовместимо с советскими установками, поскольку, по мнению официальных идеологов и властей, порождало «буржуазный индивидуализм». Необходимо было привить новую установку: «вместе работают – вместе живут»². Идеология воздействовала на все сферы жизнедеятельности, в том числе и на формирование городского пространства, которое также должно было влиять на создание социалистического общества. Социально-организационная политика советской власти предполагала формирование производственных коллективов, а не территориальных сообществ. Для решения поставленной задачи членов одного рабочего коллектива должно было связывать и совместное проживание.

«Я родилась в Сталинграде, проживала на улице Калинина, 30. Это там, где устье реки Царицы, около Горчичного завода, там стояли два двухэтажных здания. По-видимому, в этих зданиях получали квартиры работники этого завода»³.

В середине 1930-х гг. в Сталинграде только на набережной планировалось построить 24 так называемых дома специалистов. Построены были Дом летчиков, Дом Красной армии, комплекс зданий НКВД. Проектировались жилые дома Госбанка, а также крайисполкома, краевых земельного управления, отдела здравоохранения и плановой комиссии. На углу улицы Пензенской и площади 9 января (в настоящее время – площадь Ленина) построили четырехэтажный Дом облпотребсоюза, получивший во время Сталинградской битвы широкую известность как Дом Павлова по имени одного из его защитников. Рядом располагались дома связистов, железнодорожников, советского контроля. На Привокзальной площади вырос семиэтажный Дом коммунальщиков. На Рабоче-Крестьянской улице находился Дом грузчиков, наискосок от него – Дом консервщиков. Дома специалистов представляли собой элитное жилье, устроенное по коммунальному принципу. Индивидуальное, интимное пространство и его обустройство в советском обществе не поощрялось, а зачастую и порицалось, четкой границы между «своим» домашним пространством и «чужим», общественным не существовало:

«Мы же получили квартиру – вот если по 13-й Гвардейской вниз спускаться, то на улице Чуйкова был Дом Специалистов. Мы жили там, на 6-м этаже. В одну из первых бомбежек этот дом разбомбили... <...> Мы жили в коммунальной квартире, было у нас две комнаты и общая для всех семей большая кухня, большой коридор. Дети разных семей дружили, на велосипеде по этому коридору катались»⁴.

¹ Дементьев С.М. // Дети и война. С. 459.

² Меерович М.Г. Биография профессии. Очерки истории жилищной политики в СССР 1917–1941 гг. Иркутск, 2003. С. 134.

³ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 38.

⁴ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 18, 20.

Дома индивидуальной застройки составляли значительную часть — 44,4 % всего жилого фонда довоенного Сталинграда¹. Водопровод и канализация в частном секторе встречались реже, чем в многоквартирных домах. Как правило, для индивидуального строительства использовались недорогие материалы, преимущественно дерево и глина, что нашло отражение в записанных мемуаратах:

«После того, как арестовали папу, нас выселили из железнодорожной казармы, где мы жили. Нам пришлось перебираться на Дар-гору, там родители покупали участок для строительства. Нам помогли папины родственники построить небольшую хату, обмазанную глиной»².

«А в 1940 г. дед получил от мельницы что-то вроде финского дома. На Грушевской улице. <...> Деревянный дом у нас был, я всегда босиком ходил, всегда деревом пахло, что не кирпичный — это точно. И был коридор, и кровать там стояла...»³.

Несомненным преимуществом жизни в частном доме было наличие сада и огорода, дававших возможность получать дополнительные продукты, хотя это и требовало определенных усилий, в том числе и детей. Некоторые сталинградцы содержали также птицу и домашний скот. Все это очень сближало по условиям жизни частный сектор с селом, выходцами из которого являлись многие горожане. Еще в довоенный период, а во время войны и в первые послевоенные годы тем более, использование подсобного хозяйства стало одной из главных стратегий выживания:

«Мы имели свой небольшой домик на два окна (две комнаты) и 6 соток огорода. Весь поселок в то время был как бы дачным, у всех сады были. Вот за счет этого в основном и жили. Никакой роскоши у нас не было, жили скромненько, но и не голодали. Родители у меня — выходцы из села Ерзовка, поэтому с удовольствием занимались работами по саду и огороду. Помимо этого к Новому году выращивали свинку, курочек держали, молочную козочку, так что не голодали»⁴.

«Родители мои — трудяги. Они всегда выращивали раннюю рассаду, ранние помидоры, ранние огурцы, потому что хотелось, чтоб был доход побольше. И мама всегда выращивала рассаду раннюю. И если она куда-то уходит, то обязательно дает задание. Вот там такую грядку затаскать песком, полить. С Волги таскали воду на коромысле. ... Ну, до войны мы, конечно, не таскали на коромысле, после войны таскали»⁵.

«Вот когда до войны жили, козы были, лошадь была. Мы травку рвали лошадке, козам. На Мамае было много зелени. Куры были, бахчу сажал папа. Какой дом? Там кухня была. И вот папа где-то туда за Качу бахчу сажал»⁶.

Внутреннее убранство жилья в значительной степени соответствовало его внешнему виду. В большинстве домов и квартир обстановка и домашняя утварь

¹ Кузнецова Н.В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 годах // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. № 8. С. 17.

² Печеникова Т.И. // Дети и война. С. 479.

³ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 70.

⁴ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 216.

⁵ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 104.

⁶ Романцов В.Н. // Дети и война. С. 59.

были сведены к минимуму, нередко использовалась самодельная мебель. Но респонденты вспоминали о ней с неизменной теплотой, как о предметах, среди которых прошло их детство:

«Сейчас у соседей из деревни буфет, и у меня впечатление, что это наш буфет, потому что он такой же, с такой же резьбой, так же все сделано, ну, как будто это дед делал»¹.

Приближение фронта к Сталинграду вызвало необходимость принятия мер по защите жизни и жилья горожан от последствий воздушных налетов люфтваффе. В целях светомаскировки окна завешивали простынями и одеялами, а стекла для снижения вибрации от взрывов заклеивали крест-накрест бумагой. Наиболее предусмотрительные и состоятельные жители прятали теплые и просто ценные вещи, создавали при возможности запасы продуктов. Во дворах домов рыли «щели», окопы, строили блиндажи, нередко объединяя усилия сразу нескольких соседских семей:

«Мы стали рыть щели во дворе, затемнять окна, появились отряды гражданской обороны, которые проверяли маскировку по ночам, во дворах рыли щели и подкопы»².

«И понятно, что когда немцы стали подходить, была команда уличному комитету, чтобы рыли щели. Мы выкопали у соседей напрогив блиндаж, один на два дома, но он большой был, вот с эту комнату, пополам, конечно, такой узкий был. Туда занесли всякое ненужное барахло, на чем можно было сидеть. Потом сверху — кованые ворота, которые мой прадед ковал, и положили. Они нас спасли потому, что однажды наши же начали обстреливать минами — артиллерией. И она пробила земляную насыпь, взорвалась там, и вот такая розочка из осколков лежала»³.

В преддверии надвигающейся катастрофы возможности удовлетворения жизненно важных потребностей населения в Сталинграде стали снижаться. Одним из первых, хоть и далеко не главных показателей этого, стало прекращение обслуживания гражданского населения общественными банями. Собственными банями обладали немногие, а ванны в коммунальных квартирах обычно использовались в других целях. Большинство взрослых и детей мылись в корытах, нагревая воду на плитах и печах в тазах и ведрах:

«В баню мы уже не ходили, нас мыли в корыте, сделанном из клеенки на деревянных ножках. Мыло было черным и маленькими кусочками. Баня стала военным объектом, там мылись военные, новобранцы, ополченцы и приезжие, стирали белье для армии, и госпиталей, работал санпропускник для беженцев»⁴.

¹ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 70.

² Дементьев С.М. // Дети и война. С. 459.

³ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 29.

⁴ Интервью с И.М. Суровой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко // Архив музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда».

«Мылись все в одном корыте. Мама меня искупает, потом Римму, потом Гальку, у нас еще появилась сестренка Верочка. Нас 4 сестры уже было. Вот так вот выжили!»¹.

Вскоре и мыло, как и многие другие товары первой необходимости, превратилось в настоящий дефицит. Его пытались варить самостоятельно из каустической соды или искать естественные заменители, главным из которых оказалась зола:

«И вот, помню, мама сварила таз какой-то желтый, и вот она сварила мыло. Не знаю, что — коза сдохла что ли. В массу надо что-то органическое. И каустик туда. Сварила, потом режет, как холодец. Как сейчас помню, вот она застыла, и она стирала. Это, оказывается, большое дело имеет. Да, мыло, мыло»².

«Мыла не было, вшей полно. Мыли нас щелоком (печная зола). Ее заваривали кипятком, зола оседала, а то, что было наверху, собирали. Этим и стирали, и мылись. Не дай Бог, он попадет в глаза! У кого были бани, то сначала мылись женщины и дети, потом мужчины. А долго еще нас мыли в корыте. Долго топили мы дровами плиту...»³.

Многие деревянные дома сгорели в огне сталинградских пожаров, возникших вследствие немецких бомбардировок. Начиная с 23 августа 1942 г., город выгорал дотла целыми кварталами. Уцелевшие дома уничтожались в ходе последующих боевых действий, артиллерийских обстрелов и бомбардировок:

«В это время сгорел наш дом. Горела вся Ельшанка. Строения были в основном деревянные, и горело все: дома, сараи, настилы на лесоскладе, складированные в штабеля бревна. Все как бы превратилось в горящие свечи и выглядело ужасно»⁴.

«Немцы что делали? Коль частный сектор, а наши солдаты прятались за дома и из-за угла стреляли, они стали сжигать эти дома, разбивать, чтобы их не было»⁵.

«А потом “Катюши” оттуда как шарахнули по этому наблюдательному пункту, разбили их, и дом наш сгорел. Это уже в конце сентября, все уже, мы только в этой щели были. Но все-таки дом выстоял во время 23 августа, несмотря на то, что он деревянный. И другие дома на Пугачевской. Потому, что они кому нужны были? Бомбили-то заводы. Немцы все знали, расположение всех заводов»⁶.

Оказавшись в экстремальной ситуации, дети первоначально сохраняли представления о том, что родительский дом — главное убежище, в котором всегда можно найти защиту от всех опасностей. 23 августа 1942 г. девятилетняя Тамара Михайлина ушла к подружке на Гоголевскую улицу:

«Мы с ней играли, скакали в скакалку, туда-сюда, потом как это все небо черное стало, как загрохотало! Мы кинулись по домам. Я к себе побежала, она к себе»⁷.

Но в этих условиях дом перестал выполнять свои прежние функции убежища и жилья, обеспечивавшего человеку не только кров над головой, но и лич-

¹ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С. 102.

² Романцов В.Н. // Дети и война. С. 59.

³ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 22.

⁴ Дети, пережившие ад... С. 126–127.

⁵ Глинянов С.В. // Дети и война. С. 484.

⁶ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 71.

⁷ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 494.

ную безопасность. Напротив, пребывание в нем становилось смертельно опасным, так как обрушившиеся потолок и стены могли погрести под собой или покалечить находившихся в доме жильцов:

«Нас бомбили так, что наш дом был на боку уже, нас оглушило»¹.

И проявление, казалось бы, естественной и необходимой заботы о доме, строительство или приобретение которого были такими важными событиями в мирной, довоенной жизни, теперь могло иметь самые трагические последствия:

«Во время бомбежек, когда все горело, дом наш целый остался, он на окраине стоял. И после первых бомбежек мама с братом пошли посмотреть, что именно от дома осталось. <...>. Забили двери, забили окна они там, собака у нас была – сигнал. Ну, и что Вы думаете? Они оттуда, от дома, шли, и их убило»².

Осознание всей глубины трагедии, постигшей жителей Сталинграда, позволяло им не воспринимать потерю дома как катастрофическое событие. Значение ее просто померкло на фоне гибели многих родных, близких, знакомых и незнакомых людей, общей деградации условий и обесценивания самой человеческой жизни.

Вследствие интенсивности бомбардировок и плотности огня земляные укрепления также оказались ненадежной защитой. Повезло тем, у кого были подвалы с крепкими каменными или кирпичными сводами и стенами. Остальным пришлось подыскивать себе подходящие места, где можно было спастись от бомб и снарядов:

«И вот люди, которые остались, они в подвале были: и дети там, и женщины. Подвалы не были разрушены. А домов уже не было наших. Также вот такие толстенные стены были. Дом разрушило, квартир уже не было, остались стены и подвал»³.

«Когда начались масштабные бомбежки, люди, правда, предварительно готовились к этому и выкапывали окопы у себя во дворах, в предместьях где-то, где находились возможным спрятаться. Но когда начали бомбежки фашисты, они были настолько сильными, что эти окопы, в общем-то, говоря, были плохой защитой. Люди начали метаться. В том числе я могу сказать про свою семью, что мы кинулись в овраг Царицынский. Предварительно мы готовились, но не до конца готовились. В этих склонах были выкопаны ниши»⁴.

«Это был конец августа – начало сентября, где-то так. А в это время немцы начинают свою крутилку, и все врассыпную. И мы побежали. Кто-то говорит: “Вот там есть труба”. А там бетонная труба, через нее в Волгу сбрасывалось тогда. И там уже люди сидят, они там поставили кровати, под ними течет сливная вода, не знаю, откуда она бралась – город уже не работал. На кроватях лежали доски, и все, поджав ноги, там сидели. Мать там сбоку прислонилась. Нам говорят: “Идите сюда, а то осколки залетают в эту часть”. Действительно, пока мы

¹ Безрукова В.В. // Дети и война. С. 471.

² Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 383.

³ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 494.

⁴ Белицкий А.В. // Дети и война. С. 278.

сидели на этих кроватях, несколько осколков попало. Бомбежка прекратилась, мы вышли»¹.

К моменту первой бомбардировки в Сталинграде находилось не только подавляющее большинство горожан, но и огромное количество эвакуированных граждан. Многих расселили в квартирах, часть прежних жильцов которых, в свою очередь, была призвана на фронт, эвакуирована в тыл или выслана на восток страны:

«Приехали к нам эвакуированные из Киева, их ко всем подселяли, к нам даже подселяли»².

«Вот так у нас освободилась одна комната и к нам стали подселять разных жильцов, то военных, то какую-то одинокую подозрительную женщину (нам маскировку во время налетов раздвигала и т.п. странные вещи творила). Мне больше всего запомнились курсанты из Саратовского военного училища. Они решили устроить себе какой-то небольшой пикник»³.

К середине 1942 г. численность населения Сталинграда, по разным данным, составляла от 650 до 750 тыс. человек⁴. Наличие такого количества людей, многие из которых не имели стабильных средств и источников существования или лишились их вследствие вражеских бомбардировок, еще более ухудшало условия снабжения, меняя сами взаимоотношения между людьми. Право собственности, как и любое другое право, не подкрепленное силой оружия, утратило какое-либо значение:

«Беженцы и наши жители, оставшиеся без крова, начали пробираться, воровать и в магазинах, и в домах. А раньше ведь все оставляли незапертым — во время бомбежки, чтобы успеть добежать до укрытия, ничего не запирали. Стали закрывать от непрошенных гостей, но грабили в основном те квартиры, где уехали хозяева»⁵.

Только после 23 августа были приняты решения об эвакуации населения. Благодаря этому часть жителей смогла выехать, бросив родной дом или то, что от него осталось. В большей степени повезло тем, у кого были родственники в тылу, которые могли приютить хотя бы на первое время. Остальным эвакуированным сталинградцам пришлось жить в самых разнообразных, но в любом случае далеких от даже не слишком высокого довоенного уровня, условиях:

«Уже была зима, одежды никакой не было, сначала мы жили в гараже, он был большой, и отсеки разделялись плащ-палаткой или брезентом. Потом нас поместили к кому-то на квартиру. Была комната с двумя окнами. У одной стены кровать, к ней поставлена лавка, стол и с другой стороны тоже кровать и лавка. На кровати слева спали мы — мама, бабушка, я, Валя и Витя, а на другой хозяйка с дочерью и внучка с внуком. Напротив была плита. Каждую ночь привозили раненых, и женщины раздевали этих раненых, трясли их одежду над

¹ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 31.

² Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 493.

³ Дементьев С.М. // Дети и война. С. 460.

⁴ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 34.

⁵ Интервью с И.М. Суровой...

плитой, чтобы вшей убить. Бабушка моя — бывшая медсестра, она помогала перевязки делать. Раненых привозили ночью, а утром забирали. С кровати нам было запрещено слезить, только если в туалет. На улицу мы не могли выйти, так как у нас не было обуви»¹.

Тем же, кто остался в Сталинграде, пришлось пережить весь ужас пребывания в немецкой оккупации или прямо в зоне боевых действий. Жизнь в городских руинах, в условиях нехватки воды, продуктов и всего самого необходимого, стало для многих детей Сталинграда самым тяжелым испытанием. Для большинства из них домом на долгие месяцы стала «щель» — узкая нора, перекрытая сверху досками или бревнами, засыпанная сверху землей. Другие прятались в подвалах разрушенных домов, железобетонных трубах, водопроводных колодцах, тоннелях, пещерах и других укрытиях:

«Уцелел бабушкин дом, где была щель — убежище, там и ютилась вся многочисленная родня — одни женщины и дети. Все мужчины были на фронте. А когда в результате бомбежек многих соседей засыпало, и убежище стало их могилой, мы ушли под дамбу. Это было настоящее убежище. Теперь Ельшанский овраг засыпали, а тогда в большой железобетонной трубе в два ряда стояли койки и деревянные стеллажи, где прятались от бомбежек и жили несколько сот женщин с детьми, и даже прямое попадание бомбы в дамбу для нашего убежища оказалось совершенно безопасным. Мы пришли, когда дамба была полностью занята, но все-таки сумели пристроиться самыми крайними»².

«Самое страшное — это когда очень сильно, интенсивно бомбили город, и все горело, вообще страшно было. Мы ушли на Царицу к маминым сестрам, а на Царице в то время были пещеры. <...>. Потом, конечно, когда я стала взрослой, я узнала, что это были выходы Илиодорова монастыря. Но где-то провалились, где-то засыпались, а основной выход на Царицу был. И вот в это самое страшное время мы там днем. А на ночь приходили в свое бомбоубежище»³.

«И единственное, что было сделано, начали копать щели. Щели выкопали. Что такое щель? Не бомбоубежище, щель. Ее делали в земле, очень узкая, там была лавочка, где могли люди сидеть со своими вещами, прижавшись, и все. Закрывались двери, и вот в этой щели, накатывались сверху бревна, засыпалось землей, там сидели во время бомбежки. Вот в такой щели сидела и я, потому что мама ушла на работу, и никто не ее оттуда не выпускал. Завод закрыли, родителей закрыли, а я одна была»⁴.

В этих условиях удовлетворение любых потребностей чрезвычайно усложнилось. Быт был сведен к минимуму и определялся, по словам Ю.Н. Панченко, «тремя слонами: кров, вода и хлеб». Но если «проблему с кровом решили сравнительно быстро», за счет щелей и подвалов, то вода, вследствие прекращения работы городского водопровода, «на вес золота была, действительно»⁵. Чаще всего воду

¹ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 20.

² Дети, пережившие ад... С. 126–127.

³ Жданова К.Ф. // Дети и война. С. 132.

⁴ Стрельцова В.И. // Дети и война. С. 114.

⁵ Панченко Ю.Н. // Дети и война. С. 294.

воду набирали из колодцев и естественных родников или ходили за ней на Волгу¹. Зимой же использовали растопленный снег.

Находившимся непосредственно на передовой или на прилежавшей к ней прифронтной территории мирным жителям не раз приходилось искать новые укрытия, перебираясь с оставшимися вещами с места на место. Некоторых, оказавшихся в расположении частей и подразделений Красной армии, отселило советское командование, стремясь не подвергать их дополнительному риску, а при имевшейся возможности и эвакуировать на левый берег Волги. Многих выселяли оккупанты — сначала из домов, а затем и из примитивных убежищ, в которых те прятались от бомб и обстрелов.

«Когда немцы пришли, они нас выгнали с нашего дома, мы перебрались в землянку, потом нас и из нее выгнали, и мы жили у соседки до февраля 1943-го года»².

«Когда вошли немцы, наш дом разломали. Он был очень хороший, из хороших досок и все увезли куда-то»³.

«Когда немцы пришли в город, нас стали всех с убежища выгонять: “Уходите, уходите, здесь будет бой”, — и нас выгнали»⁴.

Многие горожане и сами стремились выбраться куда-нибудь из опасной зоны, понимая, что шансы на выживание в ней все более сокращались. Тем не менее к концу осени в Сталинграде все еще оставались тысячи мирных жителей. Им пришлось искать защиту от наступивших холодов, как-то обустривая для этого свои убежища:

«А потом, что самое страшное было, когда уже начались морозы, холод, в этом убежище сделали плиту. Сложили плиту и вывели трубу, чтоб можно было топить. Как-то немножко обогреться. Маленькие ж дети»⁵.

Многие мемуары содержат яркие эмоциональные описания того, что представлял собой Сталинград к моменту полного освобождения в феврале 1943 года. Город был основательно разрушен, примерно в десять раз сократился его жилой фонд. Тем не менее все респонденты стремились вернуться в родной город, хотя жить первоначально в нем было попросту негде:

«На город после освобождения страшно было смотреть. Все разрушено было. <...> На улице Дзержинского до войны были деревянные бараки, одноэтажные и двухэтажные. Они в первые дни сгорели. Единственные четырехэтажные дома стояли, где баня и военкомат, потому что они были кирпичные. А остальное все сгорело, потом пленные немцы заново строили»⁶.

Восстановительные процессы в разрушенном городе требовали значительных средств и усилий. Советское правительство выделило на строительномонтажные работы в Сталинграде в 1943 г. 239 млн руб., в 1944 г. — 417,9 млн руб.,

¹ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 21; Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 42 и др.

² Трофимова Р.А. // Дети и война. С. 464.

³ Стрижакова Н.С. // Дети и война. С. 398.

⁴ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 384.

⁵ Жданова К.Ф. // Дети и война. С. 131.

⁶ Шапошникова П.Ф. // Дети и война. С. 505.

в 1945 г. — 404,3 млн рублей¹. Восстановление жилья стало одной из главных задач и постепенно возвращавшихся жителей. Большинству из них жить на первых порах приходилось в палатках и землянках, других приютили соседи, оказавшиеся в более благоприятных условиях.

«Первым делом началась разборка развалин. Людям надо было жить, как-то существовать. Сначала в большинстве жили в палатках, как, например, у нас здесь было. Вся площадь Дзержинского была в палатках. Образовалось черкасовское движение, основанное хорошей женщиной, Черкасовой, которая жила в доме Павлова. Она первая подняла клич: восстановим город из руин. И город восстанавливали, все от мала до велика»².

«В Сталинград мы вернулись весной 1943 года. Дом наш был разрушен, погреб завален, жить было негде. Соседи, пожалев нас, взяли к себе. После войны вернулся мой дядя и помог маме из погреба построить землянку. Так мы и жили в землянке — мама и четверо детей»³.

С февраля 1943 г. по май 1945 г. в Сталинграде было введено в строй 530 тыс. кв. м жилой площади, в том числе 290 тыс. кв. м в муниципальном и ведомственном фондах, а 240 тыс. кв. м (12 663 дома) — в индивидуальном секторе. К 1 мая 1945 г. общая жилплощадь составила 37,4 % от имевшейся в июне 1941 года. Доля частного сектора выросла до 51,5 % (см. табл. 5)⁴.

Таблица 5

Наличие жилой площади в Сталинграде в 1941–1945 гг. (тыс. кв. м)⁵

	На 1 января 1941 г.	На 1 мая 1945 г.
Общая жилплощадь	1 848,0	672,8
местных советов	308,0	36,2
ведомств	720,0	289,8
частных владений	820,0	346,8

Современные исследователи отмечают, что застройка Сталинграда после освобождения первоначально велась стихийно, без единого плана и с низким качеством строительных работ. Предприятия предпочитали строить наиболее дешевое жилье: бараки и сборно-щитовые (финские) дома преимущественно без удобств. Тем не менее воспоминания свидетельствуют о том, что получавшие в них жилье работники были рады и этому. Ведь к концу Великой Отечественной войны 40 тыс. чел. или 16 % населения Сталинграда по-прежнему проживало в блиндажах, летних кухнях, подвалах разрушенных зданий⁶. Осенью 1945 г. в об-

¹ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 3. Л. 7. Д. 253. Л. 55.

² Растова Л.В. // Дети и война. С. 501.

³ Сталинградское детство. С. 120.

⁴ Кузнецова Н.В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 годах. С. 17.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 12–13.

щежитиях «Тракторостроя» в Сталинграде до 2 тыс. рабочих жили в малоприспособленных землянках на сплошных нарах, без постельных принадлежностей¹:

«А потом, когда кончилась Сталинградская битва, мы вернулись. Не было нашего дома и на Тракторном, и на Возрождении. Когда папа пришел с войны, в июне 1945-го, директор завода узнал его и очень обрадовался. Папу знали и рисовали в полный рост, во всю стенку в клубе Ленина, он находился там, где сейчас танцевальная площадка. Папе также давали словацкие подарки: мебель, посуду и т.д. Потом директор завода выделил папе две комнаты в “финских” домиках, мы жили на Богунской. Мы жили на два хозяина: у нас было две комнаты, а у соседей одна»².

«И вот тогда в 1943-м году уже мы из эвакуации поехали в Сталинград <...>. Мы попали в Сталинград на СталГРЭС, там была почти нетронутая часть, и здания были целыми. Здесь мы с отцом объединились, жили вместе в каком-то огромном физкультурном зале, большой зал, кое-как разгородили»³.

Невысоким было и качество индивидуальной застройки: здесь использовалась преимущественно глина, древесные отходы, а то и любые подсобные средства. Поступавшие в город более качественные строительные материалы использовались на сооружении народнохозяйственных объектов. Как правило, в частных домах вообще отсутствовали удобства, а в значительной части из них и электричество:

«Ну, мы стали восстанавливать домишко, двор-то у нас остался. Все это разгребали, обрешечивали дом чем попало, возили песок, глину и навоз, мешали всё это ногами, лошадей не было. Обмазывали решетчатое строение глиной. К зиме мы все-таки перешли в домик. Вот такие дома тогда были»⁴.

«Построили вот этот дом. Помню, папа дверь поставил, откуда-то притащил дверь. Она была вся изрешечена пулями. Вся, вся. Но другой не было»⁵.

Лишь очень немногим повезло и удалось вернуться в свой сохранившийся дом⁶. Подавляющему большинству детей Сталинграда еще долгое время после освобождения и возвращения в родной город жить приходилось в аномальных условиях.

«Люди жили в оврагах, в пещерах, где резиденция, там был овраг, на Голубинскую он выходил. В оврагах этих воду брали, там и трупы... ну кипятили же...»⁷.

«Все дома около базара были разрушены. Мы жили в 558-м доме. Это дом такой: середины нет, только бока стоят, где-то есть лестница, где-то нет. Но мы были рады. Мамина сестра жила здесь на 5-м этаже, в одной комнате с соседями. Крыши почти нет, если дождь идет, все льется, везде ставили корыта, ведра. Когда дождь кончится — выльем. А вот пробираться на 5-й этаж было ужасно: три ступеньки нет, а потом есть ступенька. На какие-то железки упирались, перила, которые остались. Так таскали воду, передвигались. Так и жили, но были рады»⁸.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 649. Л. 48.

² Безрукова В.В. // Дети и война. С. 471.

³ Русина Ю.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 134.

⁴ Заикина З.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 222.

⁵ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 109.

⁶ Трофимова Р.А. // Дети и война. С. 466.

⁷ Гусев А.И. // Дети и война. С. 66.

⁸ Растова Л.В. // Дети и война. С. 501.

Многим удалось получить собственное жилье лишь через несколько лет после войны. Семья З.Н. Овчинниковой первые два года по возвращении, с 1944 по 1946 г., жила у родственников, затем еще два года — в вагоне и только в 1948 г. сумела построить свой собственный дом¹. Достаточно сложно решались в первые годы после возвращения и вопросы удовлетворения жизненно необходимых потребностей. По этой причине сами вопросы интервьюеров об организации быта вызывали непонимание респондентов, считавших, что никакого «быта» у них вообще не было и не могло быть в той ситуации страшной разрухи:

«Никак не был организован домашний быт. Палаточный город, костры, варили все в ведрах на кострах»².

«Как был организован быт? Никак. Два раза кормили, обед варили. И какой там быт? Господи! Там печку только топили, на печке готовили, чай варили. Масла если достали, кашу варят. Какой там быт? Мой полы, стирай свое. Все. Какой там быт?! Господи! По три семьи в одной комнате! Быт! Там хоть бы не переубивали, не передрались. Это уже дальше пошло расслоение, у кого чего. Кто приехал из Германии с вещами, они нам, как говорится, гусь свинье не товарищ. Люди пришли уже состоятельные, богатые, а мы пришли, у нас ничего нет. Никакого нет быта. У них, может, и был. У некоторых стали появляться квартиры. У нас туалета не было. Я замуж вышла, только тогда появился туалет. В школе мы, правда, увидели, что такое туалет. Это был 5-й — 6-й класс, до этого и туалетов не было. Ямы были. Вот это и был наш быт. И очень долго.

Быт! Не смешите меня Христа ради! Мазанки! Половина в мазанках. Ерик Царицы вот так вот вымазывали, вставляли какие-нибудь деревяшки, тряпкой закрывали, или какая-нибудь дверь оставалась, и жили там. Чуть ли не до института у меня, например, подружка. Только в институте ей дали какую-то комнату, а до этого там... И две подружки, мать умерла, отец убит сразу, двое детей вообще такие нищие. Быт! Ой, Господи! Это не та жизнь. Это не то, что Вы думаете. Это нищета. Только что сильные духом»³.

Любое детское воспоминание подвергается множеству искажений. В итоге создается, как правило, мифологический образ дома детства, который и транслирует респондент. Это своего рода тот идеальный образ, который человек на протяжении всей своей жизни пытается воплотить в реальность. Необходимо учитывать, что мы имеем дело с воспоминаниями людей, социализация которых проходила в экстремальной ситуации войны и послевоенной разрухи. Не случайно, что одной из широко распространенных послевоенных игр стала игра в «домики». Она отражает стремление детей иметь собственный дом, которого им так не хватало во время войны:

«Вот каждый ребенок старался выстроить себе домик, почему-то все дети мечтали иметь домики, не квартиры, так как мы жили в коммуналках, а все стара-

¹ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 42.

² Осадчий Г.Ф. // Дети и война. С. 426.

³ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 141.

лись строить себе домики из этих кирпичиков, а сверху насыпали почему-то солому. Это у нас была самая лучшая игра. Кто лучше домик построит»¹.

Реальное послевоенное строительство в условиях разрухи мало чем отличалось от игры в «домики», в результате чего появлялся не столько дом, сколько место для выживания. И все же постепенно шло возвращение к мирной жизни, как в самом Сталинграде, так и в окрестных населенных пунктах:

«Обгоревшие мертвые руины стали оживать. Из щелей выползали жители города»².

«Война от нас откатывалась потихоньку, и мы радовались тому, что электросвет уже теперь идет без затемнения, и дают не до 12 часов ночи, а до двух. И, следовательно, почитать я могу не при луне, как я раньше это делала: становилась на подоконник, луна светила, и я читала “Три мушкетера” или “Анну Каренину” ученицей 7-го и 8-го класса. Регулярно стали приходиться кинопередвижки – по 2-3 раза в неделю кинофильм, а не раз в месяц. Психологическое настроение у детей улучшилось – с большей охотой мы шли в школу, каждый урок начинался с рассуждений: “Вот, скоро кончится война!”. Мы уже теперь видели и знали, что освободили Минск, Киев»³.

Образ дома, в котором человек провел детство, как правило, является для него притягательной ценностно-значимой доминантой. В нем находят свое отражение различные архетипические функции дома, от поддержания всей системы жизнеобеспечения до эстетического освоения пространства. В большинстве своем детские образы дома имеют позитивный характер, формируя соответствующие стереотипы, определяющие последующее поведение человека. Однако экстремальная ситуация войны и разрухи, в которой оказались дети Сталинграда, лишила их возможности удовлетворения такой базовой потребности, как потребность чувствовать себя защищенным. Образ дома утратил свое значение пространства, обеспечивавшего стабильное существование и безопасность человека.

5.3. ЕДА И ПИЩЕВЫЕ ПРАКТИКИ

Война внесла существенные изменения в практики питания мирного населения страны, в особенности тех, кто оказался на территориях ведения военных действий и в осажденных городах. В условиях военного Сталинграда практически ушел из повседневной жизни не только застольный этикет, но и в целом понятие застолья и трапезы с присущими им пищевыми кодами и символами. Не приемлемыми для этого времени оказываются и такие понятия, как система или рацион питания, так как речь чаще всего должна идти не о систематическом употреблении пищи, а о редких случаях ее добычи и потребления. В данной ситуации

¹ Интервью с Л.А. Пономаренко, 1944 г.р., интервьюер А. Новикова, 21.06.2014 г., г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Ермолаев Г.М. // Дети и война. С. 431.

³ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 91.

наиболее удачным оказывается понятие «пищевые практики», не имеющее пока общепринятого русскоязычного заменителя, но включающее в себя широкий спектр связанных с приготовлением и употреблением пищи культурных срезов: набор продуктов, способы их обработки, формы подачи на стол, символические и социокультурные аспекты (пищевые коды и символы блюд, культура застолья, пищевые запреты и предписания, связь с обрядовыми практиками и пр.).

Совершенно очевидно, что пищевые практики сталинградцев в условиях разрушенного, осажденного, а затем и оккупированного города должны были существенно измениться по сравнению с мирным временем. Можно, однако, предположить (в связи с нашими изысканиями в области стратегий и тактик выживания, предпринятых в 4 главе), что в практиках питания сохранялся, а возможно и возрождался, и актуализировался предшествующий опыт поколения, в жизни которого уже были и войны, и голод, а в коллективной памяти сохранялась информация о народных традициях выживания в экстремальных условиях.

Определяя свои самые тяжелые впечатления о войне, «дети военного Сталинграда» говорили и писали в своих воспоминаниях, в первую очередь, об ужасах бомбежек и голоде:

«Мирные люди были измучены бомбежками, истощены голодом, страдали от жажды. Даже страх перед смертью утратил всю свою остроту»¹.

Этим воспоминания сталинградцев отличаются от текстов тех, кто пережил ленинградскую блокаду и уже затем, после эвакуации, оказался в Сталинграде или в Сталинградской области. Для этих людей на всю жизнь самым страшным потрясением и испытанием остался голод:

«Главное, что изменилось в нашей жизни с началом войны, это голод. <...> Самое страшное воспоминание — это когда мы лежали уже обессиленные и видели все время хлеб во сне»².

Эта же информант (Е.А. Субикина) так рассказывала о своем пребывании в блокадном Ленинграде:

«Мы последнее время были в квартире одни, все разъехались, кто куда. Наша соседка тетя Рая уехала к своим родственникам, думала, что там будет лучше питаться, а оказалось, что попала в семью людоедов. Когда муж приехал ее проведать, то его там зарезали. Весной тетя Рая пришла к нам и рассказала, что мужа сестры судили, а сестра сошла с ума. Это был первый случай людоедства, о котором мы слышали. Мы страшно боялись людоедства, закрывали дверь на крючок и никому не открывали.

<...>

Первый раз я о смерти услышала от мамы. Она прибежала вся в слезах и рассказала, что увидела в арке убитую женщину, а у нее все ноги обрезаны. Мы вскочили и побежали в эту арку. Но больше всего мы боялись не смерти. Мы стали бояться людоедства и крыс. Все время мы об этом, конечно, не думали, но реагировали на каждый шорох, закрывались.

<...>

¹ А.М. Утенков. Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 159.

² Субикина Е.А. // Дети и война. С. 189.

Уже в период блокады мама родила нашу младшую сестренку. Она родилась 2 мая 1942-го года. Рожала мама в больнице на проспекте Газа. Некоторые больницы работали круглые сутки. Летом уже сестренка умерла, так как молока у мамы не было. Кормили мы ее сначала так называемым «миндальным молоком». Нужно было с ней сходить в женскую консультацию на проспект Стачек, где выдавали бутылочку. Мама была очень слаба, и мы с Клавой носили девочку. Девочка умерла у меня на руках. Это случилось, как мне кажется, когда я шла по мосту, я вдруг почувствовала, как ее голова вдруг стала такая тяжелая. Я открыла ее, а она уже не дышит. Но я подумала, что надо сходить получить молоко и принести его домой.

<...>

Сейчас много фильмов о войне, но полностью ни один фильм не может отразить всей картины, хотя, что показывают, все правдиво. Вот, например, как мы хоронили покойников. Я помню, как принесла мертвого братика хоронить, тогда женщина, которая регистрировала покойников, попросила меня показать его, чтобы посмотреть целое ли тело, ведь распространены были случаи людоедства. Собирали покойников в соборе. Помню, я иду относить братика, а там, прикрытые досками лежат покойники и они набросаны, как килька. Гора покойников. Их увозили ночью хоронить на Пескарёвку. Сначала хоронили в гробах, а потом просто оборачивали в ткань»¹.

Если в воспоминаниях детей-блокадников детально воспроизводятся ситуации пережитого голода, описывается, как поочередно уходили в страшных муках один за другим умирающие от голода близкие люди, то в текстах, записанных от тех, чье детство проходило в военном Сталинграде, самые тягостные моменты пережитой войны связаны с гибелью родных и близких от бомбежек и страхом перед бомбовыми ударами. Голод в военном Сталинграде по-разному ощущался и переживался в разных семьях, но был также в числе тяжелейших испытаний того времени:

«Нам встретился знакомый из Коломны, с которым вместе шли. Вот девочку я даже помню, звали ее Тоська. Она еще хуже меня, а я был как скелет. У нее еще тут шерсть росла, вот на этих местах, на шее, говорят, от голода. Звали Тоська ее. Главная задача была — прокормиться. Есть нечего было абсолютно»². «Больные, очень больные были дети! Дети в это время были настолько похудевшие и истощенные, и поднимались медленно. Вот те дети Сталинграда, понастоящему, они очень-очень медленно вставали из пепла. <...> Все переболели дизентерией повально. Потом пошла малярия следом»³.

«Голодные годы, конечно, были. Ну что, у меня шесть операций, и желудок больной и все-все. Первая операция была в первом классе, и потом все пошло-пошло. Все это последствия, конечно»⁴.

«Я когда-то рассказывала ученикам про картины Пабло Пикассо, про его “голубой период”, у него лица такие голубые. И я детям рассказывала и говорила: “Вот вы этого не знаете и, слава Богу, никогда не узнаете, а вот мы в войну видели детей, у которых вот тут (в уголках губ) как будто плесень была, заеды назывались.

¹ Субикина Е.А. // Дети и война. С. 189.

² Коныхин К.В. // Дети и война. С. 49.

³ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 141.

⁴ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 75.

Это от голода. Они такие были голодные, что они не просили уже, привыкли уже так»¹.

Некоторые из наших информантов говорили о том, что их семьи испытывали большие трудности с продуктами, но находили в себе силы и возможности кормить своих детей так, чтобы они не голодали:

«А в Ростовской области когда жили, мы голода с мамой не ощущали. Я голода никогда не понимала, не знала, что это такое. И здесь когда были — братик натаскал нам зерна много, масла, муки, консервов. А уже когда там мы месяц жили (в Белой Калитве), у мамы было 4 платья крепдешиновых, она их поменяла на яблочки. Кто давал муки — она делала болтушку»².

«Нет, голода я как-то не ощущал, не запомнил. Но хорошо помню, как за хлебом ходили. В 6 часов, в 5 ходили. Старшие ходили, и я с ними, чтоб хлеб взять в таких формочках»³.

Те, кто провел детство в сельской местности, за пределами Сталинграда, нередко отмечали, что самыми голодными для них были первые послевоенные, 1946 и 1947 годы.

Иногда наших информантов смущали и даже возмущали попытки выяснить, каким был рацион их питания в годы войны, или какие радостные события запомнились из того времени. Для многих главным воспоминанием было постоянное чувство голода:

«Радостных воспоминаний о войне у меня нет никаких. Ничего. Я только знаю, что я хотела есть. Я только знаю, что я ждала мать. Когда она селедку приносила, я радовалась, когда она давала что-то, я радовалась. А когда она ничего не давала, я ничего уже не спрашивала. Я уже знала, что ничего нет. Какие радости? Когда в голове стоит одна еда, и она снится вам. И я уже была в таком состоянии, что уже и ходить-то не могла. Если бы не 2-е февраля, а где-нибудь 3-е марта, я может и уже жива не была. Я даже не помню, как я жива осталась. Она пошла, случайно узнала, устроилась на работу, и мы начали ездить, и появился хлеб. Я этот хлеб съедала сразу, не оставалось никаких крошек, ничего. И мама еще свой кусочек где-то прятала, чтоб еще вечером мне дать. Она наливала воды, варила из него суп и давала мне пить. Какие радости? Вы о чем?»⁴.

О том, как складывалась в Сталинграде и области ситуация с продовольствием в военное время позволяют судить исследования Н.В. Кузнецовой, Т.А. Павловой, Е.В. Австрийского и др.⁵ С началом Великой Отечественной войны вся

¹ Русина Ю.А. // Дети и война. С. 215.

² Ивахненко А.И. // Дети и война. С. 181.

³ Костин Н.П. // Дети и война. С. 252.

⁴ Стрельцова В.И. // Дети и война. С. 119.

⁵ См.: *Кузнецова Н.В.* Обеспечение населения Сталинграда продовольствием в 1943–1945 гг. // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945. Материалы научной конференции. Волгоград, апрель 1995 г. Волгоград, 1997. С. 100–106; *Павлова Т.А.* Указ. соч.; *Австрийсков Е.В.* Продовольственное снабжение сталинградцев в годы Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». 2013. № 3. С. 73–75; *Его же.* Организация помощи семьям красноармейцев и инвалидам Великой Отечественной войны в Сталинградской области в 1943–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. Исследования молодых учёных. 2006. Вып. 5. С. 6–9.

система снабжения населения страны продовольствием была коренным образом перестроена. К осени 1941 г. практически вся страна была переведена на карточную систему. В Сталинграде этот процесс проходил поэтапно: с сентября 1941 г. были введены карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия; с ноября — на мясо, жиры, крупы и макаронные изделия. Свободно покупать продукты можно было на колхозных рынках, но цены на них стремительно росли. В сельских районах области получать продукты по карточкам могли только представители партийной и советской номенклатуры, остальное население не имело такой возможности¹.

Особенно остро проблема снабжения продуктами городского населения встала к лету 1942 г., т.е. к началу Сталинградской битвы. К этому времени увеличилась численность населения в городе из-за значительного потока беженцев. Ситуация осложнялась тем, что железнодорожные линии и водные пути, по которым осуществлялась доставка продовольствия в город, подвергались обстрелам и бомбовым ударам вражеской авиации.

Т.А. Павлова показала, как в тяжелых условиях лета 1942 г. проходила организация уборки урожая в Сталинградской области, совпавшая по времени с началом военных действий в регионе. Несмотря на усилия властей по мобилизации населения на сельскохозяйственные работы, к 25 июля удалось собрать хлеб лишь с 9,3 % уборочных площадей. А с начала августа производить работы в колхозах и совхозах, расположенных на правом берегу Дона, было уже невозможно из-за начавшихся здесь боевых действий². С 15 июля 1942 г. по решению бюро обкома ВКП(б) началась эвакуация хлеба из Сталинградской области. Вывоз хлеба осуществлялась под ударами вражеской авиации по элеваторам, хранилищам и вагонам с зерном. Из разбитых элеваторов местные жители активно растаскивали уцелевшее зерно. Власти выставляли охрану, принимали другие меры для сохранения государственного имущества, но в итоге вывезти на левый берег Дона удалось лишь 67 тыс. т. из 140 тыс. т. хранившихся там запасов. По данным управления НКВД, необработанный хлеб остался на оккупированной врагом территории, и лишь незначительная его часть была роздана населению. Наряду с хлебом с территорий, на которые наступали фашисты, вывозился скот, техника, ценное имущество. Особенно оперативно и организованно эвакуировался колхозно-совхозный скот, но при этом не удалось вывезти до 70 % личного скота граждан³.

В Сталинграде ощутимые перебои с хлебом и связанные с этим очереди были отмечены уже летом 1942 года. Эта ситуация возникла в связи с тем, что немецкие войска отсекали основные железнодорожные магистрали, по которым осуществлялась перевозка грузов в город. Руководство города и области предприняло ряд мер для решения проблемы: хлебозаводам выдавалось топливо, началась реконструкция мельниц, к выпечке хлеба для мирного населения привлекались военные пекарни и пр. Но, несмотря на эти и другие меры, снабжение населения продуктами питания продолжало оставаться недостаточным.

¹ Австрийсков Е.В. Продовольственное снабжение сталинградцев в годы Великой Отечественной войны. С. 73.

² Павлова Т.А. Указ. соч. С. 121.

³ Там же.

Однако по-настоящему катастрофическая ситуация со снабжением населения города продовольствием и водой сложилась после бомбежек 23–28 августа, когда большая часть жителей сразу трех районов города потеряла свои жилища и имущество. Оставшиеся без продовольствия люди стали растаскивать продукты из брошенных без охраны магазинов и складов¹. Для прекращения мародерства с 24.00 ч. 25 августа в городе было введено осадное положение². Лица, занимавшиеся мародерством и грабежами, подлежали расстрелу на месте без суда и следствия. Т. А. Павлова указывала на вынужденный характер этих мер: было необходимо наладить снабжение горожан продуктами, а для этого взять на учет и организовать охрану имевшихся в городе запасов. Однако она же отмечала и негативную реакцию мирного населения на репрессивные меры властей, приводя для примера воспоминание Ю. Д. Стрельцова: «Когда город Сталинград горел, людям, уцелевшим от бомбежки, нечего было есть, а около [центрального] универсама был... склад с продовольствием, и люди побежали набрать какой-нибудь крупы, муки, сахару для еды. Когда люди побежали второй раз, там были военные из НКВД с автоматами. Кто набрал продуктов, бежал, а они стреляли по убегающим. Потом все эти продукты загорелись... И получилось — ни людям, ни себе»³.

После августовских бомбежек для организации снабжения населения продовольствием, борьбой с мародерством и восстановлением порядка в каждом районе города были организованы чрезвычайные комиссии во главе с первыми секретарями райкомов ВКП(б), которые подчинялись городской чрезвычайной комиссии. Борьбой с мародерством руководили также начальники районных отделений милиции (в Баррикадном, Ворошиловском и Кировском районах). В городе началось восстановление предприятий мукомольной и хлебопекарной промышленности.

Когда в конце августа город оказался на осадном положении, горожане продолжали работать на предприятиях, на сооружении баррикад, на восстановлении разрушенных коммуникаций. Наряду с выпуском боеприпасов и военной техники в городе продолжалось производство хлеба, масла и других продуктов. Вместе с тем в условиях приближения к городу противника значительная часть оставшихся на складах и магазинах продуктов и муки была вывезена за Волгу, другая часть передана воинским частям. В связи с массовой гибелью людей под бомбежками и эвакуацией за Волгу численность городского населения быстро сокращалась, тем не менее в городе все еще оставалось значительное число мирных жителей, нуждавшихся в продовольствии. Одним из направлений работы руководства города стала организация снабжения населения продуктами питания. Эта деятельность сводилась к выявлению запасов продовольствия, их охране и продаже населению⁴. Большое внимание уделялось работе хлебозаводов и пекарен. Жители города должны были снабжаться продуктами по спискам, которые передавались в торгующие организации, продовольствие выдавалось по паспортам⁵.

¹ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 86. Л. 14.

² ГАВО. Ф. 3159. Оп. 2. Д. 66. Л. 52.

³ Цит. по: Павлова Т.А. Указ. соч. С. 193.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 86. Л. 26.

⁵ Там же. Ф. 71. Оп. 2. Д. 86. Л. 21.

Однако реальное обеспечение горожан продуктами чрезвычайно затруднялось из-за экстремальной обстановки в городе: многие не попали в списки, так как скрывались от бомбежек в «щелях» и подвалах, не у всех были паспорта и деньги. Добираться до пунктов продажи продовольствия приходилось, рискуя жизнью. Согласно материалам, собранным и обобщенным Т.А. Павловой, в Ворошиловском районе города организовали 5 пунктов продажи продовольствия и открыли 2 столовые, в Дзержинском районе на 9 сентября работало 10, а на 14 сентября — 12 торговых точек. В Краснооктябрьском районе была организована торговля в 4 магазинах и производилась выпечка хлеба в 2 пекарнях¹. Мука и хлеб производились на восстановленных предприятиях, а также завозились с левого берега Волги. Снабжение горожан продовольствием в период осады города было очень скудным и неравномерным по районам города: например, в Ерманском районе торговали только хлебом, в бомбоубежищах центра города населению выдавали только муку (по 200–250 г в день на человека). В Тракторозаводском районе в период с 23 августа по 7 сентября на одного человека выдавалось на 5 дней: 1200 г муки (240 г в день), 200 г крупы (40 г в день) и по 100 г сахара на каждого ребенка. Граждане, не занятые в обороне, снабжались главным образом хлебом, солью и сахаром, а впоследствии — только мукой и крупой. Детям в единичных случаях выдавали масло, крупу и яйца. Гораздо лучше обеспечивались те, кто составлял отряды МПВО, заводские рабочие, семьи руководящих работников, дети-сироты². Для них были организованы места выдачи горячего питания. Основная же масса горожан вынуждена была добывать продовольствие самостоятельно, в том числе и путем мародерства. В самом тяжелом положении находились жители, не занятые в обороне, особенно в наиболее пострадавших центральных районах, которые снабжались главным образом мукой.

После того, как в Ворошиловском, Ерманском и Дзержинском районах в середине сентября начались уличные бои, снабжение продуктами их жителей полностью прекратилось. К концу сентября были разрушены все мельницы, а большая часть переправочных средств, которые могли доставлять в города продовольствие, передана действующей армии. В этой ситуации при интенсивном обстреле переправ резко ухудшилось снабжение мукой и хлебом населения неоккупированных городских районов. В октябре 1942 г. в Кировском районе — единственном неоккупированном — нормы снабжения населения продовольствием сократились еще более: рабочим, занятым на производстве, выдавали по 500 г хлеба, детям и членам семей военнослужащих — 250–300 г в день. Обеспечивались хлебом работавшие в воинских частях вольнонаемные женщины. Остальному населению Кировского района выдача хлеба была временно прекращена³.

Трудности с питанием были и у тех, кто смог эвакуироваться из Сталинграда. Многие из них, не получая никаких продуктов, стремились вернуться обратно в город. В документах сообщалось, что в Сталинграде среди 100 женщин и детей, укрывавшихся в подвале под крытым рынком, были те, кто выезжал в Красную

¹ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 233.

² ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 71. Л. 11.

³ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 259.

Слободу, но вернулся обратно. Эти люди объясняли свое возвращение тем, что в Красной Слободе им не давали продуктов, а в Сталинграде они получают по 200 г муки на человека. Не только плохо обеспечивались продовольствием, но нередко голодали также и те сталинградцы, которые были вывезены в Заволжье, и либо осели там, либо следовали транзитом в другие районы страны. Только 19 сентября облисполком обязал областной торговый отдел «организовать питание для эвакуированного населения г. Сталинграда, проходящего через населенные пункты Ленинск, Среднюю Ахтубу, Палласовку, Владимировку, Верхний Баскунчак, Николаевку, выделив для этого необходимое количество продуктов»¹.

В период уличных боев в городе и оккупации началось массовое изъятие продуктов и ценных вещей у оставшихся в городе жителей вражескими солдатами. Об этом вспоминали многие из наших информантов:

«И вот заходят немцы к нам во двор на 7-й больнице. У нас собака была, Тобик. И он сразу кинулся — чужие же. И он в него выстрелил. Мама выскочила — вдруг меня убили. Тобик завизжал... Они же идут как — они цари, боги, завоеватели, все холеные. Пришли, посмотрели, что у нас, а у нас уже ничего не было, уже голодные сами ходили. Может, в деревьях что-то и было. А у нас были корова и теленок. Но как началась бомбежка, бабушка их выпустила. Но потом нам сказали, что немцы поймали их и зарезали. А у нас нет ничего»².

«Но над нами немцы так не издевались, как румыны и украинцы. Вот украинцы, они все мужики здоровые, плотные, у них у всех дубинки. Ты что-нибудь делаешь, а он тебя этой дубинкой. Румыны, и они все что видели, все забирали. Варится у тебя пшеничка — какую могли, собирали, перетирали, просеивали и из получившейся мучицы, это ведь даже не мука, кашницу варили. Или картошка мерзлая, её тоже достанешь, помоешь, перекрутишь и сделаешь “тошнотики”, так их называли. Они все отбирали»³.

Когда голод стал испытанием и для вражеских солдат, за любые съестные припасы разворачивалась настоящая борьба между ними и горожанами:

«А есть-то нечего, они ходили, кругом ходили. Во-первых, немцы сначала вещи собирали. Потом, когда их прижали, им тоже есть нечего, они забирали все у нас. А деду давали на фабрике кур, отруби. И в развалинах вот это все прятали. Так немцы выследили, и бабушка ночью кирпичики в этих развалинах ставила, разжигала и вот эти лепешки пекла. Немцам тоже жрать нечего, он по запаху нашел. И мы сидим, дети голодные, а он сам поел и с собой еще забрал. И выследили так, что на следующий день там, или через сколько, нашли этот оклунок. И, значит, забрали, тащили, а у них типа штаба, как я называл, где-то они располагались. И вот я помню, и мама помнит: рыжий такой немец, конопатый, тащил этот оклунок. Мама за ним, кидается на него, я за мать, за подол. Он развернется и меня сапогами в сторону, по лицу. А другие два немца стоят на охране и хохочут.

А потом я вырос и у мамы спрашиваю: “Мам, ну, вот я помню такой момент, как же это?”. А она говорит: “Вот я обезумевшая была и ничего не понимала.

¹ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 270–271.

² Калтыпина В.И. // Дети и война. С. 124.

³ Казменкина И.К. // Дети и война. С. 161.

Сейчас-то я понимаю, что я рисковала, а тогда — это все было, нечего есть было»¹.

Добывать продовольствие в разрушенном городе приходилось в основном женщинам, но активное участие в этом процессе принимали и дети. Они осуществляли это доступными для них средствами, главным из которых было собирательство. Дети употребляли в пищу и приносили для дальнейшей обработки матерям травы, ягоды, зерна, коренья, мелких грызунов и пр.:

«Мы поели всю траву вокруг, крапиву, лебеду, супы мама варила на этой траве, а мы калачики ели. По всему району вдоль заборов, куда бы ни пошли, росла мальва, маленькие зернышки съедобные, просто зелененькие, просто травка, но они, можно сказать, даже безвкусные. Потом мы эту травку всю съели, и листочки, и до корешков доходили, так хотелось есть. И поэтому у нас в районы не было мальвы до прошлого года, мы, дети, съели ее, эту траву. Нас же никто не караулил, не сторожил, а есть хотелось... Мама варила суп из травы, всю крапиву поели, мы ездили на саночках за хворостом на затон, где сейчас маяк. Топить-то печку нечем было, и там где были дубы, мы собирали желуди. Мы пекли их на печке, они горькие были. А есть хотелось. И потом люди добрые были, делились всем, что было... На маслобойном заводе делали масло горчичное, подсолнечное для фронта. Там был жмых, который, конечно, не выбрасывали, а давали людям, которые жили поближе. Мы теперь жили дальше от этого завода, далеко от Изобильной. И люди ходили, набирали жмых горчичника и подсолнечника. Горчичный очень горький был. Горчичник мама кипятила, промывала, сливала воду, потом сушила и из него пекла лепешки. Макуха редко нам доставалась. На Волге мы добывали ил, и сосали его. Гену у нас часто угощали»².

«Бабулька и мама готовили еду, отец работал, мы — дети помогали бабушке собирать желуди, траву, бегали на рыбалку, стояли за хлебом. Голод чувствовался везде, есть хотелось часто. Мы собирали лебеду, солодик. Лебеду собирали по берегу Волги, но говорили, что она там вредная. Желуди собирали, потом их кололи и мололи на самодельной мельничке, сделанной отцом. Также собирали паслен, из которого летом делали лепешки. Во время войны был недалеко от нас госпиталь Волжской военной флотилии, мы бегали туда собирать картофельные очистки, их и ели, варили из них похлебку. Воду в основном таскали из Волги, бегали к роднику там, где верхняя Судоверфь. Помню, что мать приносила с завода сахарин, было это очень редко. Сахарин был как шоколад. Мать брала сахарин, был он в виде тонкой плиточки, и опускала его в горячую воду, растапливали и макали в него лепешки из желудей, они были горькие, оладьи из паслена также ели: макали в воду с сахарином. Все старались помочь друг другу, чем могли, в основном в сборе травы, желудей»³.

Важнейшей добычей считалось зерно: обгорелое, его таскали из разрушенных элеваторов, добывали из колосков, собранных в полях, доставали (ныряя в Волгу) из затонувших барж, подбирали на железнодорожных вокзалах высыпавшееся из вагонов. И почти всегда делалось это с риском для жизни, под угрозой

¹ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 71.

² Земцова Ф.Н. // Дети и война. С. 318.

³ Таранов А.В. // Дети и война. С. 170–171.

попасть под пули или снаряды. Собранные зерна перетирали на самодельных жерновах, толкли в ступках (иногда их делали из гильз снарядов), перемалывали на мясорубках. Часто приходилось предварительно очищать зерна от осколков стекла, песка и грязи. Полученную муку расходовали чрезвычайно скупно: подсыпали в кипящую воду, делая таким образом «болтушку», для выпечки лепешек смешивали со жмыхом, отрубями, выпаренной горчичной шелухой, травой и пр.

Нередко подкармливали местных жителей, отдавая свои пайки, советские солдаты. Дети иногда пробирались под обстрелами к красноармейским кухням, где их кормили и давали еду с собой. С чувством благодарности об этом вспоминали многие. И совсем другие чувства — стыда и негодования — связаны с памятью о том, как перепадала детям случайная еда от врагов:

«Я помню, как на кострах варили дохлую конину. Потом мы переправились на другой берег Калача. Как сейчас помню, что вверх от берега была дорога, по которой поднималась немецкая машина, откуда мне бросили хлеб. Я бросилась на дорогу, где в пыли лежал кусочек темного хлеба, а немцы смеялись надо мной»¹.
«Недалеко был Краснодонск. Там мне запомнилось то, что мы детьми стояли перед столовой, где ели немцы, они нам бросят пустую консервную банку, а мы ее облизываем, а они смеются. Не хочу это вспоминать, это такое унижение было»².

Впрочем, записаны нами и случаи, которые вспоминались с благодарностью:

«Но были такие случаи, придешь, а есть хочется. К кухне их подойдешь, они там варят, своих кормят. Говоришь: “Пан, кушать?!” Или потому что видели, что маленькая с ведерком стоит, он мне говорил: “Стой!” Постоишь, они поели, и он к себе подзывает. И я руками, что можно — в ведро, а что нельзя пальчиком с чанов облизывала. Я к ним нормально отношусь»³.

В период бомбежек не только взрослые женщины, но и дети-подростки добывали продукты путем мародерства и воровства. Впрочем, в городе, почти полностью разрушенном бомбежками, добыча продуктов с разрушенных складов и магазинов уже не воспринималась и не осознавалась в качестве девиантного поведения, однако по-прежнему была сопряжена с риском для жизни:

«После этого несколько суток затишья — ни наших, ни немцев. Только редкие налеты немецких бомбардировщиков. Стали выходить из бомбоубежища за водой и пищей. Город горел. В разрушенных и сожженных магазинах, складах, пекарнях, вагонах с трудом и риском добывали зерно, муку, кое-как питались»⁴.

После освобождения города жители принялись активно осваивать земельные участки под бахчи и огороды. Основой жизни в разрушенном городе становилось натуральное хозяйство. Собственное домашнее хозяйство с домашними животными, бахчами и огородами было основой выживания жителей города (большую часть застройки которого составлял частный сектор) и в послевоенные годы:

¹ Сталинградское детство. С. 138.

² Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 40.

³ Казменкина И.К. // Дети и война. С. 162.

⁴ Сталинградское детство. С. 187.

«А потом дома был свой огород, и мы тоже дома с бабушкой — бабушка то работал, а бабушка — дома по хозяйству, и мы работали там. У нас тоже свое место было, и она утром идет, а мы еще спим все. Она собрала помидорчиков, вишни, огурчиков набрала, пошла на рынок, вот как-то у нее такая жилка была, что она могла все это продать. Продала, а на эти деньги пошла купила мяса, сметанки, там, что у нас не было, сливочное масло. Мы встаем, а она уже пришла отсюда и принесла все свежее — да, пожалуйста! Завтрак уже готов. Хотя и жили бедно, ничего у нас... мама вот пойдет и если она там пряников купит или конфеты какие-то, то для нас это было, конечно, праздником. А вот такие продукты, самые простые, крупы там, мука — бабушка всегда пироги пекла, они всегда у нас были. Уже такого чувства голода, как в период войны, когда негде было что-то купить, такого не было. Уже можно было за счет своего хозяйства, и в достатке всегда были»¹.

«В мае, окончив 4-й класс, я начал осваивать огородничество. Парк на берегу Волги поделили на небольшие участки и начали засаживать кто чем. Огородниками мы были не ахти, вода далеко — носили ведрами. Мать целыми днями работала, возиться приходилось в основном мне. Но редиска, лук, свекла и кое-что еще, сейчас уже и не вспомню, как-то росло. Собственно, свеклы дожидаться не успели, но хорошо помню суп из свекольной ботвы, чуть приправленный пшеном, и такой же из лебеды, которой в наших краях всегда изобилие»².

Еще одним каналом обеспечения продуктами жителей Сталинграда после его освобождения стала помощь союзников. Приходящие в посылках продукты обычно воспринимались детьми как абсолютная экзотика:

«В те голодные годы мне особенно врезалась в память раздача экзотических подарков из американских посылок для голодающего освобожденного Сталинграда. В пакете были галеты, финики и другие вкусные вещи. Очень хотелось все съесть немедленно и в то же время оттягивали этот момент, чтобы продлить ощущение счастья»³.

Однако в осажденном и оккупированном Сталинграде самым ценным продуктом питания был хлеб. Дети о нем мечтали, видели его во сне и по прошествии многих лет могли подробно и детально описать сорта хлеба с указанием норм его выдачи и цены:

«В 1939–1940 гг. наступили перебои с хлебом, и его начали развозить по домам по спискам, полкило на человека. Поскольку мать находилась на работе, я непременно должен был дежурить около дома, чтобы хлеб не прозевать. Хлеб до послевоенной реформы 1947 г. был развесной. Нам на двоих полагался килограмм. Это составляло приблизительно половину буханки с обязательными приколотыми деревянной палочкой одним-двумя небольшими довесками. Развозил его возчик на телеге с фанерной будкой и списком, наклеенным на фанерный лист. Перед началом войны жизнь заметно улучшилась. В 1941 г. хлеб в магазинах продавался уже свободно. Было шесть сортов: черный ржаной по 75 коп.; белый ржаной (“пеклеванный”) по 1 руб. 30 коп.; черный пшеничный (“размольный”) по 90 коп. и белый пшеничный по 1 руб. 50 копеек. Был еще более белый

¹ Шаталова М.Г. // Дети и война. С. 97.

² Сурдутович А. Как это было. С. 15.

³ Сталинградское детство. С. 234.

по 2 руб. 70 коп. и из такой же муки, но с изюмом по 3 руб. 10 коп. Родился даже анекдот: “У вас изюм есть?” — “Нет”. — “А хлеб с изюмом?” — “Есть”. — “Наковыряйте мне сто грамм”. Как продолжение анекдота сложилось: снять с какой-либо техники детали на запчасти — наковырять изюм из булки. Интересно, что и цены эти по карточкам до самой реформы 47-го не изменились. Разумеется, о белом хлебе речи не шло. На базаре же буханку хлеба можно было купить за 150–300 руб. при очень хорошем заработке около тысячи. Уже после войны продавался без карточек так называемый коммерческий хлеб, один килограмм в одни руки. Цену не помню, но чтобы его “достать”, очередь нужно было занять с ночи. Но это я забежал сильно вперед.

Карточки в Сталинграде ввели с 1 сентября, через два месяца с небольшим после начала войны. Помню нормы: рабочим — 800 грамм; служащим — 500 грамм; иждивенцам (пенсионеры, дети) — 400 грамм. И за этим нужно было выстоять многочасовую очередь. Сейчас столько хлеба никто не ест, но нужно понимать, что кроме хлеба, мизерного количества масла и сахара ничего не было. Началось голодное время. Не в том смысле, что люди умирали с голоду, а в том, что постоянно хотелось есть»¹.

Большие проблемы у жителей города и в период бомбежек, и во время оккупации возникали с водой. Жажда, по словам тех, кто оставался в военном Сталинграде, переносилась значительно тяжелее, чем голод. И доставалась вода нередко ценой человеческой жизни. Еще в период бомбежек в городе был разрушен водопровод, и жители брали воду из колодцев, уцелевших в частном секторе, из родников в оврагах, из Волги. Иногда до ближайших источников воды приходилось пробираться несколько километров под обстрелами и бомбовыми ударами. Обычно такие вылазки делали в ночное время. Облегчение наступило зимой, когда можно было получать воду, растапливая снег. Вода в Волге и оврагах нередко была смешана с кровью:

«Утром после ночного боя, когда все утихло, я взял ведро и пошел за водой к ледовому ручью. Впереди меня с коромыслом шла бабушка из соседнего убежища. Не доходя до ручья, она упала. Из правого виска ее шла кровь, ее убили фашисты. Ямки у ручья стояли с кровью. Я все-таки набрал воды в том месте, где было меньше крови. Мама сказала: “Ничего, Юра, мы ее прокипятим”. После говорили, что на этой возвышенности погибло много наших солдат — это была их кровь»².

«Близко к Волге нельзя было подойти, столько там было крови. На берегу лежали окровавленные тела и части тел. Было страшно, и мы убежали оттуда без воды»³.

Многие вспоминали о том, как и какой ценой добывали воду:

«Мы выбрались из землянки, нашли вблизи несколько водоводных колодцев с чугунными крышками и спрятались в них. Несколько дней находились в колодцах без воды и еды. Мать собирала ложкой росу с крышки и поила младшую сестренку»⁴.

¹ Сурдутович А. Как это было. С. 9.

² Сталинградское детство. С. 189.

³ Там же. С. 244.

⁴ Там же. С. 112.

«За водой ходили на элеватор тоже так. Воду там брали. Там была какая-то труба от элеватора в яме такой, я не знаю откуда. Наверное, там какое-то сооружение было. И не только мы воду там брали, там все люди, кто мог, ходили туда за водой. Вот она там струечкой текла, и мы там сидели, и ждали, пока наберется вода. И шли так — ага, дошли, значит, дошли, нет, значит, нет. Потом ходили на Волгу за водой. Уже потом, когда город освободили, мы ходили на Волгу. Придешь на Волгу, особенно уже в март месяц, трупы плывут. Труп оттолкнешь, воды наберешь и пошел.

Но самое страшное — это без воды. Без воды приходилось сидеть. Вот, когда все тут горело, воды нет. Мы забежали в какой-то двор, и там был колодец, а в нем вода горько-соленая. А у меня, у маминой сестры был Володя, он еще живой сейчас. И ему было два годика, наверно, и он: “Пить, пить, дайте пить”. Ему: “Вова, подожди, водички нет, подожди”. Он: “Чтобы вам бомбы сюда упали!” Ну, глупые же мы. И когда мы пришли сюда, а вода горько-соленая. И я помню, мама набрала в банку, и я говорю: “Мам, дай я напьюсь”. Она мне: “Вода горько-соленая, что ж ты ее пить будешь?” И я эту воду выпила, как будто она не соленая была. Я когда попала на море, первым делом покушала воду, честно Вам говорю. И думаю, не-е-ет, эта вода в море не соленая»¹.

Наряду с хлебом и водой в рационе питания взрослых и детей были и различные комбинации этих двух основных компонентов с добавками какого-то третьего (обычно малопригодного для употребления в пищу): водяные супы и замешанные на воде лепешки. С появлением новых (нередко просто подзабытых горожанами) блюд появлялась и соответствующая терминология для их обозначения: тюря, суп-болтушка, лепешки-преснушки и лепешки-гошнотики (из мерзлых картофельных очисток). С появлением продуктовой помощи союзников распространился термин «второй фронт», применяемый к американской тушенке. А Сурдутович в своих воспоминаниях перечислял термины, используемые горожанами в период действия карточкой системы для обозначения способов добычи продуктов: «отоварить», «выдать», «получить», «отпустить», которые вытеснили привычные ранее «продать» и «купить»².

Широкое распространение в условиях начавшегося в городе голода получили пищевые аномалии, т.е. употребление в пищу продуктов, признаваемых ранее несъедобными. В качестве еды использовали горчичную шелуху, жмых, шкуры и мясо павших животных, пищевые отходы. Зимой 1942–1943 гг. в городе исчезли кошки и собаки. Дети ели глину, ил, вшей:

«Голодно было и холодно. Вшей своих ели. Залезу в волосы, горсть вытащу и сижу, ем, и не я одна так делала, вот так вот. <...> Я все ела. Порой приду на Волгу, а там ил, я колышком с него песок сниму, а ил съем. Как выжили — не знаю. Мы почти все растения ели, акацию объедали, что-то типа подорожника, ну, в общем, мы все ели. Все поедали. Какой там быт, голод один. <...> Вот про еду еще — порой пойдешь на рынок, а там люди рыбу чистят, кожуру соберешь, поджаришь и ешь эти корочки»³.

¹ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 383–384.

² Сурдутович А. Как это было. С. 76.

³ Казменкина И.К. // Дети и война. С. 161.

«На Кожзаводе обрывки кожи собирали, мама потом их варила. Однажды вдоль железной дороги шел состав с касторкой, и на железнодорожном полотне было много касторки. Мы с детьми наелись ее, и я отравилась»¹.

«А зимой мама с соседкой ездили на горчичный завод в Сарепту и привозили оттуда шелуху горчичную. И вот мама ее выпаривала. У соседей был мальчик маленький, и когда они выпаривали эту шелуху, а она же горькая, в глаза лезет, а он сидит, плачет и говорит: “Я пышки хочу!”. Они ее как-то выпаривали и делали горчичные пышки. Вот еще этими горчичными пышками кормились. А вот когда есть совсем нечего было, наверное, в 1947 году — тогда же хлеба не было, все по карточкам давали, тогда со стен просто соскребала и сосала; есть хотелось, а нечего поесть»².

«Есть нечего, ходил тайком к какой-то яме, откуда доставал кишки то ли лошадей, то ли собак»³.

В определенном смысле слова аномальными были в некоторых случаях и способы приготовления еды: на пепелищах собственных домов:

«Потом, папа уже, когда пришел, холодно было, мама приходит и говорит: “Вань, у нас дом загорелся”. А дом был деревянный, шелеванный. Знаете, шелеванный? Досочками такими отделан, с резными окнами. И говорит: “Около дома горело троссирующее поле”. А папа говорит: “Слушай, Валь, нам все равно в этом месиве не выжить. Пускай горит, хоть картошки испечем”. И вот к утру дом рухнул. Мы, конечно, испекли картошки, у нас был праздник — печеная картошка»⁴.

«Пока жили в убежище, наши матери по очереди грели какую-то еду на углях сгоревшего дома»⁵.

Нормой военного Сталинграда стало приготовление и употребление пищи преимущественно в ночное время суток, что, безусловно, было аномальным для мирного времени. Связано это было с тем, что чаще всего в ночное время наступало затишье в боевых действиях; ночью также можно было не опасаться прихода с обыском оголодавших немецких солдат:

«По ночам готовили пищу, по ночам и мертвых хоронили в садах»⁶.

«В декабре немцы начали каждый день ходить к нам с обыском. Искали продукты. У меня было немного зерна, я его прятал от них. Похлебку варил только ночью. В январе 1943 года немцы все-таки нашли у нас зерно, отобрали, а меня избили»⁷.

Война внесла существенные коррективы не только в способы получения продуктов и в оценки степени их съедобности или значимости для выживания; изменился также и характер потребления пищи, сформировался целый ряд связанных с этим пищевых запретов и предписаний. Не только в памяти наших информантов,

¹ Сталинградское детство. С. 183.

² Калтыпина В.И. // Дети и война. С. 127.

³ Сталинградское детство. С. 108.

⁴ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 106.

⁵ Сталинградское детство. С. 75.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же. С. 146.

но и в их последующей жизни остались традиции обязательного раздела еды с окружающими людьми, привычки употреблять в пищу хлеб в качестве самостоятельного блюда, есть его маленькими кусочками; предпочтение горбушек и пр.:

«В детдоме воспитатели очень добросовестно относились к своей работе, чувствовалась их забота. Но, в то же время, голод преследовал нас и там. Были карточки, по ним давали кусочек хлеба. Мы этот хлеб сразу не ели, прятали то в рукав, то под подушку, и ели потом. У меня привычка кушать без хлеба сохранилась и по сей день»¹.

«Вот сестре давали карточку — 500 грамм, и мне — 300 грамм. Я куплю хлеб. А хлеб был как камень. Вот я получу этот хлеб на карточки, разделю на четыре части. Одну часть продам, чтобы завтра хлеб выкупить, одну часть — до вечера мне, одну сестре к заводу принесу, чтобы ей дать. Вот это вот весь быт наш — 800 грамм хлеба, больше ничего. Откуда мы купили? Не знаю, откуда. Сестра купила где-то ведро квашеной капусты. Так это казалось, что это сладость, это мед, что-то невероятное. А остальное — я продам вот этот хлеб и куплю себе стакан семечек. Вот это я целый день по семечкам этим»².

«Помню, я выходил во двор со “сталинградским пирожным” (кусочек хлеба, смазанный горчичным маслом. — *Прим. авт.*) и проходил мимо пацанов. Тогда была такая дворовая заповедь: любой мог подойти и сказать: “Дай малость”. И нужно обязательно дать кусочек, нельзя отказывать. И вот я выходил и одаривал желающих кусочками»³.

«Не приведи Господь еще раз войну увидеть! У меня если нет 2 саяк хлеба в запасе, я уже говорю: “Валера, хлеба нет!” Он говорит: “Бабушка, ну там сайка еще и булочка!” — “Валера, ну купи еще саячку!” У меня осталась боязнь голода. Я боюсь вспоминать даже»⁴.

«До сих пор я, если что беру, разделю с девочками. А мама у нас до сих пор семечки делит»⁵.

Привычка принимать пищу ночью сохранялась у многих детей и после освобождения города, о чем вспоминали впоследствии воспитатели детских домов:

«Воспитатели думали, что они никогда не накормят детей. Все сначала просили только хлеба. И, когда получали кусочек, сосали его как конфету. Некоторые просили есть ночью»⁶.

Особым стереотипом военного и послевоенного времени стал хлеб с довесками, которые особенно любили дети. Взрослые позволяли им есть довески, не включая их обычно в общесемейный раздел:

«Хлеб тогда выпекался приблизительно в двухкилограммовых буханках. Приблизительно, потому что он все равно, как я уже упоминал, продавался по весу. Один-два довеска за многие годы стали необходимым психологическим стерео-

¹ Миронова Р.Г. // Дети и война. С. 157.

² Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 385.

³ Интервью с В.И. Мамонтовым. Интервьюер М.А. Рыблова, 23.10.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Бульбулькина (Иголкина) // Дети и война. С. 326.

⁵ Гришина Д.И. // Дети и война. С. 111.

⁶ Война глазами детей. С. 115.

типом. Без них хлеб воспринимался как бы полученным не полностью. И было особенным удовольствием съесть эти кусочки в 30–50 грамм по дороге домой»¹. «Когда хлеб нам давали, то продавщица всегда маленький довесочек от нашего же куска клала, этот довесочек я съедала, пока домой шла, но больше я крошки от хлеба не ела»².

Употребление хлеба и других продуктов было связано с особой бережливостью и попытками продлить этот процесс как можно дольше:

«Хлеб давали по 125 грамм. Черный. Вот как сейчас Бородинский, а тот — еще хлеще. Такой тугой хлеб. Он для нас был как конфетка: мы его не ели, а сосали, чтобы на дольше хватало»³.

«Вот мама ножом отрежет хлеб, это еще по карточкам давали, отрежет нам, а хлеб налипнет на этот нож, так мы с ножа собирали! И ели. Какие голодные были!»⁴.

«У тети Дуси была маленькая бутылочка с маслом, она обмакивала в ней палочку и окунала ее в суп или кашу»⁵.

Щемящий рассказ, относящийся уже к послевоенному времени, о том, как страдала пожилая женщина, съевшая половину хлебного пайка, предназначеного вунку, записан нами от Ю. Ф. Севостьяновой:

«Сейчас вот расскажу случай. Моя бабушка... А тогда было так... вот, где сейчас парк Гагарина, прям буквально через дорогу, братишка мой ходил в детсад. Это здание до сих пор сохранилось. Вот братишка в тот садик ходил после войны. И было так: если ребенок заболел (голод же свирепствовал несколько лет), бабушка или кто-то из родственников шли в садик с посудой и брали весь рацион ребенка: там, супчик какой, кашку какую в посудочки и маленький кусочек хлеба. Бабушка вот шла и несла все это. А вот насколько был соблазн к этому кусочку хлеба! Она раз крошечку, второй раз крошечку. Глянула, а полкусочка нет. Она чуть в петлю не полезла! Она так кричала, так плакала, что оголодила ребенка...»⁶.

Большинство наших информантов назвали самым радостным событием в их детстве отмену хлебных карточек в 1947 г., дававшую возможность избавления от строжайшего нормирования потребления хлеба. Это событие запечатлелось в памяти многих деталями и подробностями, в которых и запах свежеевыпеченного хлеба, и облик магазинов, и заваленный буханками кухонный стол:

«А вот потом у нас радость была, когда в 1947-м году отменили карточки. Я помню, что когда я потеряла карточки, меня мама била, она меня за волосы прямо таскала. У нее клок волос моих остался в руках, она настолько была в отчаянии. Чем жить? Как жить? И вот в 1947-м отменили карточки. Единственное, что я помню, что я шла в этот магазин, и этот хлебный запах еще был издали, тогда ж был натуральный хлеб. Запах этот хлебный был по всему поселку. Я

¹ Сурдутович А. Как это было. С. 75–76.

² Лопаева С.М. // Дети и война. С. 21.

³ Олейникова Л.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 342.

⁴ Тарасова С.А. // Дети и война. С. 358.

⁵ Сталинградское детство. С. 183.

⁶ Севостьянова Ю.Ф. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 80.

булки брала, батоны, я не хлеб брала. Я помню, что я их ела, день и ночь я их ела, думала, я никогда ими не наемся. И я каждый день шла к этому магазину и издали еще смотрела, не закрылся ли он? А он был в подвале. Не верилось, не верилось. И только когда мы наелись за недели две, тогда только...»¹.

«Помню, как в 1947-м году отменили хлебные карточки. Наверное, власти предполагали, что спрос на хлеб будет огромный. Все же впроголодь жили. И в городе открыли очень много точек продажи хлеба. Хлебом в первый день отмены карточек торговали буквально на каждом углу. И все члены нашей семьи его накупили очень много. Каждый идет и думает: а вдруг мать не смогла купить, куплю я. И так все мы. А, главное, так это было приятно покупать хлеб свободно, сколько хочешь. Это такое событие было! Я купила несколько буханок, прихожу домой, а весь стол хлебом завален, мои уже и положить некуда»².

Даже с появлением в свободной продаже конфет и пряников, многие дети продолжали просить у своих матерей именно хлеб, считая его самым лучшим лакомством:

«Помню отлично, когда отменили карточную систему, мама повела нас в магазин, это был какой-то кооперативный магазин что ли, он находился там, где сейчас стоит кирха на улице Пражской. Это был магазин для железнодорожников, но и другим тоже можно было там покупать продукты раз в неделю. Когда мы вошли в этот магазин, то мама спросила нас с сестрой, что нам купить. Там были конфеты, пряники, но мы попросили калач, круглый, большой, его из Саратова привозили. Продавщица стала говорить: “Что вы, девочки, мама сейчас вам может купить и конфет, и сахара!” Но мы с сестрой заревели, так просили калач. Мама купила. Я ничего вкуснее этого хлеба, мне кажется, не ела. Когда мы принесли его домой, это было сравнимо с тортом или пирожным»³.

В первые послевоенные годы, когда в свободной продаже стали появляться «довоенные» продукты и лакомства, обнаружился феномен первооткрытия для многих детей отдельных видов еды: яиц, шоколада, пирожных и пр.:

«Помню, как после войны нам, детям, стали раздавать пирожные, а всем детям сказали, что это торт. А я встала и гордо всем ответила, что это пирожные, а еще есть мороженое. Дети тогда голодные были, не знающие, что это. Ну и, конечно же, мне никто тогда не поверил»⁴.

«Если вот Светлана кур видела, какие-то яйца видела, то мы — нет. Мы ели лебеду»⁵.

«Однажды приехала мамина подруга, ее муж долго жил в Германии. И вот она позвала меня к себе и дает мне маленькую мину с рожками, кладет мне ее в сумку и говорит: “Идешь домой, и нигде не останавливаешься, никому не говоришь, что ты в сумке несешь, а дома пусть мать или отец ее обезвредят”. Я пришла домой и заявила, что Инна Фёдоровна мину вам передала. Мама достала эту мину, бабушка была в шоке, но мама открыла эти рожки, и это ока-

¹ Стрельцова В.И. // Дети и война. С. 119.

² Гаврилова В.А. // Дети и война. С. 211.

³ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 21.

⁴ Интервью с Л.С. Поляковой, 1935 г.р. Интервьюер Е.А. Лисовая, 20.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁵ Олейникова Л.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 341.

зался фигурный шоколад, сделанный в виде мины. Когда мне дали кусочек, то я сразу вспомнила вкус шоколада. Валя тоже. А Витька выплонул, он не понимал этого вкуса, хотя ему было уже лет пять. Многих вещей дети того времени не знали»¹.

Рассказывая о голоде и жизни впроголодь, наши информанты нередко вспоминали и о традициях взаимопомощи, вновь набравших силу среди взрослых в экстремальных условиях военного времени и ставших одной из ключевых стратегий выживания:

«Особых сложностей в быту я не помню, запомнилась только людская дружба и взаимопомощь. Вот, например, когда я потерял карточки на хлеб, мы пошли к соседям, и они нам дали свои. Потом мы им яички отнесли, т.к. у них не было»².

О подвижничестве своей бабушки, кормившей обездоленных людей в своем селе, вспоминала Р. А. Малышева (Чернецова), отмечавшая общее ощущение взаимного родства односельчан в годы войны:

«В начале Сталинградской битвы мы жили уже в селе. У нас были куры, козы, у нас была корова. Помню, как бабушка доила корову и раздавала молоко всем в деревне, по всей деревне, по баночкам. Помню, на столе у нас стояли баночки — много-много, кастрюльки, в общем, все приносили, и бабушка разливала и раздавала соседям это молоко. Не хватало ведь ничего, хлеба не было вообще. Я еще помню, как я ходила по берегу и рвала лебеду. Бабушка мелко-мелко ее резала и на отрубях заделывала лепешки из этой лебеды. И тоже мы делились кусочками, резали на мелкие треугольнички эту лепешку и тоже всем-всем раздавали. Причем, собирались все у церкви, все люди, кто имел хоть немножечко продовольствия, все всё несли к этой церкви или относили прямо в саму церковь и в церкви еще раздавали еду. Помню, что мы с деревьев снимали кору и мелко-мелко толкли ее в ступе. Бабушка наливала в аппарат для толчения масла молоко и мы сбрасывали эту кору в этот аппарат, а потом толкли этой ступкой, смешивали с лебедой, потом в печь и ели эти лепешки. У нас была русская большая печь, мы ее топили, и родственники по папиной линии к нам приходили, и все дети, у кого было холодно, шли к нашей бабушки, чтобы согреться на печи. Взаимопомощь была необыкновенная. Как родственники все стали. Вот так сплотила эта война, что все стали просто от души помогать друг другу. Делились всем, чем могли. Не было такого, что кто-то жил хорошо, кто-то плохо, всё село объединило это горе и все стали равны»³.

Воспоминания о голоде и связанных с едой ощущениях и переживаниях преследовали детей Сталинграда и после того, как они уже стали взрослыми (так же, как и память о бомбежках). Многие хотели вновь испытать те чувства и ощущения, которые вызывали у них съеденные когда-то в условиях голода продукты. С этой целью они проводили своеобразные эксперименты, пытаясь приготовить кашу-размазню, или заморозить на балконе кусочки хлеба:

¹ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 22–23.

² Савин С.А. // Дети и война. С. 173.

³ Малышева (Чернецова) Р.А. // Дети и война. С. 475.

«И еще одно воспоминание о дороге в Сталинград, что в Поворино (это я потом узнал) нас кормили кашей гречневой с постным маслом, в деревянных плошках, деревянными ложками... Я всю жизнь готовлю неплохо. И всю жизнь пытался сварить такую вкусную кашу, и у меня не вышло. <...> Еще раз повторю, я неплохо готовил. Я всю жизнь вспоминал два вкуса: лепешки из мороженных картофельных очисток и вкус гречневой каши. Лепешки готовили так. Мама где-то работала, и она приносила картофельные очистки — немножко. Их прокручивали через мясорубку и клали на печку-буржуйку. Я всю жизнь пытался вспомнить этот вкус. И вот года два или три назад прихожу к нашим ленинградцам и говорю: «Ребята, вспомнил! Во рту вот этот вкус!» Я через два дня наморозил этих шкурок — и на сухую сковородку. Но ничего не получилось. Гадость! И вот эту гречневую кашу-размазню помню. Вкусная! Никогда не смог сварить такую. И дело не в том, что продукты сейчас другие, другая вода. Нет, не в этом дело. Когда жрать не дают... Когда вы приходите в магазин, сытно пообедав, тогда вам то не надо, это не надо. А на голодный желудок вам все кажется вкусным»¹.

«Еще, когда мы жили в Ростовской области, дедушка ходил на зайца, капканы ставил. Раз, я помню, лису принес, ее сам выдeldывал, и у нас столько лет вот она, ничего из нее мы не делали, он сам ее обработал, лапки и все, и вот эта рыжая лиса была у нас, возле кровати лежала. Бабушка ему давала с собой хлеба, а он приносил обратно этот замерзший кусочек. Ты знаешь, мне казалось, какой вкусный! Дедушка всегда говорил: “Галинка, тебе лисичка гостинец прислала”, — и вытаскивает это кусочек хлеба мерзлый. Уже когда взрослая была, я на балкон зимой выносила хлеб, дай, думаю, надо попробовать, вкусно или нет. Ну что ты, совсем не то. А тогда казалось, так вкусно»².

В военное время практики питания оказывались спущенными до уровня простого удовлетворения физического запроса организма, но и в этих условиях сохранялись традиции преодоления голода и его последствий, сформировавшиеся в русской народной среде и передаваемые от поколения к поколению. Детский мир копировал и воспроизводил эти практики от взрослых, усваивая традиции взаимопомощи, бережного отношения к еде, способы ее добычи и потребления.

5.4. ОДЕЖДА

Одежда, в любой культуре представляющая собой сложную аксиологическую подсистему, является в то же время важнейшим идентификационным кодом, позволяющим судить об этических и эстетических пристрастиях социума, определять социальный, религиозный, половозрастной статус отдельного человека или группы, вычленять «свое» и «своего» из пространства «чужого» и «чужаков». Символический характер одежды, столь ярко проявленный в традиционных культурах, сохраняется и в современных сообществах, в массовой и постиндустриальной культуре. Однако степень проявленности символов одежды и, соответственно,

¹ Гусев А.И. // Дети и война. С. 60.

² Бевзюк Г.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 234.

возможности исследователей использовать ее в качестве источника для реконструкции социальных отношений и систем ценностей в разные исторические периоды различаются.

По-разному оценивали функции одежды и истоки происхождения моды и разные исследователи¹. Особенности функционирования вещей (в том числе и одежды) в традиционных сообществах хорошо освещены в трудах отечественных исследователей: представителей и последователей структурно-символического метода (А.Л. Топорков, А.К. Байбурин)²; в работах С.А. Токарева, Масловой и др. этнографов³, показавших и способы перекодировки одежды (от повседневных функций — к сакральным с особым упором на семиотический статус вещи в традиционных сообществах), и ее роль в механизме идентификации (социальной, половозрастной и пр.).

Понятие моды, по мнению Т. Веблена и Г. Зиммеля (писавших свои труды на рубеже XIX–XX вв.), зарождается в классовом обществе, а ее творцами и носителями являются лишь представители высших слоев общества. Символические функции одежды сохраняются и в это время, важнейшая из них — демонстрация статуса и материального положения⁴. В XX в., породившем массовое производство и массовую культуру, потребовались новые оценки моды, так как изменились способы ее формирования и механизмы передачи. В 1960-х гг. появилась концепция моды П. Бурдьё, утверждавшего, что в новых условиях она перестала быть привилегией высшего слоя общества и, сохраняя свои символические функции, превратилась в важнейший индикатор классовой принадлежности, отражая вкусовые пристрастия и системы ценностей всех классов общества. Как показал П. Бурдьё, разные классы используют различные практики следования моде: рабочие ориентируются, в первую очередь, на функциональность вещей, господствующая экономически буржуазия имеет привилегию «не заботиться об отличии», а нувориши и представители среднего класса активно используют «стратегию притворства», стремясь «казаться, а не быть». Одежда наряду с «предметами комфорта» служит в это время «более или менее удачной материализацией стиля жизни доминирующих классов», определяет поведение человека, его представление о себе, выступает каналом связи между людьми, а потому имеет символический характер⁵. Однако такая ситуация сохранялась лишь до середины XX века. Во второй половине века, по мнению Ж. Бодрийяра, одежда перестала быть системой знаков, способной информировать о статусе и ценностях, а субъектом моды стал не человек, а вещь, повторенная в бесчисленных копиях, утратившая смысл и лишаящая индивидуальности самого человека⁶. Что касается проблемы моды и просто одеж-

¹ См.: Гурова О.Ю. Социология моды: обзор классических концепций // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 72–83.

² Байбурин А.К. Указ. соч.; Топорков А.Л. Указ. соч.

³ Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4; Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX века. М., 1984 и др.

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Мода. М., 1996.

⁵ См.: Гурова О.Ю. Социология моды: обзор классических концепций. С. 77–78.

⁶ См.: Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995; Его же. Символический обмен и смерть. М., 2000;

ды во времена войн и других экстремальных ситуаций, то их еще предстоит более детально вписать в исследовательское поле социологии и антропологии.

Вторая мировая война не уничтожила понятия моды, но внесла в нее свои коррективы: во всех участвовавших в войне странах было введено нормирование одежды и ткани, которые стали выдаваться по карточкам; получили широкое распространение бережное отношение к одежде, практики переделки и перешивания старых вещей, использования таких материалов, которые ранее считались неприемлемыми для изготовления одежды. Так, для пошива нижнего белья или нарядных платьев иногда использовали парашютный шелк; особенным шиком считалось белье, сшитое из парашюта сбитого вражеского летчика. Последнее обстоятельство указывает, кстати, на то, что символическая функция вещей в период войны не исчезала, но проявлялась по-новому. Появлялись и новые модели одежды: например, французские кутюрье разработали специальные комбинезоны для бомбоубежищ; в странах Западной Европы получили распространение узкие женские брюки. Повсеместно происходила милитаризация одежды¹.

Попытка рассмотреть влияние экстремального опыта Великой Отечественной войны на мир вещей советских людей (комбатантов и мирного населения) была предпринята авторами коллективной монографии «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций»², которые, впрочем, не ставили перед собой задачи исследовать особенности изменения статуса и функций одежды во время войны. Не исследовалась до сих пор и детская одежда периода Великой Отечественной войны. Между тем представляется важным выяснить, изменялись ли (и как) основные (в том числе и символические) функции детской одежды, ее статус в системе личных и общественных благ; давала ли вообще одежда, как аксиологическая подсистема, возможности для выявления черт детскости и ее специфики, а значит и определения состояния самого детства, и отношения к нему со стороны взрослых в экстремальных условиях войны.

Однако прежде чем приступить к поиску ответов на эти вопросы, стоит выяснить, а маркировалось ли с помощью одежды детство в советском обществе в довоенное время и накануне войны? Как показали исследования мира вещей, связанных с детством, в Западной Европе и Америке до середины XX в. детская городская одежда была маленькой копией взрослых вещей, отличаясь разве что преобладанием светлых тонов (чаще всего из белой или выбеленной ткани). Ни кроем, ни цветом не маркировались половые различия одежды младенцев³.

В предвоенное время в Советском Союзе революционная идеология «бытового аскетизма» уже утратила свою актуальность, но вся сфера быта по-прежнему находилась под пристальным вниманием государственного аппарата, активно использовавшего отдельные элементы этого быта (в том числе и одежду) в качестве

¹ Мода во время Второй мировой войны. URL: http://www.costumehistory.ru/view_post.php?id=255 (дата обращения: 12.02.2015).

² Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций.

³ Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М., 2009. С. 142.

символов нового конструируемого ими советского общества и народа. В 1930-х гг. формировался так называемый большой стиль, в котором допускались и даже поощрялись элементы изобилия и роскоши, неприемлемые и осуждаемые в предшествующие годы как «мелкобуржуазные явления». В стране появились Дома моделей, относившиеся, впрочем, по определению Н. Лебиной, к числу симулякров¹, так как разрабатываемые ими модели оставались в значительной степени символами «большого стиля», не отражавшими реальности. Основная часть населения страны одевалась плохо, и уж точно не в соответствии с разработками советских модельеров. Дорогая одежда была доступна немногочисленной номенклатуре, для большей же части населения страны модными в это время становились вещи очень скромные и дешевые: парусиновые туфли, беретки и пр.² Разработкой и производством одежды в 1930-х гг. занимались также швейные фабрики и комбинаты, но хорошая и доступная одежда оставалась дефицитом, и, в первую очередь, это относилось к детской одежде. Судя по каталогам того времени, разработчики не ставили перед собой цели создавать специальную детскую одежду, как правило, она продолжала быть уменьшенной копией одежды взрослых. В реальной жизни эти разработки не получали широкого распространения, а кроме того, и взрослые, и сами дети вносили поправки в официальные тренды, в результате чего повседневная городская одежда оставалась смесью отдельных элементов «большого стиля», некоторых сельских традиций (особенно в провинции) и блатной романтики.

В общих чертах стиль детской одежды второй половины 1930-х гг. можно определить следующим образом: наличие четких гендерных различий с ориентацией одежды девочек на «красивость», аккуратность и женственность и мальчиков — на удобство, практичность, а у подростков нередко и на протестность. Основу повседневного костюма городского мальчика составляли короткие штанишки (нередко на одной помочке), немарких цветов рубашки и футболки, на ногах — летом сандалии (хотя часто практиковалась «босоноготь»), зимой — валенки с галошами. Девочек обычно одевали в короткие платьица, расширенные от груди и туфельки или те же сандалии. С возрастом длина мальчишеских штанов и девичьих платьиц увеличивалась, они приводились в соответствие со взрослой модой.

Оказывало влияние на социальные тела детей посредством одежды и государство, знаками чего были пионерская форма, головные уборы в виде тубетеек (символизировавшие дружбу с народами Востока) и лагерные белые панамы. Влияние «большого стиля» (на этом этапе копировавшего в быту и моде стиль повседневной жизни дореволюционной интеллигенции) особенно сказывалось на одежде и внешнем виде девочек: возвращались отвергнутые ранее косы, вышитые воротнички, пышные банты и пр. У городских мальчиков-подростков получали распространение знаменитые бостоновые костюмы, сшитые по образцам взрослых, в зажиточных семьях — матроски. Однако в не меньшей степени стиль дет-

¹ Лебина Н. Указ соч. С. 157.

² Там же. С. 160.

ской одежды, особенно мальчишеско-подростковой определяла «улица» и бытовавшие в детской среде представления о «настоящем пацане», связанные с блатной романтикой взрослых. Атрибутом этого протестного стиля были поношенные кепки (символ «приблатненности») в сочетании с презрительным отношением к матросским костюмчикам (как знаку элиты), пионерским галстукам и прочей «казенщине». В группах, близких к официальной среде (пионеры), бытовало пристрастие к элементам военного стиля (костюмы-испанки, ремни, портупеи, военные значки и пр.)¹.

Таким образом, несмотря на все трудности со снабжением промышленными товарами, испытываемыми населением перед войной, вторая половина 1930-х гг. все-таки знаменовалась существенными сдвигами в сфере моды, проявлявшимися и в лояльном отношении к ней властей, и в стремлении и возможностях граждан хорошо одеваться. Высокая мода «большого стиля» лишь самым краешком задевала вкусы и пристрастия основного населения провинциальных городов, но определяла общее стремление к одежде красивой и качественной, женственной для женщин и маскулинной для мужчин. Детская одежда являлась простым продолжением стиля взрослых, за исключением некоторых характерных деталей и особенностей. И взрослая, и детская одежда отражала социальную неоднородность советского общества, в котором мода «номенклатуры» разительно отличалась от стиля одежды городских рабочих.

Эти различия хорошо представлены в записанных нами воспоминаниях детей Сталинграда. Внешний вид обитателей частного сектора города мало чем отличался от вида сельских детей: босые ноги, просторные холщевые штаны и фуфайки, которые носили и в летние вечера, и холодной осенью². Во многих семьях сохранялась традиция коллективного пользования одеждой, она передавалась от старших младшим. Но всплывают в детской памяти и наряды городской элиты, «приличные костюмчики» и платица с кружевами детей служащих, интеллигенции, инженерно-технических работников:

«Вот на эту пристань на Красном Октябре и набережную он [отец] часто сюда ходили, катали нас [родители] на коляске. Мама связала воротничок, и все его по очереди надевали <...> У мамы была доха черная из буйвола, а у тети Шуры – белая из кролика. Помню, она рассказывала, что Шура захотела белую, где-то они были и купили им мужья»³.

Детальное описание одежды членов своей семьи (мать – врач, отец – связист) дала И.М. Сурова (1936 г.р.):

«Мама одевалась очень красиво и модно: были крепдешиновые платья, сшитые отличными модистками, модные шерстяные костюмы, были к ним в тон подбраны шляпы и шляпочки, туфельки, зимой – фетровые боты, осенью – резиновые боты для туфель с каблуками. Были туфли и из одних ремешков, бежевого цвета и лакированные, как наши босоножки. Были ситцевые и сатиновые платья у мамы на лето типа “сарафан” и “фигаро” или просто сарафа-

¹ См.: Детская одежда сталинского периода. 1930-е годы. URL: <http://stalin-style.livejournal.com/3425.html> (дата обращения: 12.06.2105).

² Глухова В.Д. // Дети и война. С. 260.

³ Зайцева Н.Н. // Дети и война. С. 265.

ны. Были домашние халаты, которые мы все называли “капот” на французский лад. Один был синий с цветочками белыми, другой красный, тоже с каким-то орнаментом...

Пальто было у нее черное, на него надевала она горжет — это такая лиса с лапами и хвостом. Рот у нее открывался, и туда цеплялась петелька, которая была на хвосте, и рот закрывался. А было также еще два пальто: одно считалось осеннее, другое — весеннее, красное и темно-зеленое. К обоим пальто были своего рода шляпы. На зиму было манто — нельзя сказать, что шуба. Папа говорил, что оно из мышшей, мама — из крота. Из небольших шкур, где-то 15 сантиметров.

Папа носил костюм черного цвета, была пара брюк и летние парусиновые. Были рубашки, в основном белые, с длинным рукавом, когда надо, папа их закатывал. Были еще в полосочку неяркую. Была у папы и манишка, пристегивались воротнички, их было два, и манжеты, чтоб видно было из рукавов пиджака. Летом у мамы и у папы и у меня была на голове тюрбетейка, у меня еще была и панамка.

Моя одежда тоже была красивее, чем у других девочек: платья и сарафанчики из атласных лент и кружев того же тона. Шелковые два платьица, одно было маркететовое, синее в цветочек, ситцевое тоже, в клеточку, но как-то носила я его зимой. Были блузочки, штанишки, гольфы, это был особый шик, так мы ходили в гости. Курточки: одна из белого плюша или бархата, обшита желтым шелком и, похожая на нее, шерстяная черного цвета, но на ней была вышивка сделана из каких-то тоже шелковых тканей. Был черный свитер, красные теплые шерстяные трикотажные штанишки — осенью-зимой надевались. Вязаный из белого гаруса берет и шапочка-капор из красного гаруса к пальто. Малиновый берет, который я очень не любила. И еще просто вязаная шапочка с помпоном на макушке. Осеннее пальто было в мелкую коричневую клеточку, зимнее пальто из серо-коричневого плюша с белым воротником из кролика, и из кролика была белая шапка и такая же была муфта. Был еще башлык, который одевали в декабре-январе, когда было особенно холодно. Башлык тоже был откуда-то с юга, когда мама еще студенткой туда ездила.

Обувь. Ну, обычно были сандалии из свиной кожи, они пока не разношены, очень жесткие, а когда разносишь — все хорошо. Ботинки с ободранными носами, очевидно, от кого-то достались. И были какие-то бурки из войлока, простроченные с галошами. В 42-м году весной отдали родственники для школы зимнее теплое пальто, подчеркиваю — из искусственного ворса, цвета прокисшей малины.

У братика тоже был набор очень красивого золотистого цвета: из атласа шапочка стеганая желтыми шелковыми нитками, курточка-пиджачок и «бекешка» — это тоже как бы кофточка, только у нее вместо штанишек как конверт, в который его заворачивали и лентой концы завязывали. Хотя штанишки тоже были, их одевали с курточкой. Это было очень красиво, ни у кого таких вещей не было, я, конечно, гордилась. Мама хотела, чтобы все было по высшему разряду»¹.

С началом войны население Сталинграда и области было существенно ограничено в материальных благах: с 18 июля 1941 г. была введена карточная система снабжения населения продовольственными и непродовольственными товарами. В город прибывали эвакуированные, нередко без имущества и одежды, но в целом особой напряженности с одеждой горожане не испытывали. В результате

¹ Интервью с И.М. Суровой 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко, июнь 2015 г., г. Волгоград // Архив музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда».

августовских бомбардировок были практически полностью уничтожены жилые постройки трех районов города, а их обитатели остались не только без жилья, но и без какого-либо имущества, включая одежду. Жители тех районов, где бомбардировки были не столь разрушительными, вскоре стали подвергаться грабежу со стороны вступивших в город вражеских солдат:

«Когда передовая фашистов продвинулась дальше, начался грабеж. Немцы приезжали на арбах, входили в любую хату, выбирали все, что им было надо, и бесцеремонно увозили с улицы арбу, наполненную домашним скарбом»¹.

Начиная с сентября 1942 г., грабежи стали постоянными и часто планомерными, когда специальные команды обыскивали не только дома, но и усадьбы в поисках «схронов», забирали продукты и теплые вещи. В такой ситуации чрезвычайно возрастала ценность любых вещей вообще и одежды, в частности. Об этом свидетельствуют многие записанные нами рассказы.

В военное время менялись и практики пользования вещами, в том числе и одеждой. Так появлялась привычка всегда держать снятую одежду под рукой, на случай возникновения экстремальной ситуации:

«Мама плакала с нами вместе. Она всегда говорила нам перед сном, чтобы свою одежду мы клали себе под голову, потому что, как только начинали бомбить, мы одевались и пытались куда-то бежать»².

Детей в период бомбежек заставляли надевать на себя теплые вещи даже летом. Бережливость и коллективное пользование одеждой, характерное и для предвоенного времени, усилились еще в большей степени:

«Помню, первые сандалии появлялись, такие красные, мягкие и кожаные. А вот откуда мама взяла эти сандалии, я и не знаю... Сандалии мы берегли, если я шла гулять, я в них выходила, бегала босиком, гуляла, а потом приходила и вновь их одевала, и таким образом приходила домой»³.

«Да, в 4-м классе мама мне сшила первую сатиновую юбку со складочками. Она гладила, утюжила, а утюги такие были, накладывались угольки. И вот я пришла, стала за заднюю парту и стою. А учительница говорит: "Ты почему не садишься?" — "Антонина Петровна, я боюсь юбку помять". Первые складочки, юбка сатиновая»⁴.

«Одежды не было. Старшая сестра приходила из школы, снимала единственное платье, оставляла портфель и чернильницу, отдавала мне, и тогда я шла учиться во вторую смену. Было трудно»⁵.

Одежда становилась предметом «непрерывающегося потребления», ее передавали от старших к младшим и не только родственники, но и соседи. Эта ситуация сохранялась и по окончании Сталинградской битвы, и в послевоенное десятилетие:

¹ Сталинградское детство. С. 79.

² Сталинградское детство. С. 102.

³ Лапшева О.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 185.

⁴ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 109.

⁵ Сталинградское детство. С. 143.

«Мы в школу ходили, но поначалу были плохо одеты. Мы из-за этого даже пропускали уроки. И так было: вот я в первую смену ходила, а сестра во вторую. И мы по очереди одежду носили. Я приходила, снимала, та одевала и шла, хоть ей, может, моя одежда и большая была. И так мы могли в школу ходить. Ведь мы какие были — это уже умри, но были в школе. Вот так вот переодевались, в одну смену мы не занимались. Не в чем было ходить»¹.

«Как одевались? Мать отдавала свою одежду, потом постарше уже мне отдавалась одежда от отца. После войны мне покупали какую-то новую одежду в школу и потом за мной донашивали младшие братья»².

Женщины в своих воспоминаниях детально воспроизводят облик первых обновок: «... под грудью язычок, как пояс, на пуговичках. Крепдешин и солнцеклеш, в цветочек мелкий». Одна из наших информантов рассказала, что до сих пор хранит пуговицы от своего первого «настоящего» платья. С болью вспоминали об утратах одежды:

«Об одежде, наверно, мечтали, думали. Сейчас расскажу, почему. Вот тетя купила на базаре дочери платье, выяснилось, что оно мало ей стало. Село оно или как там, я не знаю. И однажды... или не было ее, я одела... сейчас не могу Вам сказать. Это платье раз одела, и оно мне так понравилось, такая я в нем красивая, вот! Я подумала, что тетя мне его (платье) отдаст, раз оно мало. Но пришла ее сестра и она ей отдала. А мне до того было больно и обидно. А ее сестра была полная такая, она стала одевать это платье, и оно прям по швам и разлезлось. А мне так было обидно. Я вышла на улицу за угол там и так ревела, вот жалко мне это платье. Потом мне Галя сшила платье, серый материал такой был, на руках она мне шила, молодец она у меня была. И сшила она мне платье. И я пошла в нем в школу, и мне чернилами его облили. Ну, везет же»³.

«Вот я была еще девчонкой, а тетка мне прислала шелковую комбинацию из Вены, так мне ее еще хотелось и на улице носить. На улицу-то в ней не выйдешь. Вот я в комбинации выходила вроде мусор выкинуть, а сама показаться. Туалет у нас на улице был»⁴.

В памяти уже взрослых людей хранятся впечатления, произведенные фотографиями детей вражеских солдат:

«У мальчика, что запомнилось, были белые гетры, и здесь такие две шишечки висели. Видать, они одевались хорошо там, и вот это вот мне запомнилось: белые гетры, и возле коленочки перевязано»⁵.

Мир врагов не только пугал, но и притягивал детей своей необычностью, напоминая уже казавшийся нереальным, «незаправдашним» их собственный довоенный мир:

«Приехала “эмка”. Вышел офицер в новой черной форме. Эсэсовец. Очень такой красивый человек. И с ним женщина... Очень красивая женщина, одета была вся в новые меха. В то время это была большая редкость, чернубурки... И

¹ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С. 102.

² Таранов А.В. // Дети и война. С. 171.

³ Захаровская Л.И. // Там же. С. 386.

⁴ Фокина Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 305.

⁵ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С. 103.

вот такая женщина вышла, с кудрями и вся... Я как увидела! Я вообще не представляла, что такой неописуемой красоты бывают люди! Я за три, за четыре года, и пока мы горели, за недели три я уже не могла представить, что могли быть женщины... Все вот эти патлы, все грязные... И вдруг выходит такая женщина, очень красивая!... Я как увидела ее, закричала: «Мама! Мама! Иди скорей к нам! Ты только посмотри, к нам принцесса приехала! Она такая красивая!» И, видимо, ее немножко это тронуло...»¹.

Реализовать свои сокровенные мечты о красивой одежде большинство девочек смогли только после войны, когда подросли и стали сами зарабатывать. Нередко для покупки отреза ткани или заветного платя подолгу копили, отказывая себе в еде.

Война повлияла не только на отношение к одежде, но и на способы ее добычи, ставшей ключевым понятием в практиках одевания военного времени. В стратегиях выживания важнейшее место занял возврат к традиционному укладу жизни с домашним пошивом и постоянной переделкой одежды и обуви:

«Все так же, денег не было, о какой моде можно было говорить. Шили из того, что перепало, перекраивали немецкие шинели, одежду, выменянную у них же»².

«У меня пальто было старенькое и латка на латке, так вот сидишь в классе, холодно же, и вот ребята сидят сзади, все эти мои латки пораспорят! Одежду перешивали, латали, валенки были. Тогда же сапог не было. Валенки порваны были, соломой были заткнуты, пока дедок не пришел не починил. И сзади пятки залатает и подошвы подошьет»³.

«А папа из всего делал: из собаки — собачью шерсть, шкуры выделает, и получается. Даже такие шили бурки, ну, как носок стеганный, и одевают галоши, еще что-нибудь. Такая вот одежда. Вот мне сшили шапку из какой-то собаки и вот это пальтишко. Я в нем почти до 4-го класса ходила»⁴.

Поражает изобретательность, с которой взрослые преодолевали трудности, используя для шитья одежды и изготовления обуви самые разнообразные материалы. В воспоминаниях о военном детстве фигурируют тканевые стеганые тапочки («бурки»), в которых ходили по улице; галоши из колесных скатов; платья, сшитые из гимнастерок, портянок, распоротых мешков и марли; пальто и куртки из одеял, шинелей, плащ-палаток; банты в косах из бинтов.

В воспоминаниях С. М. Лопаевой очень ярко описана ситуация встречи с отцом, который после долгого перерыва увидел свою семью, спасающуюся после бомбардировки Сталинграда и сумевшую эвакуироваться на левый берег Волги. Первое, что стал делать отец, увидев, как выглядят его дети, — снимать с себя одежду (военную форму), чтобы семья могла и обменять ее на продукты и использовать для того, чтобы одеть полураздетых детей:

¹ Цивилева Т.В. // Там же. С. 138.

² Интервью с А.И. Бережной, 1929 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова 2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Полякова Л.Ф. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 205.

⁴ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 109.

«Когда из Царёва мы бежали (это был дом бабушкиных родителей), то бабушка захватила с собой швейную машинку “Зингер” — это нас спасло. Она кому-то что-то перешивала, за это нам что-нибудь давали. От папы в это время ничего не было. Однажды зимой, я сидела у окна и говорю: “Папа идет”, — за что от бабушки получила по шее, чтобы глупости не говорила. Я в рев. Мне не поверили, а в коридор, действительно, вошел папа, в полушубке, в валенках, весь перепопсанный ремнями. Мама, конечно, к нему бросилась, а он сказал, что думал, мы погибли. <...>

Я очень хорошо помню, как он зашел, снял с себя полушубок, гимнастерку, рубашку, снял валенки, отмотал портянки — это все отдал нам. Он достал еще одну рубашку, портянки и сайку хлеба, а нам с Валею по комку сахара. Бабушке он отдал фляжку, в которой был спирт и сказал: “Будешь разводить спирт, и выменивать детям на молоко”. Через несколько дней папа появился снова и принес нам несколько пар портянок, несколько рубашек, масло принес. Он рассказал тем, с кем он был в Саратове, и ему сослуживцы отдали все то, что им давали. Портянки покрасили в акрихин (это желто-зеленый) и в стрептоцид (красный), и Вале сшили зеленое платье с красной отделкой, а мне наоборот, и из обрезков еще какие-то тапочки сшили. С этого момента стало легче, потому что с этого момента мы стали получать за папин аттестат.<...>

Сохранилась фотография 1945-го года, где мы с Валею и Витей. У меня пальто сшито из маминой шинели, у Вити из плащ-палатки, а у Валею из бабушкиного казакина, а шапки бабушка нам вязала»¹.

Широкое распространение получила практика обмена одеждой между знакомыми, соседями, друзьями:

«Я этот момент (смерть матери.— *Прим. авт.*) очень даже хорошо помню: когда мы стояли, и одеть было нечего, соседи принесли мне этот платок, а он, знаешь, может, помнишь, раньше были шали фабричные, не вязаные, а фабричные. И вот меня укутали. В общем, нам соседи, кто что мог, то и притаскивал. Одели нас, чтобы мы не замерзли. <...> А зимой нам соседи давали, что кто выбрасывает, лишнюю обувь, уже которая покосилась, искривилась, брат починит нам, и одевали. То валенки кто-нибудь даст маленькие или большие, причем мы не спрашивали, большой размер или маленький, красивые или некрасивые, надевали и шли»².

«Выпускной вечер, помню, это платье сшили кое-как. А вот на ноги нечего было обуть. Так вот соседка мне босоножки дала»³.

Часть одежды поступала в город в виде военных трофеев. Отдельные элементы военной формы получали широкое распространение среди обитателей тыла, включая детей. Некоторые женщины вспоминали, как, будучи маленькими девочками, ходили в школу в солдатских сапогах 41-42 размеров, надевая их на босые ноги. Среди мальчиков чрезвычайно котирировались военные головные уборы, ремни, портупей, значки и пр.:

¹ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 20, 21, 25.

² Олейникова Л.И. // Дети и война. С. 274.

³ Интервью с В.И. Чекуновой, 1940 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Ю. Косова, 31.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

«И вот мальчишки у нас (не знаю, где-то в 3-м или в 4-м классе) все вооружились, обогатились. Они проделали дыру в подвал этой школы. Оказывается, там в последнее время были немцы. И обрушилась школа, и они там остались, немцы. Задохнулись. И вот мальчишки рассказывали, что пролезли в эту дыру и говорят: “Сидит немец. Тронешь его, а он хоп, все сгнившее”. И они тогда разным инвентарем обогатились. Все они хвастались, какие у них были трофеи. Постоянно лазали в этот подвал...»¹.

Эта традиция сохранялась и в послевоенное время:

«Могу еще рассказать о своем дошкольном возрасте. Тогда мы жили в доме со своим двором. У каждого уважающего себя пацана была винтовка, а то и не одна. Конечно, без приклада, ржавая, где-то раскопанная, чуть ли не в огороде... А у Леньки был пулемет “Максим” — тело пулемета. И была офицерская фуражка. Мы играли. Садились на лавочку, по нашим понятиям того времени очень длинную. С одного конца ставили пулемет, с другого садился командир — человек в фуражке. Все остальные между ними, и мы “шли в бой”. Всегда стоял спор — кому за пулеметом, кому быть в фуражке. А потом, в одну из ночей, все исчезло... У всех... Видимо, прошла милиция, и родители весь этот металлолом сдали. Для нас это была большая потеря, особенно пулемет... Это где-то 1962 год, так как в 1963 году я пошел в школу»².

В числе трофеев, которые выискивались на полях сталинградских сражений, важнейшими были парашюты, дававшие большое количество качественного шелка:

«Мама у нас, когда пошла на работу, нашла парашют, сумку с парашютом. Она принесла его, мы его распарывали. Распорили они его с сестрой, расстелили, по сорок метров получилось. Большой такой был этот парашют. 40 метров парашют, он клеточками. А сверху — шелк, и нитки — шелковые. Все вот это распорили. Платьев не было. То вот платъица нам мама сошьет, да клеш еще. В крови весь он был. Сумка у нас долго была парашютная. Шили мы из этой парашютной ткани одежду. Одеваться-то не во что было, не то, что сейчас»³.

Особенно высоко ценились в первое послевоенное время «настоящие» трофеи, привозимые возвращавшимися домой советскими солдатами. Процветавшее тогда среди части военных «барахольство» нередко обосновывалось тем, что среди немецкого «добра» часто встречались награбленные вещи из Советского Союза⁴, а также тем, что дома их ждали разутые и раздетые дети. Трофейные наряды резко выделяли их обладателей из числа оборванных сверстников:

«Я выделялась среди девчат, потому что брат мне прислал посылку: панбархатное платье. Панбархат! У нас была хорошая портниха, она мне пошила платье. Когда я приходила во Дворец наш, на Нижнем, у нас там были танцы, все ребя-

¹ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 112.

² Письмо С.А. Санеева (род. в 1956 г. в Сталинграде) Е.Ф. Кринко от 23 июля 2015 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ Тесса А.Н., Приказчикова В.Н. // Дети и война. С. 304.

⁴ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Хлынина Т.П. Указ. соч. С. 138–139, 196–202.

та говорили: “Людмила красивая”. И туфли у меня были черные с золотом, китайские что ли. Но это был единичный случай»¹.

Иногда, впрочем, случались с трофеями и казусы:

«Забрали ж такого шушлого парня, мальчишку, а он уже приехал оттуда такой возмужалый, хороший, с наградами! А потом, после этого, привез оттуда нам какие-то такие материалы, как из бумаги сделаны, халаты там купил, как подарки нам привез. А их носить невозможно было. Мама сшила нам платья, они сразу же порвались. Мы так плакали, там было обидно! Они были очень красивые»².

Большой радостью и неожиданностью для детей были посылки с гуманитарной помощью от союзников, поступавшие в первую очередь в многодетные семьи и семьи военнослужащих. Вещи из таких посылок воспринимались как нечто сказочное, их берегли, о них помнили всю жизнь:

«На вокзале Второго Волгограда был организован этот пункт. И я увидел голубые штаны, брюки, с замками, как вельветовые. Абсолютно голубые. Но замки здесь, здесь, здесь, сзади, Боже мой! Я эти брюки взял, они оказались мне, конечно, великоваты, но там внизу их подвернули, мама отрезала где-то, и я в них щеголял. Я их все старался вот так вот одергивать, чтобы колени не вылезли. Наверно, кто-то из мужиков научил: “Ты смотри, чтоб колени...”. Вот, это были американские подарки, это в те послевоенные годы, 1945–1946 годы»³.

Другой наш информант Б.Б. Кузнецов рассказал, как получил в подарок от союзников роскошный халат с изображением Венеции, и семья сочла необходимым повесить его на стенку в качестве ковра⁴.

По мере восстановления в городе мирной жизни государственное обеспечение населения одеждой возрождалось и ширилось. По карточкам, кроме продуктов, выдавали также ткани и предметы одежды; одежду вручали на производстве в качестве награды за хорошую работу:

«Мне первое пальто купили хорошее, когда я училась в 5 или 6 классе. Сукно дешевое-дешевое. Это мне сестра купила – работала на фабрике “8 Марта” – и ее к 8 Марта наградили. Говорят, мол: у тебя есть младшая сестра (а то ли не по стандарту пошло это пальто: обыкновенный воротничок и черненького цвета такое пальтишко). Я была рада этому пальто до безумия! Я еще ни одной хорошей вещи с мала до таких лет не носила!»⁵

По окончании военных действий в городе у сталинградских детей, особенно из числа обездоленных, многодетных или неполных семей, появилась и еще одна возможность приобщения к бесплатным материальным благам: путем поступления в военные или фабрично-заводские училища, в которых воспитанников кормили и одевали в форму за государственными счетами. Советское государство и до войны несколько раз пыталось ввести спецодежду для подростков, однако она не получала

¹ Рацова Л.В. // Дети и война. С. 502.

² Ибрагимова Р.Х. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 338.

³ Коняхин К.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 131.

⁴ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 75.

⁵ Олейникова Л.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 343.

повсеместного использования, но в ситуации военного времени (и первых послевоенных лет) форменная одежда, выданная государством, воспринималась как благо и служила маркером принадлежности к более благополучным группам:

«Оборванные все вещи были у всех. Я более-менее еще, потому что государство давало, так как в общественных организациях воспитывался»¹.

«А ребята: фрезеровщик, слесарь по ремонту промышленного оборудования, кузнец свободнойковки. Я пришел, а у меня ничего же нет. Дали костюм, спецодежду»².

Нередко материальное положение «фэзэушников» вызывало зависть у тех, кто не имел возможности приобщиться к государственной системе распределения:

«И, представьте себе, голод, разруха, у меня ничего было надеть, а их привезли — мальчиков, девочек 15–16 лет — одели во все шинели, на них была форма на всех одетая, они были в сапогах, дали им общежитие, у каждого была кровать, у каждого была постель, у каждого все было. Столовую построили, кормили их. <...> Мы голые ходили возле родителей, а они нет. <...> Водили их отрядами, и они все одетые, обутые, а я голая. И была я голая, пока я замуж не вышла»³.

«Я так была воспитана, что сильно никому не завидовала, но, конечно, хотелось. Когда я заканчивала училище, у меня не было нарядов, было платьице ситцевое и тапочки, а девочки пригласили к нам мальчиков из Качинского училища (военное училище, готовившее летчиков. — *Прим. авт.*), а я в раздевалке пряталась — стеснялась...»⁴.

Породила война и девиантные практики использования одежды, снятой с мертвых:

«Нас, мать и троих детей, фашисты выгнали из города и погнали по направлению к Белой Калитве. Двигались мы через Прудбой, Калач, Б. Осиновку, Свиридовку. В каждой деревне мать старалась найти приют, но старосты из местных жителей смотрели на нас с презрением. Вдоль дорог мы видели множество трупов, и те из нас, кто оказывался после бомбежек и пожаров без одежды, вынуждены были снимать одежду с мертвых»⁵.

В экстремальных условиях войны изменялись и функции одежды: первичной становилась утилитарная, дающая возможность простой защиты тела от внешней среды, а иногда — и возможность выжить. Одежда приобретала также меновую функцию, становилась всеобщим торговым эквивалентом при сделках, совершаемых между эвакуированными и тыловыми, между изгнанными из города сталинградцами и жителями сел и хуторов. Одежду обменивали, в первую очередь, на продукты:

¹ Интервью с А.И. Гребенниковым, 1930 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.А. Колесникова, 12.05.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Макаров Ю.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 215.

³ Стрельцова В.И. // Дети и война. С. 120.

⁴ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 42.

⁵ Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 126.

«Там жили хохлы. Мама дает им платье, а они — баночку сушеных яблок и груш»¹.

«В другие районы даже ездили, обменивали на что-то, у кого что было. Тряпки какие были — ехали, чтобы соли только достать»².

«Прожили мы в такой обстановке 2 месяца и 10 дней. Что у нас было, я старалась обменивать: один раз на чашку пшена обменяла Валино платьице. Девчонка сразу его надела. Валя начала стаскивать с нее свое платье — слезы, крик и т.д.»³.

«Хотелось ужасно есть. Моя бабушка ходила и просила милостыню. Мы взяли с собой мое новое платье, его мне купил папа к новому учебному году. Я говорю: “Мама, пойдти, может, ты поменяешь мое платье”. Она взяла платье и пошла. И поменяла его на эмалированную кружку с капустой. В кружке было со стакан квашенной капусты и два соленых огурца. Платье было шерстяное, очень красивое»⁴.

Изменялось и содержание символических функций одежды. В условиях войны одежда гражданского населения (как и военных) приобретала черты камуфляжа, должна была не выделять, а сливать носителя с толпой и местностью:

«...мама была на работе. Прибежала, когда началась бомбежка <...> похватили нас и побежали на эту гору. Прибежали, поднялись мы когда на эту гору, на маме светлое платье было такое. И вот что мне запомнилось, это как небольшой здесь лесочек... И выходит солдатик такой с автоматом и маме говорит: “Вы накиньте на себя что-нибудь, потому что у Вас светлое платье... Вы — хорошая мишень. Светлое платье на Вас такое”»⁵.

Для спасения девочек от насилия, а мальчиков от отправки в Германию матери использовали старую одежду, переодевая девочек в одежду детей помладше, а мальчиков — в женскую:

«А мама, сестре же 15 с половиной лет, боялась, что ее заберут в Германию. Порезала ей платье, глиной намазала — речка-то рядом, глиной намазала лицо, а она кучерявой была, и волос. И говорит: “Дочка, как подойдет немец, а ты смейся как дурочка — тебя не возьмут в Германию”»⁶.

Такие практики использовали и взрослые женщины, вымазывая лица сажей, заматывая головы старыми платками или грязными тряпками, чтобы избежать сексуального насилия со стороны вражеских солдат⁷. Впрочем, начиная с зимы 1942 г., маскировка имела уже другую цель: защитить себя от угона в Германию или от мародерства:

«Немцы забирали молодых женщин и отправляли в Германию. Мама (а ей тогда было 30 лет) и две сестры ходили, согнувшись, повязав пуховые платки постарушечьи. На платки нашивали самым неаккуратным образом разноцветные

¹ Ивахненко А.И. // Дети и война. С. 180.

² Мельникова Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 259.

³ Сталинградское детство. С. 209.

⁴ «... и горела Волга». С. 247.

⁵ Костина Т.Л. // Дети и война. С. 255.

⁶ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 246.

⁷ Сталинградское детство. С. 193, 243.

латки из того, что попадалось под руку, так как немцы, мучаясь от холода, срывали с женщин хорошие платки и тут же надевали их поверх форменного головного убора»¹.

Приобретая новые функции, одежда утрачивала некоторые прежние, например, нередко переставала быть маркером гендерных различий:

«Мне вот дали шапку мужскую и пиджак, и с одеяла какого-то мне брюки сшила сестра. Вот в этом я и ходила. Конечно, кто здесь жил, которые местные жители, они, конечно, получше одевались. И получше все было»².

«Моя старшая сестра работала на овощной базе. Как сейчас помню: она одевалась в солдатский бушлат, который ей был ниже колен и солдатские сапоги»³.

С горечью вспоминала одна из наших информанток, как в первые послевоенные годы ходила в гимназию в зимнее время в отцовских штанах с лампасами⁴. Другая рассказывала об отце, за неимением другой одежды, носившем женскую кофту.

Активное возрождение символической функции одежды происходило после войны, по мере восстановления мирной жизни. Заселение города происходило быстро за счет большого количества приезжих, выходцев из разных городов и сельской местности. Городские девочки и девушки наметанным глазом быстро отличали «своих» от деревенских по отдельным деталям костюма:

«После войны в город приехало много деревенских. Они ходили в штапельных платьях, обязательно с длинными рукавами, на манжетике. Еще в гардеробе обязательно должна быть белая блузка, хотя бы штапельная. Мне кажется, эти деревенские девушки немного определяли тогдашний стиль. Обязательно длинные волосы, косы. Губы не красили ни в коем случае. <...> Еще у городских девушек считалось дурным вкусом носить сережки. Носить сережки — это деревенщина»⁵.

И в детской среде в послевоенное время одежда становилась маркером статуса и материального положения их родителей:

«Зато у нас такой дружный класс был! У нас были: “а”, “б”, “в”, “г”... “А” и “Б” — это были дети аристократов, то крепдешинные фартуки, дорогая шерстяная форма. “В” — это были уже средненькие»⁶.

Конечно, и в годы войны, и в послевоенное время неистребимым оставалось желание девочек наряжаться и нравиться. Об этом очень красноречиво свидетельствуют строчки из дневника Ани Арацкой, сделанные уже по окончании Сталинградской битвы в марте 1943 г., когда она вместе с подружкой устроилась работать прачкой в батальон авиационного обслуживания:

¹ Л.М. Бутенко (Козырева). Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 23.

² Захаровская Л.И. // Дети и война. С.384.

³ Сталинградское детство. С. 143.

⁴ Русина Ю.А. // Дети и война. С. 147.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 138.

«Девочки ежедневно приглашают нас пойти с ними в клуб, но мы каждый раз отказываемся. В чем идти-то? Они вечером все надевают белые кофточки, и где только они их взяли, такие хорошие, какой-то шелк у них есть обувь, а мы в чем пойдем? Кроме бушлата да огромных кирзовых сапог у нас ничего нет. Правда, у меня есть платье из дома, но на ноги-то надеть нечего. Голова моя наголо острижена, остригли, когда была в бреду во время болезни тифом-туляриимией. Я сделала из прядки волос кудряшки и пришила их нитками к кусочку плотной бумаги. Кладу на голову, надеваю синий берет, а поверх него черный кружевно шарфик, концы которого опускаю по бокам, издали можно подумать, что у меня по бокам свисают две косы. И не знаю, кто назвал меня “Дарико”, другие называют “Карениной”.

И вот 20 марта, мы впервые отважились, я, Мария и Тоня, пойти в клуб, там была художественная самодеятельность, после танцы. А Жигимонт дала мне надеть галоши. Ой, какие они красивые (после кирзовых ботинок 42-го размера), ну, прямо как туфли лаковые... Художественная часть очень понравилась, да и как не понравиться, больше полгода не слышать музыки и песен. Я даже танцевала с Марией, а потом она ушла с Федей, мы остались с Тоней. Меня пригласил на танец один мальчик. Мы познакомились, он легчик, зовут его Валей...»¹.

В послевоенное время менялись и практики одевания, и мода, но именно война на годы вперед определила и общую стилистику одежды, и весь уклад послевоенной домашней жизни.

Как показал проведенный анализ, в условиях войны, нацеленной не только на физическое уничтожение человека, но и на аннигиляцию его социально-культурного существования, происходит кардинальная смена норм и правил, определяющих отношение людей к вещам; отбрасываются старые принципы и вырабатываются новые, способные в условиях угрозы жизни и здоровью людей выполнять свои защитные функции. Изменения происходят и в самой системе вещного мира: смена статуса, функций, способов перекодировки. Эти процессы включаются внешними обстоятельствами экстремальности, но осуществляются внутри сообществ и имеют свои особенности в разных культурах, социальных и возрастных группах.

Имели свою специфику они и в жизни детей Сталинграда. Само количество привычных для детей вещей было меньшим, чем у взрослых, но их роль в конструировании детской повседневности была не менее, а то и более значимой в силу особенностей возраста, в частности, присущих детям игровых способов освоения мира. Дом, еда, одежда, другие предметы и явления материального мира наполнялись у детей собственными смыслами. Утрата привычной материальной основы прежней жизни и кардинальное снижение ее общего уровня способствовали выработке новых поведенческих практик и стереотипов, нередко приобретавших аномальный характер и с большим трудом искоренявшихся в последующие годы. Высокая степень незащищенности и уязвимости детского мира от внешних угроз в условиях военного времени усиливала их зависимость от взрослых.

¹ Детская книга войны. Дневники 1941–1945. С. 369.

Глава 6

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ

6.1. В «БЛИЖНЕМ КРУГУ»: СЕМЬЯ И СОСЕДИ

Взаимоотношения со взрослыми всегда составляют одну из наиболее важных сторон жизни детей и подростков. В психологии личности ребенка раскрываются различные аспекты данной проблемы с учетом особенностей детского возраста. Мир взрослых рассматривается при этом по-разному: как система отношений, определяющая направление развития нового уровня эмоциональной сферы ребенка — уровня сопричастности его переживания взрослому; как способ и опора представления детьми своего будущего, как основание становления внутреннего, субъективного мира ребенка; как сфера отношений, в процессе которых взрослый приобщает ребенка к самостоятельной трудовой деятельности; как носитель системы ценностей, личных качеств¹.

Характер и задачи данного исследования обуславливают необходимость обращения к историко-антропологическим аспектам проблемы, связанным с определением роли и значения различных категорий взрослых в жизни детей Сталинграда в экстремальных условиях военного времени на основе их собственных воспоминаний. Анализ записанных интервью позволяет структурировать мир взрослых в детском восприятии по степени близости и интенсивности общения с детьми, выделяя в нем несколько основных кругов. Наиболее значимый «ближний круг» представлен преимущественно теми, кто непосредственно окружал детей, с кем они находились в постоянном общении и взаимодействии — родителями или лицами, их замещающими (нередко в данном качестве выступали старшие братья и сестры, дедушки и бабушки, реже — другие родственники, а также отчимы и мачехи). Следующий круг составляют остальные родственники и соседи, воспитатели детских садов и школьные учителя, общение с которыми носило постоянный, но менее интенсивный и частый характер, чем с родителями. Далее располагались все остальные взрослые — от продавцов в магазинах, у которых покупали или получали по карточкам хлеб и другие продукты, до коллег и друзей родителей, встречавшихся по выходным, контакты с которыми носили спорадический или разовый характер. И упоминания о них в детских рассказах, соответственно, также редки. Во время войны эта группа расширилась за счет

¹ Эльконин Д.Б. Детская психология. М., 1960; Бодалев А.А. Формирование понятия о другом человеке как личности. М., 1970; Рубинштейн С.Л. Проблемы детской психологии. М., 1973; Выготский Л.С. Лекции по психологии. СПб., 1997; Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. Воронеж, 1997 и др.

прибывших в Сталинград эвакуированных граждан, военнослужащих вермахта и Красной армии, других категорий взрослых, которых также можно дифференцировать. Например, военнослужащие вермахта воспринимались детьми как «чужие», а бойцы и командиры Красной армии — как «свои». Но и те, и другие обычно идентифицировались как «другие» взрослые, не относившиеся к «ближнему кругу».

Условность предлагаемой структуры мира взрослых в детском восприятии подчеркивают многочисленные и разнообразные исключения. Так, роли наиболее «значимых других» могли выполнять учителя или старшие товарищи, а воспитывавшие сыновей и дочерей полков военнослужащие Красной армии заменяли им и родителей, и учителей. Но приводимые примеры, как, впрочем, и многие другие, свидетельствуют лишь о перемещении отдельных взрослых или целых групп из «дальнего» в «ближний круг» с выполнением ими соответствующих социальных функций. Несмотря на определенный схематизм, предложенный подход позволяет расширить возможности для анализа проблемы.

Обращение к воспоминаниям детей Сталинграда подтверждает, что наиболее значимую роль в их жизни среди всех других групп и категорий взрослых играли члены семьи. Семья — самый ранний по происхождению и один из самых главных по выполняемым функциям и месту в жизни человека социальный институт — играет особенно важную роль в первичной социализации ребенка. Под влиянием политических, экономических и социокультурных процессов в годы советской власти существенно эволюционировали формы и практики семейной жизни, ее материальные и духовные основы¹. Многие респонденты начинали рассказ с обстоятельств своего происхождения, и их воспоминания позволяют проследить эволюцию семьи на конкретных семейных историях. Большинство упоминало о том, что прежде, в старших поколениях, их семьи были многодетными:

«Так вот, дед нарожал 15 человек детей. Не все они по тем временам выжили, сохранилось трое сыновей, сохранилось четверо или пятеро дочек и все они потихонечку уходили к своим мужьям»².

«В семье было 14 — вот по памяти я так — 16 человек детей. В живых остались не все, но многочисленный род. Сейчас остались только троюродные. И связи уже меньше, конечно»³.

«Бабушка родила четырнадцать детей, но четверо остались живы, моя мама среди них младшая»⁴.

К началу Великой Отечественной войны в СССР преобладали простые (двухпоколенные) семьи из супругов и детей. Сократилось количество совместно

¹ Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992; Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001; *Рабжаева М.В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–97; Семейные узы: модели для сборки. В 2-х кн. М., 2004; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; *Вербицкая О.М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.– Тула, 2009 и др.

² Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 28.

³ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 67.

⁴ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 493.

проживавших родственников и детей, вследствие постепенного снижения рождаемости и все еще остававшейся достаточно высокой, хоть и постепенно снижавшейся на протяжении всего предвоенного периода, детской смертности. В 1939 г. советская семья состояла в среднем из 4,1 человек. Постепенно сокращалось количество крупных семей, в которых насчитывалось 5 чел. и более — в 1939 г. они составляли 35 %. Многодетные семьи сохранялись в основном в сельской местности¹.

Немало опрошенных детей Сталинграда родилось в многодетных семьях. В.Н. Романцову вспоминается «тетушка, у которой было шесть детей»². По словам З.Н. Овчинниковой, у ее мамы, происходившей из многодетной крестьянской семьи, было еще два брата и четыре сестры. Она сама также родилась в многодетной семье:

«Пожились мои родители в 1917 году, но тут начался переполюх, папа дома почти не бывал, а мама только и знала, что рожала, да хоронила детей. Кормить было нечем, вот они и умирали. Из семерых детей остались в живых только трое — моя старшая сестра Юля, брат Григорий и я»³.

Среди респондентов преобладали горожане в первом поколении, а в составе населения Сталинграда к началу Великой Отечественной войны доминировали выходцы из села. Если в конце XIX в. в Царицыне проживало всего 55,2 тыс. чел., то к началу войны — уже более 450 тыс. человек. Резкое увеличение численности городского населения за четыре десятилетия в восемь с половиной раз было обусловлено его превращением в важнейший индустриальный центр Нижнего Поволжья, на заводы и фабрики которого устремились сельские жители:

«И вот мама приехала сюда еще девушкой. Я хорошо не помню, по-моему, когда началось строительство всех этих заводов. Из села же раньше не выпускали просто так. Справки давали, у меня справка сохранилась, ей дали, что она такая-сякая, и вот она приехала сюда. И здесь она познакомилась с папой: те приехали, она приехала, и они познакомились. И поженились»⁴.

Постепенно структура и состав семьи менялись, а вместе с ними и соответствующие представления. Если в самом начале XX в. наличие 10–15 детей в семье не представляло собой исключительного явления, то в 1940-х гг. такое количество встречалось крайне редко, а большими считались уже семьи, имевшие свыше трех детей.

«У нас была большая семья, две бабушки. К началу Сталинградской битвы у нас в семье было трое детей»⁵.

«Наша соседка тетя Наташа Плетнева... я помню ее историю. У них была большая семья, пять человек детей»⁶.

¹ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. С. 72–77.

² Романцов В.Н. // Дети и война. С. 53.

³ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 38.

⁴ Зайцева Н.Н. // Дети и война. С. 264.

⁵ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 18.

⁶ Интервью с В.Ф. Федченко, 1937 г.р., с. Таловка Николаевского района Сталинградской области. Интервьюер Е.А. Марусина, г. Волгоград, 16.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

Изменилась и система проживания: в сельской местности, особенно в небольших хуторах, выделившиеся из общей семьи родственники нередко селились на той же или на соседней улице, а то и в соседних домах, что позволяло поддерживать между собой тесные отношения («как-то так население селилось по принципу близости родственности одной, другой, третьей семьи»¹). В отдельных кварталах бывших рабочих поселков, вошедших со временем в черту города, также сохранялся подобный принцип совместного расселения родственников. Здесь совместно решались все значимые хозяйственные вопросы, не говоря уже о таких общих событиях, как свадьба или похороны, на которых присутствовали даже дальние родственники. Совместно воспитывались и дети, близкие по возрасту:

«Они — сестры — все жили рядом, двор ко двору. Как она говорит, на одной печке воспитывались. Вот эти ее троюродные дяди, тети, все вместе воспитывались»².
«Мы жили на Спартановке, первая улица от Волги — улица Апатитова. Наш огород выходил уже к Волге. И на этой улице жили в основном все наши родственники: мамы три брата и две сестры. Вот все жили на этой Апатитовой улице. Их выселили, когда строили Тракторный завод»³.

В дальнейшем ситуация менялась: в условиях городской планировки и остроты жилищного вопроса дети, как правило, проживали отдельно от родителей, если такая возможность, конечно, существовала. Порой и родители отселялись от выросших детей, имевших собственные семьи, предпочитая избегать лишних разногласий:

«Сначала, пока не получили квартиру, мы жили у папиной матери...»⁴.
«Мы жили сначала у бабушки, а потом прямо перед войной построили свой дом, по тем временам большой дом считался. В этом доме мы жили»⁵.
«А бабушка <...> с зятем — с моим отцом — не ладила. И говорит: “Ой, Маруся, я хочу себе отдельно купить. Мне какую-нибудь маленькую-маленькую”. И мама ей купила там избушку»⁶.

Во многих воспоминаниях приводятся описания хороших взаимоотношений между отдельными членами семьи, особенно между родителями и детьми. Наряду с традиционными примерами материнской любви нередко говорится и о проявлении нежных чувств отцами по отношению к своим детям и женам, нехарактерном для крестьянских и казачьих семей:

«Мама всю любовь отдавала нам, благодаря ей я и образование получила»⁷.
«Папа нас всех очень любил, и за всю свою жизнь я ни разу от него не слышала грубого слова. Нас с сестрами ни разу пальцем никогда не тронул, хотя Витьке доставалось. Папа очень любил маму, и, я думаю, что он стал примером для наших мужей. Папа всегда приносил маме первые весенние цветы. Он школу

¹ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 80.

² Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 67.

³ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 104.

⁴ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 18.

⁵ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 382.

⁶ Никогосян Р.А. // Дети и война. С. 241.

⁷ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 39.

полностью закончил только после войны, но был очень грамотный, начитанный, эрудированный»¹.

«Помню, что отец всегда на плечах меня носил. Я кудрявая тогда была, волос кудрявый-кудрявый был! Он очень меня любил»².

Нежные чувства супругов переносились на их отношение к детям, создавая комфортную психологическую обстановку в семье для всех ее членов, наполненную чувством любви и уважением к личности взрослого и ребенка. Подобный стиль взаимоотношений между супругами, родителями и детьми отражал формирование в советском обществе новой семейной модели, в основе которой лежали личные чувства членов семьи. Детоцентризм был одним из ее главных составляющих: взрослые стремились проводить как можно больше времени с детьми, общаться с ними, развивать и воспитывать. Если позволяли доходы, не жалели средств на приобретение книг, игр и игрушек, спортивных орудий и снарядов для детей. Но даже если их и не было, атмосфера семейного тепла и уюта создавала необходимые условия для нормального развития личности ребенка.

«Детей баловали очень, они были “пупом земли”. Знаю, что трехколесный велосипед, санки были у нас. Каждые выходные мы ходили на Волгу купаться всей семьей»³.

«В 1942 году мне было 10 с половиной лет. <...> Я считаю, что мы жили счастливо. Мы не были богатыми людьми, но мы были счастливыми просто тем, что мы дружно жили, что у нас все было хорошо, что я училась... Я особенно хорошо помню, как меня принимали в пионеры, как я гордилась, что на мне красный галстук — частица красного знамени»⁴.

«За окном пурга, зима, и мама нам читает книги. Мне очень запомнилось»⁵.

Подобные взаимоотношения складывались в основном в верхних и средних слоях горожан — в семьях советских служащих, специалистов, интеллигенции. Не последнюю роль в их возникновении сыграл поворот в семейной политике от либерализации брачно-семейных отношений, присущей первым годам советской власти, к укреплению семьи как важнейшей ячейки общества в 1930-х годах⁶. В то же время в семьях многих рабочих, в основной своей массе выходцев из села, сохранялись более строгие, патриархальные подходы к воспитанию детей, а также уважительное отношение к родителям, которых называли в традиционной крестьянской манере на «Вы».

«Вы знаете, в каждой семье к детям по-разному относились, как и сейчас. Вот у нас в семье было заведено как-то строго, что ли, я не знаю. Строго сказать — нет. Ну, как-то почитали маму; чтобы на маму что-то сказать... Во-первых, мы на “вы” почему-то называли всегда, на “ты” назвать — это было, ну, очень грубо что ли как-то. Не знаю. Как-то нас четверо было детей. И я младшая была, и

¹ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 20–21.

² Самохина С.Н. // Дети и война. С. 76.

³ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 20.

⁴ Растова Л.В. // Дети и война. С. 497.

⁵ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 82.

⁶ Кринко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). С. 87.

старшие вот как-то надо мной тряслись. И вообще было заведено, что старших надо слушаться»¹.

«Детей воспитывали строго...»².

«Из родителей, конечно, никто нас не баловал. Мама тоже работала. Она работала на Сталинградском тракторном заводе крановщицей. Поэтому все свободное время мы были предоставлены себе. Ну, в то время было как-то, что друг за другом следили соседи, по дому, по квартире или еще как. Тогда было другое время. Нас воспитывали, чтоб мы не хулиганили, не шумели, уважали старших»³.

У занятых тяжелым физическим трудом родителей не оставалось ни времени, ни сил на организацию досуга и отдыха детей. Сказывались и невысокие доходы таких семей, вынуждавшие искать источники дополнительных заработков. Поэтому дети в них наделялись обязанностями, наравне с взрослыми. В годы Великой Отечественной войны круг этих обязанностей расширился: детей посылали отovarивать хлебные карточки и пасти скот, они воспитывали младших братьев и сестер, выполняли различную работу по дому, саду и огороду. Не случайно респонденты говорят о том, что их детство «прошло» или «кончилось» при описании данных событий:

«В 1941 году детство мое кончилось, так как приехала сестра с двумя детьми, и мне поручили за ними присматривать, но я была в семье младшая, одна, старшие разъехались, мне не хотелось за ними смотреть»⁴.

«Мама продала все соленья. На эти вырученные деньги купили корову. И детство у меня прошло, у меня была обязанность пасти эту корову. И задание такое: идешь пасти корову, дается 2 мешка. Надо нарвать сена: один мешок и второй мешок»⁵.

«Мы помогали маме во всем, чем могли, особенно в огороде. И корову доили, пасли коров. <...> Делали по хозяйству все, что мама говорила»⁶.

Многие дети Сталинграда, судя по их рассказам, накануне и во время войны поддерживали тесные связи и с другими родственниками — проживавшими отдельно от них бабушками и дедушками, дядями и тетями. Само расширение круга общения ребенка в этом случае имело положительное значение для его социального и психологического развития.

«Ну, во-первых, бабушка нас снабжала оладушками или пирожками испеченными, варениками, чтобы мы в школе после второго урока пообедали»⁷.

«Помню хорошо, как мы ходили к бабушке, там у нее садик был. Очень хорошо помню дядю, папиного младшего брата. Он лежал в Садовой, в госпитале, и мы к нему ездили»⁸.

«Я жила с бабушкой в основном: мама-то работала, папа на Финскую ушел, потом на Отечественную ушел»¹.

¹ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 382.

² Растова Л.В. // Дети и война. С. 497.

³ Осадчий Г.Ф. // Дети и война. С. 424.

⁴ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 39.

⁵ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 109.

⁶ Интервью с В.Ф. Федченко...

⁷ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 80.

⁸ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 19.

Значительно реже бывшие дети Сталинграда рассказывали о семейных неурядицах, разногласиях между родителями, вызванных как их пагубными привычками, так и различием взглядов на семейную жизнь. Наиболее острые конфликты завершались разводами и распадом семей.

«А папу я не помню, как мама рассказывала, он был такой повеса. Я должен был в сентябре родиться, а ей сказали, что он гуляет. А гуляет — был друг, причем туберкулезник, там двое детей, и он ходил туда. И она из роддома ушла к своим. А жили за Домом офицеров, здесь. Она из Центрального роддома ушла к родителям и все, больше они не сошлись, хотя он приходил, просил прощения. Но у него там четверо или пятеро детей еще родилось. Я вот не знаю, служил он, не служил. Я про отца мало что знаю»².

«Мама рано разошлась с мужем, с моим отцом Егором Яковлевичем. Сам он уроженец Сталинградской области. Теперь я бы могла сказать, что это был человек из семьи с хорошим достатком. Плохо знаю жизнь семьи отца — мама не рассказывала. Но психология была, я бы сказала, какая-то собственническая. Если, например, мама решила купить самовар — это был скандал. Самовар для чего? Для интерьера, для того чтобы встретить гостей. Встреча гостей, родственников, день рождения мамы, например, пригласить на чаепитие, чтобы было культурно. Мама ощущала эту необходимость культурного обихода в семье. Это тоже скандал. Если мама купила вилки, чтобы мы руками не ели, ну, например, чтобы вареники не доставать руками из общей чаши или тарелки, — это тоже скандал. И мама решила развестись»³.

Естественно, что дети в случае разводов обычно становились на сторону тех родителей, с которыми оставались жить дальше. В то же время семейные конфликты, а тем более разводы, утрата возможностей полноценного общения с одним из родителей заставляли детей переживать психологические стрессы и испытывать определенный дискомфорт:

«И вот так я был лишен отца своего. А хотелось, возраст когда наступил, хотелось мужского общения. Был отчим один, который не разрешал мне звать его папой»⁴.

Впрочем, семейную идиллию порой разрушали не только внутренние проблемы, но и происходившие в стране политические события: коллективизация и раскулачивание, борьба с инакомыслием и массовые репрессии в атмосфере всеобщей подозрительности, когда человека могли арестовать и посадить по доносу собственного родственника:

«Мамин отец, Слесарь Петр, и мать были, как их называли, мещане. Они жили своим хозяйством. У них по Тракторному были бахчи, на территории Тракторного, они жили ближе к Волге. Вот, у них было: сады, бахчи, овощи, фрукты. Выращивали и осенью запрягали 5 пар быков — подводы и везли на ярмарку, на Царицынскую. Продавали все, этим жили. Ко времени строительства завода бабушкиных родственников из Оленьего раскулачили. И зимой, среди зимы

¹ Никогосян Р.А. // Дети и война. С. 241.

² Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 68.

³ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 81.

⁴ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 68.

вывезли в степь. Мужчин расстреляли, а детей и женщин вывезли в степь, бросили зимой, а именье подожгли»¹.

«А брат сводный, дядя Петя, он по 37-й статье попал. Он был бухгалтером в колхозе, там все друг друга знают. И кто-то из родственников (когда мы в 57-м году с мамой ездили, это он рассказывал) его спросили: “Что, Петро, какие виды на урожай?”. А он: “Да какие виды на урожай, ты видишь — засуха. Плохо будет”. Все! Тот донес. Утром пришли, его арестовали и все. И как вредителя, как ярого пропагандиста против советской власти, против колхозов, его по 37-му году...»².

Превратившись в один миг из человека, занимавшего хорошую должность и имевшего соответствующий социальный статус, в осужденного «врага народа», такой родственник становился опасен для своей собственной семьи, обычно разрывавшей с ним прежние отношения. Узнать о его судьбе, восстановить родственные связи удавалось, как правило, только через два десятка лет, в период «оттепели», если он, конечно же, еще оставался жив к тому времени:

«А дядя, то, что я знаю, это — не было никаких сообщений о нем, нельзя было вести никакой переписки. <...> И он боялся сообщать, чтобы на нас не повлияло это. Но вот приехал человек, и там в Михайловке родственникам рассказал, говорит, он боится, вы сами езжайте, сейчас другое время. И я после 4-го курса с мамой, пять дней мы туда добирались поездом с пересадками»³.

Иначе оценивалась детьми Сталинграда депортация немцев Поволжья. Несмотря на то, что среди депортированных находились их родственники, близкие и знакомые, они воспринимали выселение как чуть ли не спасительную операцию на фоне тех тягот, которые пришлось испытать им самим. Так, В. В. Безрукова сообщает, что «папину сестру (она была замужем за немцем Поволжья) *эвакуировали* (выделено курсивом нами — *Прим. авт.*) в Казахстан»⁴. А С.М. Дементьев признается, что «мы потом немного завидовали тому, что они уехали в ссылку. Мы здесь горели, а они там нет. Хотя то, что они пережили там, было тоже ужасно. Бабушка там и умерла»⁵.

Наряду с родственниками, немаловажную роль в жизни детей Сталинграда накануне и во время Великой Отечественной войны играли соседи. Во многом этому способствовал порожденный коммунальной квартирой особый коммунальный быт⁶. Проживавшие в соседних комнатах и, казалось бы, ничем более не связанные между собой люди вникали во все обстоятельства чужой для них жизни, порой превращаясь из ее очевидцев в прямых участников:

«Наверное, то, что в коммуналке жили, что войну пережили, у нас вечно дома был проходной двор — и с Ленинграда мамина сестра с дочкой жили, потом

¹ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 104.

² Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 69.

³ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 69.

⁴ Безрукова В.В. // Дети и война. С. 471.

⁵ Дементьев С.М. // Дети и война. С. 459.

⁶ См.: Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда-Ленинграда, 1917–1991: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Утехин И. Очерки коммунального быта. 2-е изд. М., 2004 и др.

бабушкин младший брат, и еще кто-то, никому не отказывали. Никогда никакого недовольства не было, доброта людская была. Соседи всегда угощали друг друга, когда бабушка, например, была на работе, то Таню брала к себе соседка. Когда соседки не было дома, то бабушка ее детей брала. Все это было в порядке вещей. Мы жили после войны небогато, но всегда делились всем. Столы собирались по праздникам, все соседи за ними сидели»¹.

В воспоминаниях детей Сталинграда часто говорится о том, что соседи фактически выполняли функции «замещения» родителей, находившихся на работе, в вопросах воспитания детей. Нередки также упоминания об угощениях соседей такими «естественными продуктами» Волги, как рыба и раки, пищей собственного приготовления и другими съестными припасами, а также о совместных досуговых формах, что сближало их с родственниками. Подобные отношения были распространены и между соседями по улице в частном секторе:

«У нас оба дедушки рыбачили. Бабушка и заливное делала, и много других блюд с рыбой. Раньше этой рыбой со всеми делились совершенно бесплатно! Дедушка наловит рыбы и отправляет меня то к одной, то к другой соседке, вот я им относила рыбу. Помогали всем людям, у кого была такая возможность»².

«До войны, помню, папа принесет таз раков, мама наварит их, и всех соседей зовет есть. Всегда делились с соседями, с родственниками»³.

«Оттого, что наши родители дружили, и мы все дети дружили. Во дворе у нас была беседка, где часто собирались взрослые. К маме постоянно кто-то приходил. Я все время пропадала у Шатиловых, наших соседей. Отец Степан Петрович у них был плотником, а мы дети собирались и смотрели, как он работает.

У Степана Петровича был старший сын Веня, он нам делал игрушки из оставшихся досок. Кубики делал. Потом Веня отремонтировал свой велосипед и нас катал <...>. В одном из соседних переулков жила многодетная семья Быковых, и у них старшая сестра начинала работать в педагогическом институте, и мы всегда собирались у большого клена и слушали, как она нам читала или рассказывала сказки <...> Я дружила с соседями, у них тоже была многодетная семья. Их старенькая бабушка выходила и много интересного нам рассказывала»⁴.

Воспоминания многих бывших детей Сталинграда, в настоящее время живущих в собственных квартирах, не позволяют считать, что коммунальная жизнь тогда доставляла им большие неудобства. Наоборот, они чаще находят свои положительные стороны в этом принудительном «совместничестве». О существовавших ссорах на бытовой почве, порой перераставших в затяжные конфликты, почти ничего не сообщается, как, впрочем, и о совместном решении жильцами коммунальных квартир ряда бытовых проблем. Очевидно, что эти вопросы более интересовали взрослых. Зато в детских воспоминаниях немало говорится о теплоте взаимоотношений соседей, приводятся случаи различных проявлений взаимопомощи:

¹ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 22.

² Козленко А.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 325.

³ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 43.

⁴ Забелина Т.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 80.

«Мы жили в центре города на улице Жигулевской. Жили в коммунальной квартире. Запомнились соседи, через комнату которых мы проходили, у них была средняя комната, накрахмаленные скатерти, серебряные столовые приборы. Они все были инженеры, музыканты, такие. Культурные люди были. И когда к ним приезжали... Плоховато, конечно, мы жили материально, что там двое детей и отец один работал... и когда к соседям приезжал кто-то из Армении, нас всегда угощали очень красивыми и очень вкусными сладостями. У них в этой вот проходной комнате — мы так вот проходили через их комнату и в свою, кухня общая была, туалет, был сундук, и какой бы не был праздник в школе, они всегда доставали из сундука какой-нибудь костюм маскарадный. Часто они нас подкармливали»¹.

В то же время цитируемый фрагмент воспоминаний служит подтверждением того, что в коммунальных квартирах рядом проживали разные по происхождению, социальному и профессиональному статусу, материальному положению, а также характеру, воспитанию и системе ценностей люди. Соединенное волею жизненных обстоятельств под одной крышей подобное социокультурное многообразие не могло не вызывать определенных противоречий, воспоминания о которых, скорее всего, «заслонили» последующие события, где соседская взаимовыручка сыграла не последнюю роль.

Непосредственно в период Сталинградской битвы забота взрослых, в первую очередь, родителей о детях, особенно самых маленьких, стала самым главным условием их спасения. Родители готовы были защищать детей даже ценой своей жизни, например, заслоняя их собой во время бомбежек от падавших осколков. В нужный момент они, как никто другой, могли успокоить, обогреть, накормить, подсказать правильные решения и предотвратить неверные шаги. Уже сам факт существования рядом близкого и родного человека служил для ребенка немаловажной поддержкой на фоне всеобщего ожесточения и массовой гибели людей:

«А 23 августа, когда началась бомбежка, мы попали под эту бомбежку. С мамой шли из центра города, тогда трамваев не было еще, и вот где-то в районе Областной больницы, за Рокоссовского, началась бомбежка. И начали бомбить Дар-гору. Это было что-то ужасное — все пылало, все горело! Ужас просто! И вот мы с мамой шли вдоль забора. Мама нас закрыла с сестренкой, мы до дома так доползли и все. Вот так вот помним эту бомбежку»².

«Я — к деду в цех. Света нет, деда нет там, страшно, воеет сирена. Я под верстак залез и сидел, дрожал, пока тревога прошла. Дед пришел, я его обнял, он такой с бородой, деда я очень любил. Вот это — первая память о войне»³.

В то же время наличие детей для самих взрослых создавало немало трудностей в условиях начавшегося сражения. В частности, именно с этим был связан отказ от эвакуации части сталинградцев, имевший затем самые трагические последствия. Однако и дети были готовы встать при необходимости на защиту

¹ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 493.

² Шаталова М.Г. // Дети и война. С. 94.

³ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 70.

родителей, резко реагируя на замечания и оскорбления в адрес любимого человека:

«В эвакуацию наша семья не попала. Все мы остались, все мы были в оккупации. Потому, что все с детьми. <...> А что мама с четырьмя, тетушка с шестью сделает? Да ничего. Куда она их, [как] утка поведет сзади? Поэтому мы и остались»¹.

«У папы был наш русский командир, но он так грубо с ним обращался, а папа был больной, у него с легкими не в порядке было. Однажды этот командир и говорит мне: “Твой папа лодырь!” — и ногой его ударил. А я такая дурочка была, взяла и кинулась на него драться, вцепилась в глаза»².

Воспоминания содержат немало примеров того, как родственники объединялись в Сталинграде в целях совместного выживания. Это давало возможность получить материальную и психологическую помощь других членов семьи. Проявления подобной солидарности имели несомненное положительное значение не только для дальнейшего развития семейных взаимоотношений, но и для воспитания детей:

«И жили вместе, тетя, братик двоюродный, бабушка, мама, я, дед — вот встретили войну. Тетя, когда забрали дядю, она пришла к нам»³.

«И в войну как-то выживали, поддерживали друг друга. Взрослые приходили и между всеми делили, но в первую очередь, конечно, кормили детей. У нас в этом плане все было благополучно»⁴.

В то же время дети, оставшиеся без родителей и без поддержки других родственников, имели немного шансов на выживание в ходе Сталинградской битвы. Так, после гибели тети В.Н. Романцова осталось шестеро детей:

«Кому они нужны и что, чего... Ну, половина умерло, мама не могла содержать детей. Там двоих взяли с Мамаю...»⁵.

Прибывшие в эвакуацию родственники порой рассматривались как дополнительная обуза в условиях снижения общего уровня жизни в годы Великой Отечественной войны. Естественно, что отказ в помощи вел к ухудшению дальнейших отношений с ними, а память об этом сохранялась и после войны. Отправившаяся в эвакуацию с семьей С.М. Лопаева сообщает, что первоначально в Ленинске их «родственники встретили плохо». Но далее она указывает на помощь со стороны других родственников: из Ленинска семья отправилась в Царев, «где жила мамина бабушка»⁶. Другого респондента мама отвезла к сестре. Уже на месте прибытия выяснилось, что условия жизни и у нее оказались далеко не самыми лучшими. Но они позволили выжить и не погибнуть под вражескими бомбами и

¹ Романцов В.Н. // Дети и война. С. 58.

² Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 41.

³ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 70.

⁴ Шаталова М.Г. // Дети и война. С. 97.

⁵ Романцов В.Н. // Дети и война. С. 53.

⁶ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 19.

снарядами. Родственники и соседи помогали и возвращавшимся в Сталинград семьям после его освобождения:

«В 1943-м она нас везет в Астраханскую область к сестре. Тут потому что жить негде было. К сестре приехали, там кухня саманная, вот, жили. Не жили, а существовали. Есть нечего, дров нет. Ужас! Ужас! Но все равно в школу ходили»¹.

«Приехали в Сталинград, а жилья-то нет у нас. Пошли по родственникам и поселились у Кравцова Николая Степановича — это мамин старший брат. Он жил вместе с сыном. Потом прибежали другие наши родственники Зеленские, и позвали нас к себе жить. Переночевали мы у них. Потом мы перешли жить в летнюю кухню к тете Кате. <...> Мы жили за счет родственников, они с нами куском делились, мы у них жили»².

«После освобождения города дом наш выглядел ужасно, поэтому нам приходилось то в сарае, то в погребе ютиться. Комнаты наши все были разрушенные, везде мусор был. Приходилось ночевать, где придется. В восстановлении дома все помогали. Не только дети, но и соседи. Сначала у одних, затем у других восстанавливали жилье. Все были как большая семья»³.

В целом многие дети Сталинграда связывают выживание в самый тяжелый период своей судьбы с помощью родных, близких, соседей. Сам дух коллективизма, взаимовыручка и взаимная поддержка, проявленные в экстремальных условиях военного времени, впоследствии стали предметом особой гордости детей Сталинграда:

«Люди были очень дружными! Уже после войны, когда мы строили дом в Красноармейском районе, какие все дружные были! Вот одним дом построят, другим начинают помогать. Помогали очень сильно друг другу»⁴.

«Друг другу соседи обязательно помогали. Вот когда у нас бабушка умерла, а соседская просто старушка, она оставалась одна, и мама, если что-то приготовить нам, то несет ей»⁵.

«А взаимопомощь между соседями, родственниками — не то слово! Взаимная поддержка, помощь одного человека другому, коллега — коллеге, сосед — соседу. Укреплялись эти соседские отношения, потому что входила одна семья в положение другой семьи <...> Мы помогали и чужим, и близким, соседям, а сколько было эвакуированных! <...> Мы очень сильно помогали друг другу»⁶.

Отмеченный коллективизм проявлялся не только в буднях, но и в праздниках. По мнению исследователей, официальные празднества в СССР «служили инструментом для популяризации политических целей и манипулирования людьми. Но они также были одним из каналов, через которые политика режима проводилась в жизнь»⁷. В воспоминаниях респондентов отразились проявления советской праздничной культуры в Сталинграде и утрата прежней роли религиозных праздников в жизни их семей.

¹ Романцов В.Н. // Дети и война. С. 55.

² Овчинникова З.И. // Дети и война. С. 41, 42.

³ Бородин Н.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 247.

⁴ Козленко А.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 345.

⁵ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 110.

⁶ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 89.

⁷ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 7.

«Праздники были в основном советские в нашей семье: День физкультурника, 1 мая, 7 ноября. Мы выходили к Баррикадам, именно внизу собирались эти колонны, там демонстрировали физкультурники свое искусство. В парке потом гулянья были до позднего вечера. Елка проводилась только для детей, дни рождения, в парке какие-то праздничные дни, например, день военно-воздушного флота, тогда прыгали с парашютов. Парашюты были у нас в Британском парке был ослепительно белый из шелка, а вот на “Красном Октябре” напротив того места, где сейчас плавательный бассейн “Искра” бывший, он был желто-оранжевого цвета. На Волге около Дома техники проходили День Военно-морского флота и речного флота. А вот Пасху, Рождество и Покров до и во время войны в семье во всей нашей родне не отмечали»¹.

«Мама до войны со мной ходила, где река Царица, она была рекой, и там были лодки, и туда заходили даже парходики прогулочные речного пароходства. Вот там были праздники и мама меня водила. Я помню все это ярко, праздники такие, на лодках какие-то соревнования. И то, что ходили мы с мамой на площадь Павших Борцов, и там тоже были цветочные клумбы, и я любил цветы, залазил нюхать вот туда, ногу одну поднимаю и падаю. Нюхать цветочки!»²

Особое значение перед войной приобрел восстановленный в 1935 г. в качестве праздника Новый год с обязательной елкой, наряженной игрушками, ставший любимым праздником у многих детей. К важным событиям в жизни семьи стали относиться и дни рождений, способствовавшие формированию представлений о значимости личности каждого ее члена:

«И еще помню, как на елку мы там ходили. К соседям. Я просто помню яркие огни, елку, свечи. И дети. Вот и все веселье. Игрушки самодельные там какие-то были. Костюмов не было»³.

«Семейные традиции праздников у нас, конечно, тоже были. Ну, во всяком случае, домашние традиции все соблюдались: день рожденья мой, Нины-сестры, мамин день рожденья. С нами в райцентре жила мамина любимая сестра младшая со своими детьми — с моими двоюродными братьями и сестрами. 8-е марта мы праздновали, Новый год. И в Домах культуры это проводилось и в семьях»⁴.

С начала Великой Отечественной войны в советской праздничной культуре произошли определенные изменения, в частности, приведшие к отказу от прежних массовых форм празднования и украшений домов, улиц и площадей⁵. Тем не менее большинство респондентов говорят о том, что праздники отмечались и во время войны:

¹ Интервью с И.М. Суrowой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко // Архив музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда».

² Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 71.

³ Там же. С. 70.

⁴ Чулкова М.Е. // Дети и война. С. 92.

⁵ Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 206–210; Кричко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. С. 200–227; Их же. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). С. 317–320 и др.

«А праздники были. Даже во время войны. Вот в Николаевке была война, но привезли какую-то елочку, украсили какими-то бумажными игрушками. Для всех детей это сделали. Даже подарки какие-то давали, например, кусочек сахара. В каждой школе после войны были елки, потом 1 Мая, 7 Ноября — это обязательно»¹.

В первую очередь, это объяснялось потребностью в празднике, особенно важной как средство психологической разгрузки для детей в экстремальных условиях военного времени. Это понимали и их родители, стремясь воссоздать для них праздничную атмосферу даже в самых, казалось бы, тяжелых условиях. Так, при освобождении советскими войсками станицы Обливской эвакуированные сталинградцы вместе с местными казачками «пошли по немецким квартирам», и мама В.И. Мамонтова принесла елку. Это вызвало неподдельное чувство радости у мальчика и сохранилось в его памяти как одно из наиболее ярких впечатлений военного детства, несмотря на годы. Данное чувство совершенно не разделяла бабушка, как взрослый человек, ориентированный на решение практических задач:

«И бабушка говорит: “Ой! Все умные люди барахло таскают, а ты елку!”. А потому, что красиво! Елка настоящая, не сосна. А на ней какие-то “ляпсики” цветные приколоты, пластмассовые что ли: зеленые, красные, синие — какие-то штучки такие. И так нам было празднично! Скоро Новый Год! Бабушка говорит: “Лучше бы одеяло принесла”»².

Впрочем, некоторые респонденты утверждают, что они вообще не отмечали праздники во время Великой Отечественной войны. Это объясняется тяжелыми условиями жизни, нехваткой средств или просто отсутствием соответствующей традиции:

«А праздников мы не отмечали. Не могло во время войны такой сложнейшей, это не могло быть. Могло быть только словесно. Валя, Маша, Галя, Петя, поздравляем тебя с днем рождения, здоровья»³.

«Праздники никакие не отмечали. Я только в 16 лет узнала, когда у меня день рождения»⁴.

«Вот такая жизнь жестокая была, ужасная. Даже про праздники никакие не вспоминали...»⁵.

В подавляющем большинстве своем бывшие дети Сталинграда хорошо помнят, как они встретили День Победы, хотя самые маленькие из них в силу своего возраста осознать значимость происшедшего сразу, конечно, еще не могли. Тем не менее и они запомнили реакцию взрослых, в основном бабушек и мам, одновременно смеявшихся и плакавших от нахлынувших чувств. Совместно пережитое сильное эмоциональное потрясение осталось в памяти на долгие годы:

«А Победу мы встретили в Даниловке. Был очень дождливый пасмурный день, но все-таки всех детей собрали и вывезли в степь, мы должны были набрать ла-

¹ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 25.

² Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 35–36.

³ Романцов В.Н. // Дети и война. С. 57.

⁴ Печеникова Т.И. // Дети и война. С. 481.

⁵ Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 205.

зоревых цветков и диких тюльпанов, чтобы украсить что-то. Но мы никак не могли понять своим детским умом почему, когда Победа и нужно радоваться, все бабушки и мамы плачут. А вообще пели, плясали, на гармонии играли, друг друга поздравляли»¹.

«Очень помню День Победы! Столько было радости! Люди кричали: “Левитан, Левитан говорит, что закончилась война!” Все танцевали на площади. Это было что-то! Мы жили рядом с центром, ходили туда через Царицу пешком»².

«Раз утром соседка прибегает к нам во двор и стучит: “Дуся! — так маму звали, — Дуся, война кончилась!” Мы повскакивали. А ей показалось, свету конец. Она говорит: “Войне конец? Дети просыпайтесь!”. Мы: “Мама, что случилось?” Мы спросонья, это же рано было все. А она говорит: “Войне конец!” Мы тогда выбежали все на улицу, все радостные, все в слезах были. Радость была в слезах, потому что у всех были мужья на фронте, и сыновья, и мужья»³.

После войны День Победы превратился в один из главных праздников для большинства советских граждан, хотя на официальном уровне его стали отмечать только через двадцать лет после войны. Тем не менее сталинградцы отмечали его и в первые послевоенные годы в семейном кругу, поминая погибших, а позже стали принимать участие и в проводившихся обязательных мероприятиях. В силу пережитых страданий и понесенных потерь для многих горожан праздник приобрел значение глубокого личного события:

«В семье тогда всех погибших поминали. Конечно, поминали. Праздники, День Победы. К нам всегда приходили. У папы было много племянников, племянниц — и все к нему. Он был как некий глава клана. К нам на нашу улицу Халтурина стекались все отовсюду. Издалека, и все приходили к нам. У нас в основном была молодежь, потому что племянников и племянниц было очень много. Все вокруг отца тогда собирались. Да, первая рюмка была за погибших. Первый тост был за погибших: “Помянем тех, кого с нами нет”. Это было традиционно и это было обязательно⁴.

«День победы всегда ждали, обязательно ездили на салют. В парке (он теперь им. Гагарина) всегда играл оркестр, были танцы, праздник широко отмечался. У нас традиция — на 2 февраля всегда мы поздравляли родителей. Подросли дети, открыли Мамаев курган, внучек тоже туда водим»⁵.

«Когда узнали про Победу, все стали кричать, что война закончилась <...> Я ее до сих пор праздную. А вообще, в последнее время забыли про это, вот только сейчас возобновлять начали, а в восьмидесятые-семидесятые годы как-то не особо праздновали. Митинг прошел, и на этом все празднование закончилось. Будто бы войны не было, будто бы ничего и не случилось»⁶.

Воспоминания бывших детей Сталинграда позволяют сделать выводы о постепенном сокращении количества детей и совместно проживавших членов семьи в довоенный период. Это соответствует общим тенденциям в развитии советской семьи, связанным с постепенным переходом от больших, многопоколенных

¹ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 25.

² Сячина З.М. // Дети и война. С. 290.

³ Масанина А.А. // Дети и война. С. 453.

⁴ Оруднева (Батурина) Н.В. // Дети и война. С. 345.

⁵ Лопаева С.М. // Дети войны. С. 25.

⁶ Казменкина И.К. // Дети и война. С. 162.

и многодетных семей к двухпоколенным и малодетным. При этом менялись не только структура семьи, но и сам стиль семейных взаимоотношений: постепенно в среде интеллигенции, советских служащих и других высших и средних слоев складывалась чувственная модель детоцентристской семьи. Все большую роль в воспитании детей играл отец, а проявления эмоций по отношению друг к другу становилось не выходящим за рамки правил исключением, а нормой взаимоотношений супругов, родителей и детей. В то же время в рабочих семьях нередко сохранялись патриархальные отношения, а коллективные формы проживания в условиях господства коммунального быта существенно сокращали личное пространство, превращая соседей в прямых участников семейных событий, в том числе и в вопросах воспитания детей. Это стало новой советской городской традицией, поскольку в сельских семьях подобных «заместителей» родителям не требовалось вследствие наличия большого количества родственников.

В годы войны, особенно в период Сталинградской битвы, семейные отношения трансформировались, испытав новые вызовы времени. В частности, нередко происходило воссоединение родственников, поскольку совместное проживание давало им больше возможностей выживания. Без заботы родителей и других родственников о детях выжить в условиях сражения у них было немного возможностей. Сохранению семейных традиций, практик и форм семейной жизни способствовали не только общие тяжелые будни, но и совместные праздники, которые многие сталинградские семьи отмечали, несмотря ни на что, и в годы Великой Отечественной войны.

6.2. ШКОЛА И ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Мир взрослых и детей тесно переплетается в школе, именно здесь происходит трансляция накопленных знаний, представлений о нравственных ценностях, о принципах межпоколенческих и гендерных взаимодействий. В то же время школа отделяет мир детей от мира взрослых. Именно наступление школьного возраста осознается и взрослыми, и самими детьми как один из ключевых рубежей в процессе социализации и взросления ребенка. Возраст, с которого детей принимали в школу, изменялся в течение советского периода (6, 7, 8 лет), перед началом Великой Отечественной войны дети шли в школу по достижении ими 8 лет.

В 1930-е гг. развитие сети школьного образования входило в основные показатели развития страны. Особое внимание школьному образованию уделялось в городе — месте сосредоточения пролетариата, от уровня образования которого зависел индустриально-технический прогресс. Сталинград, развиваясь как промышленный город, нуждался в образованных рабочих. Оценки численности школ в городе разнятся. Так, согласно докладной записке о состоянии школьного образования в 1942–1943 гг., поданной на имя заведующего облоно Агринского, в августе 1942 г. в Сталинграде было 95 школ, с количеством учащихся в 37 450 человек¹. По подсчетам составителей энциклопедии «Сталинградская битва», в Сталингра-

¹ ГАВО. Ф. Р0-3423. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

де до войны работало 120 школ, в которых обучались более 45 тыс. человек.¹ Отличаются и оценки потерь школ в результате военных действий. М.А. Водолагин отмечал, что к концу августа 1942 г. в городе было сожжено и разрушено 124 школы, 120 детских яслей и садов². В соответствии с приведенной им докладной запиской, в период осады Сталинграда было уничтожено и сожжено 82 школы³. Потери, понесенные системой школьного образования города в результате военных действий на территории Сталинграда и области, сложно подсчитать, хотя для этого уже в 1943 г. создавались специальные комиссии⁴.

Интенсивное распространение школьного образования ложилось финансовым бременем на бюджет страны, и с 1 сентября 1940 г. вводилось платное обучение в 8–10 классах школ, в техникумах, педагогических училищах, средних специальных и высших учебных заведениях. Для сталинградских школьников плата составляла 150 руб. в год⁵. Этот фактор зачастую определял, продолжать ли обучение в школе или поступить работать на предприятии, тем более что уже по достижении 14 лет подростка могли принять на работу. Некоторые шли работать с 13 лет.

С началом войны произошли изменения в системе школьного образования. Здания школ стали использовать в качестве госпиталей, для расположения воинских частей. Уже с ноября 1941 г. в городе учебные занятия часто проводились в общежитиях, библиотеках, красных уголках, подвалах и даже на частных квартирах учителей и родителей учащихся⁶. Учителей призывали на фронт. Качество образования стало резко снижаться.

В военное время школа приобрела и мобилизационные функции: учителя и школьники выходили на строительство оборонительных рубежей; принимали участие в командах МПВО, частях народного ополчения. В координации работ учащихся активно принимали участие школьные октябрятские, пионерские и комсомольские ячейки.

Составители энциклопедии «Сталинградская битва» так характеризуют изменения, произошедшие в организации школьного обучения за период 1941–1942 гг.: «Произошли изменения и в учебном плане. В старших классах много времени отводилось на военную подготовку. Для подготовки учеников к весеннему севу и уборке урожая с 1942 г. в соответствии с постановлением правительства в 7–10 классах вводилось изучение трактора и комбайна»⁷. Изменился кадровый состав учителей⁸. При обсуждении итогов работы школы за 1941–1942 учебный год бюро горкома констатировало проведение большой общественно-практической

¹ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. С. 693.

² Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968. С. 353.

³ ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 25. Л. 1 об.

⁴ ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–101.

⁵ «... и горела Волга». С. 68.

⁶ Носова О.А. Школы военного Сталинграда // Стрежень. Научный ежегодник. Волгоград, 2004. Вып. 4. С. 249; Интервью с З.Н. Овчинниковой, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова, 28.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁷ Интервью с В.Н. Ершовой, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова, 08.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁸ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. С. 693–694.

работы учителями и учащимися сталинградских школ по оказанию помощи фронту (сбор теплых вещей и подарков для бойцов Красной армии, работа в госпиталях). Было отмечено, что 7 862 учащихся подготовлено для сельхозработ¹. В то же время успеваемость в отдельных школах была неудовлетворительной². Значительное количество детей, которые должны были посещать школу, не имели такой возможности из-за болезней, распространения эпидемий, а также потому, что зачастую в многодетных семьях старшие дети выполняли функции нянек.

Уже с 1941–1942 учебного года здания сталинградских школ стали передавать госпиталям³. Нередко дети сильно переживали по этому поводу. Особенно символичной потерей представлялась ученикам только что отстроенной школы:

«Еще была радость — новая школа. Ее построили накануне начала войны. Просторная, светлая, аж на четыре этажа! Но, увы, проучились мы там немного. Больно было смотреть, как из нее выносили наши новенькие парты и складывали во дворе под навес: школу отдавали под госпиталь. На наших глазах рушилось наше детство...⁴.

Учителя и старшеклассники тех школ, которые переоборудовались под госпитали, оказывали посильную помощь врачам: стирали и скатывали бинты, мыли полы, гладили белье, готовили номера художественной самодеятельности для поднятия боевого духа раненых, ухаживали за ними, писали письма родственникам⁵. В некоторых школах велась работа по заготовке материала для бинтов, и те, кто ее выполнял, осознавали всю ее значимость и даже гордились ею⁶. Сценаристами, режиссерами и актерами на выступлениях в госпиталях были учителя и ученики:

«В первые месяцы войны в Сталинград стали прибывать поезда с ранеными солдатами. В городе развернули госпитали. Наша школьная учительница начальных классов, звали ее Анна Николаевна, организовала из школьников разных классов концертную бригаду. Мы со старшей сестрой тоже принимали участие в поездках по госпиталям. Первый госпиталь, который мы посетили, был в Красноармейске. Кто-то из детей пел, другие читали стихи, танцевали. Пела и сама Анна Николаевна... Моя сестра пела песни из репертуара Руслановой. У нее был сильный голос, который впоследствии, во время контузии она потеряла»⁷.

Естественно, учителю нужно было найти слова, чтобы приободрить юных артистов, самому показать пример:

«Никогда не забуду свой первый концерт для раненых. Учительница сказала, что в воскресенье мы будем выступать, и чтобы в этот день мы пришли хорошо

¹ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 39. Л. 75.

² Носова О.А. Школы военного Сталинграда. С. 250.

³ Интервью с В.Д. Глуховой, 1935 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Я.Ф. Чижова, 22.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Сталинградское детство. С. 269–271.

⁵ В.М. Горлов // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 35; Сталинградское детство. С. 147; Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С. 99.

⁶ Сталинградское детство. С. 267.

⁷ Н.М. Баринава (Певнева) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 9.

одетые. Все разом заволновались. Талантов особых среди нас не наблюдалось... Не помню, как мы прожили эти два дня до своего выступления. Какие там уроки? Мы ходили и заучивали наизусть то, с чем каждый выступал. И вот воскресенье... Атмосфера была далеко не для концерта. Там были боль, страдания, смерть... И все же нам освободили одну самую большую комнату, ранее учительскую. Кто мог, пришел сам, других раненых принесли на носилках. Они так и остались лежать у наших ног... Нас слушали все с возрастающим вниманием. Раненые, врачи, сестры, нянечки просили нас "еще чего-нибудь", хотя наша программа была исчерпана»¹.

Несмотря на трудности, занятия в школах не прекращались:

«В 1941 г. я поступил учиться в восьмой класс средней школы, но занятия продолжались в привычном режиме всего около месяца, потом в школе разместился госпиталь, а нас распределили по другим учебным заведениям. Зимой мы занимались в здании, которое совсем не отапливалось. За партами сидели в зимней одежде, а пятиминутные уроки перемежались пятиминутными переменами. Фактически нам давали только домашние задания. Надо было что-то делать, тем более что я очень любил учиться»².

По окончании учебного года в некоторых школах итоговые экзамены были отменены из-за того, что учиться было некогда:

«Ученики приходили к раненым с концертами художественной самодеятельности. На фронт школьники отправляли посылки с вязаными шарфами, варежками, писали письма. Мы собирали и сдавали металлолом. Чтобы не прекращать учебный процесс, школы "кочевали". Так, нашу школу перевели сначала во Дворец пионеров. А впоследствии решено было разделить классы на две группы и заниматься на квартирах. Учебный год закончился без экзаменов, и вскоре мальчики всех трех седьмых классов были отправлены в Старую Отраду, близ Бекетовки, где располагалось подсобное хозяйство "Облпромстрахкасы" города»³.

По причине продвижения противника к территории Сталинградской области, с 17 апреля 1942 г. облисполком получил право проводить мобилизацию трудоспособного незанятого населения: мужчин от 14 до 55 лет, женщин от 14 до 50 лет. В эту категорию попадали учащиеся 6–10 классов и студенты, за исключением выпускных курсов. Таким образом, на уборку урожая было мобилизовано свыше 100 тыс. учащихся и учителей⁴.

Помимо помощи госпиталям и работы по уборке урожая, дети вместе с родителями рыли траншеи на подступах к городу⁵. Со второй половины июля школьники, проживавшие рядом с «Нефтесиндикатом», были привлечены к обеспечению пожарной безопасности нефтяных контейнеров. Вне зависимости от пола, подростки 11–12 лет вместе с учителями копали землю, переносили ее⁶.

¹ Сталинградское детство. С. 269–271.

² В.В. Иванов // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 60.

³ И.С. Ихменев // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 71–72.

⁴ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 121.

⁵ Н.М. Барина // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 10.

⁶ Сталинградское детство. С. 76, 122.

Школьные учителя также подсказывали детям идею создания «тимуровских команд», которые уже во время первых бомбежек Сталинграда тушили зажигательные бомбы, следили за светомаскировкой жилых домов¹. Непосредственно перед началом военных действий в Сталинграде детей стали возвращать из области в город.

Помимо подготовки к труду, необходимому фронту, старшеклассников готовили также непосредственно к ведению военных действий. И мальчики, и девочки должны были сдавать нормы БГТО («Будь готов к труду и обороне»), ПВХО (противохимическая оборона); девочки специализировались на нормах ГСО (гражданская санитарная оборона). Для этого непосредственно в школах оборудовали тиры, создавали стрелковые кружки, проводили занятия по оказанию санитарной помощи². Школьная пропаганда развивала военный энтузиазм подростков:

«Мы все были пионеры организованные. Мы учились военному делу с самых детских лет! Мы были стрелки, хорошо стреляли с оружия боевого. Я еще в кружках собаководов воспитывал собак для границы. Двух уже успел воспитать до войны. Мы в общем были настроены по-военному, чувствовали, что надвигается война. Очень организованы были пионерские организации»³.

Таким образом, сталинградская школа в предвоенное и военное время, действуя напрямую через октябрятскую, пионерскую и комсомольскую организации, готовила школьников к войне, обеспечивала их участие в помощи фронту.

Бомбардировки Сталинграда начались с середины июля 1942 года. В сентябре в связи с военными действиями в городе школы не работали, только в некоторых школах Кировского района проводились занятия по военному обучению. Работники облоно были эвакуированы в Красную Слободу⁴. Для детей было большим потрясением видеть, как горели их школы⁵. В Бекетовке осенью 1942 г. занятия проводились в частных домах⁶. Даже в условиях бомбежки центральных районов города некоторые учителя продолжали обучение детей:

«Мы в сентябре начали учиться в восьмидесятой школе. А там щель — не бомбоубежище, а щель сделали. Узенькая такая, вприсядочку сидели мы. И вот только начнем заниматься, начинаются налеты, бомбежка. Вот мы в эту щель залезем, дышать нет, вентиляции нету. Свечку зажжет учительница, смотрит, все ли мы там живы. Мы задыхаемся. И вот два раза в щели запускали нас, а потом распустили по домам: “Идите и помогайте в десятой школе”. Рядом была десятая школа, там был наш госпиталь. И мы по дворам бегали, собирали все и сносили в десятую школу»⁷.

¹ Рацова Л.В. // Дети и война. С. 498.

² И.С. Ихменев // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 70; Осколки в сердце. Письма детей Сталинграда. С. 14.

³ Чернышов Ю.Н. // Дети и война. С. 250.

⁴ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. С. 693–694.

⁵ Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 204.

⁶ Сталинградское детство. С. 92.

⁷ Интервью с Т.Н. Арличенковой (Черкасовой), 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.К. Коновалова, 29.06.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

Однако эта ситуация была скорее исключением из общего правила, в подавляющем большинстве школ города занятия в это время уже не проводились. Многие городские дети пострадали во время бомбежки Сталинграда, остались сиротами и находились в подвалах, в «щелях», без еды и заботы взрослых. В этих условиях оставшиеся в городе учителя и комсомольцы организовали поиск и сбор детей-сирот в развалинах города. Детей помещали в наскоро оборудованные блиндажи и вагоны-приемники, здесь им оказывали первую помощь, распределяли и отправляли в детские дома области¹. С 1 января по 15 апреля 1943 г. было собрано и направлено в детские дома свыше 2 тыс. детей, оставшихся без родителей². Детей-сирот подросткового возраста нередко обучали разведывательному делу³.

В школьной учебе наступил перерыв, ранее полученные знания не закрепились. Перерыв длинной в год нанес существенный урон уровню знаний детей войны. Вот как об этом они размышляют уже спустя много лет:

«Как прошла бомбежка сначала, вышли мы из убежища и наступить некуда, и закончилась наша школа, мы не получили никакого образования, даже технического, потому что мы все эти годы не учились, знания потеряны абсолютно. <...> Война еще не кончилась, как в школу мы пошли. И там, знаете, были тумачи тумачами. Ходили все вместе и первый, и второй, и третий, и четвертый классы. Какую программу хочешь, такую и выбирай. А что у нас уже упущено, а года-то уже большие. И вот мы кое-как доучились до 7-го класса и на этом все»⁴.

Учителя проводили занятия для детей и на оккупированной территории:

«Одна учительница стала нас учить даже при немцах, нас, горожан, много было. В Ростовской области мы были где-то. И эта учительница рассадила нас первый, второй, третий класс. Занимались мы. Ходить не в чем было, в деревне носки какие-то были, тапочки какие-то привязывали и ходили»⁵.

После изгнания немцев из Сталинграда вопросу восстановления школ было уделено большое внимание. К 15 марта 1943 г. «в приспособленных зданиях и в сохранившихся подвалах Сталинграда открылось 20 школ на 3400 учащихся. К 30 апреля в городе уже работало 25 школ, в которых обучалось 4521 человек. К концу 1943 г. в городе насчитывалось 43 школы на 19 400 учащихся. Наркомпрос направил в Сталинград из разных городов страны около 150 учителей, изъявивших желание работать в Сталинградской области⁶. Но только в 1950 г. город приблизился к довоенному уровню сети народного образования: тогда в нем действовало 88 начальных и средних школ⁷. Всеобщее семилетнее обучение детей вводилось с 1949 года.

¹ Воспоминания Кузнецовой Н.М. // ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 783. Л. 7.

² *Водолагин М.А.* Очерки истории Волгограда. С. 363.

³ Сталинградское детство. С. 282–284; Интервью с Л.А. Бондаренко. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, М.А. Рыблова, 23.07.2015, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Нарышкина А.П. // Дети и война. С. 449.

⁵ Бочкова Л.А. // Дети и война. С. 323.

⁶ *Водолагин М.А.* Очерки истории Волгограда. С. 364.

⁷ Там же. С. 388.

Итак, к февралю 1943 г. в центре города школ практически не осталось. Первая школа открылась в Кировском районе в начале февраля 1943 г. благодаря усилиям учителей и родителей, которые вместе подыскивали подходящие помещения, ремонтировали их, собирали мебель, книги, учебники¹. О.А. Носова описывает, как первые школьные занятия в Ворошиловском районе проходили в квартире сестер-учительниц Лучинских. Собрать в школе сначала удавалось от 10 человек, но со временем количество учащихся возрастало, так как в город возвращались покинувшие его ранее жители². В материалах обследования школ, проводимых облоно и районо, отмечено, что они открывались в разрушенных зданиях, которые постоянно грозили обвалом; санитарные условия были не удовлетворительными³. Не хватало или совсем не было учебников, тетрадей, ручек⁴. Школы работали в 2–3, а иногда и в 4 смены, при сокращенном до 30–35 минут уроке⁵. Из-за зимних холодов и отсутствия отопления в ряде школ занятия постоянно прерывались.

Только летом 1944 г. предприятия города смогли построить и восстановить 12 школ на 3 400 учеников. Новые школы получали центральное отопление. Большую роль в процессе восстановления школ сыграли учителя и учащиеся, родители, черкасовские бригады. В то же время не все сохранившиеся школы были включены в учебный процесс, некоторые из них, например, в Кировском районе были заняты под содержание пленных немцев. О состоянии школ и школьных занятиях так вспоминают бывшие дети военного Сталинграда:

«В конце февраля 1943 года мои родители возвратились в родной город. На их долю выпало собирать детей в школу. Домов почти не было, народ ютился в погребках и щелях, не было книг, учебников, тетрадей, писать приходилось между строк, найденных в развалинах книг. Надо было восстановить знания у ребят, не бравших год в руки учебник... Отец в это время был директором школы № 3 (она находилась на улице Ладожской в двух уцелевших домиках), вещи наши лежали в чуланчике, в комнатах шли занятия в две смены, потом мы с матерью мыли полы, стелили одеяло и ложились, ведь очень трудно весь день быть на ногах»⁶.

Детей собирали для занятий и в развалинах домов, если там еще можно было хотя бы находиться, а на переменах ребята играли на шатающихся лестничных пролетах⁷. Занятия начались уже с февраля, было холодно, дети занимались одежками:

«Школа была где-то в районе ул. Титова. Это тоже был барак. Мы туда входили, даже порой не раздевались. Проходили через несколько классов, прежде чем дойдем до своего. На четыре класса была голландская печь — это огромные бочки, друг на друга поставленные, из какого-то одного места она топилась.

¹ Носова О.А. Указ. соч. С. 250.

² Носова О.А. Указ. соч. С. 250.

³ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 112. Л. 30 об.

⁴ Там же. Ф. 113. Оп. 14. Д. 260. Л. 10.

⁵ Там же. Ф. 71. Оп. 4. Д. 12. Л. 79–79 об.

⁶ «... и горела Волга». С. 230.

⁷ Интервью с С.П. Гордеевым, 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Я. Верховых, 28.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ; Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 137–138.

Печь из кирпича, и железом обитая. Четверть этой печки обогревала один класс, и когда шли в школу, то из дома брали дрова для печки. <...> Если очень холодно было, то буржуйки топили. На буржуйке обязательно стоял чайник, там то ли морковный, то ли еще какой-то заваривался чай. На большой перемене нам наливали этот чай (у каждого из нас была своя кружка) и давали по куску макухи. Мы очень ждали этого чая»¹.

«Раздевалки, помню, не работали, картина была такая — класс, там столы, за столами стулья для учащихся, сзади вешалка, там пальто вешали, под вешалкой там же такая ступенька или доска, на которой ставят обувь, там тоже сидели, потому что мест не хватало. Писали на старых газетах, вторым слоем, что там видно, что не видно. <...> Вот я жила в Химгородке, а школа была на Стал-ГРЭСе. Там большое расстояние, между прочим. Если не было по времени удобного поезда, значит, шли пешком в 65-ю школу»².

Во многих воспоминаниях особенно отмечена школьная печка: она давала не только тепло, но и создавала подобие домашнего уюта, возле нее сушили обувь и одежду³. Дети приносили в школу дрова, учителя их кололи⁴. Только в Кировском районе в школах имелись парты, столы, скамейки. Мебель для всех школ приходилось заказывать на местном Лесозаводе им. Ермана, но чаще всего ее собирали из подручных материалов силами учителей, учащихся и их родителей⁵. Чернила готовили самостоятельно из черной краски, химического карандаша, природных компонентов. На занятиях в зимнее время эти чернила замерзали, приходилось разбивать лед перьями. Чернила носили в непроливайках, которые вместе с другими школьными принадлежностями лежали в сумках, обычно сшитых родителями. От самостоятельно приготовленных чернил бумага промокала. А в качестве бумаги обычно использовали газеты (тогда писали между строк и на полях), оберточную бумагу. В ход шла вообще любая бумага, некоторые родители сами сшивали ее в тетради⁶. Похвальные грамоты за 1 класс в 1943–1944 учебном году иногда делали из карт, на которых был расписан план боевых действий⁷.

«Чернилница первое время у меня была из коптилки сделана. Вначале писали на газетах, на старых бумагах. Карандаши нам выдавали, разрезали его на 4 части, и давали четверым. Цветные карандаши обычно лежали у учительницы, и мы подходили и брали, какой нужно нам цвет, а потом клали обратно. Ручки делали из веника, внутри веника палочка мягкая и туда вставлялось перышко № 86, еще был и № 11. Потом это перышко плотно-плотно приматывалось нитками, так мы писали. Чернила мы делали самостоятельно. Особенно летом в лесу искали на дубовых листьях черные шарики бывают. Вообще это болезнь дерева. Если собрать эти шарики и проварить, то они дают черно-коричневый цвет. Был мешочек специальный, в который мы ставили чернилницу. Пока до

¹ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 24.

² Интервью с Р.А. Клейтман, 1930 г.р. Интервьюер Е.А. Попкова, 18.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Интервью с Л.Ф. Шишковой, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.А. Колесникова, 25.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Интервью с Р.Г. Лариной, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Н.А. Шавловская, 31.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁵ ГАВО. Ф. 3423. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

⁶ Костин Н.П. // Дети и война. С. 253.

⁷ Гриднев Ю.Н. // Дети и война. С. 372.

школы дойдешь в мороз, то чернила могут замерзнуть. Потом нам стали выдавать ручки, они были деревянные с железным перышком. Потом отец мне подарил ручку, у которой был металлический стержень полый. С одной стороны вытаскиваешь — там перышко, с другой — карандаш»¹.

Из-за отсутствия учебников учителя обычно излагали материал урока устно, а ученики его запоминали. Первые учебники школьники начали получать только в 1945 году. Часто книги выдавали по одной на несколько человек². Не хватало в школах и учителей. Согласно перечню, приведенному в докладной записке в облоно, в Кировском районе города было 88 учителей, в Ворошиловском — 22, в Дзержинском — 15, на Красном Октябре — 2, в Ерманском, Тракторозаводском районах и на Баррикадах не было ни одного учителя³. Для ликвидации дефицита учителей в город специально направляли грамотных людей: выпускников старших классов средней школы, лиц, закончивших краткосрочные педагогические курсы; через облоно и гороно вызывали учителей из других городов страны⁴. Помимо собственно педагогической деятельности учителя должны были заниматься восстановлением школ и повышением своей квалификации. Они обходили свои районы и приглашали детей в школу:

«В сентябре я пошла в 93-ю школу, хорошая школа. Тогда по карточкам давали 300 грамм хлеба. Вот я пошла за хлебом к Волге, там в старом доме сделали магазинчик, хлеб давали. Пока пошла туда, там простояла, а оттуда иду, а на парадном входе четырехэтажной школы, которая на трамвайном кольце, стоит учительница и зовет малышкой. “Ты училась, девочка?”. — “Нет”. — “А где живешь?”. — “Да вот здесь”. — “Ну, заходи в класс”. Заведет в класс, посадит за парту, и мы ждем еще кого-нибудь. Потому что иначе найти было невозможно; нужно было обходить всю Ельшанку, а Ельшанка вся в земле. И вот так нас собирала наша первая учительница, Антонина Андреевна. Те, кто были зенитчиками, по специальности были преподавателями, молоденькие, только из Сибири, потому что в Сталинграде вон сколько людей было... И после освобождения Сталинграда был дан приказ остаться здесь и учить наших детей тем, кто были из преподавателями. В школе немного все подремонтировали к сентябрю, а то все разбитые были. Поставили печки круглые; класс большой, а что там той печки? Холодно же было, морозы сильные были. И вот сидим мы все одетые, чернила мерзнут, руки мерзнут. Возьмем чернильницу, подуем на нее, чтобы оттаяла, а заодно и руки оттаяли, и пишем. А писали на старых горелых книжках, на газетах, которые находили в связках и не погорели еще, и старались между строк писать — не было же ни бумаги, ничего. Чернильница была одна на две парты: сегодня они к нам поворачиваются макать, а на другой день мы приходим, садимся на их место и теперь мы поворачиваемся. Вот так и учились. Моя первая учительница и сына моего учила. Хороша учительница была, она у нас даже физкультуру вела»⁵.

¹ Лопалева С.М. // Дети и война. С. 24.

² Интервью с Г.И. Барыкиной, 1930 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева, 13.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ ГАВО. Ф. 3423. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 260. Л. 10 об.

⁵ Интервью с Н.М. Радченко, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалева, 20.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

Школьные классы составлялись из детей разных возрастов, потому что практически у всех был большой перерыв в учебе, и знания приходилось формировать заново¹. Иногда ученицы 5–6 классов выходили замуж и бросали учебу просто потому, что их возраст позволял начинать взрослую самостоятельную жизнь². Из-за разновозрастного состава групп и ограниченности школьных помещений в одной комнате могло находиться сразу несколько классов³, за столами сидели по трое, иногда и по четверо:

«Вообще, когда уже освободили Сталинград, мы через некоторое время пошли в школу в 124-й, где сейчас героев Сталинграда, дом 21, вот туда мы ходили в школу. Идем в школу, несем с собой табуреточку, все классы... Был длинный коридор, и в коридоре длинный стол, обитый нержавеющей. И мы стульчики с собой приносили и все сидели за этим длинным столом. Радость у нас был кулек, была бумага, вот такая в которую раньше макароны заворачивали. Вот если уж папа принес нам такой кулек, то мы уже делали себе тетради, а то на каком-нибудь обрывке, на газетке и то писали. Вот так мы учились⁴».

Школьники 1943–1944 гг. не только в школе сталкивались с трудностями. Нередко они были лишены крыши над головой, одежды и обуви:

«В 43-м году пошла в 124-ю школу. Деревянная школа стояла на отшибе. Созвали наших родителей, потому что мы босые были, и сначала в школу пошли босые. Вот собрали их и сказали: “Хоть что-то оденьте, чтобы было на детях”⁵.

«Уроки я учила на двух чемоданах, накрытых бумагой, согнувшись на маленькой скамеечке в фуфайке. А училась на “5”⁶.

«И вот я в школу как шла — немецкие сапоги 42 размера, чулок совсем нет. Я одеваю эти сапоги и с Дар-горы пока дойду, я ноги все потру. Все у меня растерто. Я снимаю эти сапоги и бегу. Сапоги у меня в руке <...> А ноги — когда уже добегу, за парту сяду — зашпор заходят! Знаешь, что такое зашпор? Это ломают, ломают так, что просто невтерпех! Болят вот! Я же как — я бегу, а лужи кругом уже замерзшие. Вроде я бегу, и мне никак, а они же замерзли. И когда вот это отходят — это не дай Бог! Страшная боль!»⁷.

Для решения материальных проблем часть детей (оставшихся без отцов, в первую очередь) в первом полугодии 1943–1944 учебного года получала помощь от государства в виде ткани, одежды, обуви. Иногда это все поступало в школу в виде «американских подарков», которые распределялись среди учеников⁸. Ценность этих вещей для детей была чрезвычайно велика:

¹ Интервью с З.Ф. Лучковой, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева, 12.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Интервью с Н.И. Трубачевой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Д. Ильина, 01.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Интервью с В.Н. Елесиным, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова, 20.05.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Интервью с М.И. Кутыркиной, г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова, 27.05.201, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁵ Бочкова Л.А. // Дети и война. С. 324.

⁶ Сталинградское детство. С. 101.

⁷ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 247.

⁸ Носова О.А. Указ. соч. С. 251; Глухова В.Д. // Дети и война. С. 261.

«Училась я очень хорошо. За хорошую учебу мне подарили валенки, серые такие, большие. И нас сфотографировали, и я вперед эти валенки выставили, чтобы не меня, а эти валенки сфотографировали. Это был уже второй класс. Мы писали на газете, между строк, один учебник был на десять человек»¹.

В записанных нами воспоминаниях введение школьной формы оценивается положительно и мужчинами, и женщинами — эта акция позволила обеспечить единой одеждой всех детей. И если раньше одевались во что-то изношенное, повседневное, использованное ранее, то теперь у каждого ученика появлялась форма единого образца, которую называли «нарядной»². Форма девочек включала платье коричневого цвета, черный повседневный и белый праздничный фартук³. На платье нашивались белые воротники и манжеты. Информанты-женщины часто говорили, что им нравилась школьная форма, ее даже любили⁴. Форму вначале было сложно купить, многим приходилось ее шить самостоятельно. На торжественных мероприятиях от учеников требовалось обязательное использование формы, и тогда на помощь приходила взаимовыручка:

«Помню такую историю, в школе, когда экзамены сдавали, необыкновенная беднота была, а директор школы говорил, чтобы мы пришли в чистом платье и фартучке, а мама у меня шила. Хотя и бедные были, но мама сшила фартучек. И когда сдала экзамен, я снимала платье и фартук и отдавала другой девочке, и так по очереди. А мальчишки, им тоже сказали быть в брюках и белой рубашке, а у нас в классе только у одного мальчика была белая рубашка, и вот он сдал экзамен, выходит и отдает рубашку другому мальчику. Вот так, директор хотел видеть детей нарядными»⁵.

Многим детям приходилось добираться в школу издалека, проходя мимо разрушенных заводов, по могилам и трупам защитников города и немецких солдат⁶. Однако желание попасть на занятия было очень сильным и не только из-за стремления детей к знаниям. Именно здесь подкармливали учеников: давали по куску черного хлеба, иногда сахар, рыбий жир⁷. Буфетчица с сахаром или кусочками хлеба, входившая в класс обычно в конце урока, становилась для учеников самым главным человеком в школе:

«Мы очень любили свою учительницу Фаину Николаевну, она была для нас всем — умная, добрая, чуткая, в меру строгая. Но, как не стыдно это сознавать, самым желанным человеком была буфетчица, которая приносила нам по булочке и кусочку сахара. Слушали мы Фаину Николаевну внимательно, она вела уроки интересно, но как только открывалась наружная входная дверь (она была в 5–6 метрах от проема, отделяющего классную комнату от улицы), и входила буфетчица, было не до учения. Кускового сахара чаще всего не оказывалось,

¹ Трофимова Р.А. // Дети и война. С. 466.

² Интервью с А.С. Савиным, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Костина Т.Л. // Дети и война. С. 259.

⁴ Полушкина Т.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 102; Радченко Н.М. // Дети и война. С. 123.

⁵ Интервью с Л.Ф. Шишковой, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.А. Колесникова, 25.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁶ Э.К. Гуца (Деева). Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 31.

⁷ Сталинградское детство. С. 194.

и буфетчица предлагала нам приготовить по листику бумаги, на который она высыпала по чайной ложке сахарного песка. Мы так старались его не рассыпать, но он обязательно рассыпался. И тогда мы начинали лизать парту, пока не встречались языками с соседом по парте. Такие мы были голодные»¹.

«И когда пришли мы в школу, как бы сказать, линейка там, и арбузов привезли, и нас угощали, на подносе так ломти арбуза. А арбуз такой прям!!! Раздавали детям. Понимаешь, это казалось для нас, это в 48-м году я пошла в первый класс, это была прям радость. И помню, одна девчонка, Широкова Галка, потом мы с ней за одной партой сидели, она, по-видимому, жила не так, как многие, и она мне вот этот ломоть арбуза отдала. Знаешь, вот прям рады были этому арбузу, потому что голод не тетка»².

Позже некоторым детям стали давать талоны на обеды в столовых ТОРГа и ОРСа. На углу площади Свободы действовала детская столовая:

«Но главное то, что в школах нам каждый день давали либо булочку, либо пирожок — регулярно. Поддерживали детей, и кроме того, семьи, у кого отцы погибли, через какой-то промежуток давали талоны, в ДOME грузчика была столовая, в эту столовую. На неделю мне давали, допустим, на другую неделю — другому ученику. Я ходил после занятий или перед занятиями, потому что учились в три смены: утром, в обед и вечером. А я из Ельшанки ходил, если талон у меня, то я на обед приходил в Дом грузчика. Мне там давали суп и кусочек хлеба, это помимо карточек. Вот так вот питались, ходили вечно голодными. Не хватало. В 11–12 лет самое то, а еды не хватает катастрофически»³.

Хотя, по отзывам детей, еда в столовых была скудной («там пища — вода, да и все»⁴; «супчик из капусты... в основном был бульончик, жидкость, есть было нечего»⁵), все же и это было существенной поддержкой для них. Школьники, у которых дома были младшие братья или сестры, часто сохраняли часть своего пайка и относили его домой. А их одноклассники, зная об этом, делились с ними⁶.

Сталинградцы вспоминают, что учеников младших классов (1–4) бесплатно кормили шефствующие предприятия⁷. Эти же предприятия помогали отстраивать и ремонтировать школы. Старшие школьники вместе с родителями тоже принимали участие в восстановлении помещений⁸, но для младших школьников изменения со школой, которые произошли за время летних каникул 1944 г. стали приятной неожиданностью, о которой помнили всю жизнь. Дети запомнили новый запах здания, тетрадей, ручек, учебников⁹.

¹ Л.М. Бутенко (Козырева) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 25–26.

² Бевзюк Г.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 231.

³ Интервью с С.П. Гордеевым, 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Я. Верховых, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 385.

⁵ Земцова Ф. Н. // Дети и война. С. 319.

⁶ Интервью с Г.Ф. Осадчим, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Ф. Ахадова, 05.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁷ Радченко Н.М. // Дети и война. С. 122.

⁸ Гвоздииковская С.П. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 268.

⁹ Сталинградское детство. С. 258.

Вообще школьники по окончании Сталинградской битвы активно привлекались к восстановительным работам в городе и, особенно, в пределах своей школы. Вместе с учителями учеников уже с младших классов вывозили за пределы города для высадки лесополос, они же высаживали деревья по улицам города, на Мамаевом кургане¹. Дети постарше разгребали завалы, расчищали улицы, выносили мусор, чистили и носили кирпичи — выполняли тяжелый физический труд наравне со взрослыми. Работы проводились обязательно под контролем и вместе с учителем, так как необходимо было обращать внимание на оставшиеся мины и неразорвавшиеся снаряды². Расчистке города часто посвящали уроки физкультуры, но ребят привлекали к этому труду и по выходным.

Школа, так же как и до войны, теперь обеспечивала мобилизацию учеников на общественно-полезные работы. При этом школы же являлись каналом распределения материального обеспечения наиболее пострадавших социальных групп: в первые послевоенные годы детей кормили, помогали с одеждой и обувью, водили детей в баню, на различные праздники. Таким образом, общественно-полезные работы составляли важную часть учебного процесса; в ответ, школа обеспечивала материальную помощь наиболее нуждающимся ученикам.

Восстановленные школы испытывали большие трудности в организации учебного процесса. Со временем государство стало выделять книги, которые школьники передавали из класса в класс. Начиная с восьмого класса, школьники работали на станках, мальчикам преподавалось военное дело. Девочки учили домоводство, как и раньше, овладевали навыками оказания первой медицинской помощи³. По-прежнему уделялось много внимания военному обучению, развитию физической культуры детей. Подготовка к сдаче норм БГТО и, особенно, спортивная подготовка занимали большое место в школьной работе:

«Мальчишки учились отдельно от нас, и наши учителя договорились, чтобы мы могли танцевать бальные танцы, мы обязаны были выучить по десять бальных танцев... Мальчишек специально приглашали, и мы в спортзале танцевали. У мальчишек был спорт, и у нас был спорт. У мальчишек гимнастика, и у нас была гимнастика. Потом еще у них был бокс. И вот мы мало того, что спортом занимались, мы еще и были судьями в других школах, или в болельщиках мы были. А потом еще вот этот наш преподаватель физкультуры берет обычные лодки, весла, нас, мальчишек с другой школы. И вот мы, наверно, лодки три, это человек пятнадцать-двадцать, спускались по Волге или по Ахтубе и поднимаемся по Волге, это у нас такой поход был. Там, где берег был крутой, по воде нельзя было плыть, пологий, мы брали лямки и пошли. И что ели — рыбу наловят пацаны, было ведро, в нем варили уху, хлеб там где-нибудь в деревне купим, пшено, яйца, и мы в таком походе были... Соревнования по плаванию была на Царице — говоришь, мол, не умею плавать, а тебе — на воде держишься, значит, поплынешь. Так физрук отвечал. Потом он опять говорит: “Так, эта неделя велогонки в Красноармейском районе”. Брали мужские велосипеды,

¹ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С.101; Сталинградское детство. С. 81–82.

² Сячина З.М. // Дети и война. С. 290.

³ Владимир Петрович // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 250–251.

снимали с них лишнее, седло поднимали и ехали в Красноармейский район. Вот у нас не было свободного времени»¹.

Многие информанты отмечали, что принимали участие в спортивных соревнованиях, подготовка к которым велась на уроках физкультуры и после занятий. К нормам БГТО готовили и мальчиков, и девочек вне зависимости от их физического состояния. Они обязательно должны были уметь работать со спортивными снарядами, прыгать через «козла», плавать, бегать. В старших классах сдавали нормы ГТО².

В школе было возрождено «тимуровское движение», однако его задачи, по сравнению с довоенным временем, изменились. Пионеров прикрепляли к одиноким людям пожилого возраста для оказания им помощи по дому³. Таким образом, решалась проблема воспитания школьников и в то же время социального обеспечения стариков, которые потеряли своих родственников во время войны.

Усилия учителей по подготовке учащихся уже по результатам весенних экзаменов 1943–1944 учебного года были положительно оценены инспекцией из Академии педагогических наук, которая отметила высокий уровень знаний учеников старших классов⁴.

Многим детям старшего возраста, начавшим обучение еще в довоенное время, приходилось заканчивать вечерние школы, чтобы получить хотя бы среднее школьное образование. Эти ребята уже трудились на предприятиях, им приходилось согласовывать время выхода на работу и в школу. На занятия они приходили в четвертую смену или возвращались на работу после школы. Работающие подростки часто засыпали на уроках⁵. Кому-то было стыдно вновь возвращаться на школьную скамью, у кого-то уже были свои семьи и они не продолжали далее свое образование. Да и школьники помладше нередко вынуждены были работать в свободное от школьных занятий время. Распространенной была практика летней работы для школьников с 10–11 лет в сельхозугодьях в окрестностях города⁶.

Уход ребенка из школы до ее окончания чаще всего был связан не с успеваемостью, а с вопросом материального благополучия его и его семьи. Обучение, начиная с 8 класса, стоило 150 рублей в год, кроме этого нужно было покупать учебники. В то же время при хорошей успеваемости в техникуме учащийся получал стипендию⁷. Юноша или девушка могли сразу после 7-го класса пойти работать на предприятие. Именно финансовый аспект определял возможность получения полного школьного образования. Плата за обучение в школе была отменена только в 1956 года. С 1939 г. была введена возможность получить Сталин-

¹ Интервью с Т.И. Михайлиной, 1932 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова, 31.05.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 140.

³ Мельникова Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 261.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 260. Л. 11.

⁵ Интервью с Ю.Н. Чернышовым, 1929 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева, 29.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁶ Владимир Петрович // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 247, 249.

⁷ Интервью с Н.М. Радченко, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева, 20.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

скую стипендию для обучения в школе, среднем специальном и высшем учебном заведении. В школе она составляла около 100 руб. и давалась за отличную учебу, в первую очередь, детям погибших красноармейцев. Отдельно в военные годы было установлено, что в случае смерти отца на фронте, его дети до 18 лет получали выплаты, позволявшие компенсировать плату за школьную учебу, но из-за войны многие дети не успевали закончить школу до совершеннолетия¹. Ученик лишался стипендии и «отцовской выплаты» в случае «нахождения на оккупированной территории». Учитывая то, как была организована эвакуация из города, таких детей было много:

«Училась я отлично. Однажды маму вызвал директор школы и объявил ей, что мне, как отличнице и дочери погибшего в Великой Отечественной войне летчика, назначена Сталинская стипендия. Если я точно помню, то это было 100 рублей в месяц. Для бюджета семьи – существенная прибавка. Через два месяца маму снова вызвал директор школы и с грустью объяснил, что стипендия мне назначена ошибочно, так как я “была у немцев”. Позже это выражение “был у немцев” заменили на более корректное – “находился на временно оккупированной территории”»².

Фактически государство стимулировало получение рабочих специальностей на базе неполного школьного образования. Одной из таких «рабочих» форм обучения была система фабрично-заводского обучения. Она существенно помогла подросткам-сиротам и тем, чьи родители не могли работать. Школы ФЗО как низший тип профессионально-технической школы действовали с 1940 по 1963 гг. на базе промышленных предприятий истроек. В эти школы принимали с 14-16 лет, ученики находились на полном государственном обеспечении, получали форму, питание и зарплату. С 1963 г. они были преобразованы в профессионально-технические училища. В Сталинграде в ФЗО шли ребята, вышедшие из школьного возраста, но не получившие школьного образования³. Учеба в школе ФЗО помогала прокормиться и даже помочь семье.

Основную массу учащихся ФЗО составляли дети, оставшиеся без родителей. Детские дома по достижении воспитанниками 14 лет отправляли их в ФЗО⁴. Помимо ФЗО в городе открывались ремесленные училища, которые также представляли собой учебные заведения начального профессионального образования. Срок обучения в них был на 2 года меньше, чем в ФЗО, так как осуществлялось на базе 7-летнего школьного образования. Учащиеся в них также находились на государственном обеспечении. В городе также действовала система спецшкол, в которых готовили профессиональных военных и инженеров. В записанных нами интервью отмечается конкуренция между «спецами» и учащимися ФЗО, выливавшаяся в постоянные драки⁵. Учащиеся спецшкол, как будущие военные, были ориентированы на высокие результаты, в то время как успеваемость в ФЗО не была так

¹ Грабовская В.Н. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 278.

² Л.М. Бутенко (Козырева) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 25–26.

³ Демичева В.А. // Дети и война. С. 310.

⁴ Сталинградское детство. С. 146.

⁵ Интервью с Л.С. Поляковой, 1935 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Е.А. Лисовая, 20.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

важна, в них приобретали профессиональные навыки. Но это не значит, что дальнейшее обучение для выпускников ФЗО или ремесленных училищ было закрыто. Некоторые выпускники при желании продолжали обучение по специальности, вплоть до вузов. Эти студенты уже имели практические навыки и высокую мотивацию на получение образования. Среди них были и будущие профессора¹.

Многие наши информанты охотно вспоминали и описывали атмосферу, царящую в школах военного времени. При всем стремлении детей к знаниям, они оставались детьми: сбегали с уроков, хулиганили и пр.:

«В школе, конечно, шкодил. Однажды привязал косу своей будущей жены к стулу. В 10-м классе я первый раз взял ее за руку. Еще я был в классе старостой и заводилой. Вот однажды у нас отменили урок из-за болезни учителя, так я всех подговорил сбежать с урока. По школе стояли дежурные, и просто выйти с портфелем было нельзя, выкинули портфели со второго этажа, а уж потом вышли через входную дверь. Посередине фильма включается свет и раздается голос директора: “Девятый «А» на выход!” Конечно, он нас отругал»².

Действовал принцип: «если сбежать, то вместе». В таком случае наказывали всех, но степень индивидуального наказания снижалась. Инициаторы шалости покрывались еще и потому, что ябеда всегда наказывался самим коллективом³:

«Мы в классе один за одного были. У нас был один хулиган Серенко, он мякишами плевался, и в меня один раз попал. Учительница меня попросила назвать того, кто в меня плюнул, но я не назвала, а назовешь — отлупят. А этот хулиган, между прочим, потом летчиком стал»⁴.

Нередко шалости и проказы учеников своего времени информанты объясняют расшатанной нервной системой детей войны⁵. Уже спустя 2–3 года после Сталинградской битвы сам путь в школу и домой оценивается как приключение: необходимо было оценить первый пущенный после войны трамвай, зайти в хлебобокарную и получить отбракованную сайку хлеба, тут же съесть ее, найти по пути осколки снаряда, подобрать животное и принести его в класс.

Много теплых слов сказано нашими информантами об учителях военного и первого послевоенного времени. Огромное уважение у школьников вызывали учителя — бывшие фронтовики. Учителей в военной форме особенно уважали мальчики. Высокую оценку получала не только доброта и забота учителей по отношению к детям, но и строгость. В целом дети Сталинграда отмечают, что «учителей слушались», дисциплина в классах была строгая: «учитель для нас был святым человеком»⁶:

«Учительница... строгая, это я до сих пор помню. Указкой она не била, но в угол ставила на пшено... Если за поведение поставят “неуд”, ну что-то там по-

¹ Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 163–164.

² Савин А.С. // Дети и война. С. 174.

³ Интервью с В.Н. Романцовым, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева, 13.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 43.

⁵ Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 207.

⁶ Шаталова М.Г. // Дети и война. С. 96.

вернулся или что, то сидели, плакали на ступеньках школы, домой не шли, боялись. Это же страшно было! Учительницу мы боготворили»¹;

«Я сидела на предпоследней парте и крутилась. Учительница по географии что-то рассказывала, рассказывала, а я кручусь-верчусь. А у нее же указка. Раз предупредила, два предупредила, а на третий раз как даст указкой по столу! Указка — на две части! А так хорошая учительница была, Вера Васильевна, симпатичная такая»².

«... и нас учитель на коленки поставил и сказал на коленках до дальнего угла класса ползти. И весь урок мы в углу на коленках простояли. И никто ничего против не говорил. Потому что знали, что сами виноваты. А иногда и линейкой по лбу получить можно было, но никогда никто не жаловался дома. Потому что пожалуешься, и тебе там еще всыплют»³.

Оценивали дети и внешность своих учителей, отмечая нередко их измученный вид («тетрадки наши постоянно проверяла»), залатанную одежду. Вместе с тем высоко ценилась аккуратность учителей в одежде, внешний вид учителя мог даже повлиять на выбор учениками своей будущей профессии. Например, Т.И. Михайлина рассказала о том, как, желая так же хорошо одеваться, как преподаватель английского языка, весь класс ее по окончании школы решил поступать на факультет иностранных языков⁴. Вместе с тем во многих рассказах зафиксировано недоброжелательное отношение к учителям немецкого языка:

«Очень неприятный осадок у меня остался, когда нам в 3-м классе ввели немецкий язык. Учительницу звали Щербакова Лариса Николаевна. Ее приход нас всех взбесил, мы ее называли “немка”. Потом пришел директор школы Трофимов Виктор Тимофеевич, и сказал нам, что понимает нашу ненависть к немцам, но язык надо учить, он нам пригодится»⁵.

Высоко оценивается информантами способность учителя объяснить материал. Рассказывая о помощи учителя, всякий раз подчеркивалось, что «тогда это делали бесплатно». Нередкими были случаи, когда учителя приглашали учеников к себе домой на праздники. Здесь устраивалось чаепитие, велись неформальные беседы. Ученики дарили учителю «кто что мог»⁶. Школьники часто помогали учителям по дому, а тем, кто проживал по соседству, поливали огороды⁷. Отношения между учителем и учеником становились теснее в совместной работе по восстановлению города, школы. Чувства сопереживания учеников к учителю усиливались от осознания того, что и у учительницы кто-то сражается на фронте или сам учитель пришел с войны, также как и старшие члены семьи учеников. Учителя вместе с учениками писали письма на фронт членам семей школьников⁸. Совместно переживались и впечатления от посещения памятных мест города:

¹ Чебаненко Т.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 217.

² Полякова Л.Ф. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 205.

³ Ерошенков П.Ф. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 57.

⁴ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 496.

⁵ Савин А.С. // Дети и война. С. 174.

⁶ Бевзюк Г.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 230.

⁷ Второва Р.Б. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 181.

⁸ Интервью с С.П. Гордеевым, 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Я. Верховых, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

«В апреле 1943 года, когда мы уже учились в школе № 25, нам устроили поездку в центр города. По разрушенному городу мы шли с большой осторожностью, лавировали вдоль заграждений с надписью “Осторожно! Мины!”. Из тетрадных листов мы сделали цветы, раскрасив их цветными карандашами, и этот скромный венок мы первыми возложили на деревянный памятник на площади Павших бойцов...»¹.

Наиболее ярко чувство единения учителя с учениками отражены в описании совместного переживания войны и Победы:

«Когда объявили о победе, я в школе была <...> У нашей учительницы муж погиб <...> у сестры муж тоже не пришел, у одной тети тоже, у нас Гриша. В общем, радость со слезами на глазах»².

«А в 45-м году у нас как раз было занятие в школе. Учительница пришла и сказала, что все. Мы ликовали! Вышли на улицу, а тепло было. Мы так прыгали, мы так! Очень ликовали!»³.

Чувство сопричастности учеников к жизни учителей определялось и тем фактом, что многие директора школ, учителя первое время вынуждены были жить в школах, и с одной стороны их семейная жизнь становилась известна ученикам, а с другой стороны, директор знал обо всех проказах и шалостях учеников, равно как и об их достижениях⁴. Учителя обязательно ходили по домам своих учеников и, познакомившись с их бытом, помогали⁵. Будучи такими же бедными, как и их ученики, они подкармливали голодных, в случае необходимости, посвящали свое свободное время ученикам, занимаясь по своим предметам, организовывая школьные мероприятия:

«У нас в школе 50-й были прекрасные учителя, то есть это женщины, оставшиеся без мужей в войну, которые отдали нам все, свои знания, все свое свободное время отдавали. Мы не знали, что такое каникулы, всегда были заняты. И наши учителя не знали, что такое каникулы, что такое выходные. Физичка у нас была горбатенькая, маленькая такая, у нее в физкабинете помост и она нам: “Определение Ома — 2 минуты! Сдать работы — полминуты!” Не сдал, то все. И мы имели оценку три с плюсом или три с минусом и больше ничего. <...> Потом она нам говорит, строго так, что сегодня в 11 часов вечера вы придете все в школу, мы будем наблюдать звезды”. И вот мы все премяся, наблюдаем звезды. Учитель истории тоже нагружал: “Учебник истории за 8-й класс вы сдаете на осенних каникулах”. И мы сидели, учили все каникулы. Биология нас так заинтересовала, что мы не вылезали из библиотек. Мы, если книжка какая-то интересная художественная попадалась, то мы собирались ночью и читали по очереди, черте что мы читали, и брошюрки всякие, и читали, и читали, и читали»⁶.

¹ Сталинградское детство. С. 44.

² Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 43.

³ Лобачева Р.Н. // Дети и война. С. 351.

⁴ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С. 101.

⁵ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 248.

⁶ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 496.

В школах были организованы кружки по художественной самодеятельности, по рукоделию, спортивные, моделистские, хор, и каждый ребенок посещал какой-то из них. На городские праздники между школами проводились соревнования по различным видам творческой деятельности:

«Помню, праздник какой-то мы делали карту Советского Союза из стекла. Вот придумать надо было так. Стекло мелко крошили, смешивали с цветным порошком и каждую союзную республику мы обозначали вот этим цветом. И с этой картой вчетвером, она ж тяжелая, мы несли как вместо флага, наша школа, наш класс, потом мы шествовали с этой картой. Кому бы это надо? Что не нарисовать просто? Нет, вот ей надо было как-то выделиться, и она выделилась, конечно, никто ж так не придумал из цветного стекла делать карту. Зато она выпустила семь медалистов из класса, одна правда золотая, а шесть серебряных медалистов, конечно, она прославилась»¹.

Дети Сталинграда рассказывают о том, что дирекция школы организовывала турпоходы, благодаря чему ребята могли посетить другие города страны². В некоторых школах дополнительно вводились занятия по бальным танцам и стенографии. Проводились маскарады, литературные и праздничные вечера, здесь же отмечали такие праздники, как 7 Ноября, Новый год, 2 Февраля, 8 Марта, день выпуска из школы. Ученики одной школы приглашали к себе учеников другой школы. Особенно это было важно после введения раздельного обучения для мальчиков и девочек. В стране это произошло с 1943 г., в Сталинграде спустя год некоторые школы стали переходить на эту систему:

«Мы только потом уже разделились — мальчики и девочки, когда две женские школы были, и мужские две школы были и летная еще школа была. По праздникам на вечера приглашения были на танцы бальные у нас в школе. На праздниках самодеятельность была, приходили мальчики из летной школы. Приглашали десять штук, из 15-й десять, из той — десять, причем начиная с девочек из 8-го, 9-го и 10-го классов. <...> И мы ходили туда, в летную школу, когда приглашали девочек. И я раза два была, по-моему. <...> И мы на вечера часто ходили с подружками. Это вечера праздничные: новогодние, майские и ноябрьские и окончание класса»³.

Самый торжественный вечер для всех школьников — выпускной. К нему готовились заранее. Необходимо было сшить платье, для этого иногда за два года надо было купить или достать ткань. Еще необходимо было найти обувь. Вопрос с обувью и украшениями чаще решался на основе взаимовыручки: школьницы обменивались друг с другом, брали на время что-то у своих подруг, соседок, родственниц.

¹ Интервью с Е.Д. Лобчук, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Ф. Ахадова, 23.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Никогосян Р.А. // Дети и война. С. 243.

³ Зайцева Н.Н. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 337.

На Новый год в школе устанавливали елки, младшие школьники получали конфеты, сваренные из сахара¹. На школьных вечерах танцевали падеспань, краковяк, польку, вальс. Фокстрот и танго были в школе под запретом, но их можно было танцевать в городских парках².

Тесное взаимодействие учителей и учеников не заканчивалось по окончании школы: учителей навещали по праздникам, приходили проводить в последний путь³.

От учителя всегда зависят отношения учеников друг с другом. То, какую оценку дает учитель поведению хулигана или случайному проступку, формирует представления ребят о моральных ценностях и определяет атмосферу класса. Отмечались случаи, когда учитель покрывал вора, но при этом объяснял ему, что даже при сильном голоде воровать нельзя. А вот другой пример, показывающий силу влияния учителя:

«Был случай, когда я, голодная девочка, увидев затоптанный в песке перед школой кусочек хлеба, схватила его с земли. Дети увидели и, входя в класс, закричали: “Побирушка!” Я закрывала руками уши и рыдала, так что мое исхудавшее тело вздрагивало от рыданий. Благо, в наше время учителя были настоящими педагогами и мудрыми психологами. Они в те трудные годы заменяли нам матерей, которые работали день и ночь, чтобы прокормить хоть как-то своих детей. Слова учительницы Галины Ивановны Зелениной были мудрыми: “У Гали нет папы – он погиб. Мама одна, у них пропали карточки. Галя голодная ходит в школу”. После звонка дети окружили меня и с детской добротой делились со мной своими кусочками»⁴.

Дружеские отношения в классе во многом определяют интерес ребенка к учебе, и наши информанты отмечали взаимовыручку, которая действительно помогала учиться⁵. Больного ученика посещали одноклассники, объясняли материал, относили готовые упражнения на проверку учителю. Детям, которые во время войны получили увечья, одноклассники помогали носить школьные принадлежности⁶. В дружбе ценилась конструктивная критика, которая способствовала развитию человека, но не распространение сплетен⁷. Вот подробное описание отношений в классе:

«В школе у нас не было дерганья за косички, а к 9 классу стали записки передавать, а в открытую не было. В кино ходили всем классом, иногда уроки срывали. Билеты тогда еще были допустимые. На каток очень любили ходить. Вот “Динамо” каток. А там тоже заплатить за вход надо было. И мы на каникулах в самые морозы, когда школу отменяли, ходили на каток. Оденем фу-

¹ Интервью с Л.С. Поляковой, 1935 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Е.А. Лисовая, г. Волгоград, 20.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Интервью с С.М. Лопаевой, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова, 13.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Перечицкая Л.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 256.

⁴ Сталинградское детство. С. 159–160.

⁵ Жданова К.Ф. // Дети и война. С. 135.

⁶ Сталинградское детство. С. 77–78

⁷ Русина Ю.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 138; Интервью с Р.И. Каплуновой, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер К.К. Шутова, 21.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

файку, рейтузы, штаны еще какие-то, коньки возьмем. Ребята нас перекидывали через забор, мы шли в раздевалку как будто прошли, в раздевалке же билет никто не требует, переобувались, а галошки закапывали в сугроб. <...> Был у нас один хулиганистый парень, не хотел учиться, мы его пытались воспитывать, прикрепляли к нему ребят, но не помогло. Очень дружные и понимающие были все»¹.

Споры и драки в школе зачастую возникали по причине замеченных различий между одноклассниками. На фоне общего бедственного положения всех детей города особо ярко выглядели дети, которые не скрывали благополучия своих родителей. Обычно это проявлялось в более качественной одежде, в возможности купить еду в школьной столовой. Отношение к таким ребятам было однозначно негативным: к ним приклеивались прозвища, их щедро одаривали тумаками:

«Я замечал, кто хорошо жил, те хорошо и учились. Были отличники, но мы их терпеть не могли. Чтобы он проходил мимо, и я ему под зад не дал?»²

В то же время многие школьники только по окончании школы узнавали, что родителями их соседа по парте были руководящие работники. Отношения к таким ребятам было равным. Все отмечают, что больше ценились личные усилия ученика, его упорство в учебе.

Многие наши информанты начинали учебу в смешанных в возрастном отношении школах. С 1944–1945 учебного года постепенно стало вводиться раздельное обучение мальчиков и девочек. Но на праздничные мероприятия, конкурсы и соревнования принято было приглашать мальчиков к девочкам и наоборот³. Чаще всего в выборе школы, с которой «дружили», определялся дворовыми отношениями учеников⁴. Повседневная работа этих школ была ориентирована только на детей одного пола, за что получали названия «женский монастырь» и «мужской монастырь». Некоторые информанты отмечают, что из-за раздельного обучения мальчикам и девочкам было сложно наладить отношения друг с другом:

«Мальчики с девочками очень плохо общались, сразу скажу. Мы же учились отдельно: женская и мужская школа. Мы были дикими, самыми настоящими. Они в одной стороне, мы в другой. Параллельно по классам мы приглашали. Допустим, наш “Б” класс и 12-я школа “Б” класс, мужская школа. Вот если у нас, значит, вечер, мы их приглашаем, у них вечер — они нас приглашают. Ну и что? В этом зале физкультурном, у нас обычно там вечера проходили. Танцы. В одном углу ребята стоят, в другом углу девчата. Боялись подойти друг к другу, это вот честно говорю. Простоим весь вечер: девчата с девчатами потанцуют, мальчишки с мальчишками потанцуют. И разошлись. Были дикими ужасно. И я этих мальчишек боялась как огня. Я с ними не росла, и я боялась их как огня. Вот такие у нас с ними были отношения. Я заканчивала женскую школу и не

¹ Чебаненко Т.Г. // Дети и Сталинграда: 10 лет после войны. С. 218.

² Коняхин К.В. // Дети и Сталинграда: 10 лет после войны. С. 133.

³ Интервью с С.М. Лопаевой...

⁴ Лобачева Р.Н. // Дети и война. С. 351.

представляю, как учиться вместе с мальчишками, особенно старших классов. Вот сейчас отношения, влюбляются друг в друга. У нас этого не было»¹.

Уже к окончанию десятилетнего обучения тех же школьников начали вновь объединять². В целом по стране раздельное школьное обучение вводилось не везде. К 1954 г. результаты этой реформы были признаны не успешными из-за возросшей материальной базы, возникших трудностей воспитательной работы и с 1954–1955 учебного года повсеместно вновь было введено совместное обучение.

Какие же стимулы были в обучении детей военного Сталинграда? Многое зависело от способности учителя заинтересовать учеников в своем предмете. Конечно, большое значение имел пример родителей. Те, кто не имел законченного школьного образования, всегда подталкивали своих детей к учебе, надеясь, что это обеспечит им лучшую жизнь. Родители понимали, что важно иметь профессию³. Уходя на фронт, отцы напутствовали детей так: «Нашей стране нужны грамотные люди, ты должна учиться!»⁴. Осознание того, что для восстановления страны после войны нужны грамотные и профессиональные люди передавалось всему поколению. Например, А.М. Утенков, ставший впоследствии профессором, разрабатывавшим систему навигации, чувствовал это настроение так:

«Мы были истинными патриотами. В свои семнадцать лет я уже стал думать, что без грамотных специалистов трудно будет восстанавливать нашу разрушенную войной Родину. Кроме обучения в РУ, по вечерам учился в школе рабочей молодежи – надо было закончить семилетку.... Теперь, оглядываясь в прошлое, поражаюсь тому, как много в то трудное время было сделано для того, чтобы мы могли учиться. Вот и я, оказавшись далеко от дома, не пропал, ни сгинул. Мы приходили в классы в рабочих спецовках. Непостижимым образом, несмотря на все беды, в нас сохранилось желание учиться, читать книги, постигать основы культуры»⁵.

Задумываясь над разницей между образованием своего детства и юности и образованием своих внуков, многие информанты утверждали, что образование «тогда», несмотря на нехватку книг и какие-то материальные трудности, было лучше, чем «теперь»:

«Я считаю, что образование раньше было на много лучше, потому что сейчас у всех есть ответы, все могут найти решения в Интернете, а голова никак не развивается, и знания никак не приобретаются. В одно время прогресс, но в то же время для ума это огромный минус... А как можно при таком образовании, как сейчас, что-то запомнить? Я всегда была настырная и пока не решу задачу, не успокоюсь... Я сидела, решала, голова работает, и я начинаю соображать, утром прихожу в школу... Вообще образование становится хуже и уходит назад.

¹ Мельникова Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 264.

² Интервью с Л.В. Розановой, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева, 30.05.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 496.

⁴ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 38.

⁵ А.М. Утенков // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 163–164.

Я этого не понимаю, я привыкла все делать самостоятельно, умом своим работать, думать, вот так, и всем бы этого желала»¹.

Итак, как довоенная, так и послевоенная сталинградская школа активно привлекала учеников к общественно-полезной работе, стимулировала их социальную активность и, таким образом, позволяла школьникам прочувствовать свою сопричастность к взрослым проблемам города и страны. Поэтому многие сталинградские дети по праву могут утверждать, что стали взрослыми, когда пошли в школу. Из-за событий Сталинградской битвы все дети северных и центральных районов города потеряли год школьной учебы. Некоторые учителя, даже находясь на оккупированной территории, стремились это компенсировать. Сразу же после пленения штаба немецкой армии, в феврале, в городе были возобновлены учебные занятия. Классы наполнялись разновозрастными детьми, и для многих обучение приходилось начинать заново. По мере возвращения населения в город численность детей в классе могла возрасти до 40 человек, в то время как подходящих для занятия помещений не было. Только летом 1943 г. население города смогло восстановить и даже построить несколько школ. Нехватку письменных и учебных принадлежностей компенсировали подручными материалами. Большая нагрузка легла на плечи учителей. Лишенные собственного крова, зачастую проживая в школьном здании, они посвящали все свое время своим ученикам. Учителя становились важным жизненным примером для своих учеников, работая вместе с ними на расчистке города, обустройстве школы, выказывая постоянную заботу о них. В ответ школьники дарили им свою любовь, помогали по хозяйству, навещали учителей спустя годы по окончании школы и даже провожали в последний путь. Осознавая необходимость восстановления города и страны после войны, дети стремились получить хорошие знания. Энтузиазм возрождения был подхвачен школьниками. Несмотря на проблемы с жильем, вечный голод, они шалили и баловались, радовались праздникам, оставаясь детьми. Резюмируя воспоминания о своем школьном детстве, одна из наших информантов сказала: «В школе было такое нормальное детство: голодное, но мы веселенькие были»².

6.3. ОБРАЗЫ ВРАГА В ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ

Война до предела обостряет восприятие действительности; с точки зрения личных судеб война всегда трагедия: гибнут близкие, рушится налаженный быт, а часто и вся прежняя жизнь. Взрослые люди вписывают свое восприятие событий в объяснительный нарратив войны, в котором есть враги, защита Родины и победа. Детское восприятие, во многом опосредованное «проговоренным» взрослыми опытом, в основном следует тому же рассказу. Вместе с тем опыт детей, непосред-

¹ Интервью с Л.А. Перечицкой, 1941 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Э. Гребнева, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Интервью с Н.Н. Зайцевой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер К.К. Шутова, 12.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

ственно столкнувшихся с врагом, не всегда укладывается в рамки схематичного описания, и это столкновение сохраняется у многих детей войны на протяжении их жизни.

В записанных нами воспоминаниях можно выделить свидетельства о первом контакте с врагом, описание взаимодействия с солдатами противника во время оккупации, а также детский взгляд на военнопленных по окончании битвы.

Первая описываемая эмоция — это, как правило, любопытство:

«Вот, когда была на окопах, там в Песчанке подбили один самолет. И вот там летчик немецкий на парашюте спускался, а нам было интересно — мы не знали, какие они люди-то. И мы — трое девчонок — побежали. ... Добежали, а он в лес. Там лесочек был, и в лесочек он спускался. Ну, никого не было! А потом откуда-то наши. Прямо, как будто из-под земли солдаты выросли и нам: “Назад! Назад! Не трогайте! Ни с места!”. Ну, и мы назад, и больше мы ничего не знали»¹.

Детское представление о немцах (вероятно, определенное и карикатурным образом, в котором использовались «рогатые» немецкие каски) рисовало их отличными от людей, и первое впечатление фиксирует это расхождение:

«...мы думали, они какие-то с рогами, да там абы какие, а они обыкновенные люди, только в других костюмах и на танках»².

«В сентябре, здесь такой момент, я сплю и вижу сон — немцы пришли, немцы с рогами, у детей воображение всегда такое. Я встала и говорю: “Мама, немцы пришли”. И, представляете, над оврагом стоят каски, и эсэсовцы стоят со своими крестами»³.

«Вражеских солдат мы рисовали страшными, в касках. Из каски рог торчит, зубы здоровые, враги они наши, враги. Нам объясняли, что это наши враги»⁴.

Опыт взаимодействия с оккупантами у детей был разнообразным. Многие дети столкнулись со смертью, жестокостью, унижением, мародерством со стороны немецких и румынских солдат:

«А папин братик, ему 15 лет было, был без руки. Немец говорит: “Ком, ком сюда!” — зовет его, а он не пошел к нему, Асхад его было звать, он не пошел. И немец сразу застрелил его, как собаку, застрелил и все»⁵.

То, что дети не видели сами, запоминалось из рассказов взрослых:

«Я хоть и восьмилетняя, но все слышу, как взрослые общаются: вот там повесили и девчат, и ребят. Это, наверно, как раз про Сашу Филишова, они (его семья) недалеко как раз жили от нас на Дар-горе»⁶.

«Я как раз сидел в бомбоубежище и ко мне немец подходит, а у него граната в руке, он развязывает и: “Киндер!” А я немецкий хорошо знал, я ему объяснил,

¹ Интервью с З.Ф. Пономаревой, 1925 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева, 30.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Демичева В.А. // Дети и война. С. 307.

³ Бочкова Л.А. // Дети и война. С. 322.

⁴ Михайлина Т.И. // Дети и война. С. 495.

⁵ Козловская Н.Х. // Дети и война. С. 234.

⁶ Бочкова Л.А. // Дети и война. С. 323.

что здесь киндер, гроссмутер — это значит старики, гроссматка — старушки. Я его провел туда, мы вышли, он подошел, офицерам доложил там по-своему и нас не стали гранатами закидывать. Вот такое дело. Это было самое страшное. Потому что вот она — на глазах смерть. Представляете?»¹.

В детской памяти крепко оседали и сцены избиений родных и близких:

«Потом отряд эсесовцев пришел... Мы с бабушкой ушли в “низы” пожить немножко. Потому что в окопе жить было невозможно. А их главный офицер решил в низах на некоторое время штаб свой организовать. “Матка, открывай!” — говорит. Бабушка вышла, растерялась чего-то, и вот он ее как по щеке ударит! Со всей силы! И это было на моих глазах, меня это так потрясло! Я так плакала»².

«Поставили немцы походную кухню. Еще мамка живая была, заставили ее готовить, а она отказалась, не хотела, чтоб ее предательницей считали. Ее плеткой перетянули по спине, а бабушка сказала, чтоб лучше она согласилась, а то как бабушке с пятью детьми оставаться?»³.

Страшные сцены жестокости немецких солдат остались в памяти детей Сталинграда навсегда:

«Однажды, выйдя в поход за съестным, я увидела картину, которую не могу забыть и по сей день. По дороге вели колонну наших людей — стариков, женщин, детей. Я была от них метрах в двухстах. Навстречу шел танк. Конвоиры остановили его и о чем-то договорились. После этого танк двинулся на колонну. Потом развернулся и снова проехал по ней. На дороге не осталось ни одного живого человека. А танк, снова развернувшись, покатил дальше. Все это я видела сама и никогда не забуду»⁴.

Во многих воспоминаниях фигурируют рассказы о грабеже и мародерстве оккупантов:

«Что еще хочется вспомнить: когда немцы гнали коров с пастбища. Вот памятный такой момент был, плачущий, что гнали коров домой пастухи с выпаса, а тут раз, окружили немцы на конях стадо, и давай его с хутора угонять. Коровки-то единственными кормилицами были тогда. И вот, что мне запомнилось, хотя мне было мало лет, вот этот вой деревенский. Так женщины плакали, так скулили! Вот это страшно»⁵.

«Когда вошли немцы, начался такой грабеж, брали всё, что попало — вещи — и все на лошадиную повозку складывали. Там, где была рыхлая земля, они протыкали и смотрели, что там было, и заставляли нас откапывать эти ямы и забирали спрятанные продукты»⁶.

«Немцев видела. У них штаб был в Верхней Ельшанке, и вот они мимо нас всегда проезжали. Очень часто нас грабили, ну очень часто! Поэтому, наверное,

¹ Чернышов Ю.Н. // Дети и война. С. 250.

² Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 205.

³ Блинова Л.А. // Дети и война. С. 198–199.

⁴ Книга жизни памяти живой. С. 9.

⁵ Блинова Л.А. // Дети и война. С. 198.

⁶ Сячина З.М. // Дети и война. С. 289.

я до сих пор негативно отношусь к Германии. Я помню, как отобрали у младшего брата хлеб. Они зашли, а у него корочка была»¹.

«Шла я по Котлубанской, слышу крик женщины. Немец забирает корову. Женщина с грудным ребенком говорит: “Что вы делаете?”. У немца в руках был пистолет и он выстрелил, и я увидел, как пеленка покрылась кровью, а женщина потеряла сознание»².

Видимо, ко второму этапу Сталинградской битвы, когда оказавшиеся в окружении немцы стали сами испытывать трудности со снабжением продуктами, относятся рассказы о поисках пищи:

«Юля где-то достала сахар и принесла его домой, а тут уже немцы пришли, немец заметил, что она что-то прячет, и кинулся к ней отбирать, так она с ним начала драться, но он ее ударил и забрал сахар»³.

«И немцы, двое, забежали, а один прям в чугунок рукой влез! А мама стоит: “Ага, для тебя приготовили!”. А женщина сзади толкает: “Ты чего болтаешь? У тебя четверо детей. Ты что делаешь? Сейчас через тебя и нас всех расстреляют!”»⁴.

«Так чтобы сказать, что они над нами издевались — мы не можем сказать. А разве это не издевательство, когда они зашли и все позабрали? Все питание у людей!»⁵.

Дети, однако, запоминали и другие примеры взаимодействия с солдатами противника. В этих рассказах часто присутствует упоминание о том, что у немецких и румынских военных дома тоже оставались дети, либо прямо высказанное этими солдатами, либо в форме догадки респондентов, столкнувшихся с помощью со стороны немцев или румын.

В воспоминаниях В.А. Демичевой немцы похожи на воспитанных гостей:

«Теперь вечер наступает, уже темно, и приходят к нам четыре немца. Они посидели у нас с вечера, а утром ушли. Вот они с нами разговаривали, показывали фотографии, как они там жили. Я спрашиваю: “А что без шапок ходите-то?”. Они объяснили, что у них тепло в Германии. Немножко так с ними пообщались, они нас не тронули, ничего не взяли, только попросили что-нибудь сготовить. Бабушка сготовила им, они поели и в 5 часов они тихо, спокойно ушли»⁶.

Нередко наши информанты вспоминали о том, как их накормили немецкие солдаты:

«Как-то вот ходим с братом, ищем еду, ковыряемся, он поменьше меня, немец подзывает: “Киндер, киндер!”. Подозвал меня как старшую, и сунул мне булку хлеба. И солдат показывает мне: “Офицер, офицер!” Мол, смотри, чтобы офицер не видел, что он дает. И показывает, мол, в Германии у него тоже двое детей есть, как я поняла. Сунул мне булку хлеба, мать потом ее разделила между нами троими»⁷.

¹ Славина Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 190.

² Дети Сталинграда. Воспоминания. С. 45.

³ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 40.

⁴ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 245.

⁵ Демичева В.А. // Дети и война. С. 309.

⁶ Демичева В.А. // Дети и война. С. 308.

⁷ Бочкова Л.А. // Дети и война. С. 323.

«Немец забрал коня молодого у хозяев. На него садится, а он гы-гы кверху, и немца сбрасывает. Тот опять садится, и опять. Ну, немец разозлился и пристрелил. “Матка!” — зовет. Она подошла, а он: “Киндер е?” А она показывает: “Четверо”. Он нож достал, разрезал и ей. Вот конину мы ели»¹.

Об оставшихся дома детях рассказывал Е.Б. Белкиной румынский военный служащий:

«И вот румын один <...> взял меня, на колени посадил и на ломаном русском языке сказал, что у него дома дочка осталась. Тосковал, видимо. Румыны, видно было, не так себя чувствовали хозяевами, как немцы»².

Похожим опытом делится А.И. Ивахненко, которой немецкие солдаты давали шоколад³. Немало рассказов о том, что солдаты противника избегали жертв среди детей:

«А потом слышат, танк едет, видят, немец едет, они скорее в этот сарайчик — мама рассказывала — попрятались. А вас как начали щипать, вы все уснули с дороги голодные. Вы как спросонья начали орать, а он прям дуло свое в этот сарай, а вы как начали орать, он даже повернулся и уехал: у него, наверное, тоже дети»⁴.

«Еще у меня случай был во время войны. Спустилась в овраг, а там штучки такие валяются. На ручки похожие: красным, синим, серебристым переливаются. Я их собирала. А немец проходил мимо, когда я вылезла из оврага. Говорит: “Брось! Нельзя! Бух!” Я бросила, уже не собирала»⁵.

Зафиксированы в воспоминаниях и примеры нормальной человеческой реакции на страдания детей:

«До меня не доходило, что они злые, там все такое. Вот когда нас немец отвез, когда нас посадили прямо к борту (мать боялась расстаться с тележкой), то, так как у меня ранена была голова, меня начало рвать кровью. Немцу-шоферу постучали, девочка не может ехать. Ну и куда меня — бросить на улице? Он меня взял, посадил в кабину, дал хлеба, кусок хлеба, и 5 буханок хлеба дал туда, беженцам. Все по чуть-чуть разделили, съели. И он меня успокаивал, покормил»⁶.

«Юля пошла на железную дорогу, взяла костюм мужа и договорилась с одним немецким солдатом, чтобы он нас спрятал в вагоне. Мы спрятались в солому, а на одной станции была проверка, штыками в сено тыкали, проверяли, нет ли кого, но этот солдат, видимо, дал знать проверяющему, что у него люди, и тот так потыкал для проформы, не сильно. Вот я думаю, что бы ждало этого солдата, если бы нас обнаружили? Они же немцы тоже были не все фашисты»⁷.

Примеры отношения немцев к мирному населению как проекции их отношения к оставшимся дома родным, распространялись не только на детей. З.Ф. Пономарева рассказывает о немецком солдате, много общавшемся с бабушкой, напомилавшей ему собственную мать:

¹ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 246.

² Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 204.

³ Ивахненко А.И. // Дети и война. С. 179.

⁴ Козловская Н.Х. // Дети и война. С. 235.

⁵ Белкина Е.Б. // Дети и война. С. 205.

⁶ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 110.

⁷ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 40.

«Один немец нам там помогал — Бруно его была фамилия — ему, наверное, 45 или больше было лет. Ну, он к бабаньке все — у него мать осталась в Германии, а он к бабаньке все, с бабанькой. И нам помогал: давал нам хлеба, давал нам какие-то консервы»¹.

Разнообразие жизненных историй подытоживает высказывание А.С. Савина:

«Конечно, были среди них, такие, которые давали детям шоколадки. Я их встречал, когда началось наступление. А есть и те, кто зверствовал. Я сам не видел, но мне рассказывали, что одну женщину расстреляли вместе с детьми. Жестокостью своей запомнились. Беременных убивали, прикладами били»².

Такое разнообразие опыта общения с немцами формировало у детей неоднозначный образ чужих солдат. Очень интересен рассказ — и рефлексия по поводу собственных поступков — А.И. Гусева:

«Мы жили во дворе у хозяев, а там была оружейная мастерская, в ней немцы ремонтировали автоматы, ружья и пулеметы. В маленькой мазанке мы жили, а тут хозяйка. И немцы нас с Борисом привечали: вот этот хлеб черный отрежут, мясо сырое с сушеным луком — корову или коня, до сих пор я могу сырой фарш есть. Хорошо относились. А с нами немец жил в нашей мазанке, спал на полу, он был шофер, и нам возил еду и дрова. Он рассказывал, что он рабочий сталелитейного завода, где делают рельсы. И помогал. А вот патриотические чувства... вот, казалось бы, хорошо немцы относились. Во дворе у хозяйки погреб был, там лежали в коробочках немецкие патроны. И я эти патроны воровал и складывал под кровать. Если бы мама бы узнала, там хуже войны было бы. И когда началась стрельба, я выскочил на улицу, взял эти патроны. Бежал наш солдат, маленького роста, в шинели, пустая улица — он с винтовкой. И я ему эти патроны дал: «Дяденька, вот тебе!». А патроны-то немецкие! Ну, казалось бы, кормили нас немцы... но нет, нет, враг — он и есть враг»³.

Рефлексия на эту тему связана в воспоминаниях главным образом с отношением к немцам-военнопленным.

Окончание битвы пробудило новый детский интерес к чужим солдатам.

«Видала, как брали Паулоса. Нам говорят: “Паулоса, Паулоса будут выводить”. И мы оттуда, с Ангарского, — мы на Ангарском жили — прибежали. Ну, все стояли — солдаты, ну, прям один к одному стояли — нельзя! Ну, мы как-то так головами пролезли»⁴.

Многие вспоминали о том, как бегали смотреть «прогон» пленных через город:

«Вражеские солдаты мне эти запомнились вот так. Их гнали большим маршем. Человек по двести. Вот где мы эвакуировались, и по этой территории их гнали, когда уже Сталинград освободили. Они в плен сдавались. И вот мы — мальчишки, девчонки — смеялись, показывали им мордочки какие-то скрюченные. Но

¹ Интервью с З.Ф. Пономаревой, 1925 г.р. Интервьюер О.С. Терентьева, 30.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Савин А.С. // Дети и война. С. 173.

³ Гусев А.И. // Дети и война. С. 64.

⁴ Интервью с З.Ф. Пономаревой...

никто в них не бросал ничего, никто не говорил: “Вы — враги!”. Я, например, такого в нашей компании не заметила. Не боялись тогда. Человек — он и есть человек»¹.

Зафиксированы в записанных нами воспоминаниях и чувства, которые вызывали пленные вражеские солдаты у мирного населения, в том числе детей:

«Ненависть, страшная ненависть, мы знали, что они наши убийцы. Хотя, когда нас спас немец, мы уже знали, что не все они такие. Когда военнопленных ввели в наш Кировский район, у них были бараки со стороны Бекетовки. Кировчане, которые не видели особенно войны, бросали в них камнями, плевали, а я думала, зачем они это делают, ведь это простые солдаты, которые выполняли приказ»².

«Отношение к вражеским солдатам, какое к ним может быть отношение? Враги — они и есть враги! Немцев не видели мы. Румыны у нас были, много пленных румын. По Волге гнали. Мы бежали им вслед — интересно посмотреть было. Они все укутанные были. Одежда порванная на них была, в ботиночках, а мороз был -40. Мы бежали и кричали: “Фашисты, фашисты! Убийцы!” Они шли под конвоем и не обращали на нас внимания»³.

«У Лесобазы был лагерь военнопленных. Его хорошо охраняли. Главным образом, охраняли немцев от разъяренных жителей, которые постепенно возвращались в город. Чуть охрана зазеваётся — и их избивали в кровь — палками, камнями. Немцы расчищают развалины, а вокруг кольцо охраны. Я училась в медицинском училище и проходила практику в госпитале. Привезли немца с окровавленной спиной. Какая-то женщина набила в палку гвозди и отходила его»⁴.

Наши информанты дают и разъяснения своему отношению к пленным:

«Мы раньше рассуждали так: “Они не виноваты, их послали, а если бы те не пошли, их бы расстреляли”. Это мы так тараторили. А сейчас, знаете, какой-то осадок есть. Немцев я не люблю. Хотя встречались же хорошие люди. ... Я Данату [румынскому солдату] говорю: “Зачем вы в нас стреляли?”. А он немножко понимал. Он говорит: “Если б я не стрелял, меня бы застрелили”»⁵.

«Я, конечно, знала, что они нас уничтожать пришли, но и помнила, как нас немец спас. Мама говорила, что они ведь выполняли волю командира»⁶.

Не все рассказы имеют точную хронологическую привязку, но очевидно, что за десятилетие нахождения пленных в Сталинграде отношение к ним смягчилось:

«Мы не видели немецких солдат, только пленных немцев, но всё равно страх перед ними был большой. <...> Жалко их не было. Просили — подавали. Не помню одежду. Пленные есть пленные. Никакие они были, пожившие. Был страх, не было ненависти, просто страх держаться подальше от них. Я видела только таких немцев. Равнодушные к ним было. Человек пять, поникшие, опу-

¹ Лихолетова Л.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 38.

² Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 42.

³ Бульбулькина (Игольников) А.П. // Дети и война. С. 326.

⁴ Гаврилова В.А. // Дети и война. С. 211.

⁵ Феклистова А.В. // Дети и война. С. 169.

⁶ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 43.

щенные. В районе Солёного пруда ходили, побирались. Они везде копали и строили. Везде копали, строили бараки, наших не было»¹.

Более сочувственно рассуждает о пленных П.Ф. Ерошенков:

«Военнопленных много в городе было и много чего они строили. Как бы мы понимали, что это немцы, и что мы с ними воевали, но их ведь просто послали на фронт и не все из них звери были. Мне рассказывали, что даже в войну они помогали мирным жителям. Одной женщине попал в глаз осколок, а никаких лекарств у нее не было. Так немец помог ей вытащить его и потом, до тех пор пока она не выздоровела, он ей носил лекарства. Конечно, не все они такие добрые были, были и жестокие звери, но зла какого-то на них не было. А пленные часто угощали детей в городе конфетами, потому что жили как-то получше, показывали им фотографии своих детей и говорили: “Майн киндер”. Так что нет во мне какой-то ненависти к этому народу...»².

Некоторые наши информанты обращали внимание на практики взаимодействия, когда ответом на ненависть была демонстрация личных, человеческих привязанностей:

«Немцев много видела уже и после войны, очень много. Они же потом дорогу после войны строили. Все до одного, даже высокие чины. А мы камней наберём и в них кидаем. Обзывали их, ругали мы их, но они в ответ не защищались, а вытаскивали из-под тайничка кипу фотографий детей своих. Потом мы утихомиривались, нам же интересно было посмотреть. Они нам показывали. Говорили: “Это Сталин ваш и Гитлер наш начали войну, а мы не хотели”. Среди них тоже люди хорошие были, не все были извергами. Конечно, были у них войска, истребляющие людей. Может, они и не хотели, но война есть война»³.

«И мы к немцам как-то... мы их боялись, безусловно, но как-то относились, подглядывали. Они ещё нам конфетки дают, а мы радовались. Были, конечно, во время войны, может быть, и жестокие. А тут, в плену, они были мирные, они ничего не творили такого»⁴.

В период после битвы, когда пленные немцы работали на восстановлении города, многие сталинградские дети выменивали у них произведения их ручного труда, как правило, на продукты питания:

«И один немец, такой красивый парень был, нарисовал мне лошадь, а я ему принесла хлеба. И вот мы были счастливы с ним, что у меня такой подарок, так красиво нарисовано было, и я ему хлеба дала. Да ничего, нормально, они себе, мы себе, воды принесешь иногда им там»⁵.

«Жили пленные в бараках за колочей проволокой, но к ним можно было пройти. Немцы делали столики и стульчики из прутьев наподобие садовой мебели, свистульки, бумажные “вертушки”, называли их пропеллеры, лодки из бумаги, очень хорошо помню чертика из бумаги. Через ограждение, колючую проволоку пленные бросали этажерки, разобранные из прутьев (дома со-

¹ Аненкова А.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 30.

² Ерошенков П.Ф. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 58–59.

³ Баландина З.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 220–221.

⁴ Мельникова Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 260.

⁵ Степаненко (Рубанова) Л.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 239.

бирали эту мебель), мы им приносили табак, папиросы, хлеб, творог. Всех немцев называл “комрад”. Отношение было незлобное»¹.

«У нас был карьер, где мы брали воду, и их, военнопленных туда привозили, или рядом к тому месту. И там они, значит, устраивали базар, то меняли губные гармошки, то свитерочки»².

«Я помню, военнопленный, по-моему, румын он. <...> И вот он сделал, знаете. Две палочки, вот. И на них две ниточки, и человечек. И вот так жмешь эти палочки, и он крутится. Это мне сделал румын. Люди разные были»³.

Подробности обмена раскрывает С.Н. Самохина:

«Здесь много было немцев: они нам асфальт, дороги строили. Мы их еще кормили, ходили. Нам по кусочку хлеба давали, по сто грамм, в день. Вот давали нам этот хлеб, а они там игрушки делали: вот берешь так, а он пляшет этот человечек. Они тоже немцы были такие голодные! Не было тогда еды. А мы спрячем от матери хлеб за пазуху, нам же тоже играть хотелось. Мама спросит: “Ты чего, уже съела?”. Я, мол, да, уже съела все! А сами к немцам бежали: мы им — хлеб, они нам игрушки давали. А тогда игрушек не было, а нам так хотелось играть в игрушки. Вот так»⁴.

Игрушки от пленных вспоминали и другие информанты:

«А пленные строили дома и от нас недалеко строили что-то вроде коттеджей. И вот они действительно делали игрушки-солдатики. Я помню, вот так за веревочку дергали, а они прыгали. <...> Я помню, мы украдкой бежали к немцам, а она: “Опять игрушку пригасили! Опять у немцев бежали!”»⁵.

«Они делали игрушки нам. Знаете, какие. То птички какие-то делали, потом вот такие — знаете, берешь 2 дощечки, резиночки, где вот они что брали, не знаю. Ну, может быть, наши кто-то приносил. Их берешь вот так вот, а они прыгают»⁶.

«И вот немцев гоняли на стройку прямо мимо нас, а мы детвора... вот чем играли? Немцы нас игрушками снабжали. Они сами делали. Вырезали марионетки из кусочков деревяшек. Потом мячики они делали на тонких резиночках. На пальчик надеваешь, и мячики прыг туда-сюда. За крошечку хлеба делали. Мы сами-то голодные, а играть хочется. Иной раз так медленно идут. Задержатся. На лавочках с нами посидят, показывают игрушки. Вот что-нибудь принесешь, а тебе игрушечку. Немцы такими смиренными были»⁷.

Информант Р.Б. Второва меняла игрушки на яблоки из своего сада:

«Наша улица была следующей после той самой Лазоревой дороги, которую строили немцы. Мы им носили яблоки, которые воровали дома, потому что другого нам ничего не позволялось. Наша улица была следующей после той самой Лазоревой дороги, которую строили. Мы приносили немцам яблоки. Конечно,

¹ Интервью с А.В. Тарановым, 1938 г.р. Интервьюер Л.М. Решетникова, 04.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Бережнова А.И. // Дети и война. С. 237.

³ Костина Т.Л. // Дети и война. С. 258.

⁴ Самохина С.Н. // Дети и война. С. 78.

⁵ Олейникова Л.И. // Дети и война. С. 275.

⁶ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С. 100.

⁷ Севостьянова Ю.Ф. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 83.

они забытые все были, говорить они с нами не могли, ну, и мы с ними тоже. Вот вместо этих яблок они нам давали игрушки. На двух палочках был человечек, и когда сдавливаешь пальцами эти две палочки, там натягивается резинка, и этот человечек начинает перекручиваться. Вот такие игрушки они нам давали. У нас ведь игрушки редкостью были. Иногда только мама могла что-нибудь из тряпок каких-нибудь сшить. Вот так вот»¹.

Любопытно, что респондент подчеркивает, что яблоки она из родительского сада «воровала», т.е. подобные обмены с немцами родителями очевидно не поощрялись.

Вспоминает Ю.А. Русина:

«Они были очень большие умельцы. Мне, например, подарили ромашку — цветок из стружки. Кто-то строгал, что-то делал или строил, а они стружки собирали и как-то делали. Такой цветок красивый! Не крашенный, ничего — белый. Я принесла его домой с такой гордостью. Не знаю, потом куда делся. Они кое-что такое делать могли. Игрушки делали. Мне вот немец флакон просто так подарил. Да и чем там обмениваться-то было, ни у кого лишнего куска хлеба не было. В Иловле ни у кого ничего лишнего не было. Еще голодные были в 1947–1948 годы. Может быть, они что-то делали и продавали или обменивали, это другое дело. А так... Они все очень любили детей, фотографии детей, у кого были, показывали»².

Немцы делали не только игрушки:

«Отец командовал военнопленными. У нас даже с тех пор, у мамы нашей, есть тарелка. Ее сделали немцы, она железная. Ее сделали немцы за то, что отец к ним хорошо относился, они ему сделали вот эту тарелку на свадьбу»³.

«Сейчас я не помню, как охранялись на этой стройке военнопленные, но помню, что мы, да и остальное население, свободно общались с ними. Немцы знали уже многие русские слова, часто давали нам деньги и просили сходить в коммерческий магазин и что-то им купить. Они занимались побочным промыслом: тогда был большой дефицит на свадебные кольца, которые они умело изготавливали из медных и серебряных монет. Я не помню, чтобы население враждебно относилось к пленным, хотя оснований для этого у некоторых было много»⁴.

Ближе к окончанию плена обмен стал разнообразнее:

«Так вот, идешь мимо строительных объектов, а тут эти немцы. Часовые, конечно, стояли с винтовками, но охрана уже настолько, видимо, была ослаблена. Их уже вот-вот должны были отпустить, поэтому побегов они никаких не совершали. Им присылали с родины посылки, деньги. Мы с ними обменивались разными вещами. Например, они давали нам марки, а мы им рубли. Или мы им хлеб, они нам марки. Конвоиры иногда прикрикнут: “А ну прочь отсюда!” — и все, а так общались свободно. Уже их нечего было бояться. Прошло уже 5–7 лет

¹ Второва Р.Б. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 61.

² Русина Ю.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 143.

³ Архипов В.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 159.

⁴ Интервью с А.С. Скрипкиным, 1940 г.р. Интервьюер М.С. Трегубова 24.12.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

после войны. Они были накануне отправки на родину. Они многое построили: стадион «Динамо», Дворец спортивный. Мы туда тоже подходили. Они иногда машут, кричат, мы им что-нибудь ответим. Вот такое общение было»¹.

Именно в разговоре о военнопленных, которых уже не было нужды бояться, но которым можно было посочувствовать в их жалком состоянии, бывшие дети войны наиболее подробно раскрывают свое двойственное отношение к ним:

«И нам их действительно было жалко. Немцы ж ведь не все плохие были, были и хорошие немцы. Они любили, видно, детей. Они, знаете... мы бежим, а они начинают по-немецки говорить, встречают нас, разговаривают. А мы ж бестолковые, немецкого не знали, думали, раз улыбается, значит хорошо это все»².

«Они тоже люди... Их просто заставляли воевать. Мне их жалко почему-то было... Мне немцев жалко было! Ну, они в плену, работают, мы им дадим хлеб, а они прям: “Ааах!”. Они не могли по-нашему говорить. Но они, прям, радостными были и все»³.

Некоторые рассказчики проговаривают свое понимание того, что жалость к пленным врагам не вполне вписывалась в официально одобренный нарратив:

«Так же как и среди наших были разные, так и среди них... Я не хочу сказать, что раз они пришли, то... Не знаю, не буду я защищать или говорить там за них, нет»⁴.

Особый интерес вызывает способность некоторых респондентов отрефлексировать противоречие между официальным нарративом, образом, создававшимся в послевоенные годы, и собственной памятью:

«Войну вспоминаю, как только показывают фильмы. Я боялась, но не показывала виду. Образ врага был такой, — немцы здоровые, в касках и с автоматом. Просыпалась со страхом»⁵.

«Мы почти все, особенно те, кто из Сталинграда, много видели, много пережили. Вот я же рассказывала, как мы в эвакуации были, это на всю жизнь запомнилось. Те, кто после войны родились, они только в кино видели. А в кино показывали, что немцы плохие, а русские герои и хорошие. И долго очень была эта неправда. Это отразилось на нашем воспитании, мы долго верили. Немецкий язык мы терпеть не могли, мы говорили “они лают, а не говорят”. Послевоенные фильмы неправильно отражали действительность, очень неправильно. Потом уже все это признали. А я лично понимала, что это неправда, потому что там фашисты криком разговаривали, кричали. Пленные как раз хорошо разговаривали. Но в кино-то всегда криком. А мы долго думали, что раз кричит, “лает” — значит, это фашист. <...> А то мы все считали, что это так, выродки были, немцы. А наши все были только герои. Мы считали так потому, что нас так воспитывали, нас так идеологизировали, это ужасно! Тем более, наша школа в центре города... <...> Мы все учили английский язык. А вот учить немецкий никто не хотел. Его просто ненавидели. И тут свою роль тоже фильмы

¹ Казаков О.Н. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 173.

² Олейникова Л.И. // Дети и война. С. 275.

³ Самохина С.Н. // Дети и война. С. 78.

⁴ Костина Т.Л. // Дети и война. С. 258.

⁵ Аненкова А.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 34.

сыграли, но уже советские. В них немцев всегда изображали страшными и жестокими. И эта лающая речь. Потом мы поняли, что не все же немцы были такими. Но в нас воспитывали ненависть к ним. Вообще, все было очень идеологизировано»¹.

Анализ рассказов респондентов говорит о способности детского восприятия сопротивляться дегуманизации человека, которого видишь перед собой. Детские впечатления более конкретны, и в момент соприкосновения с врагом они видят людей, а не «рогатых немцев». Для объяснения несовпадения образов врага и конкретных людей дети и, очевидно, их родители, использовали опору на наиболее базовые ценности: «У них тоже есть дети», — повторяли сами респонденты, их матери и сами немцы, и румыны из их воспоминаний.

Собранные в рамках нашего проекта свидетельства позволяют начать сложную работу по анализу взаимодействия личной памяти со структурами коллективной памяти, выработавшимися в послевоенный период. Данная монография лишь намечает первые направления такой работы.

Взаимоотношения детей и взрослых в годы Великой Отечественной войны наполнились новым содержанием и приобрели новое значение. В экстремальных условиях военного времени дети практически не могли выжить без помощи взрослых, которые спасали их, защищали от различных опасностей, кормили и одевали, учили и воспитывали. Но от взрослого человека могла исходить не только забота, но и угроза: он мог убивать, грабить и насилловать, отбирать еду и выгонять из родного дома. Воспоминания детей Сталинграда зафиксировали разные образы взрослых, с которыми им приходилось сталкиваться в годы войны. В первую очередь это, разумеется, родители и другие члены семьи, затем соседи и школьные учителя. Все они выступали агентами первичной социализации для детей, оказывая прямое и непосредственное влияние на их становление и развитие в процессе постоянного взаимодействия. Наряду с ними в памяти детей Сталинграда отразились и представители других социальных групп, общение с которыми не носило столь интенсивного характера. Среди них особое место занимают образы «чужих» — военнослужащих вермахта, которые с течением времени эволюционировали от завоевателей — часто жестоких, порой доброжелательных, но всегда опасных — к нередко вызывавшим жалость военнопленным. Разные образы отражают разный опыт социальной коммуникации, наложивший свой отпечаток на детское восприятие событий войны.

¹ Русина Ю.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 145–146.

Глава 7

В ЭВАКУАЦИИ, ЛАГЕРЯХ И СКИТАНИЯХ

7.1. Пути спасения

В предыдущих главах мы рассмотрели в основном судьбы тех, кто остался в городе и испытал на себе бомбежки, уличные бои и оккупацию. Но на долю тех, кто не смог эвакуироваться из Сталинграда, выпали и другие испытания, связанные с депортацией, угонем в Германию, нахождением в концлагерях. По-другому, но также с лишениями и испытаниями, сложились судьбы тех, кто был в эвакуации. По окончании войны официальные власти сочли неблагонадежными тех, кто оказался на оккупированных территориях или в концлагерях, заставляя их стыдиться и нередко скрывать свое прошлое. И в то же время многие сталинградцы, пережившие войну вместе со своим городом, не слишком жаловали «эвакуированных», полагая, что они не вписываются в полной мере в поколение, «опаленное войной». Наша задача заключается в том, чтобы проследить разные судьбы детей Сталинграда вне зависимости от доли страданий и испытаний, доставшихся им в годы войны. В этой главе мы сосредоточимся на анализе тех проблем, с которыми столкнулись сталинградцы и их дети при попытке покинуть город и за его пределами.

Бомбардировки Сталинграда, начавшиеся в конце июля 1942 г., оставили многих горожан без крыши над головой, без семейного очага и заставили решиться на уход из города. Судьбы детей Сталинграда оказались разделены: часть попала на левый берег Волги и эвакуировалась в Заволжье, на Урал, в Казахстан и в северном направлении; другая часть осталась в городе. С августа 1942 г. начался длительный этап скитаний. Спасаясь от бомбежки, люди сначала уходили в подвалы домов или приготовленные заранее «щели». Кто-то из них раньше, а кто-то позже начал предпринимать попытки уйти из города в надежде, что любое направление станет спасительным. Однако уход из Сталинграда стал новым испытанием в их жизни.

Немцы, заняв Сталинград, с сентября 1942 г. начали депортацию горожан. В основном эта акция коснулась женщин, стариков и детей. Редким исключением было присутствие среди депортированных мужчин, обычно это были инвалиды или больные люди. Молодых и сильных фашисты отбирали на сортировочных станциях, сажали в «телячьи» вагоны или на открытые платформы и отправляли на Украину, в Молдавию или дальше — в Германию. Большинство депортированных не знали конечной цели их пути, но, когда понимали, что в дальнейшем их ждут концлагеря и угон в Германию, старались убежать из колонны или из ла-

герей. Некоторым удавалось это сделать, и они задерживались в станицах и хуторах Сталинградской и Ростовской областей. Убегали семьями, стараясь спасти детей. Как правило, беглецы еще долго продолжали скитаться по оккупированной территории, выживая вопреки голоду, холоду и объявленной немцами охоте на беглых сталинградцев.

Проблемы эвакуации и депортации жителей Сталинграда уже исследовались отечественными историками. Так, волгоградский историк М.А. Водолагин, будучи секретарем Сталинградского обкома партии по пропаганде, членом Сталинградского городского комитета обороны, был близко знаком с процессом принятия решений о судьбе жителей Сталинграда, занимался организацией обороны и эвакуации производства, военнослужащих, гражданских лиц. Он выпустил ряд работ по этой теме, выступив в них в качестве и исследователя, и свидетеля событий¹. Однако его труды раскрывают в основном работу местных властей по организации обороны города. Например, в историко-публицистическом очерке «На защите Сталинграда» он описал ход военных действий и усилия обкома и горкома партии по организации обороны города, а также участие рабочих и комсомольцев Сталинграда в защите предприятий. Автор приводит статистику, отражающую темпы эвакуации из города до 23 августа 1942 г., описывает переправу после начала бомбардировки города и Волги. Он особо концентрируется на вопросе вывоза из Сталинграда материальных ценностей и колхозного имущества, прибывавших в город и в область с запада страны до конца июля, когда город уже подвергался бомбардировкам. Но в то же время, говоря об эвакуации жителей самого города, он сообщает только об организации переправы семей комсостава и советских работников. Про остальных жителей города в работе говорится только то, что после 23 августа они могли переправиться через Волгу, а во время самой бомбежки бежали от огня в степь.

В работе «Очерки истории Волгограда. 1589–1967» Сталинградской битве посвящена отдельная глава. Но в ней, так же как и в других работах, сообщается о ведении военных действий, об организации обороны города, об участии рабочих города в защите. Самостоятельная глава посвящена восстановлению разрушенного Сталинграда, самоотверженности местных жителей при расчистке и возрождении города. Исследователь особо отмечает, что многие сталинградцы после битвы на Волге вместе с фронтом ушли на запад, влившись в ряды Красной армии. Однако без внимания остается судьба тех людей, в том числе детей, которые переживали битву в самом котле, и тех, кто ушел из него на Запад или Восток².

Другой советский исследователь, участник Великой Отечественной войны А.М. Самсонов в 1960 г. выпустил книгу «Сталинградская битва», которая впоследствии была несколько раз переиздана. В 1989 г. вышло четвертое издание этой работы, где объектом исследования вновь, как и в работе М.А. Водолагина, выступают собственно военные действия и организация защиты города. Вместе с тем,

¹ *Водолагин М.А.* Разгром немцев под Сталинградом. Сталинград, 1946; *Его же.* На защите Сталинграда. Сталинград, 1948; *Его же.* Сталинград в Великой Отечественной войне. М., 1958.

² *Его же.* Очерки истории Волгограда, 1589–1967. М., 1968.

исследователь посвящает несколько строк работе городских и областных властей по эвакуации материальных ценностей, поступавших в город вплоть до июля 1942 года. В отличие от М.А. Водолагина, который фиксирует события, кратко и в цифрах описывая эвакуационную работу, А.М. Самсонов делает вывод о том, что силы областной администрации были брошены на эвакуацию уже ввезенного оборудования, скота и поступивших на лечение красноармейцев, перемещенных в Сталинградскую область детских лагерей, и она с этим заданием в целом справилась. Но в то же время этот успех во многом стал возможен за счет жителей Сталинграда: «Еще более ответственной являлась задача эвакуации в Заволжье гражданского населения. К решению ее в широких масштабах тогда еще не приступили. Принятые в июле меры не полностью соответствовали складывавшейся обстановке. В городе еще оставалось свыше 400 тыс. человек. Это отрицательно сказалось на обеспечении безопасности той части населения Сталинграда и области, которая без ущерба для обороны города могла быть эвакуирована на восток заблаговременно»¹. Однако исследование судьбы гражданского населения города автор не проводил.

А.В. Исаев в своей работе, написанной на основе советских и немецких архивных документов, воспоминаний участников военных действий, анализирует военную стратегию и тактику, которую использовали немецкие и советские командующие до, во время и после Сталинградской битвы, рассматривает количественный и качественный состав армий, подробно описывая действия воинских частей. Один параграф своей работы он посвящает организации обороны и эвакуации людей из Сталинграда, делая акцент на том, что через Сталинград была организована переправа заводской техники, машин и оборудования, а также хлеба и скота². Автор, так же как и А.М. Самсонов, считает, что с задачей эвакуации стратегически важных ресурсов сталинградская администрация справилась, в то же время эвакуация населения проводилась низкими темпами: «К 23 августа из всего населения 400-тысячного города было эвакуировано около 100 тысяч человек. Основная масса жителей Сталинграда оставалась в городе»³. При этом А.В. Исаев не учитывает ту массу беженцев, которая уже сосредоточилась в городе. Характеризуя переправу 23–24 августа, исследователь указал, что она проходила «под ударами с воздуха и даже артиллерийским огнем противника»⁴.

В вышеперечисленных работах рассматривались вопросы организации и обеспечения эвакуации, но кроме официальных сообщений о направлении гражданских лиц в заволжские села Сталинградской области — Красную Слободу и Среднюю Ахтубу, нет информации о том, где и как они размещались, что происходило с ними и с их детьми.

Именно организация переправы через Волгу, численность эвакуированных гражданских лиц становятся спорным вопросом в современной историографии. Анализу противоречивых мемуарных сведений, архивных документов и исследова-

¹ Самсонов А.М. Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп. М., 1989. URL: <http://militera.lib.ru/h/samsonov1/03.html>. (дата обращения: 11.08.2015).

² Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 150–151.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 152.

ний посвящена статья М.В. Скворцова, но автор рассматривает организацию эвакуации местными органами власти¹, не затрагивая дальнейшую судьбу горожан.

Вопрос организации эвакуации в Советском Союзе в период Великой Отечественной войны получил развитие в исследованиях советской политики террора и в специализированных работах о судьбе евреев в годы войны². Действовавшие в стране принципы проведения эвакуации советского населения на Восток рассмотрены в работе М.Н. Потемкиной. Автор отмечает, что эвакуация носила строгий элективный характер. Из-за немецкой политики истребления советских граждан, которых ранжировали по группам коммунистов, советских и партийных работников, офицерского состава Красной армии и членов их семей, евреев, советское правительство в первую очередь беспокоилось об их вывозе. Высокопрофессиональные служащие и работники предприятий, студенты специализированных и ремесленных училищ также ставились на учет в органах местной власти и при угрозе приближения противника они подлежали вывозу в восточные районы. В то же время помощь граждан в эвакуации своей же семьи пресекалась и наказывалась государством³.

Положение гражданского населения Сталинграда во время битвы анализируется Т.А. Павловой на основании архивных материалов, воспоминаний сталинградцев, рассекреченных документов УФСБ РФ и других источников. Ключевыми темами ее исследования стало положение мирных граждан во время немецко-фашистской бомбардировки Сталинграда, определение масштабов и причин массовой гибели людей, деятельность коллаборационистов и партизан, а также судьбы тех горожан, которых немецкое командование депортировало на Запад. Однако в работе в большей степени нашли отражение события, пережитые и пересказанные взрослыми сталинградцами, в то время как практики выживания детей за пределами города так и не стали предметом отдельного изучения⁴.

Проблема депортации населения Сталинграда на Запад, условий его пребывания в распределительных лагерях Сталинградской и Ростовской областей по сей день остается малоизученной. Исследовательский интерес советского времени был сосредоточен на судьбе узников концлагерей, созданных немцами на западе страны, что нашло отражение в публикациях воспоминаний по этой теме. И только в 2014 г. в Волгограде вышел сборник «Дети, пережившие ад: Воспоминания узников фашистских лагерей»⁵, позволивший открыть тему, которая ранее замалчивалась. В 2004 г. Общество по развитию партнерских отношений между городами Кельн и Волгоград в рамках сопроводительной программы к выставке «Уничтожающая война. Преступления Вермахта, 1941–1944» попросили людей из

¹ Скворцов М.В. Проблема истории эвакуации населения из Сталинграда в августе – сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 41–46.

² Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999; Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2(9). С. 49–59.

³ Потемкина М.Н. Беженцы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания // Значение сражений 1941–1945 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3-6 июня 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 164–171.

⁴ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005.

⁵ Дети, пережившие ад...

Волгограда (детей Сталинграда) написать и прислать им их личные воспоминания о битве и времени после нее. В этот сборник вошли и рассказы детей, переживших депортацию на Запад. Авторы проекта отмечали, что эти участники событий молчали годами, «потому что никто не хотел слышать о пережитом ими — они не вписывались в официальное изложение истории»¹. И действительно, в официальной версии истории Сталинградской битвы про депортацию сталинградцев долгое время не принято было упоминать. В 2010 г. дети Сталинграда, уже реализовавшие себя в Москве, составили сборник воспоминаний, где и смогли рассказать о судьбе юных скитальцев Сталинграда вдали от дома и от города². В 2012 г. в Волгограде вышла книга воспоминаний поэта и писателя А.Г. Сурдутовича, которому на момент начала войны было 11 лет. Автор представил судьбу матери и ребенка, сумевших переправиться через Волгу³.

В 2013 г. к 70-летию победы советских войск под Сталинградом вышло дополненное издание книги «Сталинградское детство», опубликованной еще в 2008 г., в которую вошли детские воспоминания о войне в Сталинграде, стихи, повести⁴. Однако участники проекта о депортации рассказывают скупо.

Наконец, широко использованы в этой главе материалы глубинных интервью, собранных в рамках целевого проекта РГНФ, вошедших впоследствии в сборник «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города»⁵. Собранные в ходе интервьюирования материалы позволили полнее раскрыть переживания и страхи, испытанные детьми во время пути из города, выяснить, как депортация и эвакуация повлияла на внутрисемейные отношения, формирование новых ценностей, охарактеризовать используемые ими практики выживания и определить влияние пережитых испытаний на их последующую жизнь. Однако для начала мы попытаемся выявить главные проблемы, которые возникали при эвакуации гражданского населения через Волгу, а также охарактеризовать положение тех сталинградцев, которым пришлось остаться в городе и пережить организованную немцами депортацию.

Возможности переправы через Волгу для сталинградцев определялись рядом факторов: 1) город был стратегическим эвакуационным узлом для мощностей предприятий запада страны, колхозов и совхозов, вместе с их персоналом; 2) через город же осуществлялся вывоз детских лагерей, лечебно-оздоровительных учреждений, детей Москвы и Ленинграда; 3) предприятия города обеспечивали оружие и технику для советской армии, поэтому их эвакуация вместе с персоналом откладывалась до самого конца; 4) сами жители города чаще всего могли эвакуироваться только вместе с предприятиями, на которых они работали; 5) имелись инфраструктурные проблемы: переправа не была рассчитана на большие объемы эвакуации в сжатые сроки.

В июле 1942 г. продолжалась эвакуация в Сталинград мощностей заводов, расположенных в западных регионах страны, вместе с ними следовали рабочие с

¹ «... и горела Волга». С. 3.

² Воспоминания детей военного Сталинграда.

³ Сурдутович А. Как это было.

⁴ Сталинградское детство.

⁵ Дети и война...

семьями. В июле же, в связи с приближением немецких войск, началась эвакуация из западных районов Сталинградской области колхозов, детских домов, детских лечебно-профилактических учреждений, эвакуогоспиталей, семей комсостава и советских партийных работников¹. Особо стояла задача эвакуации военнообязанных, коммунистов, советских работников, трудовых резервов². Для выезда каждого человека необходимо было оформить эвакуационный лист, в котором прописывались маршрут следования и статус эвакуируемого. Мирное население районов области эвакуировалось непосредственно за несколько дней до занятия противником этих территорий³. В то же время эвакуации детей из Москвы и Ленинграда руководство страны уделяло особое внимание. Т.А. Павлова отмечает, что первая эвакуация детей из Москвы была осуществлена еще в июле 1941 г., когда столица находилась в глубоком тылу⁴.

По подсчетам М.А. Водолагина, в течение июля и двадцати дней августа из города было эвакуировано до 100 тыс. чел., из них местных жителей не более 35–40 тысяч⁵. Авторы энциклопедии «Сталинградская битва» отмечают, что с начала войны до марта 1942 г. через Сталинградский эвакуационный пункт прошли 441 тыс. человек, «в конце января в области находился 71 эвакуированный детдом с 10 179 воспитанниками... К началу 1942 г. в Сталинграде размещалось свыше 100 тыс. эвакуированных рабочих с семьями. Более 200 тыс. чел, в т.ч. 45 тыс. жителей блокадного Ленинграда, около 30 тыс. жителей Западной Украины были направлены в районы области»⁶.

Примерный подсчет населения г. Сталинграда (вместе с беженцами) был осуществлен Т.А. Павловой. Несмотря на попытки местных властей «разгрузить» город и вывезти эвакуированное население из Сталинграда в районы области, часть из них возвращалась по трудовой мобилизации, и среди них было много подростков⁷. По мнению Т.А. Павловой, 22 июля 1942 г. в Сталинграде находилось примерно 750 тыс. человек.⁸ Исследователь, подробно разбирая вопрос об организации эвакуации мирного населения из Сталинграда, отмечает общую тенденцию, распространенную в то время в Советском Союзе: «очевидно, что спасение человеческих жизней не было главной целью эвакуации населения из прифронтовых районов, а возможности для его выезда в тыл, как в разных регионах, так и внутри них, были неравными»⁹.

Для решения проблем эвакуации в городе было создано 28 переправ, 6 из которых находились в центральных районах города. Раненые военнослужащие и мирные граждане перевозились на речных трамвайчиках и катерах¹⁰. Городская переправа была организована по линиям Сталинград — Красная Слобода и

¹ ГАВО. Ф. 2115. Оп. 3. Д. 26. Л. 21, 40.

² Павлова Т.А. Указ. соч. С. 128.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Водолагин М.А. На защите Сталинграда. С. 22.

⁶ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. С. 698.

⁷ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 32–33.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Там же. С. 132.

¹⁰ Водолагин М.А. На защите Сталинграда. С. 40.

Речпорт — Бобыли, то есть всего в двух местах¹. Согласно подсчетам М.А. Водолагина, на волжских переправах в течение августа — сентября было перевезено более 250 тыс. мирных граждан². Относительно численности эвакуированных жителей Сталинграда в Среднюю Ахтубу составители энциклопедии «Сталинградская битва» указывают, что она достигла 8 тыс., в то время как через эвакуопункты прошло свыше 170 тыс. человек. Особо отмечено, что для эвакуированных детей жители района собрали необходимую теплую одежду³.

Бомбежка города началась с середины июля, что подталкивало местные власти ускорить эвакуацию прибывших в город людей, военных, скот и заводское оборудование. Первый массированный налет на Сталинград произошел в ночь с 22 на 23 июля, началась бомбежка волжского транспорта. В подготовленных бомбоубежищах могло укрыться только 40 % населения города⁴. Кроме того, в город прибывали беженцы из оккупированных районов области. 14 июля в Сталинградской области было объявлено военное положение. К этому же времени переправа через Волгу стала единственным средством коммуникации города со страной. Тогда же началась эвакуация скота, имущества колхозов области с правобережья Хопра и Дона⁵. К началу августа южнее и севернее Сталинграда скопилось до 200 тыс. голов скота⁶. Нужны были дополнительные паромные переправы. Их открыли в 12 пунктах. Переправа через Волгу была крайне загруженной, а решение об ее расширении было саботировано некоторыми заводами.

Нужно учитывать, что людей, работающих на заводах и фабриках, считали мобилизованными. Они могли быть эвакуированы только вместе с заводом, для чего должно было поступить соответствующее распоряжение от обкома партии. Ряд заводов имел стратегическое значение, в первую очередь Сталинградский тракторный завод (СТЗ). Его рабочие обеспечивали ремонт танков для Сталинградского фронта уже во время самой Сталинградской битвы, и поэтому не подлежали эвакуации. Естественно, с ними оставались члены семей.

В то же время с 18 июля началась эвакуация командного состава Сталинградского военного округа (СТВО) с семьями вместе с военторгом, что серьезно беспокоило местное население⁷. 20 июля командование СТВО возвратилось в Сталинград. Осуществлялась эвакуация учреждений города, но свободный выезд для населения был закрыт. Вывезти своих детей из города могли только неработающие жены начсостава; работающие эвакуировались вместе со своими предприятиями⁸. Рабочие городских предприятий, учащиеся и даже временно неработающие женщины были заняты на строительстве оборонительных рубежей, оставляя детей в городе. 15 августа обком партии принял постановление об эвакуации населения из Сталинграда и районов, прилегающих к фронту. Пред-

¹ Сталинградская битва. С. 543.

² Водолагин М.А. Указ. соч. С. 41.

³ Сталинградская битва. С. 544.

⁴ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 156.

⁵ Самсонов А.М. Сталинградская битва. С. 34.

⁶ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 126.

⁷ Там же. С. 136.

⁸ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 140.

полагалось вывезти 15 тыс. неработающих женщин с детьми и часть из них разместить в заводских районах, а остальных направить в Куйбышевскую (ныне Самарскую) область¹. Эвакуация шла неспешно, на переправе предпочтение по понятным причинам отдавали эвакуогоспиталям, детдомам. Эвакуация организовывалась сначала вверх по течению реки, а после трагической гибели парохода «Иосиф Сталин» 23 августа — в направлении на восток, через Волгу.

Только после бомбежек 23 августа Сталинградский городской комитет обороны принял решение об эвакуации стариков, женщин и детей. Детей приходилось собирать по подвалам разрушенных домов, для этого были мобилизованы силы комсомольцев. Многие дети уже потеряли своих матерей и остались без опеки взрослых. Интенсивная бомбежка города продолжалась с 23 по 29 августа. И только с 29 августа началась массовая эвакуация: «С конца августа до первых чисел октября только из Ворошиловского района было переправлено на левый берег Волги около 65 тыс. чел., из Краснооктябрьского района — 60 тыс.»².

В октябре 1942 г. был дан приказ эвакуировать гражданское население из 25-километровой прифронтовой полосы³, однако далеко не все население Сталинграда было вывезено из этой территории. Вот что об этом пишет М.А. Водолагин: «С 29 августа по 10 сентября происходила усиленная эвакуация населения Сталинграда на левую сторону Волги. Через с. Красная Слобода проходили тысячи людей, их не могли вместить организованные питательные пункты. Поток сталинградцев растянулся от Красной Слободы до Средней Ахтубы, Ленинска и тянулся дальше по выжженной эльтонской степи. Другой поток шел по левому берегу Волги, через Пролейку, Быково и далее. Женщины шли с детьми и небольшими узелками, многие были оборваны и перепачканы гарью пожарища, с перевязанными ранами. Люди шли молча»⁴. Здесь разделилась судьба тех сталинградских детей, которые смогли переправиться на левый берег Волги, и тех, кто вынужден был остаться в городе.

Приближение фронта к городу для многих жителей стало неожиданностью. Рабочие продолжали свою работу на заводах, находясь в городе «по брони» до самого начала бомбардировки. Оставались в городе и их дети. Самая главная проблема заключалась в том, что эвакуация сталинградцев не была подготовлена заранее, и жители города были не готовы к ней. Населению внушалась мысль о том, что Сталинград немцам не сдадут. Об этом вспоминали наши информанты:

«Нас же не выпускали из Сталинграда никуда. Пойдет мама на границу: “Нет! Без паники! Не паникуйте! Немец сюда не дойдет!”»⁵.

При попытках покинуть город в начале августа, граждане сталкивались с проблемой оформления выездных документов и расставания с другими членами семьи. По словам наших информантов, дети нередко воспринимали новость об отъезде как об ожидавшем их приключении:

¹ Водолагин М.А. На защите Сталинграда. С. 21.

² Сталинградская битва... С. 699.

³ Там же.

⁴ Водолагин М.А. На защите Сталинграда. С. 42.

⁵ Еременкова Н.И. // Дети и война. С. 347.

«После той бомбежки поднялся вопрос о том, что нужно уезжать. А пропуска нет, мать ходила по каким-то учреждениям. <...> Когда мама получила пропуск на себя на меня, что-то собрали, поплакали, прощались. Для меня это приключение!»¹.

Советские граждане и в предвоенное время не могли свободно перемещаться по стране (городские жители были привязаны к своим заводам, а сельские вообще не имели паспортов), для любого перемещения требовалось разрешение, будь то поступление в вуз или уход в город на заработки. В военное же время все население с 16 лет считалось мобилизованным, а значит, либо находилось на фронте, либо было прикреплено к местам работы, а вместе с ними оставались и дети. Даже в условиях катастрофических разрушений в городе после бомбежки 23 августа необходимо было получить разрешение на выезд из него:

«Помню, война началась, все начали разъезжаться кто куда, а нас не отпускают с завода. Мама пошла просить, чтобы с нами уехать, а ей отказали. Сказали: “А куда это ты поедешь? Муж тут работает, а ты куда поедешь?”»².

Т.А. Павлова отмечала, что всем эвакуированным выдавались эвакуационные удостоверения, а самовольный выезд рабочих был запрещен³. Вывоз части предприятий начался за считанные дни и даже часы до начала массовой бомбежки города, другие, в частности СТЗ и «Красный Октябрь», продолжали работу и в период уличных боев, т.к. обеспечивали ремонт танков, завод «Баррикады» обеспечивал сборку орудий и минометов. Рабочие таких заводов не получали разрешение на выезд, вместе с ними оставались в городе их семьи.

Неработающие женщины с детьми сами пошли к Волге, их дети вспоминали впоследствии, что решение было принято самостоятельно, никто их не приглашал эвакуироваться⁴. В.И. Стрельцова на всю жизнь запомнила проявление социального неравенства, с которым столкнулась на переправе:

«Когда мы пришли на эту переправу, стоял большой пароход. И вот этот пароход заселялся, все начальство со своими семьями, со своим скарбом, все. А такие, как мы с мамой, мы стояли в стороне. Мы ненужные были»⁵.

О том, как была организована эвакуация сталинградцев, вспоминала А.М. Лобанова:

«Иногда думаю, сколько жизней мирных жителей можно было спасти, особенно детей, если бы заблаговременно организовать их эвакуацию. Но по каким-то причинам этого сделано не было. Официально нас всех убеждали, что город врагу сдан не будет и уезжать из него, а тем более — бежать, не следует. Неофициально же было по-другому: заблаговременно были эвакуированы семьи больших партийных и советских работников, прочего актива.

Жили мы в доме № 113, только что отстроенном и заселенном, где сейчас располагается сельскохозяйственный институт. В одной половине его как раз и

¹ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 30.

² Дерюжкина З.Г. // Дет и война. С. 150.

³ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 222.

⁴ Фалалеева Л.А. // Дети и война. С. 285.

⁵ Стрельцова В.И. // Там же. С. 115.

жили семьи таких работников. За особое положение и привилегии мы называли их “москвичами”. Так вот они были эвакуированы за две недели до начала бомбежки. Причем весьма скрытно, со всякими предосторожностями.

Мой дедушка работал сторожем в магазине, расположенном в нашем доме, и рассказал, как глухой ночью подъехали машины под самые стены дома и как из окон сбрасывались их вещи. Попытался было он подойти поближе, но угрюмого вида человек, руководивший всей этой операцией, посоветовал ему “не совать свой нос, куда не следует”.

Оставшимся же жителям нашей половины дома пришлось испытать неимоверные муки и страдания. Не все они дожили до освобождения. Немало было среди них моих довоенных подружек.

Вот такая разная получилась “эвакуация”¹.

Подтверждение того, что в первую очередь эвакуировались семьи партийных работников, мы находим и в дневниках секретаря обкома А.С. Чуянова: их выезд был организован еще 11 августа². Это же отмечает Т.А. Павлова: во-первых, семьи партийных работников и активистов были вывезены из города еще 11 августа, когда противник уже совершал периодические налеты на Сталинград³, а во-вторых, 23 августа производилась посадка семей сотрудников НКВД на пароход «Иосиф Сталин»⁴. Путь этого судна вверх по Волге из-за проволочек закончился трагически⁵. В-третьих, из города дезертировали руководители некоторых предприятий, оставив своих рабочих без необходимых для эвакуации документов⁶. Но даже не все члены семей работников НКВД смогли попасть на организованный для них пароход, и решение переправиться через Волгу женщины нередко принимали самостоятельно:

«После того как бомбежки прекратились, и после того, как Волга прогорела, мы спустились к берегу. Мама рвалась переправиться на пароходе на тот берег, но по какой-то причине мы не попали на этот пароход. Этот пароход разбомбили <...> В одну из сентябрьских ночей, когда бомбежек уже практически не было, нас перевезли на пароходе “Кренкель”»⁷.

Гражданскому населению пришлось столкнуться с несколькими проблемами при выборе этого маршрута. Переправа осуществлялась спешно в условиях

¹ Осколки в сердце. Письма детей Сталинграда. С. 18.

² Чуянов А.С. На стремнине века. Записки секретаря обкома. М., 1976. С. 134-135.

³ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 159.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ Пароход должен был вывезти семьи работников НКВД еще 21 августа в Вольск. 22 августа команда корабля приняла багаж, а людей вновь вернули на берег. Посадка была объявлена на утро 23 августа, но ее вновь задержали. К моменту отплытия парохода противник уже начал бомбардировку города и побережья (где скопились люди) и реки. Корабль сразу пошел не по маршруту, переправившись через Волгу. Позже пароход начал движение вверх по реке, но подвергся прямому обстрелу противника. Он сел на мель, поэтому не смог уйти от обстрела. Пассажиры спрятались в трюме, но в это время начался пожар на корабле и большая часть людей так и не смогла спастись. Те же, кто уцелел, какое-то время прятались на косе за обломками корабля, но когда течение реки стащило его с отмели, люди оказались в прямой видимости немцев и по беженцам вновь открыли огонь. Только под прикрытием ночи красноармейцы смогли на лодках переправить уцелевших людей с косы на левый берег.

⁶ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 175-178.

⁷ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 19.

бомбардировки судов, многочисленные жертвы были связаны именно с тем, что противник топил суда с людьми. Кроме того, многие жители не могли попасть на суда, так как в первую очередь осуществлялась переправа военных, военной техники и заводских мощностей:

«Нас остановили и сказали: “Время военное. Перевозить будем ночью или днем только раненых солдат. Вы разворачивайтесь”. Мы, как ни просили, лодку купим, мы там то, мы там сё, к барже цепляли и вот туда, нам отказали. По законам военного времени перевозили только раненых солдат, и всех людей бросили в Сталинграде»¹.

Использовались и другие объяснения отказов в перевозке горожан, например, по причине большого количества членов семьи². В то же время нельзя не отметить, что мирных жителей все же старались заставить уйти из города к Волге для переправы:

«Потом эвакуация начиналась, мама не хотела уезжать. <...> У нас был участковый <...> он с наганом ходил и ее искал. Мама пряталась, не хотела уезжать. Говорит: “Я пропаду с этими дитями”. <...> А ему дали, видимо, задание, и он ее искал»³.

Участковый с наганом собирал мирных жителей, вероятно, потому, что члены управления НКВД были уверены, что население скрывается в щелях, остается в городе в ожидании прихода немцев⁴, хотя оставшиеся в городе жители просто не могли эвакуироваться из-за неорганизованности переправы, из-за того, что их выгоняли из уже сгоревших домов, без одежды, без надежды на поддержку; из-за того, что до последнего момента жители были заняты на производстве.

В ряде случаев уже после 23 августа заводские управления совместно с руководством районов организовывало эвакуацию своих сотрудников и членов их семей. Так, 24 августа секретарь Ерманского райкома ВКП(б) по собственной инициативе дала разрешение на эвакуацию рабочих сгоревшего молочного завода⁵. И только в ночь с 24 на 25 августа райкомы и руководители предприятий получили указание СГКО о частичной эвакуации за Волгу рабочих и их семей⁶. Однако этот путь был слишком рискованным, и иногда люди предпочитали смерть на месте:

«Через какое-то время приехали за нами от завода. Сказали, что будут через Волгу переправлять. Мама говорит: “Да какая разница, что здесь умрем, что по пути туда”. Мы же видели, что никто не мог добраться до другого берега. Волгу всю бомбили»⁷.

¹ Интервью с Т.В. Цивилевой, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер К.К. Шутова, 07.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Феклистова А.В. // Дети и война. С. 167.

³ Суховерова (Крицкая) Т.В. // Дети и война. С. 98.

⁴ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 259.

⁵ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 42. Л. 20.

⁶ Там же. Д. 86. Л. 35 об.

⁷ Дерюжкина З.Г. // Дети и война. С. 150.

Даже если имелось желание уйти из горящего города через Волгу, некоторые горожане, видя всю опасность этого пути, принимали решение остаться. Вот как описывают момент принятия решения наши информанты:

«...а потом нас на Волгу повели-повезли и хотели переправить на ту сторону, но нас Бог, наверное, оставил, чтоб нас только не посадили. Говорят, мол, следующая паром придет, мы вас тогда отвезем. Но, увы, его не стало, парома. <...> Мама моя говорит: “Нет, никуда не поеду, лучше в своем доме умру”»¹.

«А мама встала на плот, а там не только сесть — встать негде! Паромщик говорит: “Женщина, вы постойте на берегу. Я сейчас их отправлю и за вами”. <...> И отправился плот — буквально 10-15 метров и юнкерс немецкий, и как начал этот плот расстреливать на наших глазах! <...> А мама тогда еще ногой стукнула и говорит: “Я лучше на земле умру, чем на воде!”»².

«Бомбили Волгу, и это было настолько страшно, что мы не стали переправляться. Пришли домой»³.

Память о сотнях людей, погибших в Волге под ударами немецких бомб, надолго сохранилась нашими информантами:

«Представь себе, эти сотни людей, которые собирались жить, они горят, погибают, на них сыплются бомбы. Крик, стон стоит, кто-то хватается за доски, бревна...»⁴.

«И я до сих пор помню, как мимо нас проходили две баржи, которые были подбиты, а наша в середине была, и мы остались целы. Столбы кровяной воды поднимались вверх, меня это так впечатлило. Я вот запомнила в свои 3,5 года на всю жизнь»⁵.

«В Сталинград наш поезд пришел в тот день, когда объявленная военная тревога уже больше не отменялась. Это была вторая половина августа. Мы выгрузились вместе с ранеными. Нам дали какую-то баржу. Не успели отчалить, началась бомбежка. На берегу были разбиты нефтяные цистерны, горящая нефть хлынула в Волгу. Ничего страшнее в жизни я ни до этого, ни после не видела. Переправлялись по горячей Волге. Чтобы не загорелась баржа, спустили на воду доски, бревна и, удерживая их баграми, отодвигали горящий слой нефти. Мы, дети, и раненые (кто мог) отгоняли от баржи горящую нефть пустыми консервными банками. И все это под обстрелом и бомбежкой.

В это время по Волге сновали десятки катерков, они перевозили раненых на левый берег Волги. На моих глазах несколько их загорелось и взорвалось. На левом берегу выгрузились. Деться некуда — Красная Слобода разбомблена, Средняя Ахтуба разбомблена. Что можно было, погрузили на плечи и пошли пешком степью до Баскунчака. Раненые тоже добирались своим ходом. Кто мог — шли, кто не мог — ползли. И уже после того, как мы были на месте, и на второй, и на третий день доползали они еле живые от ран и жажды до Баскунчака»⁶.

¹ Самохина С.Н. // Там же. С. 77.

² Топольскова Е.Я. // Там же. С. 245.

³ Сячина З.М. // Там же. С. 289.

⁴ Раствова Л.В. // Дети и война. С. 500.

⁵ Малышева (Чернецова) Р.А. // Там же. С. 474.

⁶ Гаврилова В.А. // Там же. С. 210.

В памяти детей, оставшихся на правом берегу, переправа стала водоразделом между жизнью и смертью. Из-за опасений перед смертью на воде путь через Волгу оказался закрытым, и родителям пришлось выбирать другие направления. Часть жителей города вступила в воинские части. Оставшиеся сталинградцы спасались в «щелях», рабочие отбивали атаки противника на предприятия города или обеспечивали производство, дети часто были предоставлены сами себе и не знали о судьбе своих старших родственников. 12 сентября фашистские войска частично заняли южные части Ворошиловского района, Ельшанку и Дар-гору. 14 сентября силы противника захватили здание вокзала Сталинград-І. Начались уличные бои. Сталинградцы, не занятые на обороне города, предпринимали меры для ухода из города. В условиях, когда путь к переправе, как и она сама, для многих был закрыт, они искали другие пути ухода.

Часть населения уходила к родственникам в северные районы области: в Ольховку¹, в Иловлю². При выборе этого направления приходилось проходить через разрушенный и горящий город, постоянно сталкиваясь с вражескими солдатами. На этом пути была также опасность попасть на оккупированные врагом территории.

Сталинградцы старались уйти также в южном и юго-западном направлении, например, шли в Верхнюю Ельшанку, не зная, что там уже шли бои, и немцы устроили сборный пункт для гражданского населения. Поток уходивших горожан фашисты «подправили»:

«Не только мы были такие умные. Много народу. Целая большая длинная колонна людей с тележками, со скарбом. Все идут. А немцы начали подправлять: “На Калач, на Калач, на Калач”. И всех нас — на Калач. <...> Сами люди пришли туда. Никто их не гнал. Их только подправляли. Часть по пути осела. <...> А большинство людей все-таки в этой колонне пошли»³.

Некоторые жители Ворошиловского района смогли добраться до Бекетовки, еще меньшая часть жителей ушла дальше на юг, в Красноармейск (тогда еще составлявший южную часть Кировского района), к своим родственникам⁴. С июля эта территория подвергалась массированным бомбардировкам. Самые разрушительные бомбежки пришлось на 8 и 9 августа, затронув центр поселка, где находился рынок. В дальнейшем вся мощь авиаударов была сосредоточена на центральных районах города, Кировский район немцы бомбили уже меньше, чем остальные. Как впоследствии разъясняли сами сталинградцы, немецкое командование хотело сохранить жилые дома Бекетовки и Красноармейска для возможной зимовки своей армии. Однако многие сталинградцы просто не знали, что в этом районе не было военных действий. Кроме того, как сообщает Т.А. Павлова, когда немцы уже вошли в город и расставили свои патрули (сентябрь — октябрь), они

¹ Интервью с Е.Я. Топольской, 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева, 30.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Савин А.С. // Дети и война. С. 173.

³ Белицкий А.В. // Там же. С. 279.

⁴ Лучкова З.Ф. // Дети и война. С. 388.

пресекали попытки граждан уйти с оккупированной территории в Кировский район¹. Подтверждение этому мы находим в рассказе информанта:

«Мне тогда шел восьмой год, но я очень хорошо помню происходившее вокруг. Нам даже удалось убежать от немцев: скрылись в овраге, который был около Красных казарм (на том месте, где сейчас гаражный кооператив). По оврагам мы вышли к Лысой горе в Советском районе. Но там уже стояли немцы и задерживали тех, кто пытался скрыться. Погнали нас на станцию Чир»².

Таким образом, начало стихийно складываться еще одно направление для ухода из города, которое впоследствии монополизировали оккупанты — на Запад.

Женщины с детьми и пожилые люди с началом боевых действий в городе стали уходить в противоположную от Волги сторону, на запад, с надеждой попасть к родственникам, живущим в селе, и там переждать войну. Из-за запрета радио в Сталинграде в последние месяцы перед оккупацией, они просто не знали, что западные районы Сталинградской области уже были заняты фашистскими войсками, и попали на ту дорогу, которая вела немцев на Сталинград. Немецкое командование использовало эту возможность и, собрав людей, начало их депортацию в Германию.

Итак, сложились четыре пути исхода из воюющего города: первое — переправа через Волгу, которая вначале носила характер организованной эвакуации, а после 23 августа люди перебирались через реку чаще всего самостоятельно, без эвакуационных документов на свой страх и риск; еще два направления, попасть на которые было сложно, — в северные районы области и в южные районы города; и доступное всем четвертое направление — на Запад.

Пребывание детей в эвакуации было наполнено испытаниями и лишениями: многим пришлось начать работать с 5–6 лет, но все же эвакуация была связана с пребыванием на «своей» территории. Уход матерей с детьми в северные районы области и в южные районы города также осуществлялся на «свою» территорию, что позволяет рассматривать трудности детства, практики выживания и отношения с родственниками тех и других в едином русле. Выбор западного направления заставил матерей с детьми постоянно сталкиваться с вражескими солдатами, так как это была оккупированная территория, на которой формировались особые внутрисемейные отношения, связи семей с внешним миром и взаимоотношения с оккупантами.

Для начала мы предлагаем познакомиться с воспоминаниями детей о том, как организовывалась жизнь их семей вдали от дома, о практиках выживания в условиях скитаний по «своей» территории, то есть в эвакуации.

¹ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 481.

² Сталинградское детство. С. 62.

7.2. В ЭВАКУАЦИИ

Чаще всего для наших информантов движение на Восток — это путь в неизвестность, вызванный стремлением их матерей убежать подальше от войны. Эвакуированные разделились на тех, кто, выезжая из города с предприятиями или учреждениями, уже имел сопроводительные документы (таких людей отправляли в заранее назначенные населенные пункты, для них были определены нормы снабжения), и тех, кто самостоятельно покинул город после 23 августа: они получали документы по прибытии в первый эвакуопункт и их дальнейший маршрут выбирался ситуативно. Поэтому для многих сталинградцев дальнейшая эвакуация в восточном направлении, как и сама переправа, носила скорее стихийный характер. Из-за наплыва беженцев эвакуопункты не справлялись с возложенными на них функциями. Зачастую семьям, которые выехали из города самостоятельно, предлагалось самим продолжить путь до следующего эвакуационного пункта или осесть в селах. Некоторые из них предпочитали остаться у родственников на левом берегу реки, намереваясь вернуться в город по окончании битвы. Те же, кто продолжал свой путь далее, находились под постоянной угрозой: даже в районе 70 км от Сталинграда они подвергались бомбардировкам немецких самолетов¹. Из-за постоянных бомбежек людям рекомендовали передвигаться ночью²; они пешком добирались до Средней Ахтубы, Красной Слободы, Царева, шли дальше. Иногда их подвозили попутки, редко кому удавалось найти подводу, телегу³. Люди, дошедшие до Красной Слободы, вынуждены были ютиться в палаточных городках, готовить пищу на кострах. В Средней Ахтубе часть беженцев была организована: им выдавали справки об эвакуации, определяли по квартирам, устраивали на работу:

«Мы подошли, нас погрузили на баржу и переправляли на ту сторону Волги. Но почему-то нам с мамой дали какую-то справку о том, что нас эвакуировали в Среднюю Ахтубу 25 сентября 1942 года. <...> Нас высадили на берегу. Мама куда-то ушла. Быть может нас захотели распределить по квартирам. <...> А потом мы нашли квартиру. У женщины-хозяйки было много детей... Нам дали полуподвальное помещение, одна комната. <...> Мама устроилась в военную часть, в столовую, к летчикам. Ну и мы, конечно, ни голода, ничего такого не знали»⁴.

Однако впоследствии мать интервьюируемой приняла решение уехать к родственникам. Именно семейные связи зачастую помогали выжить беженцам из Сталинграда.

Главная проблема приволжских эвакуопунктов состояла в том, что они не были рассчитаны на большое количество беженцев, а цель их работы скорее заключалась в перераспределении людей в следующие места обитания. Поэтому те,

¹ Александров А.И. // Дети и война. С. 148.

² Шапошникова П.Ф. // Там же. С. 504.

³ Розанова Л.В. // Там же. С. 354.

⁴ Горкина В.И. // Дети и война. С. 299.

кто останавливался в эвакуационных пунктах, бедствовали и старались найти работу по обслуживанию армии или шли дальше:

«Долго скитаясь, мы попали в Палласовку. Была очень холодная зима, топить было нечем. Мама рассказывала, что женщины тайком по ночам ходили пилить ограждение кумысолечебницы. Голодали. Весной 1943, когда вскрылась река Торгун, по ней поплыли крысы, целые полчища крыс. Крысы были везде. Я даже спала на подушке с крысой, которая каким-то образом забралась в нее. И только спустя много времени мама обнаружила ее»¹.

Сталинградцы, которые скитались в Заволжье, так оценивают организацию эвакуации мирных жителей:

«В эвакуации мы не были, потому что нас никто не эвакуировал, нас только лишь переправили на левый берег Волги, а оттуда мы вернулись в марте месяце 1943 года»².

Такая оценка дается потому, что чаще всего, переправившись через Волгу, горожане были предоставлены сами себе и вынуждены были самостоятельно искать себе работу и пропитание. Самой распространенной практикой выживания была опора на помощь родственников и знакомых, которые помогали найти жилье и работу. Чтобы попасть к ним, в некоторых случаях беженцам приходилось самостоятельно добираться до отдаленных от Сталинграда населенных пунктов. Так, в поисках родных до Сызрани добиралась семья писателя А.Г. Сурдутовича³.

Поиски работы приводили эвакуированных чаще всего в военные госпитали. Работа в них была физически очень тяжелой. Кроме взрослых женщин здесь нередко трудились девочки-подростки, которые ухаживали за ранеными, в ледяной воде стирали белье, кололи дрова⁴. Женщины чаще всего работали на кухнях или санитарками. В том и другом случаях они могли получить питание и хоть как-то обеспечить едой своих детей. Проблема добычи пропитания ложилась также и на плечи многих детей:

«...а детей собирали и вывозили в поле, у каждого из нас была торбочка. Мы становились на рядки и собирали колоски. Кормили нас один раз, а когда мы уходили домой, то нам в эту торбочку насыпали по стакану, мукой это не назвать, скорее отруби. <...> Потом еще мы грибы в лесах собирали, кислицу — дикие яблоки»⁵.

«...работать пошли, 16 лет не было. <...> Мы на быках возили зерно на посевную, провеем, просушим и везем. Когда урожай — опять перекрутим, посушим и везем на элеватор»⁶.

¹ Сталинградское детство. С. 70.

² Осадчий Г.Ф. // Дети и война. С. 427.

³ Сурдутович А.Г. Указ. соч. С. 32–41.

⁴ Сталинградское детство. С. 132; Детская книга войны. Дневники 1941–1945. С. 360.

⁵ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 22.

⁶ Шапошникова П.Ф. // Дети и война. С. 505.

Дети помогали матерям и в организации быта:

«Печь топить нечем. Мама впрягалась в санки, и мы с ней шли по льду через речку в лес, собирали хворост, рубили тонкие деревья. Все сырое, не горело, на дровах шипела вода. Пока везли, ветки хвороста рассыпались, мама напрягала последние силы, связывая их вновь и вновь»¹.

Если же добраться до родственников не получалось, то беженцам из города приходилось скитаться по селам, чтобы не попасть на оккупированные территории. Рассказы детей в этом случае наполнены сообщениями о голоде и экстремальных практиках выживания. Многие наши информанты рассказывали о том, что их семьи получали паек от местных властей, председатели колхозов определяли их либо в дома к местным жителям, либо в пустующие дома, направляли на работы². Однако паек для беженцев чаще всего был скудным. Вот описание того, что выдавали в Ленинске — одном из мест, где был организован эвакуационный пункт:

«Сначала нас разместили в сарайчике, поставили на довольствие. Получали по норме хлеб и пшенный суп. Он был настолько жидкий и синий, что говорили о нем: “Пшенинка за пшенинкой гоняется с дубинкой”»³.

Еду матерям с детьми приходилось добывать разными способами. Самый распространенный — обмен одежды на еду⁴. Большим подспорьем была река и рыба:

«Тогда в Цареве жили за счет рыбы. <...> Мы ловили ее и сушили — щуку, окуня, варили уху. А зимой из сушеной рыбы варили борщ, вместо мяса. Хлеба мало было. Мать что-то выменяла на барахло, которое с собой привезла, какую-то булку. Ходили на болото, колюшки собирали»⁵.

По сообщению С.М. Лопаевой, в Даниловском районе Саратовской области работали детские кухни, где выдавали на паек баночку рыбьего жира, плитку гематогена, разбавленный сироп шиповника. В качестве питания использовались и жареные желуди⁶.

Обычно беженцам приходилось ютиться в одном жилище с местными жителями, но сталинградцам было сложнее от этого, у многих были утеряны все вещи, документы. Городским жителям приходилось приноравливаться к быту села. Дети работали наряду со взрослыми, занимались домашним хозяйством, развивалось огородничество. В сложных условиях выживания многие беженцы нанимались на временные и поденные работы. Зачастую умение шить позволяло женщинам не только обеспечить своих родственников хоть какой-то одеждой, но и шить на заказ, добывая таким образом пропитание. Как вспоминает С.М. Лопаева, при уходе из Сталинграда ее бабушка взяла с собой швейную машинку «Зингер», на которой впоследствии за еду перешивала людям одежду⁷.

¹ Е.П. Завялова (Пашина) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 54.

² Русина Ю.А. // Дети и война. С. 213.

³ Е. П. Завялова (Пашина) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 54.

⁴ Русина Ю.А. // Дети и война. С. 212.

⁵ Александров А.И. // Дети и война. С. 148.

⁶ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 22.

⁷ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 20.

Рассказывая про переправу через Волгу, другой информант также вспоминает о швейной машинке:

«Даже вот сейчас визуально помню, как моя мама держала свою машинку “Зингер”, она наклонялась к моей сестре, чтобы держать ее, и крик стоял жуткий просто. И я стояла около мамы, и мы уже подплывали к берегу, и я держалась за мамино платье, а мама держала на руках сестру»¹.

В скитаниях традиционные способы производства одежды становились важным источником доходов в семье, в этом процессе нередко принимали участие и девочки:

«А в эвакуации тяжело было. Витя спал у нас на раскладушке, она представляла собой козлы, на которые был натян брезент. Мама шила хорошо, бабушка хорошо вязала. Вышивать, вязать, шить они меня научили. Собирались женщины и вязали, и я с ними»².

Обычно в эвакуированных семьях одежду по несколько раз перешивали, перелицовывали, передавали друг другу. Особым дефицитом была детская обувь, иногда из-за ее отсутствия дети несколько дней не могли выйти из дома³.

Местное население и даже родственники не всегда благожелательно принимали сталинградцев-беженцев. Вероятно, сказывалось общее бедственное существование. З.Г. Дерюжкина описывает, как встретили ее семью местные жители в Саратовской области:

«...в какой-то хутор мы все-таки приехали. Ночь мы там переночевали, потом переехали куда-то на быках в какой-то район, находившийся в Саратовской области. <...> Деревня эта была Макаровка. Там нам говорили: “Вот приехали нас объедать!” Девять женщин было с детьми. Спасибо, все-таки были там добрые люди. Председатель колхоза выписал нам абрат, лишь бы какую-нибудь баланду нам сварить и поесть»⁴.

Взаимоотношения эвакуированных и местных жителей нередко определялись политическими и социальными факторами. Так, В.А. Гаврилова вспоминала о времени, проведенном в деревне, где жили преимущественно семьи раскулаченных:

«В Омской области мы жили в какой-то глухой деревне. Там было очень много раскулаченных. Здоровые такие мужики, сильные, огромные. А мне было 14 лет, страшно худая. И я работала там, чтобы получать какое-то пропитание. И вот они заставляли меня таскать мешки с зерном по 50–60 кг каждый. Но, главное, все время покрикивали на меня: “Ну, ты коммунычка, давай работай. Вы нас раскулачивали, а теперь мы на вас отыгрываемся”. И было так обидно, и непонятно — за что?»⁵.

В скитаниях и лишениях эвакуированные дожидались возвращения домой. И как только было объявлено о победе под Сталинградом, матери с детьми устремились в разрушенный город. Люди предпочитали родное место скитаниям в неизвестности. Город мог дать возможность работать, кормить детей.

¹ Малышева (Чернецова) Р.А. // Дети и война. С. 474–475.

² Лопаева С.М. // Дети и война. С. 22.

³ Лопаева С.М. // Дети и война. С. 20.

⁴ Дерюжкина З.Г. // Дети и война. С. 150.

⁵ Гаврилова В.А. // Дети и война. С. 211.

7.3. БЕЛАЯ КАЛИТВА

Проблема депортации детей и их пребывание в концлагерях в западных районах Советского Союза является отдельной и большой темой. В лагерях детей разбивали на группы по возрасту и либо использовали в различных экспериментах, либо просто истребляли. В детских коллективах, сформированных в бараках, складывались свои социальные отношения, основанные на чувстве страха. На фоне «постоянных» концлагерей с их систематическими изуверствами особо выглядят пересыльные лагеря, через которые тоже проходил большой поток людей, но цель которых заключалась не в истреблении, а в сортировке и дальнейшей депортации людей. Обычно в таких лагерях заключенные не задерживались долго, реже подвергались физическому насилию. Депортированным сталинградцам пришлось пройти через несколько пересыльных концлагерей, созданных на территории Сталинградской и Ростовской областей. Самые крупные из них были организованы вблизи железнодорожных станций или значительных транспортных развязок: Нижний Чир, Калач и Белая Калитва. Немцы не успели оборудовать эти лагеря, поэтому депортированным приходилось располагаться под открытым небом. Вначале территория лагерей не была огорожена, из-за чего немцам приходилось использовать большое количество охранников, набранных из местного населения. С одной стороны, такая охрана не всегда ответственно исполняла свои обязанности, с другой стороны, в издевательствах над заключенными некоторые из них старались превзойти немцев. Учитывая заинтересованность немцев в рабочей силе, они действовали по принципу естественного отбора, вынуждая слабых умирать по пути или в распределительных лагерях. Таким образом, условия пребывания в таких лагерях были очень тяжелыми.

Через концлагерь в Белой Калитве прошла основная масса сталинградцев, депортированных немцами на Запад. Поселок Белая Калитва Ростовской области располагаясь на пересечении железнодорожного и автомобильного коридоров, представлял собой крупный транспортный узел для немецкой армии, наступавшей из Ростова на Сталинград. Для многих сталинградцев здесь был последний перевалочный пункт перед остановкой на Украине, откуда людей уже вывозили в Германию.

Оккупация Сталинграда началась с сентября 1942 года. 12–14 сентября немцы заняли поселок Дар-гора Ворошиловского района и постепенно начали продвигаться на север города. До 21 сентября продолжалась оборона элеватора, территория которого тоже входила в состав Ворошиловского района. С 18 сентября в оккупации находились Ерманский и Дзержинский районы. С 29 сентября — Краснооктябрьский. 27 сентября противник занял западные окраины рабочих поселков заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», 5 октября — Верхний поселок завода «Баррикады» и Горный поселок Тракторного завода. 14 октября враг уже полностью оккупировал Баррикадный и Тракторозаводский районы. В оккупированных районах немцы создавали систему органов городского управления. Город был разделен на три зоны: южную (Ворошиловский район), центральную (Ерман-

ский и Дзержинский) и северную (Краснооктябрьский, Баррикадный, Тракторозаводской районы)¹. В городе создавались городская и подчиненные ей две районные комендатуры. В Ворошиловском районе были учреждены две военные комендатуры. Обычно на оккупированных территориях задачей комендантов было создание полицейской и исполнительной власти. Для этого привлекались местные жители, лояльные режиму, но в Сталинграде эта политика была провалена. Немцы столкнулись с тем, что население города, испытав на себе тяжелейшую бомбардировку, активно противодействовало оккупации. Горожане организовывали отряды самообороны, вступали в ряды Красной армии, активно помогали советским солдатам. Оккупантам сложно было отличить мирных жителей от красноармейцев, постоянно сталкиваясь с теми и другими. Санитарные условия в городе благоприятствовали распространению эпидемий среди гражданского населения с перспективой заражения самих оккупантов. Осознав необходимость каким-то образом обезопасить собственный тыл, немецкие власти приняли решение о тотальной депортации горожан, которых можно было использовать в качестве бесплатной рабочей силы. Перед созданными в городе комендатурами была поставлена задача подготовки депортации и отправки гражданского населения в Германию².

Массовое изгнание жителей Ерманского, Дзержинского и Ворошиловского районов началось со второй половины сентября 1942 года. Согласно исследованию Т.А. Павловой, сталинградцев отправляли чаще всего пешком до станций Орловка, Разгуляевка, Садовая, Гумрак, Воропоново, Кривая Музга, Карповка, Прудбой, часть жителей шла еще дальше — до Сурувикино. На этих станциях людей собирали и либо везли поездом, либо снова гнали пешком до Калача, Нижнего Чира, Морозовска. Оттуда по железной дороге везли либо сразу в Германию, либо в поселок Белая Калитва. Часть женщин с детьми везли в район станции Тундутово, и далее через Абганерово в более глубокий немецкий тыл³. Лагеря для военнопленных были расположены в с. Алексеевка, Гумраке и Воропоново Городищенского района Сталинградской области — здесь немцы собирали мужчин призывного возраста, отобранных среди мирных жителей, и военных, многие из которых были ранены⁴. На всех станциях в любую погоду люди сидели под открытым небом в ожидании дальнейшей отправки без еды, воды и медицинского обслуживания.

Судьбы большинства беженцев Сталинграда столкнулись в Белой Калитве — поселке в Ростовской области, уже оккупированном германскими войсками и их союзниками. Он был превращен в лагерь-распределитель, откуда молодых и здоровых людей отправляли на работы на Запад, в Германию. Именно в Белую Калитву, как крупный железнодорожный узел, сгоняли всех сталинградцев. Очевидно, что старики и дети, и уж тем более больные, не были нужны Германии, и если они добирались до этого лагеря, то умирали здесь. Лагерь как таковой не был оборудован. В качестве бараков для депортированных использовались птичники, находящиеся за поселком. Немцы лишь изредка кормили заключенных.

¹ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 90.

² Павлова Т.А. Указ. соч. С. 468.

³ Там же. С. 490.

⁴ Там же. С. 478.

Концлагерь в Белой Калитве выделялся на фоне тех, через которые прошли дети в западных районах страны, здесь не было организовано отдельное проживание детей от старших родственников, их разделяли непосредственно перед отправкой поездов, идущих на Запад. Вероятно, связано это было с тем, что немцы просто не успели оборудовать этот лагерь. Белая Калитва находилась под оккупацией немецких войск полгода (с 20 июля 1942 г. по 19 января 1943 г.).

Часть наших информантов, прошедшая через Белую Калитву, была выслана вместе с семьями на Запад и смогла затеряться на Украине, но попадали сталинградцы и в Германию. Пребывание на оккупированной территории на Украине было связано также с большими испытаниями для детей Сталинграда. Немцы заставляли их работать на угольных отвалах, распределяли по местным домохозяйствам для выполнения разных работ. Но в украинских городах еще оставалась призрачная возможность легализоваться — в чем помогали и местные жители — и даже выехать обратно. Тем же, кто был отправлен в Германию, пришлось ждать освобождения до 1945 г.

С началом оккупации Сталинграда созданные в нем немецкие комендатуры могли разрешать и запрещать проезды по городским коммуникационным путям¹. Они же определяли правила поведения людей, отношения местных жителей с оккупационными властями и даже обещали защиту от мародерства, но это обещание не выполнялось: сталинградцев обирали немецкие и румынские солдаты. Уже с сентября немецкое командование начало изгнание сталинградцев из города. В разных районах приказ выполнялся в разные сроки. В частности, было приказано к 7 октября очистить от местного населения центр Сталинграда². Как сообщают наши информанты, наиболее массовый характер депортация имела с конца сентября и до конца октября. Т.А. Павлова в своем исследовании указывает хронологические рамки и географию вывоза людей: «Массовая депортация гражданского населения из Сталинграда началась по приказу командования 6-й немецкой армии во второй половине сентября с выселением мирных жителей из Ерманского, Дзержинского и Ворошиловского районов»³. В середине октября депортация была приостановлена, а к концу октября возобновлена и продолжалась до 23 ноября.

Свидетели тех событий помнят о приказах, расклеенных по городу, в которых предписывалось либо явиться в комендатуру, либо сообщалось, в каком направлении покидать Сталинград; рассказывают о том, что немцы «в рупор кричали: “Покиньте город!”»⁴. Уже с первых дней создания комендатуры немецкое командование требовало явиться всем гражданам от 15 до 55 лет для регистрации и отправки в Германию⁵:

«Появился приказ: “Собраться в Илиодоров монастырь”, там была комендатура... <...> там стояли виселицы, там вершились суды. Там можно было даже получить аусвайс. <...> Если нет аусвайса — тебя в Германию, а если ты полу-

¹ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 384.

² Павлова Т.А. Указ. соч. С. 481.

³ Там же. С. 485.

⁴ Сячина З.М. // Дети и война. С. 289.

⁵ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 483.

чил, значит ты сумел объяснить и доказать, что ты должен остаться в городе, что у тебя там больной отец лежит или мать, что-то еще. Иногда немцы шли навстречу. <...> Это было 6 октября. На приказе написано: “За невыполнение — расстрел. Комендант такой-то”. Поэтому женщины, конечно, и моя мать, подумали, что лучше уйти из этого города. <...> И погнали нас на Калач...»¹.

Об этом же сообщают другие информанты:

«А потом нас: “Матка, ком, ком, ком — уходите!”»²;

«Через неделю [начало октября] на нашем доме появляется приказ немецкого коменданта всем жителям срочно покинуть поселение и двинуться на Калач. Куда шли, мы не знали — на смерть шли»³;

«Начали развешивать плакаты и в рупор постоянно кричать: “Ахтунг! Ахтунг!”, и по-русски писали, что все население по законам военного времени... они должны эвакуировать... здесь все будет убрано, здесь никого не останется»⁴.

Семью В.И. Мамонтова выгнали из города в конце сентября — начале октября:

«Потом однажды заходят и говорят: “Собирайтесь, завтра уезжаем”. Собрали, что могли... <...> А что там брать? Только теплые вещи, потому что холодно уже, конец сентября — начало октября. И жратву... Тетя Маня, конечно, машинку, она без нее никуда. “Да брось ты ее!” — “Нет-нет-нет. Это мое”. <...> Подъехала громадная гигантская немецкая машина, погрузились, поехали»⁵.

Вынужденные покинуть город женщины старались взять с собой хоть какую-то оставшуюся одежду, кухонные принадлежности, но конвоиры отбирали все, и редко кому удавалось сохранить что-то при себе. Наши информанты указывали на организованный характер вывоза сталинградцев из города:

«Когда немцы заняли наш Ворошиловский район, нас всех согнали и вот на Дар-горе в каком-то месте собрали. Потом подогнали машину, посадили и повезли. Повезли в сторону Калача»⁶.

«Здесь площадь была недалеко, и там собирали. Сначала подъезжало несколько машин, таких старых. Набивали их детьми, женщинами... Потом машины 3–4 вывозили, но куда, не знаю»⁷.

Вывоз на машине очень часто осуществлялся за взятку, при этом немецкие солдаты не отвозили людей далеко, чаще всего, покинув город, просто бросали их в степи⁸. Немцы даже пытались объяснить местным жителям причины депортации. Сначала они рассчитывали собрать добровольцев на отъезд в Германию, обещали лучшую жизнь на Западе, но, когда выяснилось, что желающих не много,

¹ Коняхин К.В. // Дети и война. С. 47.

² Еременкова Н.И. // Дети и война. С. 347.

³ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 219.

⁴ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 137.

⁵ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 33.

⁶ Бирюков Ю.Ф. // Дети и война. С. 380.

⁷ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 137.

⁸ «... и горела Волга». С. 239.

стали сообщать, что в противном случае горожане могут погибнуть от обстрелов¹. Дети Сталинграда, родившиеся в районе Дар-горы, практически все прошли через лагерь в Белой Калитве². Жители окрестных сел также попадали в него:

«И на утро нас всех — росошенских, и из Городище, грачевских — этапом гнали всех в Германию. Мы этапом все шли с Россошки до Морозова»³.

Девушек и парней немцы отбирали и отправляли на работы в Германию. Взрослые, узнав об этом, старались спрятать своих детей, изменить их внешний вид, чтобы сделать их младше, мальчиков одеть девочками⁴. Решив, что немцы не различают матерей с маленькими детьми, сталинградцы перераспределяли младших детей среди старших⁵. Но надо отметить, что случаи разделения семей все же были очень частыми. И так, наибольшей опасности со стороны немцев подвергались подростки, поэтому родственники старались их спрятать:

«В доме, где мы жили, был скрытый ход... <...> мы в том тайнике прятали папу и Юлю. Юля же молодая была. Таких немцы забирали в первую очередь. Потом нам не удалось спрятаться и нас всех выгнали на Феропонтово»⁶.

Сталинградцы уже после 23 августа самостоятельно старались уйти из города в этом же, западном, направлении, но им мешали бомбежки⁷. Многие шли в степь, в станицы, полагая, что немцы еще не заняли эти районы⁸. Даже если информанты уходили из города добровольно и выбирали путь на Запад, по пути они сталкивались с немцами и, так или иначе, вливались в общую толпу депортированных, которых гнали на Белую Калитву:

«Сейчас-то дорога на Калач узкая, а тогда вообще была узенькая. И тут кто сам идет с тележками. Люди думали, что спасутся, там лучше, кто к родственникам идет, кого гонят»⁹;

«Пошли дальше, тоже перпендикулярно, подальше от этого ада. Дошли до грейдера, идет машина, немец за рулем. Остановился. Бортовая машина, крытая. Всех посадил. <...> Потом немец вышел и говорит: “Я вас повезу в Белую Калитву”»¹⁰;

«Когда началось наступление наше, немцы нас всех уже выгнали, гнали из города на Калач. Мы два раза уходили из города, в конце сентября. <...> Мы дошли только до Карповки, дальше не пошли. <...> Второй раз, когда нас вели, детей уже отделили. Мы доехали до Котельниково. И мать нас уже в Ростовской области повезла на хутора»¹¹;

«Помню, у нас в огороде росла свекла сахарная и мамка из нее напекла пирогов из ржаной муки. Я только помню, что по дороге, пока ехали на тележке,

¹ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 72.

² Самохина С.Н. // Дети и война. С. 76.

³ Сафьянова О.И. // Дети и война. С. 208.

⁴ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 246.

⁵ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 384.

⁶ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 40.

⁷ Челюбеева М.М. // Дети и война. С. 152.

⁸ Сталинградское детство. С. 109.

⁹ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 72.

¹⁰ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 107.

¹¹ Бочкова Л.А. // Дети и война. С. 323.

которую отец соорудил до войны, ели их. А когда мы пришли в Гумрак, там уже немцы давным-давно и штаб там был. И вот там нас посадили на платформы голые, вечер был, и повезли на запад. Запомнил, мать укрывала нас одеялом из лоскутков, а ночью пошел дождь, а к утру мороз, и мы на станции Белая Калитва»¹;

«Немного еды взяли и тележку небольшую, куда сложили одеяла и трехлетнего братишку посадили. И вот мы двинулись. Народу тьма, ведь выгоняли со всех оккупированных районов. <...> Помню, ночевали мы в каком-то курятнике. <...> С утра начались наши скитания. Пошли дальше пешком. Временами появлялись немцы, полиция. Они сгоняли нас в кучку и давали направление, куда идти»².

У людей чаще всего не было возможности уйти с этого пути. Попытки побега заканчивались либо возвращением в толпу, либо расстрелом. В случае удачи сталинградцы прятались в окрестных селах.

Часть пути до Белой Калитвы сталинградцы проходили пешком. Это был мучительный, многокилометровый путь по степи. Ночевать приходилось под открытым небом. Для того чтобы хоть как-то обогреть детей по ночам, женщины собирали сухую траву, сжигали ее и на прогоревших участках укладывали детей³. Детская память фиксировала путь по изменениям собственного физического состояния:

«Согнали немцы всех в балку, а балка эта глубокая, глубокая была! Я ее помню как сейчас. Переночевали мы все в балке»⁴.

«Потом мы были в этой Белой Калитве, потом уже — тут я не помню, провал какой-то — мы очутились на какой-то станции, и вот дождь! Да такой дождь! Прямо вот холодно!»⁵.

«Теперь наши начинают бомбить... <...> Ну, сил никаких нет! Папа сделал небольшую тележку, туда положил какую-то дощечку, взяли теплые вещички, уже вечером-то прохладно было. Уехали в никуда! У нас же за нашим городом был такой лес — Бабаев лес. Мы поехали в Бабаев лес»⁶.

Сам путь был сопряжен с постоянным чувством страха, как у взрослых, так и у детей:

«Когда нас гнали, то очень низко летел самолет — можно было увидеть лицо немца — и стреляли по колонне беженцев. Наконец, громадное поле, разделенное пополам колочей проволокой, и немецкий конвой с громадными собаками, которые наводили ужас на детей. Где-то три или четыре дня мы находились на открытом ветрам и холоду поле. Очень хорошо запомнила громкий голос в рупор: “Ахтунг”. Все заволновались. Стали у родителей отбирать детей. Плач детей, крики женщин и лай овчарок, которые бросались при малейшем

¹ Павлоцкий В.П. // Дети и война. С. 369.

² Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 219.

³ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 137.

⁴ Сафьянова О.И. // Дети и война. С. 208.

⁵ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 245.

⁶ Демичева В.А. // Дети и война. С. 307.

сопротивлении... Холод, голод, страх, расстрелы на глазах детей старых немощных женщин, матерей — Бог знает, откуда они появились среди нас, детей»¹.

Вид мертвых людей остался навсегда в памяти маленьких детей:

«...а станция была Чирская. Был сборный пункт, прямо возле станции за колючей проволокой. Я помню только страх, ужас, крики, вопли, вот это все — вот это мое впечатление. <...> Многие утром, когда проснулись, не поднялись даже, погибли»².

«Мы из Сталинграда шли дорогой. Бабушка меня на руках, помню, несла. А что мне начинало запоминаться за это время то, что лежало много людей на земле. Неподвижных. Сознания-то не было, а зрительность такая вот осталась»³. «Везли машину беженцев, которую остановили два полиция (это были украинцы, так как ругались по-русски) и высадили девочку с дедушкой, кричали им: “Иуда, Иуда!”, вроде как они Христа распяли, и этих евреев расстреляли. Это мне очень запомнилось»⁴.

Все информанты, прошедшие Белую Калитву, вспоминают, что конвоиры избивали прикладами отстающих людей:

«Никакого снисхождения к тому, что дети и старики не могут двигаться быстро, фашисты не проявляли. Видела, как забивали хлыстами отстававшего от колонны дедушку»⁵.

Вид смерти, постоянное ощущение ее, приводило взрослых к молитве, и дети вторили им⁶. Молитва становилась надеждой на спасение так же, как и в пылающем Сталинграде.

Самое главное для ребенка в пути — не потеряться. Дети, оставшиеся без матери, не имели шансов выжить. Многие информанты отмечали это:

«Я помню, за подол маминого пальто держалась, потому что боялась, что меня оторвут от мамы»⁷.

А шансы потеряться в пути были высоки, так как толпу людей пересаживали на поезда, автомобили, которые трогались без объявления. Именно такие ситуации больше всего пугали детей:

«Запомнила страшный момент, когда мама на каком-то отрезке пути успела посадить нас с сестрой в набитый людьми кузов попутной машины, которая вдруг тронулась. Мама бросилась за нами. Мы кричим, мама кричит, кое-как люди схватили ее за руки, и мама волоком доехала с нами до запланированной немецким шофером остановки. И это было счастье — мы не растерялись»⁸.

¹ Сталинградское детство. С. 158.

² Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 73.

³ Интервью с Каплуновой Р.И., 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Шутова К.К., 21.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁴ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 40.

⁵ Г.И. Крыжановская (Седова) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 80–81.

⁶ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 220.

⁷ Там же.

⁸ Г.И. Крыжановская (Седова) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 81.

В пути и в концлагере фашисты разделяли семьи. Например, выводили из колонны трудоспособных людей — чаще всего парней и девушек — и отправляли на инженерные работы для немецкой армии. Немецкие солдаты обычно забывали покормить таких рабочих, у них не было ни подходящей одежды, ни инструментов¹. Кроме того, использовали различные уловки для того, чтобы отбить подростков от родителей и отдельно вывезти их в Германию. В ответ дети тоже шли на обман, проявляли инициативу, защищали друг друга, потому что семья должна была держаться вместе:

«Где-то под Нижним Чиром колонну остановили грузовики с немецкими солдатами. Велели подходить по очереди к грузовику, сказали, будем давать вам хлеб. И вправду, стали давать по кусочку хлеба, а сами этим временем стали отбивать от семей молодых девушек и ребят в другую сторону. Так отобрали и меня, дали кусок хлеба и толкнули в другую сторону. Тут братишка Ваня (он моложе меня на 2 года) стал истерически кричать: “Отдайте нашу Райку!”. Немец ударил его прикладом и пнул сапогом в сторону мамы...

Когда из всей колонны отобрали молодежь, то построили нас и повели в сопровождении полицаяв почему-то назад, в сторону города. А оставшиеся семьи дальше, на Нижний Чир. В колонне я шла почти последней, рядом шел полицай с автоматом, я услышала, что он говорит и подгоняет нас по-русски.

Я шла и плакала, стала просить, чтоб он меня отпустил. Говорила, что мама больна, а у нее еще двое детей меньших, кроме меня, ей без меня нельзя, ей будет трудно. Он ответил коротко “не могу”. Впереди и по бокам тоже сопровождали полицайи. Когда стали проходить по узенькой дорожке, а по бокам густой кустарник, этот полицай прошел вперед колонны, вот здесь я шагнула в кустарники и затаилась, выстрела не последовало, тогда я ползком проползла весь кустарник и увидела уходящую колонну, где были мои родственники. Я догнала и пристала к одной женщине, которая везла повозку с маленькими детьми. Я завязала лицо платком и попросила женщину, чтобы она, в случае чего, сказала, что я ее дочка, и стала помогать сзади повозки, боясь глянуть в сторону. Так дошли к вечеру до Нижнего Чира, тут я встретила со своей семьей»².

Для транспортировки людей после станции Нижний Чир использовались грузовые — «телячьи вагоны» — как их называли информанты, иногда и открытые платформы. Естественно, о бытовых условиях в этом случае говорить не приходилось. Туалет был организован в щели в полу. Вагон обычно заполняли людьми настолько, что с трудом можно было сидеть. Не давали возможность не то, что хоронить умерших, но и просто снять с поезда³. В качестве еды сталинградцы получали горячую воду утром, в полдень — болтушку с горстью муки — «ну и какая-то взвесь плавает». Вечером тоже получали горячую воду⁴.

От страха потеряться в пути или вызвать гнев фашистов дети старались быть выносливыми:

¹ «... и горела Волга». С. 291.

² Там же. С. 69–70.

³ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 34.

⁴ Там же.

«Помню до сих пор этот страх отстать, мы, дети, пытались идти вместе со всеми, на руки к матерям не просились»¹.

«До Садовой мы пешком шли. Я еще долго потом вспоминала, говорю: “Мама, ну как же это я в 4 года и шла до Садовой пешком?!” А сестра двоюродная, она старше меня на 10 лет была, она говорит: “Нин, да как?! Мы идем, а если бомбежка начнется, то ложимся — вот и отдохали!”»².

«У меня двоюродная сестра двух лет, у нее сразу отказали ноги после вот этих трех дней переходов. И никакой еды, ни воды — ничего. У нее отказали ноги, и нужно было постоянно ее нести. <...> Мы просто шли и всё. И мы столько шли, что у меня распухли ноги, мне было так больно! Всё натерто! Но я была сильная девочка, крепкая и воспитанная. И я шла, как могла. <...> Эти ботиночки малы на размер или на два, всё растерто. Я села на землю, я это очень хорошо помню, а потом и мама рассказывала, все пошли, а я стала отставать и говорю: “Вы идите-идите, и пусть меня волки съедят”. Мама посмотрела, а у меня нет ботиночек. Я взяла, настолько было больно, сняла эти ботинки и в грязь запулила. И всё это время шла в носочках по этой земле сентябрьской»³.

Осознавая чрезвычайность ситуации, дети сохраняли молчание, не капризничали, не требовали к себе особого внимания⁴. Но детям еще очень хотелось играть, и они невольно использовали возможности, возникающие в пути. Вероятно, ситуация игры помогала преодолеть ощущение страха, выйти временно из него:

«Вещи сложили на подводу, раненая женщина там сидела. И я вверху сидела, так как я маленькая была. А брат, он старше на 3,5–4 года, он бежал за подводой. А там ось обвалилась, эта подвода упала, та бедная женщина тоже, и так уже раненая — разбилась, а меня корытом накрыло! Меня бегают, ищут, а меня нет! Ну, потом нашли, поехали дальше и привезли нас в Белую Калитву»⁵.

Для девочек наличие куклы становилось символом семьи; в дорогу уходили с этой игрушкой⁶.

Население было изгнано из города осенью, одежда большей частью сгорела во время летних бомбардировок, у некоторых детей были только летние кофточ-ки, а у кого-то не было и этого⁷. Но некоторые женщины, покидая город, все же смогли, обманув немцев, взять с собой оставшиеся вещи:

«Мы собрали кое-какие вещички, какие могли унести. И вот опять через этот тоннель нас пропускали. Немцы по обеим сторонам стояли, и смотрели: у кого какие вещи хорошие, отнимали. Нам же уже это передали. Мама в плохие мешки сложила вещи получше, а в хорошие — так, детскую одежду и все. Ничего у нас не отняли. Но просматривали»⁸.

¹ Г.И. Крыжановская (Седова) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 81.

² Еременкова Н.И. // Дети и война. С. 347.

³ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 137–138.

⁴ Интервью с В.В. Гуриной, 1939 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Д. Шестакова, 21.07.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁵ Еременкова Н.И. // Дети и война. С. 347–348.

⁶ Л.М. Бутенко (Козырева) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 21.

⁷ Цивилева Т.В. // Дети и война. С. 137.

⁸ Еременкова Н.И. // Дети и война. С. 347.

Большинство сталинградцев, оставшись без одежды, с наступлением холодов замерзало в пути. Особенно опасно было ночью, так как людей оставляли под открытым небом. Поэтому было очень важно не допустить, чтобы дети заболели:

«Нас закаляли холодной водой, чтоб не болели. Потому что, если заболеешь, смерть может наступить»¹.

Однако болезни все равно случались. Уже больных детей выгоняли из Сталинграда. Если людей везли поездом в Белую Калитву и дальше на Запад, и среди группы людей находились больные тифом, их высаживали из вагонов. Чаще всего такие больные были обречены на смерть, немцы их расстреливали². В самом лагере в Белой Калитве немцы отделяли больных от здоровых:

«А больных всех забирали в отдельные два барака. И вот в середине ноября, по моему, подперли и подожгли те два барака... Кинулись эти оставшиеся к выходу. Хорошо, мы рядом с выходом были, выскочили первые»³.

Те больные дети, которым посчастливилось выздороветь, воспринимают свою болезнь как шанс на спасение: немцы, опасаясь заразиться, старались обходить больных стороной:

«У меня жутко высокая температура была, метался. А в это время стали отбирать детей у семей, и куда-то отправляли... Пришла какая-то комиссия с немцами, подошла сюда. “Мальчик болен” — “Знаем мы, там тоже говорили, болен. Ну-ка, давайте открывайте”. Открыли, посмотрели на меня и плюнули»⁴.

«Нас загнали в здание школы, меня отгородили, чтобы я одна там лежала... мы месяц там были — декабрь, а в январе уже наши туда зашли, освободили»⁵.

Следующая причина смертности в пути и в лагере — голод. Питаться приходилось тем, что удалось прихватить из дома, если раньше это не отбирали конвоиры. Сталинградцы ходили по окрестным полям и собирали то, что еще там осталось:

«Шли, шли, степь какая-то. Арбузики какие-то мама найдет, один расколет. А мы все время: “Мам, есть хотим!” Я не знаю, что они с тетей Аней там пекли или варили, на чем, не знаю! Но что-то было: остановимся, поедем»⁶.

«Нас... гнали через поля, засеянные, но урожай не был убран. Колосья были вмяты в землю гусеницами вражеских танков. Мы поднимали разбухшие от осенних дождей колосья и ели их, запивая водой из луж»⁷.

Женщины, осевшие по пути в сельских районах у своих родственников, иногда вынуждены были работать на немецкую армию, например, посудомойка-

¹ Интервью с Г.В. Чекуновым, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Ю. Косова, 31.03.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

² Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 73.

³ Там же.

⁴ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 33.

⁵ Ивахненко А.И. // Дети и война. С. 180.

⁶ Тарасова С.А. // Дети и война. С. 357.

⁷ В.В. Ефимова (Кривцова) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 50.

ми в немецких столовых. Это помогало не умереть с голоду им самим и подкормить своих детей¹.

В поисках еды дети иногда становились более удачливыми добытчиками:

«Милостыню я собирала у немцев. Они шли на Сталинград, и на ночлег становились вдоль дорог, и мама посылала меня к немцам и они мне давали суп гороховый. Научили, я спрашивала: “Битте, брод”. (Пожалуйста, хлеба). И хлеб они давали, засушенный такой хлеб»².

В исключительных случаях дети получали остатки еды со столов немецких офицеров:

«...у нее немцы какие-то были с чинами... И вот они брата моего Юрку возьмут на руки, что-то полопочут ему, полопочут, конфетки ему дадут. Он бежит, конфетку несет. Потом... немцы ушли. Туда пришли уже русские, тоже какие-то офицеры. И тоже Юрку возьмут, с ним так разговаривают, и один раз спрашивают. Мама пришла и говорит: “О! Либо меня в тюрьму посадят!” Я спрашиваю: “Мам, чего ты?” А она рассказывает: “Юрку спрашивают, кто лучше: русские или немцы, а он отвечает: “Немцы”. А почему? — А немцы мне конфет давали, а вы не даете!”»³.

Сталинградские дети в скитаниях были благодарны тем немецким солдатам, которые делились с ними едой:

«Им чего привозили поесть, они это на следующий день уже не ели. И за это мы им благодарны, что они еду нам давали»⁴.

Но чаще всего немцы давали детям еду, бросая куски, как собакам⁵. Сталинградцам пришлось столкнуться со всем спектром отношений с врагом на оккупированной территории:

«А потом дедушка ушел с ребятами, мы остались вдвоем в кухнешке. Ну, румыны рады до смерти, что мы остались. Вот такой порох был, такой длинный. А я одна осталась, бабушку не забрали. А бабушка в углу на соломе, а я, значит, мешок какой-то у нас был и на этом мешке я вот так сидела. А они (румыны) порох этот вспороли и меня обставили в три ряда этим порохом, и один зажигается и все зажигаются как по порядку, подождешь его, и он зажигается как бенгальские огни. Вот они вроде как издевались, не издевались, меня они не трогали, вот вроде только так. И вот румын этот был Плеша, я его до сих пор помню, он был пожилой мужчина, все дедушке говорил: “Ты ее корми, а не сам ешь, а ее корми, ей надо жить, у меня дома десять таких”. И вот он как-то есть мне приносил, Плеша этот... Помню, были в Морозовской когда, пришел один румын... и стал сестру забирать — мол, идем ко мне, у меня там кровать есть, у меня там все. И тут же пришел другой румын, как сейчас помню, его Миша называли... И он его вызвал и начал ругаться с ним, в чине вроде они одни бы-

¹ Сталинградское детство. С. 76.

² Интервью с Л.А. Бочковой, 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова, 01.04.2014, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

³ Тарасова С.А. // Дети и война. С. 358.

⁴ Дмитриев Л.Г. // Дети и война. С. 377.

⁵ Трубочева Н.И. // Дети и война. С. 394.

ли. Вот тот румын, и этот румын. Так вот этот Миша, запер нас в хатенке, велел поставить часового и сказал — их не трожьте»¹.

В самом концлагере в Белой Калитве питание было очень скудным:

«Варили нам там просовый суп или кашу... Пойдет мать с миской супа, пока идет, ее бьют этими плетями украинцы... ради собственного удовольствия. Под их руководством все это и варили... котел там был»².

«Иногда немцы раздавали детям суп из большого котла. Супом называли воду с кусочками подгнившей тыквы и небольшим количеством крупы»³.

Передко еду, которой кормили в концлагере, было невозможно есть, но чтобы дети не умерли от голода, матерям приходилось идти на разные ухищрения:

«Там в Калитве нас помоями какими-то кормили. Мать приспособилась: она разные газетки сворачивала, в рот нам пхала и лила эти помои, вот так вот. А другая сестра нос мне затыкала, потому что нельзя. Подавишься! Страшная, вонючая жидкость! Вонючую жидкость пили, а иначе бы умерили!»⁴.

В поисках питания для детей взрослые выходили в хутора побираться у местных жителей, дети постарше тоже просили милостыню в округе:

«Я не помню, какую еду нам давали, только знаю, нам разрешали выходить из лагеря, в туалет, например. Вот ходим мы вокруг домов, а нам кто-нибудь что-то из еды подбросит, жителям, видно тоже было запрещено выходить из своих домов, когда нас выпускали»⁵.

«Есть нечего, ходили тайком к какой-то яме, откуда доставали кишки то ли лошадей, то ли собак. Их и ели. Иногда немцы или румыны давали баланду. Брат мой от голода умер, бабушка старенькая тоже не выжила»⁶.

Взрослые выменивали еду на одежду у местных жителей, за продукты выполняли какие-то работы для них (жестянщиком, швеей) — для всего этого необходимо было выйти из лагеря или из колонны. Сами немцы в Карповке любезно предлагали уже изгнанным сталинградцам обменивать золотые и серебряные вещи на продукты⁷. Конина стала основным продуктом питания. Бабушки по пути подкармливали своих внуков еловыми и сосновыми иголками — это помогало от цинги⁸. Дети собирали ягоды, траву:

«Терн ходили собирали по балкам. <...> Шиповник собирали. С братом ходили в поле набирали перекатихи, лебеды, немного отрубей — это все перетирали, добавляли немного муки и делали такие лепешки. Уже начинали пухнуть с голода, но как-то выжили»⁹.

¹ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 385.

² Белицкий А.В. // Дети и война. С. 279.

³ И.А. Модина // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 90.

⁴ Чернышов Ю.Н. // Дети и война. С. 250.

⁵ Интервью с З.Н. Овчинниковой, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова, г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

⁶ Сталинградское детство. С. 107.

⁷ Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 33.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Печенникова Т.И. // Дети и война. С. 480.

В пути сталинградцы были лишены и воды, и для того чтобы хоть как-то напоить детей, взрослые использовали любую возможность:

«Пить хочется, и мы: “Пить! Пить!” Нашли какую-то лужу, разбили, принесли какую-то плошку. А вода — коровья моча, или вообще соленая вода, соленая — соленая. Как могли, попили»¹.

«Пить нечего было, а как раз дождик прошел, помню, мама через марлечку пропускала воду из лужи и так до самой Ростовской области»².

Информанты отмечали, что самое страшное в пути — жажда, и родители рисковали всем для спасения своих детей:

«Губы потрескались, кровоточили. В одну из ночей немцы привезли себе воды, а мама от отчаяния выхватила у пьющего немца фляжку и быстрым вертикальным движением налила себе в рот, чтобы принести нам и дать по спасительному глоточку. Немец угрожающе закричал, но мама быстро скрылась в степной темноте. Мы боялись, что утром последует расправа, но маму, видимо, не успели запомнить»³.

Депортированные сталинградцы погибали в пути не только из-за холода и голода, не только из-за жестокости оккупантов. Колонна с захваченными мирными жителями шла по тому же пути, по которому немецкое командование переправляло своих людей и технику в Сталинград. Советские самолеты бомбили фашистов, но из-за плотности потока немцев и русских под авиударами погибали и сталинградцы:

«А сверху наши самолетики, они видят, колонна идет, а кто там. Они спускаются и строчат, а наши выскакивают, ложатся и говорят: “Что же вы, небесные соколы, не видите, по своим стреляете!” <...> А в это время наши самолетики отбомбились и возвращались назад, и увидели, что здесь стоят немецкие машины, и они спустились и строчат из пулеметов. Тетя с братиком спустилась под машину, благодаря этому осталась жива, но у нее тик остался на всю жизнь»⁴.

«Стреляли по нам. Потом, когда разобрались, оказывается, это русские стреляли. То ли они не разобрались. Нас расстреливали русские»⁵.

«Как сейчас помню одну ужасную сцену: по дороге к станции нам навстречу шла военнизированная группа немецких солдат, и тут вдруг наш самолет сбрасывает бомбу. Не на нас, конечно, на них, но мы этой же дорогой шли. Наверное, в метрах трехстах от нас бомба упала. Мы подходим, а там девушка истощно кричит над трупом матери»⁶.

Спасение детей зависело чаще всего от инициативы взрослых членов семьи. Оно могло заключаться в том, что по пути люди отбивались от толпы и находили приют в домах местных жителей. В.Ф. Баранцев, рассказывая о колонне угоняемых

¹ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 107.

² Ивахненко А.И. // Дети и война. С. 180.

³ Г.И. Крыжановская (Седова) // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 81.

⁴ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 72, 73.

⁵ Васильева Л.И. // Дети и война. С. 107.

⁶ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 220.

на Запад, отметил, что тех, кто падал, немцы добивали штыками. И тем не менее его мать и бабушка решили использовать такую возможность:

«Когда при очередном обстреле все упали на землю, мама прикрыла меня собой, зажала мне рот, а бабушка спрятала сестренку. После обстрела конвоир стукнул маму и бабушку прикладом, но они, несмотря на удары, не шевельнулись. Колонна пошла дальше, а мы остались лежать, будто убитые»¹.

Мать оставила его в овраге и отправилась разведать дальнейший путь, но ее схватили фашисты. Ребенок на несколько дней остался один в осеннем поле, без воды, еды и одежды. Его спасла своим теплом собака, а затем на него наткнулись красноармейцы, помогли одеть фуфайки с убитых солдат и направили к своим. Та же собака дотащила его до Волги, когда он сам идти уже не мог². Другую группу юных сталинградцев в пути также спас взрослый:

«В конце сентября с обеих сторон пришли вооруженные немцы, выгнали всех на улицу, построили в колонну и погнали в сторону Калача-на-Дону. Они были верхом на лошадях, а мы шли босиком. Недалеко от Дона нас завели в просеку и отделили молодых от детей и стариков. Последних погнали дальше в Белую Калитву. С одной стороны от дороги был овраг. Дядя Вася скучковал нас всех вместе и, когда немцы проскакали вперед, он толкнул сначала нас, детей, потом прыгнул сам. Мы лежали долго, пока не утих шум и все не ушли. Затем мы побрели по оврагу, вылезли на другой стороне и шли по лесу. Набрели мы на хутор Верхний Гнутов, где староста принял нас и расселил по домикам, но и там было много немцев и орудий»³.

Как сообщает К.В. Коняхин, женщины разрабатывали стратегию поведения, для того чтобы сбежать из толпы:

«В этой еще колонне женщины стремились к задним рядам с мыслью, что с последних рядов легче убежать. Потому что идет колонна, в начале и в конце автоматчики с собаками, и они туда-сюда носятся, овчарки. А в задних рядах нет. И все старались туда — а там свалка, ведь каждый норовил, у каждого свои проблемы и свое желание. И однажды женщины задрались. <...> Прибежали автоматчики с собаками, стрельба. <...> И мать в это время дернула меня за руку, за стог сена и молилась. <...> Колонна прошла мимо»⁴.

Для спасения ребенку необходимо было остаться с членами семьи, которая теперь состояла из мамы, иногда бабушки и еще реже деда. Страх потери членов семьи усиливался от знания о том, что в самой Белой Калитве людей делили по возрасту и молодых отправляли в Германию. Для того чтобы остаться с родителями, дети шли на отчаянные шаги и защищали родителей от немцев:

«Еще помню, что были мы в селе и когда нас выгоняли. А бабушка у нас лежала... И [немец] стал выгонять. Я не могу бабушку поднять, сестра на улице была. И он стал меня плеткой бить, я ему в руку вот так зубами вцепилась. Я не

¹ В.Ф. Баранцев // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 17.

² В.Ф. Баранцев // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 18.

³ Сталинградское детство. С. 55.

⁴ Коняхин К.В. // Дети и война. С. 48.

чувствовала боли, что они меня бьют, а мне было больно, что он бабушку бьет. А она же не может встать»¹.

Ради спасения близких дети демонстрировали находчивость:

«Папа спрятался в погреб, чтобы опять не забрали. И у нас немцы. Утром, я же знаю, что папа у нас в погребе, надо их отвлечь... Я им начала песни петь, танцевать, что я только ни вытворяла, чтобы не заметили, заглушить. Не дай Бог папу услышат. Потом все немцы дальше ушли»².

Концлагерь в Белой Калитве запечатлелся в памяти детей птичника (как крайне непонятным и непривычным местом обитания), голодом и холодом, постоянным страхом потерять семью или быть сожжеными:

«И привезли потом в Ростовскую область, здесь рядом были птичники. Но это из рассказов, я помню только, что мы входили в эти птичники вот ростом своим, что там вонь страшная, что эти блохи (я помню, чесались), что этой жижи по щиколотку. А взрослые вот так вползали, и что там уже было забито полно, что места не было. А холодно, и нам место только осталось у входа... Кормить там уже ничем не кормили вначале, и взрослые подрывали ночью под проволоку, ходили на брошенные поля, кто там что приносил, какие-то корневища»³. «А наш птичник был из горбыля: доска прибита, а тут пустота, еще прибита, еще пустота. Двери не было... Я, как сейчас помню, в правой стороне женщина рожала, а мы, вот как заходишь — она в правой стороне, а мы в левой находились»⁴.

Из-за аномальных условий пребывания и постоянного опасения за свою судьбу люди теряли счет времени:

«Сколько мы там пробыли, не помню. Помню какие-то сараи дырявые, грязные, навоз там был, нас беспокоили какие-то насекомые, мы чесались, снимали платья, рубашки и не стеснялись, давили вшей у всех на виду, и все так делали, потому что невыносимо было. Это место было огорожено колочей проволокой. Спать ложились, прижимаясь плотно к друг другу, потому что по ночам были заморозки»⁵.

Разместить всех беженцев в птичниках не удавалось, поэтому часть людей вынуждена была остаться под открытым небом, причем охрана состояла из украинских полицаев, и они очень часто издевались над пленными, но некоторые из них за взятку или из жалости выпускали на время депортированных для поиска еды⁶.

Сам лагерь требовал обслуживания, и немцы организовали работы. Те арестанты, кто смог устроиться на эти работы или кого отправляли на них насильно, получали шанс спасти своих детей:

¹ Захаровская Л.И. // Дети и война. С. 384.

² Васильева Л.И. // Дети и война. С. 108.

³ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 73.

⁴ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 246.

⁵ «... и горела Волга». С. 70.

⁶ Белицкий А.В. // Дети и война. С. 279.

«Это начало ноября... Кто должен обслуживать и кто вот работал, шаг вперед. Они выступили, их взяли и разместили рядом в домах, они ходили на работу, их чем-то кормили там, принудительно заставили, какой-то паек давали, они что-то ели»¹;

«Дети спаслись из-за того, что отец мой работал там [в концлагере], то есть чистил там что-то, помогал картошку там, все, гнилую, конечно — ну, помогал, в общем, обслуживать население. И за счет этого нас не расстреляли»².

Инициатива побега из концлагеря в Белой Калитве и его организация принадлежали взрослым:

«Папа ночью, под видом, что в туалет, вышел с детьми. Они без вещей были, поэтому и не навлекли внимания охраны. Вот сначала ползком до большого оврага, а из оврага в степь, а там уже в соломе и спрятались... Он уже заранее договорился с людьми.., чтобы они забрали их по дороге, если останутся живыми»³.

Побег мог сопровождаться подкупом охранников⁴. Вообще, тема взятки за спасение часто фигурирует в рассказах. За взятку вещами удавалось сбежать из поезда на станциях, даже выйти из птичников в Белой Калитве:

«У кого были какие-то вещи — у кого золото, у кого что, вот у этих охранников выменивали, даже некоторых выпускали, их выводили»⁵;

«И потом двоюродная сестра приходит сюда, где мы уже вшей набираемся, а на воротах стоял украинец, она отдает часы свои... и вот нас выпустили отсюда»⁶.

В записанных нами интервью нет рассказов об отдельном проживании взрослых и детей, хотя в лагере разделяли семьи и юношей и девушек отправляли в Германию. Поэтому в воспоминаниях нет сюжетов о детях, отделенных от родителей и создающих новые социальные отношения в своей группе в условиях постоянного психологического и физического давления со стороны охранников концлагерей, как об этом нам сообщали жители Волгограда, прошедшие концлагеря в Белоруссии. Тем не менее здесь постоянно присутствовал страх перед насильем: быть разделенными, быть сожженными. Сюжет о горящих птичниках с загнанными внутрь людьми присутствует почти в каждом рассказе — этого боялись и взрослые, и дети⁷. Об этом знали уже по пути в Белую Калитву:

«Нас ввели к Белой Калитве, и мы уже слышали, что немцы загоняют людей в сараи и сжигают их там. И вот, когда мы подошли, открылись ворота, и стали нас туда загонять. А там стояли сараи длинные, где много сена было, и я села и закричала: “Я не пойду, нас сожгут!”»⁸.

По пути на Запад и из концлагеря немцы организовывали отправку людей в Германию разными способами. Сначала они приглашали добровольцев, но когда

¹ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 73.

² Чернышов Ю.Н. // Дети и война. С. 251.

³ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 220.

⁴ Гриднев Ю.Н. // Дети и война. С. 372.

⁵ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 73.

⁶ Рахимкулова Х.Х. // Дети и война. С. 227.

⁷ Топольскова Е.Я. // Дети и война. С. 246.

⁸ Трубачева Н.И. // Дети и война. С. 395.

выяснилось, что их слишком мало, приступили к насильственному разделению семей и отправке работоспособных на Запад:

«Вскоре мы оказались в Белой Калитве. Там мне в память врезались два эпизода. Первый, когда вдруг заиграла музыка, и нас всех выгнали из бараков на улицу. Там мы увидели стол, накрытый белой скатертью или простыней, на нем – патефон, стоит эзэсовец около стола и что-то говорит, переводчик приглашает добровольцев в Германию. Второй случай. Когда подростков начали отбирать у матерей для отправки в Германию. Стоял жуткий стон, крик и плач матерей. Так и мою сестру Валентину угнали. Потом моего брата Георгия сильно избili немцы, он сильно болел и там же, в Белой Калитве, умер»¹.

Агитация в пользу Германии заключалась в убеждении людей в превосходстве немецкой цивилизации, в раздаче еды, а тем, кто соглашался на переезд, выдавали обувь и теплые вещи². Но все же чаще отбор людей в Германию сопровождался расстрелом несогласных:

«Построили всех людей в шеренгу. Немцы, проходя вдоль нее, вглядывались в лицо каждому. Молодых с дерзостью вытаскивали из строя, швыряя в сторону, где стоял конвой. Дошла очередь и до нас. Забирают и мою дочь Эмму, матери не дают своих детей, вырывают из рук. Одна девочка, восьмиклассница громко кричала; бабка кинулась к ногам палача и ее пристрелили на месте»³.

Примерно с конца ноября, после того как работоспособных людей вывезли на Запад, лагерные власти стали распределять оставшихся детей и стариков по местным хуторам. С огромной благодарностью информанты вспоминали о тех посторонних людях, которые помогли им выжить как по пути в Белую Калитву, так и в ней самой. Это могли быть хозяйки домов, попавшихся по пути, которые позволили осесть, спрятаться⁴. И, вероятно, эта благодарность подпитывает постоянное желание информантов попасть в «тот дом» вновь:

«Я помню один случай, среди ночи нас немцы разбудили (все, конечно, спали на полу), посадили нас на лавки, и один немец стоял в дверях и сфотографировал. А я в этот момент прижалась к бабушке, потому что тогда для снимков зажигали какую-то ленту, и мне стало страшно. Я бы хотела это фотографию увидеть, потому что все живые, все сидят, я к бабушкиным коленям прижалась. <...> Мне сейчас бы хотелось в Мелитополь вернуться и посмотреть, может там что-то осталось, монастырь раньше стоял, а за ним поля начинались...»⁵.

Отношения сталинградцев с жителями оккупированных районов складывалось по-разному. Депортированные встречались с ними по пути в Белую Калитву, когда на ночь конвоиры распределяли колонну в каком-то населенном пункте; в самих концлагерях, когда ночью уходили просить еду; в случае побега из колонны или из концлагеря. Жители сел и хуторов не всегда принимали проходивших мимо беженцев:

¹ Сталинградское детство. С. 64.

² Рудыкина-Жорова Е.П. Подарок: статьи и интервью, рассказы, воспоминания. С. 13.

³ Там же. С. 206.

⁴ Чернышов Ю.Н. // Дети и война. С. 250.

⁵ Трубачева Н.И. // Дети и война. С. 395, 397.

«Уже ноябрь был. Пришли уже к вечеру в село с красивым именем Серебрянка. Нас хотели поместить в богатый большой дом, а хозяйка закрыла дом на ключ и ушла, не пускает. Ну, открыла. «Понаехали, поначертенели», — все кричала. <...> [У нас] только закипело, но не успело еще свариться, как слышим на улице закричали: “Собирайтесь! Уезжайте туда, откуда приехали”»¹.

«Когда мы три брата пришли на Нижнечирскую станцию и стучали щеколдой, чтобы нам открыли ворота. Промокли все насковозь. Открывают и говорят: “Это опять сталинградские бандиты, воры, надоели вы нам, вон отсюда”, — и гонят нас. В одном дворе так, во втором, в третьем»².

Согласно современной оценке информанта, деревенские «обдирали сталинградцев» обменивая вещи на еду³. В случае, когда беженцы попадали к казакам, которых немцы поддерживали, то они часто сталкивались с негативным отношением:

«В этом хуторе казаки на 80 % были кулачем, все она нас ненавидели, у них сохранилось все хозяйство, в каждом дворе было по несколько скотин. Даже гуся по дворам ходили как в мирное время. Немцы казаков не трогали, относились к ним с почтением, даже гусей у них не брали, а меняли на мыло у них разные безделушки. а для немцев скот брали у бедных, как неблагонадежных людей. Вот такая у нас была окружающая среда. Многие были удивлены, что нам хозяева давали корыто для стирки белья. Это было исключение, остальным не давали. Мы ели хлеб с землей... Вале поручили теленка — она знала свои обязанности. Хозяева хорошо относились к ней, за хорошую службу давали дохлевать ей суп»⁴.

Сталинградцы сообщали, что в казачьих станицах на них даже спускали сабак⁵. Причина грубого отношения к беженцам заключалась не только в личных качествах селян или их всеобщем унижении. Т.А. Павлова указывала на то, что: «каждый местный житель [на оккупированной территории] был обязан зарегистрироваться в немецкой комендатуре. Самовольный выход за пределы населенного пункта “без особой причины и документов” запрещался. Для предоставления приюта посторонним необходимо было заявить об этом старосте, предъявить их документы и объяснить причину их прибытия. Запрещалось пускать на ночлег прохожих»⁶. Все же нередко пожилые или одинокие женщины давали приют беженцам из Сталинграда, стараясь скрыть их присутствие:

«Решили все-таки доехать до хутора Платонова, там поискать жилье. Доехали мы до этого хутора, зашли к какой-то бабушке, а она нам говорит: “У меня уже немцы стоят, но у меня коровник есть, хотите — ночуйте там, а завтра сходите по-светлому по хутору”»⁷.

¹ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 221.

² Глинянов С.В. // Дети и война. С. 484.

³ Козловская Н.Х. // Дети и война. С. 234.

⁴ Сталинградское детство. С. 208–209.

⁵ Там же. С. 245.

⁶ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 304.

⁷ Демичева В.А. // Дети и война. С. 307.

Принимали беженцев на постой, потому что сами нуждались в помощниках по дому или по огороду. Одинокие старики чаще всего вообще не ограничивали число своих гостей:

«Мы сошли на станции Морозовская, пошли искать квартиру. А женщина нас встретила и говорит: “Идите вот по этому адресу. Там хозяин слепой, будете ему заодно помогать”. Мы пришли, и он нас впустил. У брата раны не заживали, гноились, мама бесконечно меняла ему повязки, а в ранах даже вши водились. Мама ходила с нами в село, мы с братом побирались, просили милостыню. А тем, что приносили домой, кормили слепого хозяина»¹.

Рассказывая об остановке в Карповке, информант сообщила, что ее семью приняла пожилая женщина, сама воспитывающая нескольких детей и от голода ее спасла жалость незнакомой женщины, скорее всего соседки:

«Они нам очень помогли, иногда, бывало, нас покормят. <...> Там я заболела, у меня началась малярия. <...> Я говорила: “Мам, я так хочу кушать!”. Мама говорит: “У нас нет ничего!” И откуда-то приходит женщина. <...> И она приносит нам кулек пряников. <...> Я до сих пор не забуду: и откуда-то взялись эти пряники...»².

Но чаще местные жители просто рисковали своей жизнью, приютив беженцев. Сами сталинградцы, их дети нередко становились свидетелями того, как жестоко расправлялись оккупанты с теми местными жителями, которые оказывали им помощь без разрешения немецких властей. Помощь оказывалась не только беженцам, но и красноармейцам:

«А потом эти немцы стали ходить и искать, где там прятали люди наших. А там много наших прятало у себя людей. И стали вешать людей на вешалках этих. Петли стоят. И нас выгнали смотреть... Я помню, я так плакала и так кричу: “Что вы делаете?”. Я раздраженной была тогда! “Мама, что они делают? Вешают! Смотри, что они...”»³.

При общении с сельскими жителями дети Сталинграда замечали и иногда перенимали их практики приспособления к немецкой власти:

«Хозяйка сказала, что я внучка ее, и что детей ее в советское время в тюрьму посадили. В общем, все делали вид, что они против советской власти»⁴.

Тем не менее нужно отметить общее настороженное отношение к беженцам и особенно к сталинградцам:

«Потом к вечеру пошел слух, что в атаманской управе нашли списки заготовленных во вторую очередь к расстрелу, неблагонадежных... Во втором списке неблагонадежных оказались все сталинградцы»⁵.

¹ Сталинградское детство. С. 155.

² Сячина З.М. // Дети и война. С. 289.

³ Самохина С.Н. // Дети и война. С. 76.

⁴ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 222.

⁵ Воронцова Е.И. // Дети и война. С. 220.

«В хуторе была установлена власть оккупантов, работали в конторе русские, полицаи. Они не любили «сталинградских» (так нас называли), даже просо давали с упреком»¹.

По пути на Запад сталинградцы использовали те же практики выживания, как и те, кого эвакуировали на Восток: старались попасть к своим родственникам. Если же это не получалось, то взрослые договаривались о ночлеге, а иногда и более длительном проживании в обмен на выполнение хозяйственных работ. Иногда в качестве платы за ночлег использовались оставшиеся вещи². Местные жители подкармливали задержанных в лагере в Белой Калитве, хотя это и было запрещено, подбрасывая еду через забор³. Их помощь помогала сохранению жизни детей, уже находившихся в концлагере, и бежавших оттуда. Б.Б. Кузнецов, рассказывая о болезни своего двоюродного брата в Белой Калитве, отмечает, что он остался жив благодаря знакомству с местными жителями⁴.

После поражения немцев при Белой Калитве и освобождения Ростовской области сталинградцы возвращались в родной город. Добираться приходилось чаще всего пешком, иногда часть пути можно было проделать на попутках. В некоторых случаях матери оставляли детей на попечение местных жителей, ездили «на разведку» в город и возвращались за детьми. Стремление прийти в родной освобожденный город было большим. По возвращении оказывалось, что дом либо разрушен бомбой, либо кирпичи его стен уже использованы соседями для строительства блиндажей или землянок. Приходилось строить жилье из подручных материалов. Дети тоже принимали участие в этом строительстве, собирая кирпичи с окрестностей, расчищая завалы. В этом судьбы всех детей Сталинграда оказались схожими. Родственники часто объединялись, обычно это оказывались семьи, состоящие из женщин и детей, иногда со стариками. В Сталинграде вернувшиеся должны были обратиться в комендатуру и встать на учет. Взрослых отправляли работать либо на заводы, либо заниматься расчисткой города. Устроившиеся на работу получали пайки, чем и кормили своих детей.

Физическое и психическое состояние этой группы детей не становилось предметом заботы со стороны советского правительства. Позже в статистике смертности и проведенных лечений их не отличали от остальных⁵. Вот как описывают свое состояние сталинградские дети, вернувшиеся из депортации:

«Мы были полностью истощены и походили на ходячие скелеты. Кожа покрывалась гнойными корками, под которыми копошились вши. На голове гнойные нарывы. Я уже не могла ходить, и когда мы вырвались из лагеря, то лежала на какой-то повозке...»⁶;

¹ Сталинградское детство. С. 176.

² Мамонтов В.И. // Дети и война. С. 34.

³ Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 40.

⁴ Кузнецов Б.Б. // Дети и война. С. 73.

⁵ Кузнецова Н.В. Уровень заболеваемости и смертности населения Нижнего Поволжья в условиях голода 1946–1947 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 1 (17). С. 43–52.

⁶ И.А. Модина // Воспоминания детей военного Сталинграда. С. 91.

«У меня такой живот был! Ручки тоненькие, ножки тоненькие. Ну, все мы такие: не имели еды, которой нам надо было, и были каким-то уродинками»¹.

Дети, которых вместе с матерями немцы выгнали из города, получили клеймо «бывших на оккупированной территории», что уже во взрослой жизни мешало строить карьеру. Они всю жизнь скрывали историю своего детства:

«Вступая в комсомол, я писал, что мы были в Бекетовке. Потому что, если узнают, что мы были в Надеждовке...»².

«Моя мама боялась: когда приехала сюда, никому ничего не хотела рассказывать, потому что еще тогда Сталин сажал...»³.

Эта часть жизни была вырвана из собственной памяти самими жертвами депортации, о ней даже запрещалось упоминать в семье⁴. Одна информантка не для записи в частном разговоре сообщила, что скрывала это от своего мужа, но когда в 1970-х гг. он узнал, что она была концлагеря в Белой Калитве, то едва не развелся с ней.

По возвращении в город с началом учебного года школьники писали сочинения о том, где были во время боев. Дети, которые сообщали о скитаниях на западе от Сталинграда, оказывались под особым контролем⁵. Ограничения начинались с того, что их вступление в пионерскую организацию задерживалось. Доставалось этим детям и от сверстников:

«Потом меня мобилизовали в ремесленное, так как в оккупации был — немецкого духа нахватался, ногами били»⁶.

У депортированных детей в дальнейшем возникали проблемы с поступлением в вузы:

«Был в 14-летнем возрасте вывезен в Германию, малолетний узник... Но когда поехал сдавать документы в Одессу, они у меня приняли, уточнили, откуда я, я сказал, что из Сталинграда. На второй день они мне ответили: “Вы были у немцев, вам делать у нас нечего. Мы вас принять не можем”»⁷.

Когда в 1990-е гг. отношение к малолетним узникам изменилось, Германия стала выплачивать им компенсацию, для этого требовалось документальное подтверждение их судьбы, тогда они и выяснили, что в КГБ на них уже имеются все необходимые документы, каждый их шаг по оккупированной территории был известен и подтвержден документально. По подсчетам Т.А. Павловой, в архиве управления ФСБ РФ по Волгоградской области хранится 45 тыс. дел на лиц, насильственно вывезенных из Сталинграда, области и других местностей СССР и

¹ Самохина С.Н. // Дети и война. С. 77.

² Коняхин К.В. // Дети и война. С. 51.

³ Самохина С.Н. // Дети и война. С. 77.

⁴ Сталинградское детство. С. 158.

⁵ Гордеева Н.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 274.

⁶ Дмитриев Л.Г. // Дети и война. С. 375.

⁷ Глинянов С.В. // Дети и война. С. 482.

возвратившихся на родину. По данным исследователя, 50 902 человек погибло при депортации¹.

Дети, прошедшие через скитания, понимали, что их детство кончилось, и горьким подтверждением тому было клеймо «бывших на оккупированной территории», которое использовалось и в отношении грудных детей и сохранялось в течение многих лет их жизни.

Именно с началом бомбардировки города, с началом скитаний горожан по подвалам и «щелям», а затем за пределами города можно связать «взросление» детей Сталинграда. Обстоятельства требовали от них принятия «взрослых» решений, ответственности. Присущая взрослым сдержанность и чувство опасности, были менее характерны для детей. Детская непосредственность, где-то смекалка, интуиция, не ограниченная взрослыми страхами, становились залогом спасения. Нередко возникали ситуации, когда все зависело от самих детей и инициатива переходила в их руки. Детская психика защищала от душевных страданий, позволяла проще приспосабливаться к обстоятельствам. Однако сохранялась физическая уязвимость, и потому главным принципом выживания для детей все же было поддержание связи со взрослыми членами семьи. Это было важно и при эвакуации на Восток, и при депортации на Запад. И в эвакуации, и в депортации перед детьми и особенно перед их родителями, стояли такие насущные проблемы как поиск питания, одежды и крыши над головой. Если беженцы на советской территории могли рассчитывать на заботу со стороны государства, действовали так называемые патерналистские практики выживания, то на оккупированной территории беженцам приходилось рассчитывать на самих себя, нередко используя и девиантные практики выживания, к которым привлекали детей.

¹ Павлова Т.А. Указ. соч. С. 508.

Послесловие

Судьба детей и подростков Сталинграда, оказавшихся в эпицентре одного из самых кровопролитных сражений в мировой истории, относится к наиболее ярким и пронзительным трагедиям Великой Отечественной войны, последствия которых продолжали сказываться еще долго по ее окончании. Пережив ужас варварских бомбардировок и жестоких уличных боев, голод и холод в разрушенном войной городе, они в дальнейшем столкнулись с трудностями его послевоенного восстановления, а многие и с недоверием к себе из-за пребывания на оккупированной территории, где оказались совсем не по своей воле. Юный возраст в подавляющем большинстве случаев не позволял им самостоятельно принимать соответствующие решения, однако вовсе не избавил от последующей ответственности за них. Часть детей вместе с взрослыми была угнана немецкими войсками на запад, многие оказались в сортировочном лагере в Белой Калитве, ставшем еще одним страшным местом памяти о войне. Нелегко был путь и тех, кто отправился в эвакуацию: даже если им и удалось преодолеть Волгу под вражескими бомбами, минами и снарядами, их ждали материальные лишения и проблемы адаптации к другой жизни и иной социальной среде. Для всего поколения детей Сталинграда — тех, кто прятался в городских руинах почти на самой передовой, и тех, кто прошел через Белую Калитву, кто голодал в уцелевшей Бекетовке, кто с трудом выживал в эвакуации, — годы войны, а особенно сама битва, стали тяжелейшими испытаниями, повлиявшими на их дальнейшую судьбу.

Вплоть до недавнего времени продолжался период умалчивания трагедии детей Сталинграда, хотя подвиги его защитников широко освещались при помощи различных информационно-пропагандистских и художественных средств. Сталинград стал городом-памятником, настоящим символом мужества и доблести советских людей, их негибаемой воли и упорства в борьбе с врагом. Но на этом героическом фоне оставалась практически незаметной судьба детей, находившихся в городе во время битвы, оказавшейся не только самым тяжелым периодом в истории Царицына — Сталинграда — Волгограда, но и неразрывной частью их собственной жизни. Только в последние два с лишним десятилетия произошли значительные изменения в политике памяти, позволившие «услышать» голоса детей Сталинграда, выразителями которых стали специальные мемориальные институты. Эта долгожданная публичная «реабилитация» детей Сталинграда стимулировала волну воспоминаний, в основе которых лежало закономерное стремление озвучить драматические обстоятельства своего жизненного опыта, «вписав» свою судьбу в историю великих событий. Со временем общественные организации детей Сталинграда превратились в коммеморативные сообщества, определенным образом влиявшие на характер и содержание рассказов своих членов. При этом лишь воспоминания наиболее активных из них приобретали публичный характер.

В ходе проведенного исследования, результаты которого нашли свое выражение в книге, использовались различные источники, как архивные, так и уже

опубликованные документы. Но главную роль в нем сыграли именно воспоминания «детей Сталинграда», записанные непосредственно в ходе реализации проекта. Они представляют собой уникальный комплекс источников, в которых отразились многие обстоятельства жизни детей Сталинграда накануне, во время и по окончании Великой Отечественной войны. Особую ценность придает им массовый и почти одновременный характер фиксации, позволяющий говорить о высокой степени репрезентативности собранных материалов. По всей вероятности, запись интервью можно считать самым крупным опросом не только детей Сталинграда, но и вообще детей военного времени, проведенным за последние годы силами одного исследовательского коллектива, к тому же на сравнительно небольшой территории за относительно короткий срок.

В то же время при использовании данных текстов необходимо учитывать особенности восприятия человеком своей прожитой жизни, вследствие которых детские годы, как правило, идеализируются, изображаются в более ярких красках и тонах, чем события последующей взрослой биографии, а также перенос в прошлое респондентом своих более поздних представлений. Детские впечатления оказываются «пропущенными» сквозь весь последующий жизненный опыт конкретного человека и сложившиеся в обществе представления. И внешние, социальные рамки памяти детей Сталинграда включали как городской ландшафт, так и многие другие обстоятельства, в том числе и стереотипы восприятия событий Великой Отечественной войны, что не могло не откладывать ни их соответствующего отпечатка.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что война существенно повлияла на сам мир детства, изменив его границы. Под влиянием объективных факторов они сжимались, территория детства сокращалась, новые очертания приобретала и конфигурация «внутренних» границ между отдельными возрастными группами детей и подростков. В период Сталинградской битвы и после нее они стали быстрее ощущать себя взрослыми: практически всем пришлось с ранних лет выполнять домашние обязанности, помогать взрослым, участвовать в снабжении семей продуктами питания и водой, ухаживать за ранеными в госпиталях, а то и работать на предприятиях и на расчистке завалов после освобождения города. Указанные тенденции долго сохранялись и в послевоенное время. Быстрое стирание граней, отделявших детей и подростков от взрослых, находило свое отражение не только в их внутреннем мире, сознании и духовно-нравственных ценностях, но и во внешнем их облике. Свое воздействие на взросление детей и подростков и их адаптацию к условиям военного времени оказывала и школа, как один из важнейших институтов воспитания и социализации юного поколения, решавшая в рассматриваемый период новые задачи.

Условия военного времени породили собственные стратегии и практики выживания детей, вырабатывавших свои способы и механизмы преодоления различных экстремальных ситуаций. Некоторые из них представляли собой адаптированную к возрасту несовершеннолетних «кальку» с моделей поведения взрослых, другие имели специфически детский характер. В первую очередь к таким непосредственно детским практикам преодоления войны относилась игра, ставшая одним из главных средств, позволявших психике ребенка пережить кош-

мар происходивших вокруг совсем недетских событий, ужасы бомбежек, артиллерийских и минометных обстрелов, смерть родных и близких, голод и многочисленные страдания. Поэтому роль и значение игры в жизни детей в военные годы существенно возросли по сравнению с мирным временем.

Влияние войны испытали и другие аспекты детской повседневности. Значительным разрушениям подвергся весь материально-вещественный мир, что существенно снизило возможности удовлетворения многих базовых потребностей, включая потребности в пище, одежде и обуви, учебе, досуге и отдыхе. Сами образы многих предметов и явлений, включая и дом как пространство, обеспечивавшее стабильное существование и безопасность человека, утратили свое прежнее, довоенное значение, произошла смена их статуса и функций. Значительное снижение уровня жизни, утрата многих привычных вещей способствовали выработке новых поведенческих практик, в том числе и девиантных.

Новым содержанием наполнились в годы войны и взаимоотношения детей со взрослыми. В памяти детей Сталинграда отразились разные образы взрослых, с которыми они сталкивались во время Великой Отечественной войны. «Ближний круг» их непосредственного окружения составляли, как правило, родители: семья в первую очередь определяла условия и возможности выживания детей. К ней примыкали другие родственники, соседи, школьные учителя. Этот круг «своих» взрослых оберегал детей от различных опасностей, спасая их, порой ценой собственной жизни, добывал продукты питания, обеспечивал кров и защиту, как в самом Сталинграде, так и в других местах, где они оказывались во время войны — в советском тылу или на захваченной противником территории.

В то же время в условиях войны мир взрослых людей, с которыми приходилось контактировать детям, стал более разнообразным. Включал он и враждебные по своей сущности образы «чужих» — военнотружущих вермахта, с течением времени эволюционировавших из завоевателей, угрожавших жизни, здоровью и собственности детей и их семей, в военнопленных, работавших на восстановлении Сталинграда. Впрочем, динамика образов определялась не только изменением исторических условий взаимодействия с их носителями, но и непосредственным общением с конкретными немецкими солдатами и офицерами, в ходе которого враждебность могла, как усиливаться, так и, напротив, уменьшаться.

Разумеется, указанными сюжетами не ограничивается круг вопросов, которые позволяют поставить и исследовать воспоминания детей Сталинграда. Далеко не все из них нашли свое отражение на страницах нашей книги. Тем не менее, хочется надеяться, что благодаря ее появлению мы сможем приблизиться к разрешению еще одной малоизученной проблемы истории Великой Отечественной войны и ее роли в жизни целого поколения советских и современных российских граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. М-1. Оп. 32. Д. 95, 100, 309.

Ф. М-7. Оп. 1. Д. 87, 1394, 1773, 2154, 3545, 3567, 5254, 5720, 6630.

Ф. М-33. Оп. 1. Д. 676а, 681, 714, 796, 1041а, 1348, 1356, 1378, 1381, 1041а.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 649.

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО)

Ф. Р-686. Оп. 5. Д. 126.

Ф. Р-2115. Оп. 1. Д. 427, 4079.

Оп. 3. Д. 26.

Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 92.

Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 25, 26, 35, 61, 130.

Оп. 4. Д. 2.

Ф. Р-4650. Оп. 2. Д. 21.

Ф. Р-5002. Оп. 1. Д. 3

Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 4, 5, 9, 13, 14, 20, 20а, 21, 22, 30, 32, 33, 35, 42, 46, 50.

Ф. 3423. Оп. 1. Д. 25, 61.

Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО)

Ф. 71. Оп. 2. Д. 39, 86, 112.

Оп. 4. Д. 12.

Ф. 82. Оп. 1. Д. 6.

Ф. 113. Оп. 12. Д. 71, 74, 83, 115.

Оп. 14. Д. 11, 12, 13, 29, 111, 123, 125, 126, 129, 260, 275, 293, 306.

Оп. 25. Д. 3, 253.

Ф. 149. Оп. 3. Д. 783.

Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

Ф. 1072. Оп. 1. Д. 167.

Архив музея «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда»

Альбом «История ассоциации “Дети военного Сталинграда”».

Интервью с З.П. Сидоренко, 1935 г.р. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место проведения: г. Волгоград, квартира респондента. 11.11.2013.

Интервью с В.Н. Силантьевой, 1935 г.р. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место проведения: г. Волгоград, музей «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда». 20.05.2014.

Интервью с Б.В. Степановой, 1929 г.р. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место проведения: г. Волгоград, дом интервьюера. 16.05.2014.

Интервью с И.М. Суровой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место проведения: г. Волгоград. 2015.

Интервью с Ю.Ф. Чубаровой, 1937 г.р. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место проведения: г. Волгоград, музей «Дети Царицына, Сталинграда, Волгограда». 19.12.2014.

Сурова И.М. Мои воспоминания о войне. Рукопись.

Архив лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (ИСЭГИ ЮНЦ РАН).

Интервью с А.К. Агарковым, 1933 г.р. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: ИСЭГИ ЮНЦ РАН. 14.04.2013.

Интервью с А.М. Гуревичем, 1931 г.р. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. 04.04.2014.

Интервью с М.И. Емельяновым, 1929 г.р. Интервьюеры Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. 14.05.2013.

Интервью с И.Н. Калабуховой, 1933 г.р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. 19.10.2012.

Интервью с А.Л. Крюковой, 1928 г.р. Интервьюер Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира И.В. Пашенко (через Skype). 15.10.2012.

Интервью с Л.В. Ямщиковой, 1932 г.р. Интервьюеры Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. 14.05.2013.

Письмо С.А. Санеева (род. в 1956 г. в Сталинграде) Е.Ф. Кринко от 23.07.2015.

Архив музея казачьего быта Волгоградского государственного университета (ВолГУ)

Интервью с Т.Н. Арличенковой (Черкасовой), 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.К. Коновалова. Место проведения: г. Волгоград. 29.06.2014.

Интервью с Г.И. Барыкиной, 1930 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место проведения: г. Волгоград. 13.07.2014.

Интервью с А.И. Бережновой, 1929 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место проведения: г. Волгоград. 15.06.2014.

Интервью с Л.А. Бондаренко. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, М.А. Рыблова. Место проведения: г. Волгоград. 23.07.2015.

Интервью с В.Д. Глуховой, 1935 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Я.Ф. Чижова. Место проведения: г. Волгоград. 22.04.2014.

Интервью с С.П. Гордеевым, 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Я. Верховых. Место проведения: г. Волгоград. 28.07.2014.

Интервью с А.И. Гребенниковым, 1930 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.А. Колесникова. Место проведения: г. Волгоград. 12.05.2014.

Интервью с В.Н. Елесиным, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место проведения: г. Волгоград. 20.05.2014.

Интервью с В.Н. Ершовой, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место проведения: г. Волгоград. 08.04.2014.

Интервью с Т.В. Забелиной, 1941 г.р. Интервьюер Е. Атращенко. Место проведения: г. Волгоград. 08.07.2013.

Интервью с Р.И. Каплуновой, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер К.К. Шутова. Место проведения: г. Волгоград. 21.04.2014.

Интервью с М.И. Кутыркиной, 1933 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место проведения: г. Волгоград. 27.05.2014.

Интервью с Р.Г. Лариной, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Н.А. Шавловская. Место проведения: г. Волгоград. 31.07.2014.

Интервью с Н.А. Ленниковой, 1929 г.р., станица Пичужинская. Интервьюер Я.С. Кострыкина. Материалы этнографической практики студентов ВолГУ, 1999.

Интервью с Е.Д. Лобчук, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Ф. Ахадова. Место проведения: г. Волгоград. 23.07.2014.

Интервью с С.М. Лопаевой, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место проведения: г. Волгоград. 13.07.2014.

Интервью с З.Ф. Лучковой, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место проведения: г. Волгоград. 12.04.2014.

Интервью с Т.И. Михайлиной, 1932 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место проведения: г. Волгоград. 31.05.2014.

Интервью с З.Н. Овчинниковой, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место проведения: г. Волгоград. 28.04.2014.

Интервью с Г.Ф. Осадчим, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Ф. Ахадова. Место проведения: г. Волгоград. 05.07.2014.

Интервью с Л.А. Перечижкой, 1941 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Э. Гребнева. Место проведения: г. Волгоград. 15.06.2014.

Интервью с Т.В. Полушкиной, 1940 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.П. Пивоварова. Место проведения: г. Волгоград. 28.06.2014.

Интервью с Л.С. Поляковой, 1935 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Е.А. Лисовая. Место проведения: г. Волгоград. 20.07.2014.

Интервью с З.Ф. Пономаревой, 1925 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место проведения: г. Волгоград. 30.03.2014.

Интервью с Н.М. Радченко, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева. Место проведения: г. Волгоград. 20.03.2014.

Интервью с Л.В. Розановой, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место проведения: г. Волгоград. 30.05.2014.

Интервью с В.Н. Романцовым, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева. Место проведения: г. Волгоград. 13.03.2014.

Интервью с А.С. Савиным, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место проведения: г. Волгоград. 15.04.2014.

Интервью с А.С. Скрипкиным, 1940 г.р. Интервьюер М.С. Трегубова. Место проведения: г. Волгоград. 24.12.2014.

Интервью с А.В. Тарановым, 1938 г.р. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место проведения: г. Волгоград. 04.03.2014.

Интервью с Н.И. Трубачевой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Д. Ильина. Место проведения: г. Волгоград. 01.07.2014.

Интервью с В.И. Чекуновой, 1940 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Ю. Косова. Место проведения: г. Волгоград. 31.03.2014.

Интервью с Ю.Н. Чернышовым, 1929 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место проведения: г. Волгоград. 29.03.2014.

Интервью с В.П. Шарашкиным, 1935 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Е.А. Попкова. Место проведения: г. Волгоград. 26.03.2014.

Интервью с Л.Ф. Шишковой, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.А. Колесникова. Место проведения: г. Волгоград. 25.04.2014.

Нормативно-правовые акты

Закон Волгоградской области от 14 февраля 2006 г. № 1197-ОД «О социальной поддержке граждан, находившихся в несовершеннолетнем возрасте на территории

города Сталинграда в период Сталинградской битвы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802050769> (дата обращения: 11.09.2015).

Постановление главы администрации Волгоградской области 6 апреля 2006 г. № 384 «Об утверждении положения о порядке и условиях выдачи гражданам удостоверения “Дети Сталинграда”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460004387> (дата обращения: 11.09.2015).

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О социальной поддержке детей военного Сталинграда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PR;n=8376> (дата обращения: 11.09.2015).

Публикации официальных документов, воспоминаний, писем и дневников

«...и горела Волга»: оставшиеся в живых Сталинградцы вспоминают: документация. – Волгоград: «Издатель», 2004. – 291 с.

Битва за Волгу: Воспоминания участников великого сражения. – Волгоград: Волгоградское книжное изд-во, 1962. – 447 с.

«В огне пылал мой город детства...». Воспоминания детей военного Сталинграда / авт.-сост. Л. Хлынина. – Камышин: [б.и.], 2015. – 84 с.

Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. – М.: «Вече», 2011. – 384 с.

Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы / авт.-сост. Ю.В. Кулешова. – Волгоград: Издатель, 2008. – 152 с.

Воспоминания детей военного Сталинграда / гл. ред. Л.П. Овчинникова. – М.: ИПК «Знак», 2010. – 208 с.

Гура, Г.С. Опаленное детство: воспоминания / Г.С. Гура. – Сочи: Пилигрим-Парк, 2005. – 132 с.

Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы / В.И. Дашичев. – Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.). – М.: Наука, 1973. – 664 с.

Дети военного Сталинграда на берегах Невы. – СПб.: НИКА, 2002. – 48 с.

Дети военной поры / сост. Э. Максимова. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.

Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. – М.: МФД, 2002. – 631 с.

Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М.А. Рыбловой. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – 512 с.

Дети Сталинграда. Воспоминания. – Волгоград: Комитет по печати и информации, 1998. – 152 с.

Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города / под ред. М.А. Рыбловой. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – 360 с.

Дети, пережившие ад: Воспоминания узников фашистских лагерей. Стихи из концлагеря. Повести. – Волгоград: Издатель, 2004. – 432 с.

Детство, опаленное войной 1941–1945 гг.: сб. 2-е изд., испр. и доп. – Архангельск: Дети, опаленные войной 1941–1945, 2006. – 384 с.

Детство, унесенное войной / авт.-сост. В. Федорков. – Камышин: Медиа-Холдинг, 2011. – 68 с.

Дневник Ани Арацкой // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. — М.: Архивы и факты, Доброе сердце, 2015. — С. 351–370.

Екатеринодар — Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях: материалы к летописи. — Краснодар: Кн. изд-во, 1993. — 800 с.

Иванов, В. Мое сталинградское детство. Воспоминания / В. Иванов. — Волгоград, 2010. — 86 с.

Книга жизни в памяти живой. Воспоминания бывших воспитанников Арчадинского специального детского дома / авт.-сост. А.В. Белицкий. — Волгоград: Издатель, 2008. — 150 с.

Кригер, Е. Это — Сталинград! / Е. Кригер // Известия. — 1942. — 25 октября.

Лагунова, К.Г. За победу! Правда о войне 1941–1945 гг. (на вахту стали дети) / К.Г. Лагунова. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007. — 28 с.

Можайцев, Б.Н. Подростки в военное лихолетье. Архангельск, 1941–1945 гг. / Б.Н. Можайцев, В.Н. Можайцев. — Архангельск: Новодвинка, 2015. — 64 с.

Мы — сталинградцы: воспоминания, очерки, рассказы участников и очевидцев Сталинградской битвы / авт.-сост. Б.Б. Кузнецов. — Волгоград: Издатель, 2012. — 280 с.

«Мы родом из войны». Дети военного Сталинграда вспоминают... — Волгоград: Издатель, 2004. — 143 с.

На защите родного завода. Воспоминания рабочих завода «Красный Октябрь»: сб. воспоминаний. — Сталинград: Облкнигоиздат, 1949. — 63 с.

Несовершеннолетние солдаты Сталинграда / под ред. А.А. Бравермана. — М.: Вагриус, 2007. — 384 с.

Нефедова, В.И. Пепел и прах Сталинграда: 125 дней фронтового детства. / В.И. Нефедова. — Волгоград: Царицын, 1995. — 72 с.

О детях военной поры / сост. В.И. Нефедова. — Волгоград: Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия, 2000. — 32 с.

Осколки в сердце. Письма детей Сталинграда / сост. и авт. отдельных материалов А.С. Колотилин. — Волгоград, 1992. — 96 с.

Панченко, Ю. 163 дня на улицах Сталинграда / Ю. Панченко. — Волгоград: Прин Терра, 2006. — 324 с.

Рассказы сталинградцев. — Сталинград: Облкнигоиздат, 1948. — 288 с.

Рудыкина-Жорова, Е.П. Подарок: статьи и интервью, рассказы, воспоминания / Е.П. Рудыкина-Жорова. — Волгоград: Станица-2, 2002. — 216 с.

Сихровски, П. Рожденные виновными. Исповеди детей нацистских преступников / П. Сихровски Пер. с нем. — М.: Комплекс-Прогресс, 1997. — 108 с.

Соловецкая школа юнг военно-морского флота (1942–1945 гг.) / гл. ред. М.В. Лопаткин. — Архангельск: ИМ-Пресс, 2002. — 170 с.

Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / отв. ред. Й. Хельбек. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 667 с.

Сталинградская группа войск. Февраль — май 1943 г.: документы и материалы / под ред. М.М. Загорюлько. — Т. 3. — Волгоград: Издатель, 2004. — 264 с.

Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... / сост. Г.В. Егорова, Е.А. Соколова. — Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2013. — 136 с.

Стрижаков, Л.П. До и после 23 августа 1942 г. / Л.П. Стрижаков. — М.: Новая школа, 2012. — 102 с.

Сурдутович, А.Г. Как это было. / А.Г. Сурдутович. — Волгоград: Издатель, 2012. — 96 с.

Хлынина, Л.П. Детство, опаленное войной / Л.П. Хлынина. — Камышин: [б.и.], 2002. — 48 с.

Чуянов, А.С. Сталинградский дневник. / А.С. Чуянов. — Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1968. — 366 с.

Чуянов, А.С. На стремнине века. Записки секретаря обкома / А.С. Чуянов. — М.: Политиздат, 1976. — 288 с.

Школьные годы, войной опаленные: сб. документов и материалов. — Ростов на/Д.: Феникс, 2015. — 295 с.

Фольклорные тексты

Детские страшилки [Электронный ресурс] // Фольклорный архив кафедры классической русской литературы ННГУ. — Н. Новгород, 1996. — Режим доступа: http://scarykids.ru/?dir=/pioneer/old_basement (дата обращения: 16.06.2015).

Хризман, Э. Детский фольклор эпохи войны [Электронный ресурс] / Э. Хризман. — Режим доступа: <http://isrageo.com/2014/08/15/detivoina> (дата обращения: 13.05.2015).

Альбомы

Рисуют дети блокады: альбом / сост. Э.И. Голубеева, А.А. Крестинский. — Л.: Аврора, 1969. — 80 с.

Школа юнг ВМФ на Соловецких островах, 1942-1945 гг.: буклет / сост.: Л.В. Литвинов, С.С. Шахов. — Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1981. — 11 с.

Материалы периодической печати и информационные сообщения

Акция памяти в честь погибших жителей Сталинграда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.forum-volgograd.ru/archive/index.php?t-262716.html> (дата обращения: 29.08.2015).

Алабян, К. Каким будет Сталинград / К. Алабян // Сталинградская правда. — 1944. — 10 сентября.

Барышев, Г. Орлята Курской земли / Г. Барышев // Ленинский путь. — Льгов, 1981. — 9 мая.

В России отметили 65-летие окончания Сталинградской битвы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.svoboda.mobi/a/433349.html> (дата обращения: 10.09.2015).

В Судогде открыли памятник детям войны [Электронный ресурс] // ГТРК «Владимир», 20 июля 2015 г. — Режим доступа: <http://vladtv.ru/society/71656/> (дата обращения: 06.07.2015).

В Ульяновске открыли памятник детям войны [Электронный ресурс] // Регнум. 28 апреля 2015 г. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1919948.html> (дата обращения: 10.08.2015).

Вахитов, Р. Руки прочь от нашей победы! / Р. Вахитов // Советская Россия. — 2005. — 2 марта.

Гладкая, Н. «Дети Сталинграда» ждут достойного статуса [Электронный ресурс] / Н. Гладкая. — Режим доступа: <http://www.vlg.aif.ru/society/details/70273> (дата обращения: 11.09.2015).

Дерябина Л.В. Узников фашистских лагерей «не полностью приравняли к ветеранам войны»: то есть льгот никаких не дали [Электронный ресурс] /

Л.В. Дерябина. — Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/letters/166.html> (дата обращения: 12.09.2015).

«Дети огненного Сталинграда» пикетировали здание мэрии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.vdv-s.ru/society/?news=1593> (дата обращения: 10.09.2015).

Детям войны в Петербурге поставили памятник [Электронный ресурс] // Фон-танка.ру. — 2013. — 6 мая. — Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2013/05/06/106/> (дата обращения: 06.07.2015).

Желтова, Л.В. Геннадий Сталинградович и другие / Л.В. Желтова // Отчий край. — 1998. — № 1. — С. 204.

Живая память огненных дней [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.qwas.ru/russia/edinros/id_69454/ (дата обращения: 10.09.2015).

Лобочев, М. Чудесные люди / М. Лобочев // Учительская газета. — 1943. — 26 мая.

На Солдатском поле под Волгоградом вновь появилась девочка с цветком [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.vdv-s.ru/society/?news=249149> (дата обращения: 29.08.2015).

Превратим Сталинград в образцовый, подлинно социалистический город / Из речи наркомвнудела тов. Толмачева на объединенном пленуме горсовета и окрисполкома // Борьба. — 1929. — 21 июля.

Материалы интернет-сайтов

Музей «Дети войны» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://лицей13.рф/lyceum_today/museum.html (дата обращения: 05.09.2015).

Музей «Дети войны» [Электронный ресурс]: фото, описание. — Режим доступа: http://www.votpusk.ru/country/dostoprim_info.asp?ID=6022 (дата обращения: 05.09.2015).

Музей «Дети Царицына — Сталинграда — Волгограда» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://turist34.ucoz.ru/index/muzej/0-15> (дата обращения: 12.08.2015).

Сайт пионерской организации им. Лени Голикова (ПОЛГ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polg2.narod.ru/organiz/golikov.htm> (дата обращения: 09.08.2015).

Улыбка [Электронный ресурс]: творческий сайт учителя начальных классов Самигуллиной Г.Ю. — Режим доступа: <http://sch122-smile.edusite.ru/p119aa1.html> (дата обращения: 06.03.2014).

Список информантов¹

Абашова А.А., 1939 г.р., п. Кочетково Среднеахтубинского р-на Сталинградской обл.

Агарков А.К., 1933 г.р., г. Сталинград.

Александров А.И., 1927 г.р., г. Сталинград.

Аненкова А.И., 1941 г.р., г. Сталинград.

Арличенкова (Черкасова) Т.Н., 1933 г.р., г. Сталинград.

Архангельская В.С., 1934 г.р., г. Сталинград.

¹ В списке даны те сведения об информантах, которые были ими самими сообщены.

Архипов В.Г., 1948 г.р., г. Сталинград.
Баевская Ф.Б., 1926 г.р., г. Ленинград.
Баландина З.И., 1936 г.р., г. Сталинград.
Барыкина Г.И., 1930 г.р., г. Сталинград.
Батрак С.Г., 1940 г.р., Ворошиловградская область, УССР.
Бевзюк Г.И., 1940 г.р., г. Сталинград.
Безгомонова Т.Ф., 1937 г.р., г. Сталинград.
Безрукова В.В., 1932 г.р., г. Сталинград.
Бектеримова Р.М., 1939 г.р., г. Сталинград.
Белицкий А.В., 1935 г.р., г. Сталинград.
Белкина Е.Б., 1934 г.р., г. Сталинград.
Бережнова А.И., 1929 г.р., г. Сталинград.
Бережнова Р.Н., 1933 г.р., г. Сталинград.
Бирюков Ю.Ф., 1936, г.р., г. Сталинград.
Бирюкова Л.И., 1936 г.р., г. Сталинград.
Блинова Л.А., 1936 г.р., с. Богатое, Верхне-Курмоярский р-н Сталинградской обл.
Бондаренко Р.Ф., 1939 г.р., г. Сталинград.
Борисова В.Д., 1927 г.р., д. Большая Уторгош, Ленинградской обл.
Бородин Н.Г., 1937 г.р., г. Сталинград.
Бочкова Л.А., 1933 г.р., г. Сталинград.
Брыксин А.Г., 1934 г.р., г. Сталинград.
Бульбулькина (Игольникова) А.П., 1930 г.р., п. Горноводяной Сталинградской обл.
Василенко (Глазкова) Л.Г., 1927 г.р., п. Иловля Сталинградской области.
Васильева Л.И., 1937 г.р., г. Сталинград.
Вдовина Н.В., 1935 г.р., г. Сталинград.
Вехова В.П., 1935 г.р., г. Сталинград.
Вишнякова Н.И., 1937 г.р., г. Мурманск.
Владимир Петрович, 1941 г.р., г. Сталинград.
Воловикова В.А., 1939 г. р., г. Сталинград.
Володькина Л.Н., 1935 г.р., с. Орловка Сталинградской обл.
Воронцова Е.И., 1931 г.р., г. Сталинград.
Воротынцева Л.Я., 1937 г.р., г. Ленинград.
Второва Р.М., 1940 г.р., г. Сталинград.
Гаврилова В.А., 1928 г.р., п. Иловля Сталинградской обл.
Гвоздиковская С.П., 1938 г.р., г. Сталинград.
Глинянов С.В., 1927 г.р., г. Сталинград.
Глухова В.Д., 1935 г.р., г. Сталинград.
Говоркова Л.К., 1927 г.р., г. Сталинград.
Гордеев С.П., 1933 г.р., г. Сталинград.
Гордеева В.Н., 1937 г.р., г. Сталинград.
Горкина В.И., 1934 г.р., г. Сталинград.
Грабовская В.Н., 1938 г.р., г. Сталинград.
Гребенников А.И., 1930 г.р., г. Сталинград.
Гриднев Ю.Н., 1936 г.р., г. Сталинград.
Грищенко Н.Ф., 1939 г.р., с. Дивное Ставропольского края.
Гришанова Л.Т., 1928 г.р., г. Сталинград.
Гришина Д.И., 1939 г.р., г. Сталинград.

Гурина В.В., 1939 г.р., г. Сталинград.
Гуревич А.М., 1931 г.р., г. Днепропетровск.
Гусев А.И., 1935 г.р., г. Ленинград.
Данилова Г.А., 1924 г.р., г. Сталинград.
Дедух Т.Ю., 1944 г.р., г. Сталинград.
Дементьев С.М., 1937 г.р., г. Сталинград.
Демичева В.А., 1927 г.р., г. Сталинград.
Дерюжкина З.Г., 1936 г.р., г. Сталинград.
Дмитров Л.Г., 1930 г.р., г. Сталинград.
Долгова Е.П., 1935 г.р., г. Сталинград.
Дорофеев А.А., 1930 г.р., г. Сталинград.
Елашин А.А., 1935 г.р., г. Сталинград.
Елашина В.С., 1940 г.р., г. Сталинград.
Елесин В.Н., 1934 г.р., г. Сталинград.
Емельянов М.И., 1929 г.р., г. Ростов-на-Дону.
Еременкова Н.И., 1937 г.р., г. Сталинград.
Еремин А.Н., 1927 г.р., г. Сталинград.
Еремина М.А., 1929 г.р., г. Сталинград.
Ермолаев Г.М., 1936 г.р., Сталинград.
Ерошенков П.Ф., 1940 г.р., г. Сталинград.
Ершова (Лукина) В.Н., 1939 г.р., г. Сталинград.
Жданова К.Ф., 1937 г.р., г. Сталинград.
Живаева З.А., 1935 г.р., г. Сталинград.
Забелина Т.В., 1941 г.р., г. Сталинград.
Заикина З.А., 1938 г.р., г. Сталинград.
Зайцева Н.Н., 1936 г.р., г. Сталинград.
Занина Л.Я., 1931 г.р., п. Котлубань Городищенского р-на Сталинградской области.
Зауэр (Гаак) Л.Э., 1926 г.р., г. Ленинград.
Захаровская Л.И., 1930 г.р., г. Сталинград.
Земцова Ф.Н., 1933 г.р., Сталинград.
Зубкова Ж.М., 1937 г.р., г. Ленинград.
Ибрагимова Р.Х., 1938 г.р., г. Сталинград.
Иванов Н.М., 1940 г.р., г. Сталинград.
Иванова В.П., 1927 г.р., п. Дубовка, Сталинградской обл.
Ивахненко А.И., 1932 г.р., г. Сталинград.
Игнатов Н.Т., 1938 г.р., Смоленская обл.
Ильина И.С., 1946 г.р., г. Сталинград.
Иноземцева И.Г., 1939 г.р., г. Сталинград.
Казаков О.Н., 1937 г.р., г. Сталинград.
Казменкина И.К., 1928 г.р., г. Сталинград.
Калабухова И.Н., 1933 г.р., г. Москва.
Калачев И.Ф., 1930 г.р., п. Светлый Яр, Сталинградской обл.
Калимулова Р.Я., 1938 г.р., г. Сталинград.
Калиниченко М.П., 1928 г.р., г. Казань.
Калтыпина В.И., 1934 г.р., г. Сталинград.
Каплунова Р.И., 1938 г.р., г. Сталинград.

Карасева М.И., 1928 г.р., п. Урюпинск Хопёрского округа Нижне-Волжского края.

Карлова Л.Н., 1937 г.р., г. Ленинград.

Клейтман Р.А., 1930 г.р., г. Фалешты, Румыния.

Клочкова Л.С., 1937 г.р., г. Сталинград.

Клюкина Н.Д., 1938 г.р., с. Мужиново Брянской обл.

Козленко А.А., 1934 г.р., г. Сталинград.

Козловская Н.Х., 1937 г.р., г. Сталинград.

Колесова М.К., 1931 г.р., г. Сталинград.

Комягина Т.Г., 1940 г.р., г. Сталинград.

Коняхин К.В., 1934 г.р., г. Сталинград.

Костин Н. П., 1937 г.р., с. Садовое, Калмыцкая АССР.

Костина Т.Л., 1938 г.р., г. Сталинград.

Кострыкина В.Ф., 1934 г.р., г. Бобруйск, БССР.

Крайников С.Т., 1936 г.р., г. Сталинград.

Круглякова Н.А., 1936 г.р., п. Котлубань Городищенского р-на Сталинградской обл.

Крюкова А.Л., 1928 г.р., х. Сетраки Алексеевско-Лозовского р-на Северо-Кавказского края.

Кузнецов Б.Б., 1937 г.р., г. Сталинград.

Кузнецова (Баркова) Р.Я., 1932 г.р., с. Райгород Светлоярского р-на Волгоградской обл.

Кулагина В.И., 1932 г.р., г. Сталинград.

Кунцова Т.П., 1939 г.р., г. Сталинград.

Кутыркина М.И., 1933 г.р., Черноярский р-н Нижне-Волжского края.

Кучинская Ю.Ф., 1926 г.р., г. Сталинград.

Лапшева О.Г., 1943 г.р., г. Сталинград.

Ларин Ш.И., 1934 г.р., г. Сталинград.

Ларина Р.Г., 1934 г.р. г. Сталинград.

Латту Х.Н., 1937 г.р., г. Гатчина, Ленинградской обл.

Ледаева А.Ф., 1928 г.р., г. Сталинград.

Лихолетова Л.В., 1935 г.р., г. Сталинград.

Лобачева Р.Н., 1935 г.р., г. Сталинград.

Лобчук Е.Д., 1931 г.р.

Лобаева С.М., 1937 г.р., г. Сталинград.

Лощакова Т.Н., 1929 г.р., п. Первое мая Калининской обл.

Лучкова З.Ф., 1934 г.р., г. Сталинград.

Макаров Ю.Г., 1937 г.р., г. Сталинград.

Малахова В.М., 1937 г.р., г. Петропавловск, Казахская ССР.

Мальшева (Чернецова) Р.А., 1937 г.р., г. Сталинград.

Мамонтов В.И., 1936 г.р., г. Сталинград.

Масанина А.А., 1932 г.р., г. Сталинград.

Мельникова Л.М., 1936 г.р., г. Сталинград.

Миронова Р.Г., 1937 г.р., г. Ленинград.

Мирошкин В.Ф., 1935 г.р., г. Новочеркасск.

Михайлина Т.И., 1932 г.р., г. Сталинград.

Михайлова Ю.В., 1930 г.р., с. Ершово Белинского р-на Пензенской обл.

Мишанова Т.И., 1937 г.р., г. Смоленск.

Моргунова А.В., 1931 г.р., г. Сталинград.
Морозова Р.А., 1935 г.р., г. Сталинград.
Нагайцева А.Ф., 1931 г.р., г. Сталинград.
Назаров В.В., 1928 г.р., г. Сталинград.
Назарова М.А., 1935 г.р., г. Сталинград.
Налыгач Н.В., 1938 г.р., г. Сталинград.
Нарышкина А.П. 1932 г.р., г. Сталинград.
Нестеренко А.И., 1943 г.р., с. Берёзовка Сталинградской обл.
Никогосян Р.А. 1936 г.р., г. Сталинград.
Овчинникова З.Н., 1931 г.р., г. Сталинград.
Олейникова Л.И., 1939 г.р., г. Сталинград.
Оруднева (Батурина) Н.В., 1937 г.р., г. Ленинград.
Осадчий Г.Ф., 1934 г.р., г. Сталинград.
Павлова Т.Д., 1926 г.р., х. Бочаровский Новоаннинского р-на Сталинградской обл.
Павлоцкий В.П., 1938 г.р., г. Сталинград.
Панченко Ю.Н., 1927 г.р. г. Сталинград.
Пеляева М.А., 1932 г.р., г. Сталинград.
Перечицкая Л.А., 1941 г.р., г. Сталинград.
Петрова А.С., 1938 г.р., с. Болухта Сталинградской обл.
Печенникова Т. И., 1931 г.р., Сталинград.
Плехов П.Ф., 1926 г.р., с. Большая Ивановка (колхоз им. Кирова) Иловлинского
р-на Сталинградской обл.
Полушкина Т.В., 1940 г.р., г. Сталинград.
Полякова Л.С., 1935 г.р., г. Сталинград.
Полякова Л.Ф., 1936 г.р., п. Гумрак, Сталинградской обл.
Помощникова И. К., 1935 г.р., г. Сталинград.
Пономарева З.Ф., 1925 г.р., г. Сталинград.
Пономаренко Л.А., 1944 г.р., г. Сталинград.
Потапова Т.И., 1943 г.р., п. Палласовка Сталинградской обл.
Потелихова Г.П., 1938 г.р., г. Сталинград.
Потоцкий В.Н., 1932 г.р., Ленинград.
Приказчикова В.Н., 1933 г.р., п. Средняя Ахтуба Волгоградской обл.
Путилин В.И., 1937 г.р., г. Сталинград.
Радченко Н.М., 1934 г.р., г. Сталинград.
Раменская Г.К., 1937 г.р., г. Сталинград.
Растова Л.В., 1932 г.р., г. Сталинград.
Рахимкулова Х.Х., 1937 г.р., г. Сталинград.
Решетняк С.П., 1939 г.р., г. Ленинград.
Родионова Е.С., 1931 г.р., Тамбовская область.
Розанова Л.В., 1937 г.р., г. Сталинград.
Ромадин Г.П., 1937 г.р., г. Сталинград.
Романцов В.Н., 1934 г. р., г. Сталинград.
Румянцева Е.Г., 1926 г.р., г. Сталинград.
Русина Ю.А., 1937 г.р., п. Иовля Сталинградской обл.
Руссиян Г.П., 1937 г.р., г. Сталинград.
Рясков Н.Н., 1942 г.р., г. Сталинград.
Савин А.С., 1937 г.р., г. Сталинград.

Сажина Г.А., 1935 г.р., с. Каменка Витебской обл., БССР.
Самохина Р.П., 1934 г.р., г. Сталинград.
Самохина С.Н., 1938 г.р., г. Сталинград.
Санкина Т.А., 1930 г.р. г. Сталинград.
Сапронова Ф.В., 1928 г.р., х. Сазонов Сталинградской области.
Сафьянова О.И., 1931 г.р., с. Россошки, Сталинградской обл.
Севостьянова Ю.Ф., 1937 г.р., г. Сталинград.
Седова Р.М., 1934 г.р., г. Сталинград.
Сенина З.А., 1927 г.р., г. Сталинград.
Сеничкина А.П., 1925 г.р., г. Сталинград.
Сидоренко Г.М., 1937 г.р., г. Сталинград.
Сидоренко Н.Х., 1938 г.р., г. Сталинград.
Сидоренко З.П., 1929 г.р., г. Сталинград.
Ситникова В.В., 1938 г.р., г. Сталинград.
Склярова А.В., 1948 г.р., х. Кузнецы Иловлинского р-на Сталинградской обл.
Скрипкин А.С., 1940 г.р., г. Сталинград.
Славина Л.М., 1935 г.р., г. Сталинград.
Смирнов С.И., 1937 г.р., г. Сталинград.
Соколов Г.Г., 1940 г.р., г. Сталинград.
Соловьев В.С., 1935 г.р., с. Новоалексеевка Сталинградской обл.
Спиридонова Л.И., 1935 г.р., г. Сталинград.
Старилова З.М., 1932 г.р., г. Сталинград.
Старовойтова В.А., 1937-38 г.р., с. Каменка, Витебской обл., БССР.
Степанова Б.В., 1929 г.р., г. Сталинград.
Степаненко (Рубанова) Л.И., 1940 г.р., г. Сталинград.
Стрельцова В.И., 1935 г.р., г. Сталинград.
Стрижакова Н.С., 1933 г.р., г. Сталинград.
Субикина Е.А., 1928 г.р., г. Ленинград.
Сурова И.М., 1936 г.р., г. Сталинград.
Суровцева М.П., 1941 г.р., г. Сталинград.
Суховерова (Крицкая) Т.В., 1936 г.р., г. Сталинград.
Сячина З.М., 1930 г.р., г. Сталинград.
Таранов А.В., 1938 г.р., г. Сталинград.
Тарасова С.В., 1936 г.р., г. Сталинград.
Тархова А.С., 1924 г.р., г. Сталинград.
Текучева Н.И., 1939 г.р., г. Сталинград.
Тесса А.Н., 1931 г.р., п. Средняя Ахтуба, Сталинградской обл.
Топольскова Е.Я., 1933 г.р., г. Сталинград.
Трегубова М.А., 1937 г.р., г. Сталинград.
Трофимова Р.А., 1936 г.р., г. Сталинград.
Трубачева Н. И., 1936 г.р., г. Сталинград.
Тупикина Л.А., 1933 г.р., г. Сталинград.
Уланова Н.А., 1934 г.р., с. Кондраши Иловлинского р-на Сталинградской обл.
Устинова Л.А., 1938 г.р., г. Сталинград.
Устич Л.Г., 1937 г.р., г. Сталинград.
Фалалеева Л.А., 1930 г.р., г. Дубовка Сталинградской обл.
Федосеев В. И., 1938 г.р., г. Сталинград.

Федченко В.Ф., 1937 г.р., п. Таловка Сталинградской обл.
Феклистова А.В., 1929 г.р., г. Сталинград.
Фокина Л.М., 1936 г.р., г. Сталинград.
Харина М.И., 1918 г.р., г. Сталинград.
Цивилева Т.В. 1937 г.р., г. Сталинград.
Чабалова А.В., 1929 г.р., с. Луговая Пролейка Сталинградской обл.
Чебаненко Т.Г., 1938 г.р., г. Сталинград.
Чекунов Г.В., 1937 г.р., п. Котлубань Городищенского р-на Сталинградской обл.
Чекунова В.И., 1940 г.р., г. Сталинград.
Челюбеева М.М., 1938 г.р., г. Сталинград.
Черноиваненко Л.И., 1926 г.р., стц. Повышная Сталинградской обл.
Чернышов Ю.Н., 1929 г.р., г. Сталинград.
Чулкова М.Е., 1927 г.р., х. Морозовка Сталинградской обл.
Шапошникова П.Ф. 1928 г.р., п. Ерзовка Сталинградской обл.
Шарашкин В.П., 1935 г.р., г. Сталинград.
Шаталова М.Г., 1938 г.р., г. Сталинград.
Шиморянова Л.А., 1937 г.р., г. Сталинград.
Шишкова Л.Ф., 1938 г.р., г. Сталинград.
Юрлышкина В.А. 1939 г.р., г. Сталинград.
Ямщикова Л.В., 1932 г.р., г. Ростов-на-Дону.
Ярмузина В.И., 1939 г.р., г. Сталинград.

Монографии, статьи, сборники статей, диссертации

Австрийсков, Е.В. Организация помощи семьям красноармейцев и инвалидам Великой Отечественной войны в Сталинградской области в 1943–1945 годах / Е.В. Австрийсков // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 9. – Исследования молодых ученых. – 2006.– Вып. 5. – С. 6–9.

Австрийсков, Е.В. Продовольственное снабжение сталинградцев в годы Великой Отечественной войны / Е.В. Австрийсков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Серия «Социально-экономические науки и искусство». – 2013. – № 3. – С. 73–75.

Агеева, В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В.А. Агеева. – Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2007. – 155 с.

Анциферов, Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга / Н.П. Анциферов. – М.: Книга, 1991. – 227 с.

Араловец, Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н.А. Араловец. – Тула, 2009.

Араухо, И. Архитектурная композиция / И. Араухо; пер. с нем. М.Г. Бакланов, А. Миле. – М.: Высшая школа, 1982. – 208 с.

Аргасцева, С.А. Коллекция рисунков Сталинградских детей / С.А. Аргасцева // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. – Волгоград: Альфа, 2015. – С. 4–6.

Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм. – М.: Прогресс; 1974. 386 с.

Артамонов, А.А. Саша Филиппов. Малоизвестные факты / А.А. Артамонов // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные по-

следствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 7–13.

Архипова, Е.В. Сталинградцы в Белой Калитве: стратегии выживания / Е.В. Архипова // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. — С. 192–199.

Аръес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Аръес. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. — 415 с.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Ахиезер, А.С. Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса / А.С. Ахиезер // Земство. Архив провинциальной истории России. — Пенза, 1994. — № 2. — С. 16–28.

Байбурин, А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — Л.: Наука, Ленинградское отд., 1989. — С. 63–101.

Банзаракцаева, Е.В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Бурят-Монгольской АССР / Е.В. Банзаракцаева: дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2005. — 169 с.

Банников, К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы российской армии / К.Л. Банников. — М.: ИЭА РАН, 2002. — 400 с.

Банников, К.Л. Принципы культурогенеза в режимных сообществах. Социально-антропологический анализ российской армии второй половины XX века / К.Л. Банников: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2009. 48 с.

Бауман, З. Рассказанные жизни и прожитые истории / З. Бауман // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 5–14.

Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища / Г. Башляр // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. — 2002. — № 3–4. — С. 109–134.

Безрогов, В.Г. Воспоминания как источник по истории детства / В.Г. Безрогов // Педагогическая антропология и история детства. — М.: Изд-во УРАО, 2001. — С. 65–78.

Безрогов, В.Г. Память о военном детстве (свидетельства детей 40-х гг.) / В.Г. Безрогов // Вестник Университета РАО. — 2005. — № 2 (28). — С. 66–79.

Беленький, Г.Л. Планета юных. К 70-летию Дворца творчества детей и молодежи города Ростова-на-Дону / Г.Л. Беленький, А.А. Гурцкая. — Ростов н/Д.: [б.и.], 2006. — 256 с.

Белик, А.А. Детство как проблема антропологии / А.А. Белик, Ю.М. Резник // Социокультурная антропология. — М.: Союз, 1998. — С. 296–316.

Белов, Д.А. Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы / Д.А. Белов // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы международной научно-практической конференции, 2013 г. — Волгоград: Принт, 2013. — С. 438–440.

Бергер, П.Л. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П.Л. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

Бернштам, Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX в. / Т.А. Бернштам. — Л.: Наука, Ленинградское отд., 1988. — 277 с.

Богатова, Т.А. Музей: путь длиной в 60 лет / Т.А. Богатова // Музей: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию музея-панорамы «Сталинградская битва». — Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. — С. 5–15.

Бодалев, А.А. Формирование понятия о другом человеке как личности / А.А. Бодалев. — Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1970.

Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. — М.: Добросвет, КДУ, 2015. — 392 с.

Бодрийяр, Ж. Система вещей [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. — М.: Рудомино, 2001. — Режим доступа: [srph.ru/library/Бодрийяр_Ж/Система вещей/bodriyar-thing-main.htm](http://srph.ru/library/Бодрийяр_Ж/Система_вещей/bodriyar-thing-main.htm) (дата обращения: 11.03.2015).

Болебер, В. Воспоминания и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача [Электронный ресурс] / В. Болебер // Журнал практической психологии и психоанализа. — 2010. — № 4. — Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2602> (дата обращения: 12.05.2015).

Бондаренко, Л.А. Практики выживания: как лечилось гражданское население в период Сталинградской битвы (по воспоминаниям очевидцев) / Л.А. Бондаренко // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — С. 228–236.

Боташева, З.Б. О влиянии депортации на развитие карачаевской культуры и искусства / З.Б. Боташева // Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции, 1–2 ноября 1993 г. — Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет, 1994. — С. 170–171.

Бочаров, В.В. Антропология возраста / В.В. Бочаров. — Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. — 193 с.

Бубличенко, В.Н. Детские закрытые учреждения НКВД — МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.) / В.Н. Бубличенко: дис. ... канд. ист. наук. — Сыктывкар, 2007. — 217 с.

Бугров, Ю.А. Юные герои Великой Отечественной / Ю.А. Бугров // Сеймские берега. — Курск, 2004. — Вып. 10. — С. 9–15.

Булыгина, Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны / Т.А. Булыгина // Ставрополь: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. — Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2005. — С. 530–540.

Бурдые, П. Начала / П. Бурдые. — М.: Socio-Logos, 1994. — 288 с.

Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть [Электронный ресурс] / П. Бурдые. — Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/article/227> (дата обращения: 17.06.2015).

Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые; пер с фр. сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Буряк, И.И. В концлагерях, во время блокады и оккупации: военное детство сегодняшних кубанцев в их воспоминаниях / И.И. Буряк, И.В. Реброва // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сб. науч. статей. — Краснодар: Изд-во ГОУВПО КубГТУ, 2011. — С. 36–57.

Веблен, Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Т. Веблен. — М.: Прогресс, 1984. — 183 с.

Величко, В.А. Шестьдесят вторая армия / В.А. Величко. — Чкалов: Чкаловское изд-во, 1943. — 11 с.

Вербицкая, О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект) / О.М. Вербицкая. — М-Тула, 2009. — 303 с.

Верзилин, Н.М. Воспитание в детских домах во время войны / Н.М. Верзилин // Советская педагогика. — 1943. — № 11–12. — С. 50–54.

Виноградов, Г.С. «Страна детей»: избранные труды по этнографии детства / Г.С. Виноградов; сост., библиографии А.В. Грунтовский; подгот. текста и коммент. А.Ф. Некрыловой; арх. материал В.В. Головина. — СПб., 1999. — 550 с.

Водолагин, М.А. На защите Сталинграда / М.А. Водолагин. — Сталинград: Областное кн. изд-во, 1948. — 80 с.

Водолагин, М.А. Очерки истории Волгограда, 1589–1967 / М.А. Водолагин. — М.: Наука, 1968. — 448 с.

Водолагин, М.А. Сталинград в Великой Отечественной войне (1941–1943) / М.А. Водолагин. — Сталинград: Областное кн. изд-во, 1949. — 448 с.

Водолагин, М.А. Разгром немцев под Сталинградом / М.А. Водолагин. — Сталинград: Областное кн. изд-во, 1946. — 44 с.

Водолагин, М.А. Народное Сталинградское ополчение / под общ. ред. М.А. Водолагина // Героический Сталинград. — Сталинград: Областное кн. изд-во, 1945. — Т. 2. — С. 86–101.

Война и дети: им память высшая награда. Материалы Международной научно-практической конференции 16 апреля 2005 г. в Курске. — Курск: Пресс-Факт, 2005. — 110 с.

Волщукова, С.Б. Юные защитники Родины (по материалам музея) / С.Б. Волщукова // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области). — Курск: Курский государственный медицинский университет, 1995. — С. 76–85.

Выготский, Л.С. Вопросы детской психологии / Л.С. Выготский. — СПб.: СОЮЗ, 1999. — 224 с.

Выготский, Л.С. Лекции по психологии / Л.С. Выготский. — СПб.: Союз, 1997.

Газиева, Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–43 годах / Л.Л. Газиева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2011. — 313 с.

Галлямова, А.Г. Война как фактор роста детской преступности / А.Г. Галлямова, А.Ш. Кабирова // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 34–40.

Генкина, Э. Царицын — Сталинград: о героической обороне Царицына в 1918 г. и боях за Сталинград в Великой Отечественной войне / Э. Генкина // Большевик. — 1942. — № 17–18. — С. 43–50.

Генкина, Э. Героический Сталинград / Э. Генкина. — М.: Госполитиздат, 1943. — 77 с.

Голофаст, В.Б. Люди и вещи / В.Б. Голофаст // Социологический журнал. — 2000. — № 1/2 — С. 58–65.

Гольдин, А.М. Комсомол — детям в дни Великой Отечественной войны / А.М. Гольдин // Народное образование. — 1968. — № 10.

Горбулина, И.В. Социальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сибири) / И.В. Горбулина: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2001. — 226 с.

Грачева, О.Н. Руководство партийных организаций Урала народным образованием в период Великой Отечественной войны (1941–45 гг.) / О.Н. Грачева: дис. ... канд. пед. наук. — Свердловск, 1968. — 227 с.

Грива, Т.А. Огонь негаснущий души (памяти К.А. Рябовой — основателя курского музея «Юные защитники Родины») / Т.А. Грива // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века: итоги, проблемы и перспективы: сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Курской

битвы (Курск, 23–24 апреля 2008 г.). В 2 т. / под ред. Л.С. Холтобиной. — Т. 1. — Курск: Пресс-Факт, 2008. — С. 176–179.

Гринберг, М.М. Охрана здоровья школьников в условиях военного времени / М.М. Гринберг // Начальная школа. — 1941. — № 9. — С. 11–14.

Гроссман, В.С. Сталинградская битва / В.С. Гроссман. — М.: Госполитиздат, 1943. — 35 с.

Гудков, Л. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Л. Гудков // Образ врага / ред. Н. Конрадова. — М.: ОГИ, 2005. — С. 7–79.

Гурова, О. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе / О. Гурова // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. статей. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2005. — С. 6–22.

Гурова, О.Ю. Социология моды: обзор классических концепций / О.Ю. Гурова // Социологические исследования. — 2011. — № 8. — С. 72–82.

Гусак, В.А. Деятельность милиции Челябинской области по борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны / В.А. Гусак // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Право. — 2006. — Вып. 7. — С. 248–258.

Деларю, Е.М. Забота о детях Сталинграда / Е.М. Деларю // Историко-краеведческие записки. — Вып. 11. — Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1974. — С. 33–35.

Дети и война: сб. статей. — М.: МККК, 1995. — 96 с.

Детская одежда сталинского периода. 1930-е годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://stalin-style.livejournal.com/3425.html> (дата обращения: 12.06.2015).

Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. — СПб: РАН, Музей антропологии и этнографии, 1998. — 229 с.

Детство, опаленное войной. — В 3 кн. / под ред. А.Ю. Друговской. — Кн. 1. — Курск: МУП «Городская типография», 2005. — 522 с.

До и после тюрьмы. Женские истории / под ред. Е. Омельченко. — СПб.: Алетейя, 2012. — 272 с.

Дорошева, О.А. Тимуровское движение на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны / О.А. Дорошева // Сб. мат-в региональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов Оренбуржья. — Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2002. — С. 103–105.

Дорошева, О.А. Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / О.А. Дорошева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Оренбург, 2003. — 26 с.

Дробязко, С. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. Вторая мировая война 1939–1945 / С. Дробязко. — М.: АСТ, 1999. — 48 с.

Дружинина, А.В. О школьных музеях «Молодой гвардии» [Электронный ресурс] / А.В. Дружинина. — Режим доступа: <http://www.fire-of-war.ru/mg/o-musee.htm> (дата обращения: 05.09.2015).

Дрыночкин, В.В. Восстановление системы народного образования в прифронтовых и освобожденных районах страны в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В.В. Дрыночкин. — М.: ИНИОН АН СССР, 1991. — 207 с.

Дунбинская, Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой отечественной войны: анализ исторического опыта / Т.И. Дунбинская: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2004. — 249 с.

Емелин, С.М. Борьба с несовершеннолетней преступностью в годы Великой Отечественной войны / С.М. Емелин // Вопросы ювенальной юстиции. — М.: Юрист, 2010. — № 1 (27). — С. 3–6.

Ереми, В.Г. Молодежь в годы Великой Отечественной войны / В.Г. Еремин, П.Ф. Исаков. — М.: Мысль, 1984. — 221 с.

Еремин, В.Г. Боевая молодость. О героических делах юношей и девушек советского тыла в годы Великой Отечественной войны / В.Г. Еремин. — М.: ДОСААФ, 1975. — 143 с.

Ермаков, Е.Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): историко-правовой аспект / Е.Г. Ермаков: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. — 157 с.

Ефимова, Е. Современная тюрьма: быт, традиции, фольклор / Е. Ефимова. — М.: ОГИ, 2004. — 398 с.

Жазекель, Ж.-Э. Дети-солдаты в Африке: единичное явление? Необходимость исторического взгляда [Электронный ресурс] / Ж.-Э. Жазекель. — Режим доступа: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0605-jezequel-RU-2.pdf>. (дата обращения: 13.03.2015)

Жиляева, С.К. Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1951 гг.): историко-правовое исследование / С.К. Жиляева: дис. ... канд. юрид. наук. — Орел, 2004. — 198 с.

Журавлев, С.В. «Счастливое детство» / С.В. Журавлев, А.К. Соколов // Социальная история. — Ежегодник, 1997. — М.: РОССПЭН, 1998. — С. 159–202.

Заборова, Е.Н. Социологический анализ городского социального пространства / Е.Н. Заборова: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 1997. — 38 с.

Заднепровская, Л.Д. Забота партии и правительства о детях в годы Великой Отечественной войны / Л.Д. Заднепровская // Вместе с армией и народом. К 25 годовщине победы в Великой Отечественной войне. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1970. — С. 64–80.

Замятин, Н. Сражение под Сталинградом / Н. Замятин. — М.: Воениздат, 1943. — 44 с.

Зезина, М.Р. Без семьи: сироты послевоенной поры / М.Р. Зезина // Родина. — 2001. — № 9. — С. 82–87.

Зенитчики в боях за Сталинград: сб. / сост.: В. Озеров, Н. Петров. — М.: Московский большевик, 1942. — 55 с.

Зенкова, Л.В. Деятельность Коммунистической партии по охране и воспитанию детей в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийных организаций Нижнего Поволжья) Л.В. Зенкова: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1985. — 235 с.

Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. — В 2 т. — Т. 1: Философия культуры. — М.: Юрист, 1996. — 670 с.

Зинич, М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945 / М.С. Зинич. — В 2 вып. — Вып. 2. — М., Международное агентство «Русская пресс-служба», 1994. — 272 с.

Иванов, Н.Г. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Н.Г. Иванов, А.С. Георгиевский, О.С. Лобастов. — Л.: Медицина, 1985. — 303 с.

Иванова, А.В. Особенности и значение детской субкультуры / А.В. Иванова // Педагогика. — 2005. — № 7. — С. 31–36.

Иванова, Е. Со дня рождения Евгении Жоровой исполнилось 80 лет [Электронный ресурс] / Е. Иванова. — Режим доступа: <http://dom.v1.ru/text/culture/481726-print.html> (дата обращения: 29.09.2015).

Ильина, З.Д. Государственная политика России и культурно-историческое наследие региона: к вопросу изучения жизненного подвига поколения победителей / З.Д. Ильина // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века: итоги, проблемы и перспективы: сб. науч. трудов Международной научно-практической конфе-

рениции, посвященной 65-летию Курской битвы (Курск, 23–24 апреля 2008 г.). — В 2 т. / под ред. Л.С. Холтобиной. — Т. 1. — Курск: Пресс-Факт, 2008. — С. 23–29.

Исаев, А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет [Электронный ресурс] / А.В. Исаев. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/isaev_av8/index.html. (дата обращения: 11.08.2015).

Исаев, А.В. Сталинград. Трудное начало / А.В. Исаев // Родина. — 2013. — № 1. — С. 5–10.

Исаев, В.И. Молодежь Сибири в условиях формирования сталинской модели социализма (1920–1930-е гг.): учебно-методическое пособие / В.И. Исаев. — Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосибирского государственного университета, 2000. — 47 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. — В 6 т. М.: Воениздат, 1961.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. — В 12 т. — М.: Воениздат, 1973.

История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. V. — Кн. 1. — М.: Политиздат, 1970. — 723 с.

История СССР с древнейших времен до наших дней. — В 12 т. — М.: Наука. 1973. — Т. 10. — 782 с.

Истюфеева, С.В. Коллекция документов «Народный архив» как мемуарный источник по истории Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны / С.В. Истюфеева // Сталинградская битва в судьбах народов. — С. 449–450.

Калверт, К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900 / К. Калверт. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 267 с.

Калинин, И. Там, где кончается документ... / И. Калинин // Сталинградская битва: Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). — М.: Новое литературное обозрение. — С. 627–645.

Карамышева, Н.Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Восточной Сибири) / Н.Н. Карамышева: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1993. — 229 с.

Кароли, Д. Дети-инвалиды в дореволюционной и советской России / Д. Кароли // Малолетние подданные большой империи. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. — С. 138–196.

Касавин, И.Т. Анализ повседневности / И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. — М.: Издательство «Канон +», 2004. — 432 с.

Келли, К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда / К. Келли // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 60. — С. 218–251.

Кноп, Г. Дети Гитлера / Г. Кноп. — М.: Олма-Пресс, 2004. — 288 с.

Ковалев, Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б.Н. Ковалев. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 619 с.

Коган, Л.Б. Некоторые социологические аспекты моделирования городов / Л.Б. Коган, В.И. Локтев // Вопросы философии. — 1964. — № 9. — С. 135–138.

Козлова, Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н. Козлова. — М.: Прогресс, 1986. — 215 с.

Кон, И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И.С. Кон. — М.: Наука, 1988. — 270 с.

Кондакова, Н.И. Восстановление системы народного образования в освобожденных районах РСФСР / Н.И. Кондакова // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. — М., 1976. — С. 213–222.

Конрадова, Н. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной / Н. Конрадова, А. Рылева // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. Новое литературное обозрение, 2005. — С. 241–261.

Косенкова, Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства / Ю.Л. Косенкова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 378 с.

Косова, Е. Дети Сталинграда ходили в разведку, ели глину и тушили «зажигалки» [Электронный ресурс] / Е. Косова. — Режим доступа: <http://ria.ru/ocherki/20111107/482966155.html> (дата обращения: 09.06.2014).

Котляр, Э.С. Войной опаленная смена. Очерки о работе молодежи в годы Великой Отечественной войны / Э.С. Котляр. — М.: Высшая школа, 1985. — 207 с.

Котов, А.И. Социальная защита детей-сирот в Белоруссии в послевоенные годы / А.И. Котов // Педагогика. — 2002. — № 5. — С. 82–85.

Красноженова, Е.Е. Государственная политика по охране детства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Сталинградской области / Е.Е. Красноженова // Дети и война: социально-демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 73–78.

Красноженова, Е.Е. Повседневно-бытовая культура советского города в период Великой Отечественной войны (на примере городов Сталинградской области) / Е.Е. Красноженова // Сталинградская битва: историческая память и художественное наследие. К 70-летию победы в Сталинградской битве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 13–14 ноября 2013 г.: сб. науч. статей. — М.: Планета, 2013. — С. 442–446.

Кринко, Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941–1945): источники изучения / Е.Ф. Кринко // Сумский историко-архивный журнал. — № XXII. — 2014. — С. 34–41.

Кринко, Е.Ф. Дети и война (1941–1945 гг.): отечественная историография / Е.Ф. Кринко // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сб. статей. — Ростов н/Д.: Изд-во Foundation, 2014. — С. 77–88.

Кринко, Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) / Е.Ф. Кринко. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. — 242 с.

Кринко, Е.Ф. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы / Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, И.В. Юрчук // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. — М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. — С. 35–59.

Кринко, Е.Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия / Е.Ф. Кринко // Военно-историческая антропология. — Ежегодник, 2003/2004. — Новые научные направления. — М.: РОССПЭН, 2005. — С. 329–345.

Кринко, Е.Ф. Память versus забвение: Великая Отечественная война в детских воспоминаниях / Е.Ф. Кринко, А.Ю. Рожков // Bulletin. Deutsches Historisches Institut Moskau. — № 3. Kinder des Krieges. Materialien zum Workshop in Voronez. 11–13. Marz 2008. — М.: ГИИМ, 2009. — № 3. — С. 37–47.

Кринко, Е.Ф. Письма военного времени в Архивном фонде Российской Федерации / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова // Отечественные архивы. — 2011. — № 2. — С. 87–96.

Кринко, Е.Ф. Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1942–1943 гг.) / Е.Ф. Кринко // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. — Майкоп: АРИГИ, 1999. — Вып. 1. — С. 43–55.

Кринко, Е.Ф. Повседневность как научная категория и ее возможности в осмыслении советской истории / Е.Ф. Кринко // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. V. Социальные и гуманитарные науки / Отв. ред. Е.Ф. Кринко. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. — С. 193–210.

Кринко, Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1040-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — 360 с.

Кринко, Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. как предмет изучения в современной историографии / Е.Ф. Кринко // Российские и славянские исследования: науч. сб. — Вып. 7. — Минск: Белорусский государственный университет, 2012. — С. 286–274.

Кринко, Е.Ф. Проблемы изучения детской памяти о Великой Отечественной войне / Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 78–85.

Кринко, Е.Ф. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» / Е.Ф. Кринко // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. науч. статей / под ред. И.В. Ребровой, Н.А. Чугунцовой. — Краснодар: Изд-во «Эдарт-принт», 2009. — С. 42–60.

Кринко, Е.Ф. Российско-германский круглый стол «Дети войны» / Е.Ф. Кринко // Вестник Южного научного центра. — 2008. — Т. 4. — № 2. — С. 113.

Кринко, Е.Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) / Е.Ф. Кринко // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2015. — № 2. — С. 40–50.

Кринко, Е.Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. — 362 с.

Кузнецова, Н.В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 годах / Н.В. Кузнецова // Вестник ВолГУ. — Серия 4. — История. Регионоведение. Международные отношения. — 2003. — № 8. — С. 12–19.

Кузнецова, Н.В. Обеспечение населения Сталинграда продовольствием в 1943–1945 гг. / Н.В. Кузнецова // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945. Материалы научной конференции. — Волгоград, апрель 1995 г. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. — С. 100–106.

Кузнецова, Н.В. Уровень заболеваемости и смертности населения Нижнего Поволжья в условиях голода 1946–1947 гг. / Н.В. Кузнецова // Вестник Волгоградского государственного университета. — Сер. 4. — История. Регионоведение. Международные отношения. — 2010. — № 1 (17). — С. 43–52.

Кузьмин, О.В. К вопросу о преступности учащихся средних специальных учебных заведений РСФСР в 1941–1945 гг. / О.В. Кузьмин, Е.Л. Поцелуев // Социально-политические проблемы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Кострома, 1992. — С. 133–134.

Курилла, И.И. Историческая память и публичная коммеморация / И.И. Курилла // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. — С. 4–12.

Курилла, И.И. Образы врага в памяти детей войны / И.И. Курилла // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 85–92.

Курилла, И.И. Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества / И.И. Курилла // Историческая разметка пространства и времени. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фона Ф. Эберта 13 мая 2014 г. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 5–11.

Куртуа, С. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верг, Ж.-Л. Панне, А. Панчковский, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен; пер с франц. — М.: Три века истории, 2001. — 780 с.

Куфаев, В.И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны / В.И. Куфаев // Советская педагогика. — 1942. — № 8–9.

Лангевитше, Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время / Д. Лангевитше // Ab Imperio. — 2001. — № 4. — С. 7–29.

Ларионов, А.Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941–1945 гг. / А.Э. Ларионов. — М.: Золотое сечение, 2015. — 304 с.

Ласочко, Л.С. Трофейные роты и команды минеров по разминированию территории Курской области в 1943–1945 гг. / Л.С. Ласочко // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века: итоги, проблемы и перспективы: сб. научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Курской битвы (Курск, 23–24 апреля 2008 г.). В 2 т. / под ред. Л.С. Холтобиной. — Т. 1. — Курск: Пресс-Факт, 2008. — С. 116–120.

Лебединский, В.В. Пионерские организации в годы Великой Отечественной войны / В.В. Лебединский // Советская педагогика. — 1975. — № 2. — С. 61–65.

Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 488 с.

Леонтьева, С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика / С.Г. Леонтьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2006. — 24 с.

Линец, С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.) / С.И. Линец. — Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. — 563 с.

Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.

Лисина, М.И. Общение, личность и психика ребенка / М.И. Лисина. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 384 с.

Ловягина, В.Е. Рисунки детей блокадного Ленинграда. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга / В.Е. Ловягина // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества». Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград, 2015. — С. 93–102.

Ложкина, И.А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой отечественной войны / И.А. Ложкина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2010. — 25 с.

Лурье, В.Ф. Детский фольклор. Младшие подростки [Электронный ресурс] / В.Ф. Лурье. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folktee/> CYBERSTOL/I_AM/antologia.html (дата обращения: 04.03.2015).

Магаева, С.В. Ленинградская блокада: психосоматические аспекты / С.В. Магаева. — М.: АБС, 2001. — 183 с.

Маляров, В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей обороны и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. / В.Н. Маляров. — СПб.: ВИТУ, 2000. — 348 с.

Маслова, Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX века. М.: Наука, 1984. — 216 с.

Матишов, Г.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 — осень 1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Куринко, Т.Г. Курбат. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — 284 с.

Матишов, Г.Г. Начало коренного перелома: боевые действия на южном крыле советско-германского фронта / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко // Вестник Российской академии наук. — 2013. — Т. 83. — № 5. — С. 387–397.

Матишов, Г.Г. Судьба войны решалась на Юге / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко // Наука в России. — 2014. — № 2 (март — апрель). — С. 40–48.

Матишов, Г.Г. Юг России в 1942–1943 гг.: актуальные проблемы военно-исторических исследований / Матишов, Е.Ф. Кринко // Вестник Южного научного центра РАН. — 2013. — Т. 9. — Юбилейный вып. — С. 115–125.

Маубах, Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1935–1945) / Ф. Маубах // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. статей. — Краснодар: Экоинвест, 2010. — С. 147–177.

Медаль за бой, медаль за труд / сост. В. Караваев. — М.: Молодая гвардия, 1975. — 240 с.

Меерович, М.Г. Биография профессии. Очерки истории жилищной политики в СССР 1917–1941 гг. / М.Г. Меерович. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. — 217 с.

Меерович, М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы) / М.Г. Меерович. — М.: РОССПЭН, 2008. — 303 с.

Меркурьева, В.С. Основные направления социально-правовой защиты детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) / В.С. Меркурьева // Дети и война: социально-демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 103–110.

Меркурьева, В.С. Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области в сер. 1940-х — сер. 1950-х гг. / В.С. Меркурьева // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2008. — № 5. — С. 137–140.

Меркурьева, В.С. Социальная защита детства в Сталинградской области (середина 1940-х — середина 1950-х годов) / В.С. Меркурьева // История России: на перекрестке мнений. Материалы III межрегиональных исторических чтений, посвященных памяти профессора Б.С. Абалихина. — Волгоград, 2007. — С. 217–221.

Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. — СПб.: Ювента, Наука, 1999. — 605 с.

Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. — 429 с.

Мовзалевский, В.Я. Маленькие солдаты Отечественной. 1941–1945 гг. / В.Я. Мовзалевский. — Ставрополь, 1995. — 192 с.

Мода во время Второй мировой войны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.costumehistory.ru/view_post.php?id=255 (дата обращения: 12.02.2015).

Моисеев, Е.В. Судьба участников антифашистского сопротивления и несовершеннолетнего узника фашизма / Е.В. Моисеев // Значение сражений 1941–1945 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. — С. 448–455.

Молодые герои Великой Отечественной войны / сост. В. Быков. — М.: Молодая гвардия, 1970. — 512 с.

Молькова, Е.А. Правовые аспекты реализации и защиты прав юных участников разминирования территории Курской области / Е.А. Молькова // Война и дети: им память — высшая награда. Материалы международной научно-практической конференции, г. Курск. 16 апреля 2005 г. — Курск: Пресс-Факт, 2005. — С. 13–15.

Моор, В.К. Архитектурное пространство как центральная категория профессионального мышления / В.К. Моор: автореф. дис. ... канд. арх. — М., 1983. — 23 с.

Мордвинов, С.В. Женщины и возрождение православия в Саратовской области в 1943–1945 гг. / С.В. Мордвинов // Вестник ВолГУ. — Серия 4. — История. Регионоведение. Международные отношения. — 2012. — № 2. — С. 32–37.

Мордвинов, С.В. Русская православная церковь на Нижней Волге и Дону в 1941–1953 гг.: возрождение социокультурных традиций / С.В. Мордвинов: дис. ... канд. ист. наук. — Волгоград, 2014. — 308 с.

Морозов, И.А. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.) / И.А. Морозов, И.С. Слепцова. — М.: Индрик, 2004. — 920 с.

Назарова, М.П. Игры военного детства: новые формы и функции / М.П. Назарова, М.А. Рыблова // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 100–134.

Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. — Т. 2. — 1940–1959. — М., 2001. — 292 с.

Нелаева, С.Ф. Партийное руководство всеобщим обязательным обучением детей в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / С.Ф. Нелаева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1987. — 21 с.

Никитенко, Н.В. Две фотографии, или правда и вымысел о Лене Голиковой / Н.В. Никитенко // Псков. — Научно-практический историко-краеведческий журнал. — 2013. — № 38. — С. 89–100.

Николаев, В.И. Пионерская организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В.И. Николаев. — М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1973. — 51 с.

Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 391–402.

Носова, О.А. Школы военного Сталинграда / О.А. Носова // Стрелец. Научный ежегодник / под ред. М.М. Загорулько. — Вып. 4. — Волгоград: Издатель, 2004. — С. 249–252.

Нуркова, В.В. Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве / В.В. Нуркова // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. статей. — Краснодар: Экоинвест, 2010. — С. 177–210.

Обухова, Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы / Л.Ф. Обухова. — Изд. 3-е. — М.: Тривола, 1998. — 352 с.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды; пер. с исп. — М.: Весь мир, 2000. — С. 43–163.

Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. — СПб.: Питер, 1999. — 288 с.

Павлов, В.В. Сталинград: мифы и реальность / В.В. Павлов. — СПб.: Нева, 2003. — 314 с.

Павлова, Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т.А. Павлова: монография. — Волгоград: Перемена, 2005. — 594 с.

Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования / под ред. М.В. Лоскутовой. — М.: Новое издательство, 2006. — 392 с.

Пионеры — герои. 3-е изд. — Минск: Беларусь, 1972. — 264 с.

Потапова, М. Раздельное обучение мальчиков и девочек в советской школе (1943–1954) / М. Потапова // Гендерное устройство: социальные институты и практики: сб. статей. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2005. — С. 100–130.

Потемкина, М. «Умереть так, чтобы Родина гордилась!» Военное детство в контексте эвакуации / М. Потемкина // Bulletin. Deutsches Historisches Institut Moskau. — № 3. — Kinder des Krieges. Materialien zum Workshop in Voronez. 11–13. März 2008. — М.: ГИИМ, 2009. — № 3. — С. 90–108.

Потемкина, М.Н. Беженцы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания / М.Н. Потемкина // Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. — С. 164–171.

Потемкина, М.Н. Отражение войны в памяти эвакуированных детей / М.Н. Потемкина // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. статей. — Краснодар: Экоинвест, 2010. — С. 229–248.

Прописаны в Волгограде навечно: сборник очерков. — Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1975. — 174 с.

«Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сб. статей. — Челябинск: Каменный пояс, 2014. — 295 с.

Рабжаева, М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России / М.В. Рабжаева // Социологические исследования. — 2004. — № 6. — С. 89–97.

Рабжаева, М.В. Семья в русском обществе: исторический и социокультурный анализ [Электронный ресурс] / М.В. Рабжаева. — Режим доступа: <http://www.gender-cent.ru/azan.ru/rabzhaeva1.htm> (дата обращения: 13.06.2015).

Ребенок в истории и культуре: сб. статей // Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». — Вып. 4. — М., 2010. — 515 с.

Реброва, И.В. Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа / И.В. Реброва // Вестник Пермского университета. — История. 2014. Выпуск 2 (25). — С. 80–89.

Редькина, О.Ю. Проблема религиозности военнослужащих — участников Сталинградской битвы: реальность и мифы / О.Ю. Редькина, С.В. Мордвинов // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. — С. 147–154.

Рис, Н. Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис; пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 368 с.

Рожков, А.Ю. «Вместо сияющего будущего — участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников (1945 год) / А.Ю. Рожков // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. статей. — Краснодар: Экоинвест, 2010. — С. 264–316.

Рожков, А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А.Ю. Рожков. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 640 с.

Рожков, А.Ю. Оккупированное детство в сочинениях школьников: источниковедческий аспект / А.Ю. Рожков // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 189–200.

Розин, В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир / В.М. Розин. — М.: КомКнига, 2006. — 224 с.

Рольф, М. Советские массовые праздники / М. Рольф. — М.: РОССПЭН, 2009. — 440 с.

Романович, С.В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. / С.В. Романович: дис. ... канд. ист. наук. — Оренбург, 2006. — 238 с.

Ромашова, М.В. Проблема советского детства в современной отечественной историографии / М.В. Ромашова // Историческое знание: теоретические основания и

коммуникативные практики. Материалы Всероссийской научной конференции (Казань, 2006). — М.: ИВИ РАН, 2006. — С. 247–250.

Ромашова, М.В. Советское детство в 1945 — середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области) / М.В. Ромашова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Пермь, 2006. — 29 с.

Рубинштейн, С.Л. Проблемы детской психологии / С.Л. Рубинштейн. — М.: Педагогика, 1973. — 136 с.

Русский шансон: тексты, ноты, история / сост. и комм. Фима Жиганец; напис. нот. текста О.А. Губенко. — Ростов н/Д.: Феникс, 2005. — 316 с.

Рыблова, М.А. «Играют мальчики в войну»: война как способ освоения детьми пространства Великой Отечественной войны / М.А. Рыблова М.П. Назарова // Вестник ВолГУ. — Серия 4. — История. Регионоведение. Международные отношения. — 2014. — № 3. — Волгоград: Изд-во ВолГУ. — С. 81–91.

Рыблова, М.А. «Территория детства» в пространстве войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова // Вестник ВолГУ. — Серия 4. — История. Регионоведение. Международные отношения. — 2014. — № 3. — С. 81–91.

Рыблова, М.А. Великая Отечественная война в народной памяти донских казаков / М.А. Рыблова // Россияне и немцы в эпоху катастроф. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 135–144.

Рыблова, М.А. Стратегии и практики выживания детей в условиях Сталинградской битвы / М.А. Рыблова // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сентября 2014 г. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 465–474.

Салова, Ю.Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы / Ю.Г. Салова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2001. — 195 с.

Сальникова, А.А. «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода / А.А. Сальникова // Ab Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. — 2002. — № 3. — С. 321–352.

Сальникова, А.А. «Детский текст» и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в 20 столетии / А.А. Сальникова: сб. статей / под ред. И.В. Нарского. — Челябинск: Каменный пояс, 2004. — С. 413–430.

Сальникова, А.А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии / А.А. Сальникова // Clio Moderna. Зарубежная история и историография. — Казань: Казанский государственный университет им В.И. Ульянова-Ленина, 2002. — Вып. 3. — С. 107–119.

Сальникова, А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования / А.А. Сальникова. — Казань: Казанский государственный университет им В.И. Ульянова-Ленина, 2007. — 256 с.

Самойлов, Л. Этнография лагеря / Л. Самойлов // Советская этнография. — 1990. — № 1. — С. 96–108.

Самсонов, А.М. Сталинградская битва / А.М. Самсонов. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1989. — 630 с.

Свердлов, Г.М. Война и правовая охрана детей в СССР / Г.М. Свердлов. — Ташкент: Государственное изд-во УзССР, 1943. — 70 с.

Севрюк, В. Всенародная забота трудящихся Узбекистана об эвакуированных детях в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В. Севрюк: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ташкент, 1969. — 36 с.

Семина, Н.В. Борьба с детской беспризорностью в 1920–1940 гг. в России: на примере Пензенского региона / Н.В. Семина: дис. ... канд. ист. наук. — Пенза, 2007. — 283 с.

Сенявская, Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование / Е.С. Сенявская. — М.: Институт российской истории РАН, 1995. — 220 с.

Сенявская, Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки / Е.С. Сенявская // Военно-историческая антропология. — Ежегодник, 2002. — Предмет, задачи, перспективы развития. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 5–23.

Сенявская, Е.С. Пространство и время в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий. / Е.С. Сенявская // Военно-историческая антропология. — Ежегодник, 2005/2006. — Актуальные проблемы изучения. — М., 2006. — С. 152–162.

Сенявская, Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. — М.: РОССПЭН, 1999. — 383 с.

Синицын, А.М. Всенародная помощь фронту / А.М. Синицын. — М.: Воениздат, 1975. — 319 с.

Синицын, А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны / А.М. Синицын // Вопросы истории. — 1969. — № 6. — С. 20–29.

Скворцов, М.В. Проблема истории эвакуации населения из Сталинграда в августе — сентябре 1942 года: роль местных органов власти / М.В. Скворцов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 38 (176). — История. — Вып. 37. — С. 41–46.

Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 1978. — 588 с.

Смирнова, Н.В. Деятельность органов НКВД-МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.). Историко-правовой аспект / Н.В. Смирнова: дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1997. — 241 с.

Соколова, В.К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны / В.К. Соколова // Советская этнография. — 1975. — № 3. — С. 3–14.

Соловьева, С.В. Сталинградская битва в топонимике Волгограда / С.В. Соловьева, Т.А. Крупица // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. — Волгоград: Принт, 2013. — С. 343–346.

Сталинградская битва. Июль 1942–февраль 1943: энциклопедия / под ред. М.М. Загорулько; 5-е изд., испр. и доп. — Волгоград: Издатель, 2012. — 800 с.

Стрекалова, Е.Н. Стратегии выживания детей 1941–1945 гг. по устным воспоминаниям ставропольчан / Е.Н. Стрекалова // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. — Волгоград: Альфа, 2015. — С. 202–211.

Тажиудинова, И.Г. Отцовство фронтовиков Великой Отечественной войны (на материале частной переписки) / И.Г. Тажиудинова // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 г. Ярославль. — М.: ИЭА РАН, 2011. — Т. 2. — С. 237–240.

Тажиудинова, И.Г. Практики питания как составляющая фронтового быта: из личных свидетельств комбатантов Великой Отечественной войны / И.Г. Тажиудинова // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Материалы Международной научной конференции (1–2 июня 2011 г., г. Ростов-на-Дону). — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — С. 251–256.

Тажиудинова, И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени / И.Г. Тажиудинова // Проблемы российской истории. — Вып. X. — М.-Магнитогорск: ИРИ РАН-МаГУ, 2010. — С. 497–514.

Тепешкова, А.Т. Народное творчество в период Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / А.Т. Тепешкова. – Режим доступа: <http://eurasianworkshop.com/?p=256> (дата обращения: 06.07.2015).

Тимофеева, Т. Историческая память и ее памятники (на примере материалов Великой Отечественной войны) / Т. Тимофеева // Россияне и немцы в эпоху катстроф. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 122-135.

Тишков, В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 552 с.

Тишков, В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков, 2003. – 544 с.

Токарев, В.В. Восприятие населением региона памятников, расположенных в Волгограде (по итогам прикладного социологического исследования) / В.В. Токарев, Н.В. Дулина // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. – Волгоград: Принт, 2013. – С. 230-232.

Токарев, С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры / С.А. Токарев // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 3-17.

Топорков, А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры / А.Л. Топорков // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1989. – С. 89-101.

Утехин, И. Очерки коммунального быта / И. Утехин. 2-е изд. – М.: ОГИ, 2004. – 277 с.

Факел памяти народной / авт.-сост. Л.С. Холтобина. – Курск: ГУК, 2001. – 152 с.

Фалалеева, Л.А. «Они не виноваты, их послали, а если бы не пошли, их бы расстреляли». Образы военнопленных в воспоминаниях детей военного Сталинграда / Л.А. Фалалеева // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23-25 октября 2014 г. – Волгоград: Альфа, 2015. – С. 214-220.

Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. Л.Ю. Пантина. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 332 с.

Фольклор периода Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textologia.ru/literature/russkiy-folklor/pozdnij-i-sovremenniy-folklor/folklor-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyni/3352/?q=471&n=3352> (дата обращения: 06.05.2015).

Фомина, О.В. Эволюция отношения человека к вещи в XX–XXI веке [Электронный ресурс] / О.В. Фомина. – Режим доступа: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/41/template_article-ar=K21-40-k33.htm. (дата обращения: 11.09.2015).

Хейзинг, Й. Номо ludens. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинг. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.

Хлынина, Т.П. «Кадры из военного детства: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы / Т.П. Хлынина // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сб. статей. – Ростов н/Д.: Foundation, 2014. – С. 178-190.

Хлынина, Т.П. Современный метанарратив о войне: участники, источники, границы / Т.П. Хлынина // Значение сражений 1941-1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3-6 июня 2015 г.). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 473-480.

Холтобина, Л.С. Военно-исторический музей «Юные защитники Родины» – центр хранения документальной истории о юных участниках Курской битвы /

Л.С. Холтобина // Истории немеркнущие строки... Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Курской битвы и освобождению Курской области от немецко-фашистских захватчиков. — Курск: ПБОЮЛ Киселева О.В., 2008. — С. 72-76.

Холтобина, Л.С. Исследования, поиск, комплектование фондов Курского военно-исторического музея «Юные защитники Родины» в период с 1963 по 2005 год по теме: «Массовый героизм юных участников Великой Отечественной войны» / Л.С. Холтобина // Война и дети: им память — высшая награда. Материалы Международной научно-практической конференции. Курск, 16 апреля 2005 г. — Курск: Пресс-Факт, 2005. — С. 103-106.

Холтобина, Л.С. К вопросу о признании заслуг бывших юных минеров — участников разминирования Курской области 1943-1945 гг. и защите их прав на льготы / Л.С. Холтобина // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века: итоги, проблемы и перспективы: сб. научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Курской битвы. Курск, 23-24 апреля 2008 г. В 2 т. / под ред. Л.С. Холтобиной. — Т. 1. — Курск: Пресс-Факт, 2008. — С. 72-77.

Холтобина, Л.С. О роли музея «Юные защитники Родины» в развитии военно-исторической работы / Л.С. Холтобина // Героизм и трагедия 1941 г.: взгляд из XXI века: сб. научных статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию начала Великой Отечественной войны. Курск, 4-5 мая 2011 г. / под ред. Л.С. Холтобиной. — Курск: Изд. ГУК «Участок оперативной полиграфии», 2011. — С. 154-157.

Холтобина, Л.С. Опыт организации патриотического воспитания молодежи в СССР — России: 1960-2005 гг. (на примере деятельности музеев юных защитников Родины) / Л.С. Холтобина. — Курск: Пресс-факт, 2007. — 110 с.

Холтобина, Л.С. Региональные музеи юных защитников Родины в СССР — России в 1970-2008 гг. / Л.С. Холтобина // Дети и молодежь в войнах и военных конфликтах XX века: итоги, проблемы и перспективы: сб. научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Курской битвы. Курск, 23-24 апреля 2008 г. В 2 т. / под ред. Л.С. Холтобиной. — Т. 1. — Курск: Пресс-Факт, 2008. — С. 33-39.

Холтобина, Л.С. Юные защитники Родины / Л.С. Холтобина // Книга Памяти. — Курск: Курск-информпечатъ: ИПП «Курск», 2009. — Т. 16. — С. 190-194.

Цымбал, Л.М. Восстановление учебно-производственной базы общеобразовательных школ в освобожденных районах СССР в годы Великой Отечественной войны / Л.М. Цымбал // Культурное строительство в прифронтовых и освобожденных районах СССР в 1941-1945 гг.: сб. статей. — М.: Институт истории СССР АН СССР, 1985. — С. 44-59.

Чабанова, А.Н. «Мы никогда не победим русских, потому что даже дети у них сражаются и погибают, как герои»: Курский военно-исторический музей «Юные защитники Родины» / А.Н. Чабанова // Военно-исторический журнал. — 2008. — № 5. — С. 4-5.

Чередникова, М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии / М.П. Чередникова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб, 1996. — 43 с.

Черник, С.А. Борьба за жизнь и здоровье детей в годы Великой Отечественной войны / С.А. Черник // Советская педагогика. — 1979. — № 5. — С. 9-15.

Черник, С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны / С.А. Черник. — М.: Педагогика, 1984. — 240 с.

Чернышева, М. Сберегающие историю / М. Чернышева, Г.Л. Беленький, А.А. Гурцкая // Планета юных. К 70-летию Дворца творчества детей и молодежи города Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2006. — С. 187-190.

Чучелин, Г.А. Деятельность Коммунистической партии по охране здоровья советского народа в годы Великой Отечественной войны. (На материалах РСФСР) / Г.А. Чучелин: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Л., 1975. — 34 с.

Шатовалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны / С.Н. Шатовалов // Теория и практика общественного развития. — 2010. — № 3. — С. 206–210.

Шахназарян, Н.Р. Память и война. Армянский район через призму современности / Н.Р. Шахназарян, А.М. Аракелян, С.В. Делигавурян. — СПб.-Краснодар: Изд-во Манускрипт, 2013. — 168 с.

Швейбиш, С. Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы / С. Швейбиш // Вестник Еврейского университета в Москве. — 1995. — № 2. — С. 49–59.

Шюц, А. О множественных реальностях / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 401–455.

Щеглова, С.Н. Детство как социальный феномен: концепция социального конструирования детства / С.Н. Щеглова: дис. ... д-ра социол. наук. — М., 1999. — 326 с.

Щербинин, П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / П.П. Щербинин // Малолетние подданные большой империи. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. — С. 197–210.

Эволюция семьи и семейная политика в СССР. — М., 1992. — 140 с.

Эльконин, Д.Б. Детская психология / Д.Б. Эльконин. — М.: Учпедгиз, 1960. — 384 с.

Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. — М.: Наука, 1988. — 192 с.

Юность мужала в боях: статьи, очерки, документы / сост. А.Д. Коваль. — М.: Воениздат, 1966. — 416 с.

Юрчук, И.В. Несовершеннолетние коллаборационисты: дети и подростки в составе казачьих формирований вермахта, полиции и СС / И.В. Юрчук // Российское казачество: проблемы истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Краснодар: [б.и.], 2006. — С. 290–292.

Юрчук, И.В. Политика местных властей Кубани по защите детства и ее практическая реализация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / И.В. Юрчук: дис. ... канд. ист. наук. — Ставрополь, 2008. — 235 с.

Юсупова, Л.Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства / Л.Н. Юсупова // Человек и война: Страницы военной истории России: сб. науч. статей / под ред. Г.В. Чумакова. — Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2005. — С. 24–33.

Юсупова, Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии / Л.Н. Юсупова // Военно-историческая антропология. — Ежегодник, 2003/2004. — Новые научные направления. — М.: РОССПЭН, 2005. — С. 345–352.

Юсупова, Л.Н. Повседневная жизнь в эвакуации в годы Великой Отечественной войны глазами переживших ее детей / Л.Н. Юсупова // Человек и война: Материалы научной конференции преподавателей и студентов КГПУ, посвященной 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21–23 апреля 2004 г.). — Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2004. — С. 16–20.

Юсупова, Л.Н. Эпоха Второй мировой войны глазами переживших ее детей / Л.Н. Юсупова // Клио: Журнал для ученых. — 2007. — № 1–2 (36–37). — С. 3–12.

Яркина, Т.Ф. Школы РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Т.Ф. Яркина: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1954. — 26 с.

Ярушина, Л.В. Восстановление общеобразовательных школ на освобожденной территории / Л.В. Ярушина // Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — М.: Наука, 1986. — С. 137–147.

- Argan, G.C.* Storia dell'arte come storia della città / G.C. Argan. — Roma, Editori Riuniti, 1984. — 292 p.
- Aries, Ph.* Centuries of Childhood. A Social History of Family Life / Ph. Aries. — N.Y.: Vintage Books, 1962. — 447 p.
- Bohleber, W.* Die Entwicklung der Traumatheorie in der Psychoanalyse / W. Bohleber // *Psyche-Zeitschrift für Psychoanalyse und ihre Anwendungen*. — № 9 (10). — S. 797-839.
- Boissevain, J.* Friends of friends: networks, manipulators and coalitions / J. Boissevain. — Oxford: Blackwell, 1974. — 300 p.
- Boll, F.* Sprechen als Last und Befreiung. Holocaust-Überlebende und politisch verfolgte zweier Diktaturen. Ein Beitrag zur deutsch-deutschen Erinnerungskultur / F. Boll. — Bonn: J. H. W. Dietz Nachf, Verlag, 2001. — 456 s.
- Boterbloem, K.* Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945-1953 / K. Boterbloem. — Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. — 448 p.
- Cunningham, H.* Histories of Childhood / H. Cunningham // *American Historical Review*. 1998. — October. — Vol. 103. — № 4. — P. 1195-1208.
- Dollard, J.* Frustration and Aggression / J. Dollard, N. Miller, L. Doob, O.H. Mowrer, R. Sears. — New Haven, 1939. — 263 p.
- Eisen, G.* Children and Play in the Holocaust: Games Among the Shadows / G. Eisen. — Univ of Massachusetts Press, 1990. — 153 p.
- Eisen, G.* Spielen im Schatten des Todes. Kinder im Holocaust / G. Eisen. — München, 1993. — 221 s.
- Eisenstadt, S.N.* From Generation to Generation. Age Groups and Social Structure / S.N. Eisenstadt. — N.Y.: Free Press of Glencoe, 1963. — 344 p.
- Knopp, C.* Hitlers Kinder / C. Knopp. — München: C. Bertelsmann Verlag, 2000. — 383 s.
- Krinko, E.F.* Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942 / E.F. Krinko // *Военный сборник. Российский военный журнал*. — 2014. — Т. 3. — № 1. — С. 41-50.
- Krinko, E.F.* «...For our happy childhood»: juvenile criminal liability in soviet legislation of 1920-1940 / E.F. Krinko, I.V. Yurchuk // *European researcher*. — 2010. — № 2. — P. 138-143.
- Lorenz, H.* Kriiskinder. Das Schicksal einer Generation / H. Lorenz. — München: List Verlag, 2003. — 304 s.
- Mächler, S.* Der Fall um Wilkomirski. Über die Wahrheit einer Biographie / S. Mächler. — Zürich, 2000. — 306 s.
- Mann, E.* Zehn Millionen Kinder: Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich / E. Mann. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1997. — 220 s.
- Nora, P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire / P. Nora // *Representations*, No 26. — Special Issue: Memory and Counter-Memory. — 1989. Spring. — P. 7-24.
- Orywal, E.* Krieg als Konfliktaustragungsstrategie — Zur Plausibilität von Kriegsursachentheorien aus kognitionstheoretischer Sicht / E. Orywal // *Zeitschrift für Ethnologie*. — 1996. — № 121. — S. 1-48.
- Pollok, L.* Forgotten Children: Parent-Child Relations from 1590 to 1900 / L. Pollok. — Cambridge University Press, 1983. — 334 p.
- Radebold, H.* Abwesende Väter. Folgen der Kriegskindheit in Psychoanalysen. — Göttingen, 2000. — 249 s.
- Stargart N.* „Maikäfer flieg!“ Hitlers Krieg und die Kinder / H. Radebold. — München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2006. — 608 s.
- Stearns, P.N.* Childhood in World History / P.N. Stearns. — Routledge, 2006. — 160 p.
- Tavris, C.* Mistakes Were Made (But Not by Me): Why We Justify Foolish Beliefs, Bad Decisions, and Hurtful Acts / C. Tavris, E. Aronson. — N.Y., 2007. — 298 p.

Tumarkin, N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia / N. Tumarkin. — N.Y.: Basic Books, 1994. — 264 p.

Werner, E. Unschuldige Zeugen. Der Zweite Weltkrieg in den Augen von Kindern / E. Werner. — Hamburg/Wien: Europa Verlag, 2001. — 318 s.

Wilkomirski, B. Bruchstücke. Aus einer Kindheit 1939-1948 / B. Wilkomirski. — Frankfurt a. M.: Jüdischer Verlag, 1995. — 142 s.

Fischer, J. Die Bedeutung der Philosophischen Anthropologie für die Architektursoziologie / J. Fischer // Soziale Ungleichheit — Kulturelle Unterschiede. Verhandlungen des 32. Kongresses der DGS in München 2004, Frankfurt/New York 2006. — CD-Rom. — P. 3417-3429.

Fischer, J. Die Architektur der Gesellschaft. Theorien für die Architektursoziologie / J. Fischer, H. Delitz. — Bielefeld: Transcript Verlag, 2009. — 420 p.

Документальные очерки и повести

Агафонов, А.Ф. Боец ополчения. Повесть о Саше Чебанове / А.Ф. Агафонов. — Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1978. — 110 с.

Агафонов, А.Ф. Повесть о Вите Черевичкине // А.Ф. Агафонов. — Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1974. — 158 с.

Агафонов, А.Ф. Я вернусь с победой, мама. Повесть об Эдике Жмайлове // А.Ф. Агафонов. — Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1981. — 108 с.

Алексин, А. Человек с красным галстуком / А. Алексин, К. Воронков. М.: Малыш, 1972. — 80 с.

Гроссман, В.С. Сталинград. Сентябрь 1942-январь 1943: сборник очерков / В.С. Гроссман. — М.: Советский писатель, 1943. — 150 с.

Гуммер, И. Это было в Калаче / И. Гуммер, Ю. Харин. — Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1969. — 152 с.

Дети-герои / сост. И.К. Гончаренко, Н.Б. Махлин. — Киев: Радянська школа, 1984. — 608 с.

Дети Отечества / сост. В.Я. Мовзалеvский. — Ставрополь: Юрkit, 2001. — 275 с.

Дроботов, В. Босоногий гарнизон / В. Дроботов. — Волгоград: Волжское кн. изд-во, 1968. — 96 с.

Забелина, Т. Я родом не из детства — из войны...: документальная повесть-воспоминание / Т. Забелина. — Волгоград: Типография ИУНЛ ВолГТУ, 2015. — 127 с.

Крут, Я. Повесть о подаренной жизни: повесть / Я. Крут. — 2-е изд., доп. и перераб. — Тель-Авив, 2012. — 185 с.

Курбатов, В. Сталинградские рассказы / В. Курбатов, И. Чуев. — Иваново: Ивановское областное государственное изд-во, 1943. — 52 с.

Ленкова, А.М. Это было на Ульяновской / А.М. Ленкова: документальная повесть. — Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1985. — 127 с.

Маленькие солдаты Отечественной 1941- 1945 гг. / сост. В.Я. Мовзалеvский. — Ставрополь: Юрkit, 1995. — 192 с.

Орлов, А.Ф. Военное детство (Это было в станице Апшеронской) / А.Ф. Орлов: художественно-документальная повесть. — Майкоп: Полиграф-Юг, 2010. — 220 с.

Орлята Великой Отечественной / сост. В. Гузанов. — М.: Изд-во ДОСААФ, 1980. — 207 с.

Орлята. — Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1970. — 255 с.

Очкин, А.Я. Иван — я, Федоровы — мы / А.Я. Очкин. — М.: Детская литература, 1973. — 112 с.

Сашина высота: документальный рассказ о пионерах-героях Дона. — Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1989. — 160 с.

Сорокина, Л.П. Дети Сталинграда / Л.П. Сорокина: документальная повесть. — Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1983. — 144 с.

Столяров, В. Герои в красных галстуках / В. Столяров, А. Гринько. — Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1974. — 216 с.

Стояли со взрослыми рядом: сборник документальных очерков. — Л.: Лениздат, 1985. — 208 с.

Толстиков, А. Ее звали Мария / А. Толстиков. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 80 с.

Цимбалистова, Н.Д. Память сердца / Н.Д. Цимбалистова: документальная повесть. — Ростов н/Д.: «Литфонд», Информационно-производственный холдинг «Вестник», 2012. — 159 с.

Цыбуленко, А.В. Дети войны [Электронный ресурс] / А.В. Цыбуленко: очерк. — Режим доступа: http://pokrovka-info.ru/creation1_children_war.php. (дата обращения: 20.05.2015).

Художественная литература

Хромова, К.И. Тысяча сыновей / К.И. Хромова; изд. 2-е, перераб. и доп. — Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1990. — 270 с.

Чудаков, А.П. Ложится мгла на старые ступени [Электронный ресурс] / А.П. Чудаков. — Режим доступа: http://royallib.com/book/chudakov_aleksandr/logitsya_mgla_na_starie_stupeni.html(дата обращения: 23.06.2015).

Шипов, Я., священник. Райские хутора / Священник Ярослав Шипов. — М.: Изд-во Срегенского монастыря, 2012. — 624 с.

Указатель имен

- Argan G.C. 59, 327
Aronson E. 33, 327
Boissevain J. 60, 327
Boll F. 145, 327
Boterbloem K. 327
Cunningham H. 32, 327
Delitz H. 157, 328
Dollard J. 327
Doob L. 327
Eisen G. 16, 327
Eisenstadt S.N. 327
Fischer J. 157, 328
Knopp C. 327
Lorenz H. 327
Mächler S. 32, 327
Mann E. 16, 327
Miller N. 327
Mowrer O.H. 327
Orywal E. 5, 327
Pollok L. 15, 327
Radebold H. 16, 327
Sears R. 327
Stargart N. 17, 327
Stearns P.N. 32, 327
Tavris C. 33, 327
Tumarkin N. 328
Werner E. 16, 328
Wilkomirski B. 32, 327, 328
Yurchuk I.V. 12, 327
Абалихин Б.С. 10, 319
Абашова А.А. 303
Австрийсков Е.В. 174, 175, 309
Агарков А.К. 29, 298, 303
Агафонов А.Ф. 8, 328
Агеева В.А. 11, 309
Алабян К. 68, 302
Александров А.И. 268, 270, 303
Алексин А. 8, 328
Аненкова А.И. 66, 248, 252, 303
Андциферов Н.П. 61, 309
Аракелян А.М. 326
Араловец Н.А. 206, 207, 309
Араухо И. 60, 309
Арацкая А. 28, 115, 116, 203, 301
Аргасцева С.А. 30, 129, 309
Арличенкова (Черкасова) Т.Н. 224, 298, 303
Арнхейм Р. 60, 309
Артамонов А.А. 9, 309
Архангельская В.С. 303
Архипов В.Г. 251, 304
Архипова Е.В. 6, 122, 310
Арьес Ф. (Aries Ph.) 15, 32, 310, 327
Ассман А. 310
Афанасенко В.И. 318, 319
Ахадова Д.Ф. 6, 231, 238, 299
Ахиезер А.С. 61, 310
Баевская Ф.Б. 304
Байбурун А.К. 148, 190, 310
Байгазова Ю.О. 6
Баландина З.И. 249, 304
Банзаракцаева Е.В. 10, 310
Банников К.Л. 14, 151, 310
Баранцев В.Ф. 111, 112, 284, 285
Баринова (Певнева) Н.М. 92, 93, 143, 222, 223
Бартошек К. 318
Барыкина Г.И. 228, 298, 304
Барышев Г.Я. 9, 302
Батрак С.Г. 304
Бауман З. 42, 310
Башляр Г. 157, 310
Безюк Г.И. 189, 231, 236, 304
Безгомонова Т.Ф. 304
Безрогов В.Г. 17, 310
Безрукова В.В. 164, 169, 212, 304
Бектеримова Р.М. 304
Беленький Г.Л. 71, 310, 325
Белик А.А. 310
Белицкий А.В. 109, 110, 135, 164, 266, 283, 286, 301, 304
Белкина Е.Б. 121, 137, 143, 218, 224, 235, 244, 245, 246, 304
Белов Д.А. 43, 310
Бенедикт Р. 14
Бергер П.Л. 15, 310
Бережнова А.И. 197, 249, 298, 304
Бережнова Р.Н. 304
Бернштам Т.А. 15, 310
Бирюков 50
Бирюков Ю.Ф. 116, 117, 275, 304
Бирюкова Л.И. 304
Блинова Л.А. 109, 136, 244, 304
Богатова Т.А. 54, 310
Бодалев А.А. 205, 311
Бодрийяр Ж. 146, 147, 190, 311
Болебер В. (Bohleber W.) 16, 144, 311, 327
Бондаренко Л.А. 6, 77, 78, 81, 82, 83, 101, 162, 194, 217, 225, 297, 298, 311
Бондаренко Р.Ф. 304
Борисова В.Д. 304
Бородина Н.Г. 216, 304
Богашева З.Б. 13, 311
Бочаров В.В. 15, 311
Бочкова Л.А. 225, 229, 243, 245, 276, 282, 304
Браверман А.А. 301
Брыксин А.Г. 89, 131, 158, 304
Бубличенко В.Н. 12, 311
Бугров Ю.А. 9, 311
Бульгина Т.А. 28, 311
Бульбулькина (Игольниковая) А.П. 119, 141, 185, 248, 304
Бурдые Ж.П. 147, 190, 311
Бурковский А. 111
Буров Д.В. 124
Буряк И.И. 17, 311
Бутенко (Козырева) Л.М. 132, 203, 231, 234, 280
Быков В. 319
Василевский А.М. 47
Василенко (Глазкова) Л.Г. 304
Васильева Л.И. 63, 161, 169, 184, 195, 197, 199, 208, 210, 212, 216, 246, 276, 284, 286, 304
Ватутин Н.Ф. 47
Вахитов Р. 302
Вдовина Н.В. 70, 304
Веблен Т. 147, 190, 311
Величко В.А. 52, 311
Вербицкая О.М. 206, 311
Верзилин Н.М. 9, 311

Верт Н. 318
 Верховых Д.Я. 6, 226, 231, 298
 Вехова В.П. 304
 Виленский С.С. 300
 Виноградов Г.С. 15, 312
 Витков Г.И. 111
 Вишнякова Н.И. 304
 Владимир Петрович 232, 233, 304
 Водолагин М.А. 221, 225, 255, 256, 259, 260, 261, 312
 Воловикова В.А. 304
 Володькина Л.Н. 304
 Волщукова С.Б. 71, 312
 Воронков К. 8, 328
 Воронцова Е.И. 117, 118, 128, 140, 141, 161, 275, 277, 278, 284, 287, 289, 290, 304
 Воротынцева Л.Я. 304
 Второва Р.Б. 236, 250, 304
 Вучетич Е.В. 56
 Выготский Л.С. 129, 205, 312
 Гаврилова (Попова) В.А. 113, 187, 248, 265, 271, 304
 Газиева Л.Л. 107, 312
 Галлямова А.Г. 12, 312
 Гвоздиковская С.П. 231, 304
 Гейворонская Я.В. 6
 Гена Сталинградович 111, 303
 Генкина Э. 52, 53, 312
 Георгиевский А.С. 314
 Герасимова Е.Ю. 212
 Гиглер А. 47, 101, 124, 150, 249
 Гладкая Н. 80, 302
 Глинянов С.В. 163, 289, 292, 304
 Глухова В.Д. 193, 222, 229, 298, 304
 Говоркова Л.К. 101, 150, 159, 304
 Голиков Л. 9, 88, 303, 320
 Голофаст В.Б. 147, 312
 Голубеева Э.И. 302
 Гольдин А.М. 10, 312
 Гончаренко И.К. 328
 Горбулина И.В. 10, 312
 Горда Ю.В. 6
 Гордеев С.П. 226, 231, 236, 298, 304
 Гордеева Н.В. 67, 94, 95, 292, 304
 Горкина В.И. 268, 304
 Горлов В.М. 131, 222
 Грабовская В.Н. 234, 304
 Грачева О.Н. 312
 Гребенников А.И. 201, 298, 304
 Гребнева А.Э. 6, 241, 299
 Грива Т.А. 71, 312
 Гриднев Ю.Н. 139, 227, 287, 304
 Гринберг М.М. 9, 313
 Гринько А. 329
 Гриценко Н.Ф. 304
 Гришанова Л.Т. 304
 Гришина Д.И. 115, 156, 185, 304
 Громов С. 111
 Гроссман В.С. 52, 313, 328
 Грубникова З.К. 79
 Губенко Е.Ю. 6
 Губенко О.А. 322
 Гудимов В.В. 75
 Гудков Л. 43, 313
 Гуммер И. 8, 328
 Гура Г.С. 25, 300
 Гуревич А.М. 26, 298, 305
 Гурина В.В. 280, 305
 Гурова О.Ю. 149, 190, 313
 Гурцкая А.А. 71, 310, 325
 Гусак В.А. 12, 313
 Гусев А.И. 96, 101, 104, 131, 169, 189, 247, 305
 Гуца (Деева) Э.К. 230
 Данилова Г.А. 305
 Дашичев В.И. 45, 300
 Дедух Т.Ю. 305
 Деларю Е.М. 313
 Делигавурян С.В. 326
 Дементьев С.М. 125, 126, 159, 160, 162, 165, 212, 304
 Демичева В.А. 234, 243, 245, 277, 290, 305
 Дерюжкина З.Г. 134, 262, 264, 271, 305
 Дерябина Л.В. 72, 302
 Дмитров Л.Г. 140, 282, 292, 305
 Долгова Е.П. 305
 Дорофеев А.А. 305
 Дорошева О.А. 313
 Доссекер Б. 32
 Дроботов В. 8, 328
 Дробязко С. 313
 Друговская А.Ю. 313
 Дружинина А.В. 72, 313
 Дрыночкин В.В. 313
 Дудкин Ю.С. 117
 Дулина Н.В. 57, 324
 Дунбинская Т.И. 107, 313
 Егорова Г.В. 301
 Елашин А.А. 305
 Елашина В.С. 305
 Елесин В.Н. 229, 298, 305
 Емелин С.М. 12, 313
 Емельянов М.И. 298, 305
 Еременкова Н.И. 261, 275, 280, 305
 Еремин А.Н. 305
 Еремин В.Г. 314
 Еремина М.А. 305
 Ермаков Е.Г. 107, 314
 Ермолаев Г.М. 171, 305
 Ерошенков П.Ф. 66, 236, 248, 249, 305
 Ершова (Лукина) В.Н. 137, 221, 298, 305
 Ефимова В.В. 120, 150, 281
 Ефимова Е. 14, 314
 Жазекиль Ж.-Э. 17
 Жданова К.Ф. 66, 68, 86, 166, 167, 239, 305
 Желтова Л.В. 111, 303
 Живаева З.А. 94, 143, 305
 Жиганец Ф. 322
 Жилыева С.К. 107, 314
 Жмайлов Э. 8, 328
 Жорова (Рудыкина) Е.П. 27, 30, 74, 75, 288, 301, 314
 Журавлев С.В. 16, 314
 Забелина Т.В. 65, 67, 123, 133, 213, 298, 305
 Заборова Е.Н. 61, 314
 Завялова (Пашина) Е.П. 270
 Загорулько М.М. 301, 320, 323
 Заднепровская Л.Д. 10, 107, 314
 Заикина З.А. 113, 169, 305
 Зайцева Н.Н. 104, 118, 121, 193, 207, 238, 242, 305
 Замятин Н. 52, 314
 Занина Л.Я. 305
 Зауэр (Гаак) Л.Э. 113, 305
 Захаровская Л.И. 164, 167, 183, 185, 196, 203, 208, 209, 231, 274, 276, 283, 285, 305
 Зезина М.Р. 10, 314
 Земцова Ф.Н. 179, 231, 305
 Зенкина С.Н. 147

- Зенкова Л.В. 11, 314
 Зимин К. 111
 Зиммель Г. 60, 190, 314
 Зинич М.С. 23, 314
 Зоценко М.М. 159
 Зубкова Ж.М. 305
 Ибрагимова Р.Х. 200, 305
 Иванов В. 27, 301
 Иванов В.В. 223
 Иванов Н.Г. 10, 314
 Иванов Н.М. 305
 Иванова А.А. 108
 Иванова А.В. 314
 Иванова В.П. 158, 305
 Иванова Е. 74, 314
 Ивахненко А.И. 89, 94, 174, 202, 246, 281, 284, 305
 Игнатов Н.Т. 305
 Иларьева Г.Ф. 6
 Ильина А.Д. 6, 229, 299
 Ильина З.Д. 25, 314
 Ильина И.С. 305
 Иноземцева И.Г. 94, 305
 Исаев А.В. 45, 256, 315
 Исаев В.И. 16, 315
 Исаков П.Ф. 314
 Истофеева С.В. 23, 315
 Ихменев И.С. 223, 224
 Кабирова А.Ш. 12, 311, 312
 Кадашова В.М. 6
 Казаков О.Н. 251, 305
 Казменкина И.К. 86, 112, 178, 180, 183, 219, 305
 Калабухова И.Н. 298, 305
 Калачев И.Ф. 305
 Калачева Н.В. 6
 Калверт К. 15, 191, 315
 Калимулова Р.Я. 92, 305
 Калинин И. 41, 315
 Калининченко М.П. 305
 Калтыпина В.И. 305
 Кальниченко В. 30
 Каплунова Р.И. 239, 278, 298, 305
 Караваев В. 319
 Карамышева Н.Н. 10, 315
 Карасева М.И. 306
 Карлова Л.Н. 306
 Кароли Д. 315
 Касавин И.Т. 315
 Келли К. 16, 315
 Клейн Л.С. 14
 Клейтман Р.А. 227, 306
 Ключкова Л.С. 306
 Клокина Н.Д. 306
 Кнопп Г. 16, 315
 Кобликова (Бородушкина) С. 54
 Ковалев Б.Н. 11, 315
 Коваль А.Д. 326
 Коган Л.Б. 11, 61, 315
 Когитина А.В. 6, 77
 Козленко А.А. 213, 216, 306
 Козлова Н. 315
 Козловская Н.Х. 121, 243, 246, 289, 306
 Колесникова А.А. 6, 201, 227, 230, 298
 Колесова М.К. 306
 Колотилин А.С. 76, 301
 Комягина Т.Г. 306
 Кон И.С. 15, 315
 Кондакова Н.И. 11, 315
 Коновалова А.К. 6, 224, 298
 Конрадова Н. 56, 313, 315
 Коняхин К.В. 62, 67, 90, 115, 124, 129, 138, 142, 159, 173, 206, 240, 275, 285, 292, 306
 Косенкова Ю.Л. 68, 316
 Косова А.Ю. 6, 137, 198, 281, 299
 Косова Е. 316
 Костин Н.П. 174, 227, 306
 Костина Т.Л. 104, 202, 230, 249, 252
 Кострыкина В.Ф. 306
 Кострыкина Я.С. 141, 298
 Котик В. 88
 Котляр Э.С. 8, 316
 Котов А.И. 107, 316
 Крайников С.Т. 306
 Красноженова Е.Е. 107, 316
 Крестинский А.А. 302
 Кригер Е.Г. 52, 301
 Кринко Е.Ф. 2, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 17, 26, 28, 29, 77, 106, 119, 146, 149, 159, 191, 199, 209, 217, 225, 298, 316, 317, 318, 319, 332, 335
 Круглякова Н.А. 306
 Крупица Т.А. 55, 323
 Крут Я. 25, 328
 Кръжановская Г.И. 101, 278, 280, 284
 Крюкова А.Л. 298, 306
 Кудояров В.С. 73
 Кузнецов Б.Б. 306, 332
 Кузнецова (Баркова) Р.Я. 306
 Кузнецова Н.В. 161, 168, 174, 291, 306, 317
 Кузнецова Н.М. 332
 Кузьмин О.В. 317, 332
 Кулагина В.И. 121, 306
 Кулешова Ю.В. 74, 75, 80, 81, 82, 83, 300
 Кунцова Т.П. 306, 332
 Курбат Т.Г. 298, 318
 Курбатов В. 52, 328
 Курилла И.И. 332, 335
 Куртуа С. 318, 332
 Кутыркина М.И. 229, 398, 306
 Куфаев В.И. 318, 332
 Кучинская Ю.Ф. 306, 332
 Лагунова К.Г. 25, 301
 Лангевитше Д. 4, 5, 318
 Лапшева О.Г. 65, 195, 306
 Ларин Ш.И. 332
 Ларина Р.Г. 227, 298, 306
 Ларионов А.Э. 14, 318, 332
 Ласочко Л.С. 13, 318
 Латгу Х.Н. 6, 306
 Лебединский В.В. 318, 332
 Лебина Н.Б. 113, 114, 149, 192, 318
 Леви П. 33, 332
 Левитан Ю.Б. 41, 130, 219, 332
 Ледаева А.Ф. 306, 332
 Ленкова А.М. 8, 328
 Ленникова Н.А. 141, 298
 Леонтьева С.Г. 9, 318
 Линец С.И. 318
 Линч К. 60, 318
 Лисина М.И. 205, 318
 Лисовая Е.А. 94, 187, 234, 238, 299
 Литвинов Л.В. 302
 Лихолетова Л.В. 65, 247, 306
 Лобанова А.М. 262
 Лобастов О.С. 10, 314
 Лобачева Р.Н. 237, 240, 306
 Лобочев М. 108, 303
 Лобчук Е.Д. 238, 299, 306
 Ловягина И.Е. 30, 129, 318
 Ложкина И.А. 107, 318
 Локтев В.И. 61, 315, 332
 Лопаева С.М. 62, 86, 88, 92, 96, 135, 160, 163, 166, 167, 186, 187, 188, 197, 198, 207-210, 213, 215, 218, 219, 227, 228, 238, 240, 263, 269, 270, 271, 299, 306
 Лопаткин М.В. 9, 301
 Лоскутова М.В. 320
 Лошачова Т.Н. 137, 306
 Лукман Т. 15, 310
 Лурье В.Ф. 126, 318
 Лучкова З.Ф. 64, 111, 229, 266, 299, 306
 Людников И.И. 47, 56, 57
 Магаева С.В. 318

Макаров Ю.Г. 201, 271, 306
 Маклаков Е.Н. 52, 53
 Максимова Э. 300
 Малахова В.М. 306
 Малиновский Б. 14
 Мальшева (Чернецова) Р.А. 158, 188, 256, 271
 Маляров В.Н. 44
 Мамонтов В.И. 62, 100, 162, 165, 206, 218, 262, 275, 279, 281, 283, 291
 Марголен Ж.-Л. 318
 Марусина Е.А. 67, 207
 Масанина А.А. 140, 219, 306
 Маслова Г.С. 190, 318
 Матишов Г.Г. 318, 319
 Маубах Ф. 16, 102-104, 130, 135, 319
 Махлин Н.Б. 328
 Медведев М.В. 26, 298
 Меерович М.Г. 157, 160, 319
 Межевалов Г. 22
 Мельникова Л.М. 202, 233, 240, 249, 306
 Меркурьева В.С. 10, 107, 319
 Мерло-Понти М. 67, 319
 Мид М. 15, 319
 Миронова Р.Г. 185, 306
 Мирошкин В.Ф. 306
 Мирошникова В.Е. 6
 Митпокова Н.П. 30, 79
 Михайлина Т.И. 90, 91, 163-165, 206, 214, 232, 236, 237, 241, 243, 299, 306
 Михайлова Ю.В. 306
 Михеева Е.А. 6, 142
 Мишанова Е.В. 6
 Мишанова Т.И. 306
 Мовзалевский В.Я. 9, 73, 319, 328
 Модина И.А. 118, 138, 139, 141, 283, 291
 Можайцев Б.Н. 301
 Можайцев В.Н. 301
 Моисеев Е.В. 319
 Молькова Е.А. 13, 319
 Моор В.К. 60, 319
 Моргунова А.В. 307
 Мордвинин С.В. 119, 120, 320, 321
 Морозов И.А. 129, 320
 Морозов П. 15
 Морозова Р.А. 307
 Нагайцева А.Ф. 307
 Назаров В.В. 307
 Назарова М.А. 307
 Назарова М.П. 6, 18, 129, 320, 322
 Нальгач Н.В. 307
 Нарский И.В. 322
 Нарышкина А.П. 97, 140, 225, 307
 Нелаева С.Ф. 11, 320
 Нелин Т.В. 6, 116
 Нестеренко А.И. 66, 307
 Нефедова В.И. 27, 301
 Никитенко Н.В. 9, 320
 Никифоров Ф.М. 120
 Никогосян Р.А. 97, 208, 210, 238, 307
 Николаев В.И. 9, 320
 Новикова А.Е. 6, 171
 Нора П. (Nora P.) 31, 83, 320, 327
 Нора П. 31, 83, 320
 Носова О.А. 221, 222, 226, 229, 320
 Носырева М. 19
 Нуркова В.В. 40, 41, 320
 Обухова Л.Ф. 320
 Овчинникова З.Н. 89, 91, 100, 156, 160, 167, 170, 180, 201, 207, 208, 210, 213, 215, 216, 221, 235, 237, 241, 245, 246, 248, 276, 278, 283, 291, 299, 307
 Овчинникова Л.П. 300
 Озеров В. 314
 Олейникова Л.И. 186, 187, 198, 200, 250, 251, 307
 Омельченко Е. 313,
 Орлов А.Ф. 25, 328
 Ортега-и-Гассет Х. 68, 320
 Оруднева (Батурина) Н.В. 88, 219, 307
 Осадчий Г.Ф. 170, 210, 269, 307
 Осорина М.В. 15, 320
 Очкин А.Я. 8, 328
 Павлов В.В. 12, 320
 Павлова Т.А. 12, 46, 87, 107, 108, 111, 114, 119, 165, 174-178, 223, 257, 259, 260, 262-264, 266, 267, 273, 274, 289, 292, 307, 320
 Павлова Т.Д. 114, 307
 Павлоцкий В.П. 277, 307
 Паникаха М.Д. 56
 Панне Ж.-Л. 318
 Панченко Ю.Н. 27, 77, 87, 102, 142, 166, 301, 307
 Панчковский А. 318
 Парубочая Е.Ф. 6
 Паулос Ф. 41, 45, 47, 53, 54, 247, 333
 Пахмутова А.Н. 76, 333
 Пащенко И.В. 298
 Пеляева М.А. 307
 Перечицкая Л.А. 239, 241, 299, 307
 Петраков Д.А. 58
 Петров Н. 314
 Петрова А.С. 307
 Петрухин 50
 Печенникова Т.И. 161, 218, 283, 307
 Пивоварова А.П. 299
 Пикассо П. 173
 Плехов П.Ф. 307
 Подобед А.И. 73
 Полтарецкая А.В. 6
 Потапова Т.В. 66, 230, 299, 307
 Полякова Л.С. 187, 234, 238, 299, 307
 Полякова Л.Ф. 197, 236, 307
 Помощникова И.К. 76, 79, 307
 Пономарева З.Ф. 243, 246, 247, 299, 307
 Пономарева М. 6
 Пономаренко Л.А. 171, 307
 Попкова Е.А. 6, 134, 227, 299
 Потапова М. 320
 Потапова Т.И. 307
 Потелихова Г.П. 307
 Потемкина М.Н. 2, 13, 87, 96, 106, 257, 321
 Потоцкий В.Н. 307
 Поцелуев Е.Л. 12, 317
 Приказчикова В.Н. 199, 307
 Путилин В.И. 307
 Рабжаева М.В. 85, 206, 321
 Радченко Н.М. 228, 230, 231, 233, 299, 307
 Раменская Г.К. 307
 Раствова Л.В. 158, 168, 169, 200, 209, 210, 224, 265, 307
 Рахимкулова Х.Х. 95, 103, 112, 287, 307
 Реброва И.В. 17, 311, 317, 321
 Редькина О.Ю. 119, 321
 Резник Ю.М. 310
 Решетникова Л.М. 6, 197, 229, 232, 249, 282, 298, 299
 Решетняк С.П. 307
 Рис Н. 120, 321
 Ричардс П. 17
 Родимцев А.И. 46
 Родионова Е.С. 307
 Рожков А.Ю. 16, 29, 316, 321
 Розанова Л.В. 240, 268, 299, 307

- Розин В.М. 60, 321
 Рокоссовский К.К. 47, 52, 214
 Рольф М. 216, 321
 Ромадин Г.П. 307
 Романович С.В. 107, 321
 Романцов В.Н. 91, 97, 161, 163, 207, 215, 216, 218, 235, 299, 307
 Ромашова М.В. 321, 322
 Рубинштейн С.Л. 205, 322
 Руина И.Ф. 126, 127, 333
 Румянцева Е.Г. 91, 307
 Русина Ю.А. 67, 137, 144, 169, 174, 203, 239, 250-252, 270, 307
 Руссиян Г.П. 307
 Рыбалкина А. 6
 Рыблова М.А. 2, 6, 17, 18, 77, 120, 122-125, 129, 185, 225, 298, 300, 320, 322
 Рылева А. 56, 315
 Рябова К.А. 70, 71, 312
 Рясков Н.Н. 307
 Савин А.С. 41, 131, 188, 230, 235, 236, 246, 247, 266, 299, 307, 315
 Сажина Г.А. 308
 Салова Ю.Г. 16, 322,
 Сальникова А.А. 16, 17, 322
 Самигулина Е.И. 6
 Самигуллина Г.Ю. 130, 303
 Самойлов Л. 14, 322
 Самохин Ю.И. 27
 Самохина Р.П. 308
 Самохина С.Н. 136, 209, 250, 252, 265, 276, 290-292, 308
 Самсонов А.М. 255, 256, 322
 Санеев С.А. 199, 298
 Санкина Т.А. 308
 Санько Г. 72
 Сапронова Ф.В. 308
 Сафьянова О.И. 276, 277, 308
 Сврдлов Г.М. 9, 107, 322
 Свидченко Т.А. 139
 Священник Ярослав Шипов 102, 103, 108, 109, 329
 Севостьянова Ю.Ф. 186, 250, 308
 Северюк В. 322
 Седова Р.М. 308
 Селеверстова Е. 54
 Семина Н.В. 107, 322
 Сенина З.А. 308
 Сеничкина А.П. 308
 Сениянская Е.С. 2, 14, 119, 146, 323
 Серебрякова Л.В. 78
 Сидоренко Г.М. 111, 297, 308
 Сидоренко З.П. 308
 Сидоренко Н.Х. 308
 Силантьевой В.Н. 297
 Синицин А.М. 323
 Ситникова В.В. 93, 308
 Сихровски П. 16, 301
 Схворцов М.В. 257, 323
 Склярова А.В. 308
 Скрипкин А.С. 251, 299, 308
 Скрынникова (Сурганова) Р.К. 74, 80
 Славина Л.М. 244, 308
 Слепцова И.С. 129, 320
 Смирнов С.И. 308
 Смирнов Ф.П. 103
 Смирнова Н.В. 12, 107, 323
 Смирнова Ю.В. 6, 69, 221, 230, 238, 283, 298, 299
 Соколов А.К. 16, 314
 Соколов Г.Г. 308
 Соколова В.К. 323
 Соколова Е.А. 301
 Соловьев В.В. 94
 Соловьев В.С. 308
 Соловьева С.В. 55, 323
 Сорокина Д.А. 6
 Сорокина Л. 10, 129
 Сорокина Л.П. 329
 Спиридонова Л.И. 308
 Сталин И.В. 20, 21, 44, 51, 62, 87, 95, 261, 263, 292
 Старилова З.М. 308
 Старовойтова В.А. 308
 Степаненко (Рубанова) Л.И. 93, 249, 308
 Степанова Б.В. 297, 308
 Степанченко Ю.В. 6
 Столяров В. 329
 Стрекалова Е.Н. 17, 122, 323
 Стрельцова В.И. 88, 96, 116, 166, 174, 187, 201, 262, 308
 Стрижаков Л.П. 27, 301
 Стрижакова Н.С. 86, 121, 167, 308
 Субикина Е.А. 124, 172, 173, 308
 Сурдутович А.Г. 258, 269, 301
 Сурдутович А.С. 27, 96, 116, 123, 181-183, 186, 258
 Сурова И.М. 81, 94, 101, 128, 162, 165, 193, 194, 217, 297, 308
 Суровцева М.П. 121, 308
 Суховерова (Крицкая) Т.В. 6, 100, 163, 196, 232, 237, 260, 264, 308
 Сячина З.М. 64, 219, 232, 244, 265, 274, 290, 308
 Тажиудинова И.Г. 14, 28, 106, 146, 147, 149, 191, 199, 217, 316, 317, 323
 Тажиудинова Т.Г. 119, 159, 209
 Таранов А.В. 104, 133, 134, 176, 196, 249, 299, 308
 Тарасова С.А. 97, 186, 281, 282
 Тарасова С.В. 308
 Тархова А.С. 308
 Текучева Н.И. 308
 Тепешкова А.Т. 324
 Терентьева О.С. 6, 228, 229, 233, 240, 243, 246, 266, 298, 299
 Тесса А.Н. 199, 308
 Тимофеева Т. 324
 Тимошенко С.К. 45
 Тишков В.А. 14, 324
 Ткачева В.В. 6
 Токарев В.В. 57, 324
 Токарев С.А. 190, 324
 Толстиков А. 8, 326
 Топольскова Е.Я. 133, 202, 229, 237, 245, 265, 266, 272, 277, 286, 287, 308
 Топорков А.Л. 148, 192, 324
 Трегубова М.А. 308
 Трегубова М.С. 251, 299
 Трофимова Р.А. 158, 167, 169, 230, 308
 Трубачев О. 104
 Трубачева Н.И. 229, 282, 287, 288, 299, 308
 Тупикина Л.А. 308
 Уинтертон П. 51
 Уланова Н.А. 308
 Устинова Л.А. 308
 Устич Л.Г. 308
 Утенков А.М. 63, 128, 172, 241
 Утехин И. 212, 324
 Фалалеева (Ильина) Л.А. 6, 18, 101, 228, 233, 235, 262, 29, 308, 324
 Федорков В. 300
 Федосеев В.И. 88, 308
 Федченко В.Ф. 207, 210, 309
 Феклистова А.В. 69, 133, 248, 264, 309
 Филиппов С. 8, 9, 54, 57, 58, 243, 309
 Фицпатрик Ш. 146, 324
 Фокина Л.М. 95, 196, 309
 Фомина О.В. 147, 324
 фон Маншгейн Э. 47
 Франк А. 32
 Хабермас Ю. 15
 Хайдеггер М. 69

Ханова А.П. 98
Харин Ю. 8, 328
Харина М.И. 309
Хейзинг Й. 129, 130, 134, 324
Хельбек Й. 23, 301
Хижнякова С.Б. 134
Хлынина Л. 87
Хлынина Т.П. 2, 6, 7, 10, 14, 17, 26, 29, 106, 119, 148, 159, 191, 199, 209, 228, 300, 302, 316, 317, 324
Холлобина Л.С. 13, 71, 73, 313, 315, 318, 324, 325
Храмов 50
Хризман Э. 124, 302
Хромова К.И. 71, 329
Цивилева Т.В. 69, 90, 95, 170, 173, 197, 233, 264, 275, 277, 280, 309
Цимбалистова Н.Д. 25, 329
Цыбуленко А.В. 132, 329
Цымбал Л.М. 11, 325
Чабалова А.В. 309
Чабанова А.Н. 71, 325
Чебаненко Т.Г. 235, 239, 309
Чебанов С. 328
Чекунов Г.В. 281, 309
Чекунова В.И. 198, 299
Челобеева М.М. 68, 276, 309
Черевичкин В. 8, 328
Чередникова М.П. 125, 325
Черкасова А.М. 52, 168
Черник С.А. 104, 325
Черноиваненко Л.И. 309
Чернышева М. 71, 325
Чернышов Ю.Н. 224, 233, 243, 283, 287, 288, 299, 309
Чиждова Я.Ф. 6, 222, 298
Чубаровой Ю.Ф. 297
Чутунцова Н.А. 317
Чудаков А.П. 153, 154, 329
Чуев И. 52, 328
Чуйков В.И. 46, 58, 160
Чулкова М.Е. 88, 171, 208-211, 216, 217, 309
Чумаков Г.В. 326
Чучелин Г.А. 10, 326
Чуянов А.С. 44, 111, 149, 263, 302
Шабунин И.П. 77
Шавловская Н.А. 6, 227, 298
Шаповалов С.Н. 217, 326
Шапошникова П.Ф. 105, 158, 167, 268, 269, 309
Шарашкин В.П. 134, 299, 309
Шаталова М.Г. 181, 214, 215, 235, 309
Шахназарян Н.Р. 326
Шахов С.С. 8, 302
Швейбиш С. 257, 326
Шестакова А.Д. 6, 280
Шиморянова Л.А. 309
Шишкова Л.Ф. 227, 230, 299, 309
Шматко Н.А. 147, 311
Штрекер К. 48
Шумилов М.С. 46
Шутова К.К. 6, 239, 242, 264, 278, 298
Шюц А. 15
Шавелев С.П. 315
Щаденко Е.А. 51
Щеглова С.Н. 326
Щербинин П.П. 326
Эльконин Д.Б. 205, 326
Юрльшкина В.А. 309
Юрчук И.В. 10, 13, 316, 326
Юсупова Л.Н. 13, 17, 18, 326
Яковлева А.Н. 300
Ямщикова Л.В. 298, 309
Яркина Т.Ф. 4, 326
Ярмузина В.И. 309
Ярушина Л.В. 11, 326

Рыблова Марина Александровна
Кринко Евгений Федорович
Хлынина Татьяна Павловна
Архипова Екатерина Владимировна
Курилла Иван Иванович
Назарова Марина Петровна

ДЕТСТВО И ВОЙНА:
КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ,
МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ И ПРАКТИКИ
ВЫЖИВАНИЯ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на материалах Сталинградской битвы)

Редакторы: *М.И. Мультанова, Н.В. Никитина*
Компьютерная верстка *Г.В. Подшиваловой*

На обложке использована фотография: Ученики в разрушенной школе Сталинграда.

Подписано в печать 04.11.2015. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.
Физ. печ. л. 21. Тираж 400 экз.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8
Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10
Тел.: +7(8442)72-68-40